

Цена 3 руб.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
Москва, М. Черкасский пер., 3/4.

Открыт прием подписки

— Н А —

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

,,ПОД ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА“

Орган воинствующего материализма.

Основная задача журнала—защита ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Журнал выходит под редакцией А. М. Деборина, Н. А. Карева, В. И. Невского, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова.

В журнале принимают участие все лучшие силы марксизма и ленинизма, к участию в журнале привлекаются ученые, стоящие на материалистической точке зрения.

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:

- 1) Ленин и ленинизм.
- 2) Актуальные проблемы философии диалектического материализма.
- 3) Исторический материализм.
- 4) История материализма.
- 5) Новое в естествознании.
- 6) Статьи по вопросам теоретической экономики.
- 7) История социализма.
- 8) Вопросы литературы, искусства в материалистическом освещении.
- 9) Трибуна.
- 10) Отдел переписки с читателями.
- 11) Библиография.

Журнал рассчитан на активных работников партии, преподавателей и учащихся комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

НЕПРИНЯТЫЕ РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 48. ТЕЛ. 1-21-16. Кремлевский 390.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на месяц—1 р. 50 к.; на 3 мес.—4 р. 25 к.; на 6 мес.—8 р.

Повышение означенных цен немыслимо, то есть было ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:

Главная контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТА“

МОСКВА, М. Черкасский, 3/4.

Подписка принимается также и в отделениях Издательства.

ГУБЕРНСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ „ПРАВДЫ“ И „БЕДНОТА“

Ленинград Проспект 25 Октября, 82. — Харьков, площадь Тевелева, 17.

Артемовск — Площадь Свободы, 15. Баку — Улица Зевина, 11. Воронеж — Проспект Революции, 31. Екатеринодар — Проспект Карла Маркса, уг. Московской. Киев — Улица Ленина, 26. Краснодар — Красная, 31. Коломна — Ул. Ленина. Аугуст — Улица Ленина, 43. Н.-Новгород — Улица Свердлова. Одесса — Улица Ленина, 5. Ростов н/Д — Улица Энгельса, 51. Саратов — Улица Республики, 27/31. Свердловск — Улица Малышева, 24. Смоленск — Советская, 18. Ставрополе — 1-я Линия, 39. Таганрог — Улица Ленина, 23. Тифлис — Дворцовая, 6. Тула — Площадь Коммунаров, 31. Ярославль — Дом Крестьянина.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН СОЕДИНЯЙТЕСЬ

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 6

ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“

МОСКВА—1926

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОД
ЗНАМЕНЕМ
МАРКСИЗМА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ
И ОБЩЕСТВ.-ЭКОНОМ. ЖУРНАЛ

№ 6
ИЮНЬ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ „ПРАВДА“
МОСКВА—1926

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1 Фридланд. — М. Бакунин о Коммуне 1871 г. (к 50-летию со дня смерти)	5
—	
2 Франкфурт. — Г. В. Плеханов о психофизической проблеме	37
1 Сорабликов. — Как иные товарищи творят ревизионизм	61
1 Столляр. — Философия «качества» и качество философии некоторых механистов	76
—	
2 Европин. — Естествознание и классовая борьба	108
1 Цимми. — Развитие воззрений на природу света	137
2 Бальман. — К вопросу о случайности	153
—	
2 Карпотин. — Классовые и методологические основы социологии Тарда . .	158
1 Борзенко. — Крестьянство как класс в работах Маркса и Энгельса . .	179
—	
1 Дацковский. — Абстрактный труд и экономические категории Маркса .	196

Библиография.

1 Розанов. — Литература о французских материалистах XVIII века . .	220
1 Б. — Диалектика в природе	235
2 Сарин. — Недиалектический анализ советской экономики	241

М. Бакунин о Коммуне 1871 года.

(К пятидесятилетию со дня смерти).

Д. Фридланд.

I.

К 1870 году в рядах Международного Товарищества Радикального бакунизма противостоял марксизму. Франко-прусская война и Парижская Коммуна окончательно подвёли Интернационал к расколу. Различная оценка грандиозных событий 1848—1871 г.г. блестящее доказала, что речь идёт не о тонкостях методического анализа, а о двух революционных мировоззрениях, о двух программах практического действия. Это было противоречит то обстоятельство, что и бакунизм и марксизм равно взяли на себя ответственность за Коммуну. Правда, так, как бланкисты, т. е. отнюдь не солидаризируясь с капитуляцией поступком правящей Коммуны, но в смысле исторической ответственности: «как бы ни кончилось дело непосредственно в этот раз, новый исходный пункт всемирно исторической истории все-таки завоеван»¹⁾. Бланкисты, в своем манифесте 1848 г., обявляя себя агентами, коммунистами и революционерами, писали: «Мы несем на себе нашу долю ответственности за суд правосудия, которые поразили врагов народа... Мы признаем свою долю ответственности за те пожары, которые уничтожили орудия монархических и буржуазных притеснений или уничтили защитой сражавшимся»²⁾. Но Энгельс высмеял их и уверил критически относиться к движению Парижа: «Мы делали много такого, чего лучше было бы не делать,—писал он,—и не сделали много такого, что лучше было бы сделать,—и потому дело шло плохо»³⁾. М. Бакунин в своей оценке Коммуны не был ее апологетом. В незаконченном отрывке о Ком-

¹⁾ Письмо К. Маркса Кугельману от 17-го апреля 1871 г.

²⁾ См. текст манифеста «лондонских изгнанников» в приложении к книге Шапель: «Коммуна».

³⁾ О «программе коммунаров-бланкистов»,—ст. Ф. Энгельса. См. сборник франц. яз. «Статьи 1871—1875 г.г.».

муне он писал: «революционный социализм только что сделал политику первого блестящего практического выступления»¹⁾, он в своем споре с Мадзини широко развернул знамя «славного и богатого опытом восстания Парижской Коммуны»²⁾, но в то же время предостерегал своих друзей от полной солидарности с деятельностью Коммуны, с каждым ее актом. В его письме Д. Гильому мы читаем: «Недавно получили письмо Росса... Я усиленно побуждал его писать свой дневник, наиболее подробный и сурово правдивый. Мы его переведем, раньше всего для intimных друзей, потому что всю правду не подобало бы сказать публично: мы не будем уменьшать значения этого огромного факта, Коммуны, и мы будем защищать ее до крайности, защищать даже якобинцев, которые погибли при ее защите»³⁾. Во многих письмах М. Бакунина своим друзьям и косвенно в его работах по вопросам теории революции, о чем речь ниже, мы найдем указание на то, что он, подобно Марксу и Энгельсу, критически расценивал опыт Коммуны. Не апология, но историческая оценка ее сыграла решающую роль при разработке основных взглядов Бакунина.

Заметим, что на 1870—1871 г. г. падает особенно продуктивная литературная деятельность М. Бакунина. Мы оставляем в стороне оживленную переписку этих лет. В письме Огареву от 11-го августа М. Бакунин сообщает, что за последние три дня он написал 23 длинных письма. В дальнейшем переписка возвращася; письма, статьи, речи и работы этих лет представляют огромный материал, только частично нам в Москве доступный. Осенью 1870 г. появилась брошюра: «*Lettre à un Français sur la crise actuelle*», в мае 1871 г. «*L'Empire Knoutogermanique et la Révolution Sociale*», позже незаконченная работа — «*La Commune de Paris et la notion de l'Etat*», затем выступление против Мадзини: «*Послание моим итальянским друзьям*» и т. д. «Государственность и анархия» (1874), — этот итог предшествующей борьбы с марксизмом имеет безусловно центральным обектом своего анализа события 1870—1871 г. г., хотя о них в книге речь идет лишь попутно⁴⁾.

К. Маркс в эти годы проявлял не меньшую активность. В своем письме Франкелю и Варлену он указывает, что написал «несколько сот писем во все углы и концы света, где у нас имеются связи»⁵⁾. К сожалению, мы не знаем пока этой

¹⁾ М. Бакунин, «Парижская Коммуна и понятие о государственности». Избранные сочинения М. Бакунина, т. IV. Изд. «Голос Труда».

²⁾ М. Бакунин, «Послание моим итальянским друзьям». Избран. соч., т. V.

³⁾ Цит. по книге J. Guillaume: «*L'internationale—Documents et Souvenirs (1864—1878)*», т. II, ch. IX, p. 156.

⁴⁾ Макс Неттлау, «Жизнь и деятельность М. Бакунина», пер. с немецк.

⁵⁾ Письмо от 13 мая 1871 г.

части богатейшего литературного наследства Маркса, но мы можем со всей категоричностью утверждать, что практическая и литературная деятельность Маркса в эпоху франко-прусской войны и Коммуны служит только логическим завершением и применением революционных принципов автора, сложившихся у него еще до 1870 года. Не даром он по основному вопросу о «государстве типа Коммуны» в письме Кугельману заявляет: «если ты заглянешь в последнюю главу «18-го Брюмера» и т. д.»¹⁾. Для М. Бакунина события этих лет имели, однако, решающее значение. На базельском конгрессе (1869) и тотчас после него бакунизм в основном был намечен, но он развернулся во всю ширь лишь в «Письмах к французу», в Швейцарской империи и в ответе Мадзини. Теперь он оформился, приобрел определенность. Правда, литературные работы Бакунина скорее блестящие «варианты» на основную тему, но его бесконечные отступления дают нам возможность установить взгляды автора по различным вопросам философии, экономики и политики. Его работы, несмотря на всю анархию их построения, поразительно богаты содержанием.

Нет сомнений, агитация М. Бакунина, —агитация словом и делом в 1871 году под влиянием Коммуны, — стала поразительно активной. С этим мнением Меринга нельзя не согласиться²⁾. Коммуна вскрыла невозможность сотрудничества марксизма и бакунизма, поскольку она подняла Интернационал на небывалую высоту и возбудила между отдельными течениями его спор о праве пользоваться достигнутыми результатами Коммуны³⁾. В этом смысле события 1870—1871 годов разрешили исторический конфликт двух течений — конфликт, который начался еще в 1865 г. в рядах Международной Ассоциации между Марксом и всеми «перекликами прошлого». Нам кажется очевидным, что в последней стадии спор этот сконцентрировался вокруг двух вопросов: о месте английского рабочего движения в рядах интернациональной ассоциации и об отношении к национально-единительному и освободительному движению Ирландии, Германии и Италии. Теоретические споры о «боге и государстве» были обоснованием политической линии двух враждебных течений. Для Маркса Англия, как метрополия капитализма, была рычагом грядущей социальной революции пролетариата, чьи мощные экономические организации, вступив на штурм политической борьбы, создадут тот субъективный фактор, отсутствие которого обясняет нам неудачи революционной партии в Европе. Национально-освободительное движение в то же

¹⁾ Письмо от 12-го апреля 1871 г.

²⁾ Ф. Меринг, «Карл Маркс», стр. 387.

³⁾ Письмо Энгельса Зорге от 12 и 17 сентября 1874 г.

время есть предварительная школа грядущей революции. Даже в случае невозможности революционного разрешения национального вопроса, положительный исход об'единительного движения устраивает, по мнению Маркса, моменты, затемняющие классовое самосознание, способствует централизации рабочего движения, а в случае революции или войны ослабляет скрепы существующего общества и, следовательно, облегчает пролетариату борьбу с ним. Вот почему Маркс огромное значение придавал движению фениев в Ирландии¹⁾. Следовательно, еще до тех пор, пока Маркс сформулировал свою мысль о перенесении центра тяжести европейского рабочего движения из Франции в Германию, что было результатом уроков 1870—1871 г.г., марксовская формула о гегемонии английского рабочего движения была в основном неприемлема для Бакунина. И не без серьезных логических оснований. Марксизм представлял деятельность Интернационала, как борьбу с сектантством, следовательно, как классово-политическое движение. Из разбросанных повсюду экономических движений рабочего класса, по Марксу, вырастает политическое движение. Оно вырастет «только в том случае, когда выступит во всеобщей форме,—в форме, обладающей всеобщей общественно-принудительной силой», т.-е. классовое движение пролетариата сможет окончательно сформироваться только в долгих и упорных схватках, пройдя школу упорной политической борьбы²⁾. И совершенно понятно, почему для Маркса именно с этой точки зрения неприемлема была мысль о буржуазных движениях и партиях, как о «единой реакционной массе», хотя он резко отделял себя от всяких «радикалов», как он это блестяще формулировал позже, в одном из писем Кугельману, предупреждая от уподобления Коммуны мелкобуржуазным демонстрациям «à la 13-е июля 1848 г.»³⁾. Чтобы не было в дальнейшем недоразумений, заметим, что для Маркса эпоха I Интернационала была эпохой переходной,—эпохой организации, сплочения классовых сил, идеологического очищения, но не непосредственного «штурма небес». Правда, в письме Кугельману от 28 декабря 1862 г. мы читаем: «Очевидно, мы идем навстречу революции,—в чем с 1850 г. я никогда не сомневался. Первый акт будет заключать в себе далеко не отрадное повторение глупостей 48—49 г.г....». Но в основном курс его политики в эти годы, не в немедленной разработке программы революции, а в организации армии для грядущей революции. М. Бакунин накануне 1870 г. резко отгораживал себя в понимании как задач, так и «сроков» движения

¹⁾ Блестящий анализ ирландского вопроса у Маркса и Энгельса в письмах от 23-го мая 1856 г., 30 ноября 1867 г., 29 ноября 1869 г., в письме Ген. Совета Инт-ла Женевскому К. Романским секции от 1 января 1871 г.

²⁾ Письмо Больтке от 23 ноября 1871 г.

³⁾ Письмо от 17 апреля 1871 г.

и К. Маркса. Необходимость длительной организации и подбора людей стала до очевидности ясна Бакунину, как мы это увидим ниже, после сентябрьских событий 1871 г. в Лионе. Это не значит, что сама проблема ему раньше была чужда, но он несколько иначе формулировал раньше мысль о «самоорганизации класса». В одном из писем А. Ришару в марте 1870 г. Бакунин писал: «Воздержаться от всякого участия в буржуазном радикализме и сорганизовать вне его силы пролетариата. База новой организации имеется уже налицо: это—мастерские и союзы мастерских; создание касс сопротивления, то есть орудия борьбы против буржуазии, и их об'единение, не только национальное, но и интернациональное, создание, по примеру Бельгии, камер труда. А когда час революции пробьет—ликвидация буржуазного государства и общества вместе с его юридическими отношениями. Анархия, т.-е. подлинная, открытая мирная революция: анархия юридическая и политическая—экономическая организация снизу доверху и от периферии к центру торжествующего мира трудящихся. А для того, чтобы спасти революцию, чтобы привести ее к благополучному завершению—в самой среде этой анархии действие коллективной диктатуры, не видимой, не облеченней никакой властью, но тем более естественной и могущественной,—естественное действие всех революционеров—социалистов, энергичных и искренних, рассеянных по всей поверхности страны, по всем странам, по крепко связанных единой мыслью, единой общей волей. Такова, дорогой ми, единственная, на мой взгляд, программа, смелое проведение которой приведет не к новым разочарованиям, а к окончательному торжеству пролетариата»⁴⁾. Ту же мысль Бакунин выразил еще раньше в своей речи на втором конгрессе Лиги Мира и Свободы, где он об'явил себя врагом коммунизма и сторонником колективизма, отрицающего власть и опеку, даже во имя «улучшения человеческих нравов и цивилизации». И понятно, почему в оценке Коммуны Бакунин должен был дать нам нечто диаметрально-противоположное тому, что дали Энгельс и Маркс. Посмотрите на Парижскую Коммуну—это была диктатура пролетариата, гласят последние строки знаменитого предисловия автора к «Гражданской войне во Франции». «Я—сторонник Парижской Коммуны,—писал Бакунин,—в особенности потому, что она была смелым ясно выраженным отрицанием государства»⁵⁾. Для Бакунина «диктатура пролетариата» лишь одна из форм ненавистной опеки и власти. Диаметрально противо-

⁴⁾ Письмо опубликовано В. П. Полонским в журнале «Печать и Революция» № 1 за 1926 г.

⁵⁾ М. Бакунин, «Парижская Коммуна и понятие о государственности», с. 259, т. IV.

положные выводы Маркса-Энгельса и Бакунина коренятся не только в их революционном мировоззрении, но и в совершенно определенной оценке исторической эпохи.

Для Маркса шестидесятые годы были годами созиания классовых сил, отсюда максимальная осторожность в постановке вопросов непосредственной революционной практики. Для Бакунина возможность реализации идеала открывалась в каждом народном возмущении и отсюда заостренность его политики, его постоянная боевая готовность. Но именно поэтому в его оценке франко-пруссской войны и особенно Коммуны 1871 г., в его анализе движущих сил этого движения есть многое такое, что может в наше время быть повторено и что составляет решающую часть революционной программы пролетарского авангарда. При ближайшем рассмотрении вопроса мы найдем достаточно убедительные доказательства тому, что мы для краткости попытались сформулировать предварительно.

II.

Начало Коммуны, собственно, относится к лету 1870 г., в началу франко-пруссской войны; республика 4-го сентября с ее правительством «национальной измены» — второй этап предварительной истории Коммуны. Революционное восстание в провинции (Лyon, Marsель) было уже генеральной репетицией 18-го марта. Нам кажется целесообразным, даже в кратком очерке, проследить отношение М. Бакунина к каждому из указанных выше этапов революционной истории Франции 1870—1871 г.г.

Бакунисты любят говорить о шовинистической позиции К. Маркса в первые недели франко-пруссской войны. Но даже Гильом цитирует характерное для Маркса утверждение: «Кто привел Германию к необходимости обороняться. Кто дал возможность Луи Бонапарту вести войну против Германии?»¹⁾. Первый манифест М. Т. Р. тем самым, говоря об оборонительном характере войны со стороны Германии, категорически отклоняет шовинистическую позицию. Речь шла об оценке роли и значения национально-объединительного движения Германии. Заметим, что бакунисты в этом вопросе заняли своеобразно «анти-немецкую» позицию. «Solidarité» в статье от 6 августа нравоучительно заявляла, что для немецких рабочих патриотические чувства выше социализма. Подчеркивая значение манифеста Брауншвейгского комитета, бакунисты справедливо ironизировали над лозунгом «Да здравствует Германия! Да здравствует интернациональная борьба пролетариата!» и дружески замечали: «это нехорошо, братя

¹⁾ См. первый манифест М. Т. Р. в приложении к брошюре К. Маркса «Гражданская война во Франции»; J. Guillaume, «L'internationale».

немцы»²⁾ и превозносили Францию. Обостренное германофобство, как известно, характерно и для М. Бакунина, оно своеобразный лейтмотив его политики в 1870—1871 г.г. Для Бакунина характерно стремление персонифицировать идею и его боевой темперамент, его глубочайшая вера в природный инстинкт заставляли его часто доводить идею до «логического» конца, до утверждения, что немцы всегда в истории были народом рабов и тиранов. Смешно было бы думать, что мы имеем здесь дело с вульгарной германофобией. Здесь персонифицирован юнкерское государство: дворянский феодализм, который в'елся в современное устройство Германии, абсолютизм, раболепство немецкой буржуазии, терпение народа и, наконец, могущество Пруссии. Но констатированный факт стал ключом исторического анализа, даже в деле установления революционной тактики, и М. Бакунин без всякого основания, но в духе своей системы, замечает в «Кното-германской империи»: «появление было бы гораздо более достойным прекрасного немецкого патриота, каков, несомненно, г-н К. Маркс, и к тому же полезнее для народной Германии, если бы вместо защиты национального тщеславия он показал бы, как Германия воспитала в себе все элементы своего роста»³⁾. Но утверждение это построено было на странном неопинчании того, что Маркс писал о Пруссии. Кратенькое письмо Маркса Энгельсу от 26 сентября 1868 г. разрушает все здание бакунистических утверждений. Маркс говорит о немцах, как о «расе феодатически-дрессированной», которой необходимо пройти школу самопомощи, и о немецких рабочих, которым следует отучиться от повиновения начальству... Но сущность разногласий по вопросу об отношении к войне 1870 г. была не в германофобстве или германофильстве, а в оценке национально-объединительного движения шестидесятых годов. М. Бакунин в «Письмах к французу» занял в этом вопросе ясную позицию: «Я вовсе не националист. Я даже ненавижу всей душой т. н. принцип национальностей и рас, который выставил Н. III, Бисмарк и русские императоры»⁴⁾. Он издевается над стремлением части (курсив М. Б.) народных масс Германии создать единство, страш, которая будет могилой их надежд, и отнюдь не стремится к сохранению Франции, как «великой политической державы»⁵⁾. Этому же вопросу он посвящает много внимания и в «Кното-германской империи» и, наконец, в «Послании к итальянским друзьям» (после падения Коммуны) со всей очевидностью показывает, что «национальное объединение» тождественно усилению

¹⁾ J. Guillaume, ibid., t. II, ch. IV.

²⁾ «Кното-германская империя и социальная революция», т. II, стр. 106—107.

³⁾ «Письма к французу», т. IV, стр. 216.

⁴⁾ «Послание моим итальянским друзьям», т. V, стр. 184.

государства, а, следовательно, факт исторически-реакционный. Мадзини писал: «Интернационал нацию заменяет Коммуной». Бакунин разоблачает ложь великого итальянца, ложь «отечества и нации», что означает только господство меньшинства над большинством, господства «трех наций»: духовенства, Consoreteria, т.-е. крупной буржуазии и дворянства, средней буржуазии над «двумя нациями»—рабочих и крестьян. Народные массы чужды идеи патриотизма: они любят свою родину, а не государство. «Народный патриотизм ничего общего не имеет с политическим патриотизмом». Национальность—факт, но не принцип, мы можем ее уважать, но не можем за нее бороться. Отдельные части Италии не должны быть обединены в единое государственное целое потому, что самостоятельность отдельных частей страны коренится в своеобразии нравов обычая, языка и, наконец, традиций. Тессин об'единится с Ломбардией, если у них обнаружится сходство интересов; они останутся раз'единенными, если нет этого сходства. Нельзя устанавливать принудительной связи между провинциями, потому что каждая из них имеет право на бунт против государственного единства. 25 миллионов итальянцев не нуждаются в политическом единстве, так как государство—абстракция единства. Но и Бакунин в своей борьбе с принципом национального об'единения идет дальше. «Истинно народная организация,—пишет он в том же послании итальянцам,—начинается снизу, с товарищества и коммуны». Областной федерализм аристократичен, федерализм коммуны—социалистическая организация, организация безгосударственная¹⁾.

Очевидно, что в этой оценке национального об'единения шестидесятых годов, столь резко отличного от марксистской трактовки вопроса, мы имеем также ключ к пониманию разногласий в оценке войны 70-го года, как и политики рабочего класса после 4-го сентября. Маркс не был националистом. Отечество, как и нация, были для него только фактами, но он исходил из того положения, что все, что централизует буржуазию и рабочее движение, способствует революции. «Империя создана, т.-е. германская империя,—читаем мы в письме Маркса к Энгельсу от 8 августа,—так или иначе, хотя и не тем путем, какой предполагался. и не так, как мы это представляли себе. Повидимому, все плутство со временем второй империи вело в конце концов к выполнению национальных задач 1848 г.—Венгрия, Италия, Германия». Мы знаем, что для них это об'единение было революцией, правда, жалкой революцией, использованной реакционерами, но все же революцией²⁾. Историческое значение совершившегося об'едине-

1) Ibid., стр. 193.

2) Письмо Энгельса Бебелю от 18 ноября 1884 г.

ния они видели в том, что оно освобождает немецкий пролетариат от вечной склоки из-за восстановления немецкого единства. Победа бонапартизма укрепила бы реакцию в Германии и Франции на целые десятилетия, но победа Германии неизбежно ввлекла за собою крах Империи и одновременно создание централизованного буржуазного государства, а, следовательно, рабочего движения. Правда, за спиною Германии видна Россия, правда, победа буржуазного государства открывает ужасные перспективы грядущей войны... но у пролетариата нет сил помешать совершающемуся.

М. Бакунин, устраяя момент национально-освободительного движения, выдвигал, как авангард реакции вместо России, Германию. Он в «Кнутово-германской империи» доказывал, что последняя сыграла свою роль душителя свободы при поддержке и исключительной помощи Пруссии. Характерно, что Бакунин отождествляет Пруссию и Германию, характерно, что он забывал о «вольных» устремлениях демократов южных государств Германии и говорит исключительно о Мюнхене государственности, о ингерской Пруссии. Но он и не ищет в Германии материала для своих теорий: ненависть к «немецкому коммунизму», к его «историческим софизмам» заслоняет ему понимание исторического процесса. Все надежды М. Бакунина направлены на Францию.

Карл Маркс в своей частной переписке в весьма откровенных выражениях бичевал «французский мессионизм», нелепое убеждение, «что Франция—единственная страна идей». Он вел решительную борьбу против торжествующего во Франции «рееспубликанского шовинизма» и рабской преданности идеям 1793 г. Мы привыкли много говорить о расцвете социализма в годы II Империи, но мы слишком часто забываем, что в последние «роки» Наполеона—французское революционное движение было густо окрашено якобинизмом. Маркс в интересном письме Кугельману от 3 марта 69 года отмечает: «парижане снова начинают прямо-таки штудировать свое недавнее революционное прошлое, чтобы подготовиться к предстоящей новой революционной борьбе». Но интересовались и далеким прошлым. Верморель пишет «Деятели 1848 года», он публикует работы Марата; Трифон пишет «Жиронда и жирондисты», во Франции штудируют Гебера, Робеспьера: возрождается культ героев Великой Революции. Якобинская традиция заполняет умы, она в образе республиканца-шовиниста угрожает завоеваниям социализма. Мы увидим ниже, что эта опасность особенно сильно возросла после 4 сентября, но и до переворота она была грозной.

М. Бакунин с горечью думает о возможной победе Пруссии: «Возразите себе Пруссию, Германию Бисмарка, вместо Франции 1793 г., вместо той Франции, от которой мы все ждали, от ко-

торой мы еще ждем теперь почина социальной революции¹⁾). Но и он не желает государственной традиции великого переворота XVIII в., ему дорог санкюлот, но не якобинец. Он, как и Маркс, убежден, что вера в повторение чудес 92—93 г.г.—безумие. Тем более, что революционный энтузиазм тех лет погашен во Франции государством. Итак, выход из войны, который для Бакунина, как и Маркса, лежит по пути революции, не должен быть повторением прошлого: против буржуазного радикализма и якобинизма. Маркс полон сомнений в возможность победы народной революции во Франции. В письме Энгельсу от 8 августа он тревожно спрашивает, не означает ли новое крупное поражение французских войск реставрацию Орлеанов, найдет ли революция, если она даже победит во Франции, достаточно сил в себе, чтобы оказать Пруссии серьезное сопротивление? «Нельзя скрывать,— пишет К. Маркс,— правды—двадцатилетний бонапартистский фарс оказал страшное развращающее влияние. Едва ли можно рассчитывать на революционный героизм». Энгельс в ответном письме готов признать, что революционное правительство, если оно скоро явится, сможет при известных условиях оказать сопротивление²⁾. Но анализ конкретной обстановки тому и другому говорит о далеко не блестящих перспективах революции. И Маркс в известном письме Энгельсу от 20 июля, предполагая неизбежной победу Германии, пишет: «Перевес Германии перенесет центр тяжести западно-европейского рабочего движения из Франции в Германию»... Для Маркса это было победой теоретически и организационно более высокого типа рабочего движения, победой «нашей теории» над прудонизмом. Такова была почва реальных фактов и обективного исторического процесса... Но не таковы взгляды М. Бакунина. Блестящие «Письма к французы», быть может, психологически самое характерное произведение великого бунтовщика. Огромная эрудиция здесь подчинена единому революционному инстинкту и гениальная прозорливость бунтаря заслонена утопическими идеями. Потеряна историческая перспектива, но оставлена будущему великое множество идей и блестящих проектов. Исходный пункт рассуждений Бакунина: «При тех условиях, при каких Франция, находится в настоящий момент, она не может больше быть спасена обычными способами, выработанными цивилизацией, установленными государством. Она может избежнуть гибели только путем крайнего напряжения своих сил, если вся страна поднимется, весь французский народ восстает с оружием в руках»³⁾. От руководства борьбою должно

быть устраниено все старое поколение вождей: «все они политические деятели, государственные люди». Для буржуазного отряда их характерна готовность пожертвовать интересами отечества из-за страха перед социальной революцией; красные коммунисты—государственники, якобинцы и буржуазные социалисты—заключили молчаливое соглашение с первыми, чтобы помешать этой революции, пока враг будет находиться во Франции. И все это из-за веры и преклонения государству! Патриотизм губит Францию: «патриотизм якобинцев изменил Францию и погубил ее. Да, погубил, если социальная революция или немедленное народическое восстание французского народа не спасет ее». Затем, что Бакунин говорит о перспективах войны для Франции, как о смертельной опасности. Германская раса хочет низвергнуть Францию с ее высоты. В Германии—энтузиазм, решимость, во Франции—уныние и полнейший упадок сил: речь идет о жизни и смерти каждого француза. Что может спасти Францию? «Если бы тотчас же, как только получилось в Париже известие о французских поражениях, вместо того, чтобы обявлять осадное положение в Париже и во всех восточных департаментах, мобилизовали все население этих департаментов; если бы в обеих армиях сделали не единственное средство спасения, а за опорных пункта для громадной партизанской войны, войны рабочников и разбойниц, в случае необходимости; если бы вооружили всех крестьян, всех рабочих, раздав им косы, за неимением ружей; если бы обе армии, оставив в стороне свою военную гордость, вступили в братские сношения с бесчисленными партизанскими отрядами, которые образовались бы по призыву Парижа, чтобы оказывать друг другу взаимную поддержку,—тогда, даже без помощи остальной Франции, Париж был бы спасен или, во крайней мере, враг был бы задержан на достаточное количество времени, чтобы дать возможность какому-нибудь революционному правительству организовать громадные силы»¹⁾. Вопрос восстания стал, таким образом, для Франции вопросом «национально-исторической физиологии». И поэтому-то в первых фазах всесхватывающей революции она должна быть «дикой войной на ножах».

Революционер Бакунин анализирует конкретную обстановку и находит ряд условий, благоприятствующих этому взрыву народных страстей: банкротство радикальной буржуазии, крах государственного аппарата империи, распад Франции, как единого государства, и отсутствие центрального правительства в стране, где Бисмарк собирается короновать Вильгельма. Пусть Гамбетта с Тьером и Троши станут у власти, они не смогут разрушить бонапартистской администрации, они не смогут построить новой, с ними или против них революционные коммуны Франции

¹⁾ «Письма к французы», т. V, стр. 217.

²⁾ Ответное письмо Энгельса от 15 августа 1870 г.

³⁾ «Письма к французы», т. V, стр. 113.

⁴⁾ Ibid., стр. 133.

получат инициативу и освобождение от опеки и правительства. Коммуны образуют новую организацию страны для обороны. Париж потерял свое значение, как правительственный центр Франции. Претензии Парижа теперь ни на чем не основаны; провинция должна оказать сопротивление его требованиям: «Франция может быть спасена только восстанием провинции». Инициатива восстания должна принадлежать рабочим и крестьянам. Только они могут начать «полное страсти и энергии» анархическое, разрушительное и дикое восстание народных масс на всей территории Франции. Блестящие страницы «Писем» посвящены анализу роли крестьянства в революции и тех путей, которые ведут рабочих к завоеванию большинства среди него. Исходный пункт рассуждения Бакунина: «кто хочет торжества социальной революции, должен прежде всего разрешить этот антагонизм» (между рабочими и крестьянами). Рабочие обвиняют обычно крестьян в том, что они невежественны, суеверны и пажожны, что они преданы императору, что они ярые сторонники частной собственности. Но против крестьянских предрассудков лучшее средство агитация и пропаганда словом и делом. Разложить в действительности власть государства в деревне, избавить ее от «шишек» и нарядных бар: рабочий города и крестьянский сын должны быть властью. Пусть крестьяне перестанут платить налоги, пусть присвоют себе помечички земли. Их поддержка Н. III это—свообразное проявление социалистического ингингкта, это революция крестьянина, врага буржуазии и врага рабочего, поскольку последний слуга буржуа. Поменьше презрения к деревне, против героризма городов и их высокомерия к деревне! ¹⁾.

И, если оценка Бакуниным роли крестьянства в революции при свете событий Октябрьской революции нам кажется блестящей, то не забудем, однако, то, что в ней было отсталого и что является столь же специфически бакунинским. Крестьян легко будет поднять на восстание,—объясняет нам Бакунин,—потому что благодаря своей отсталой цивилизации или своему относительному варварству (курсив М. Б.) они сохранили свой темперамент и здоровые ингингкты народной души, они живут своим трудом, они братья рабочих и их разделяют только предрассудки. Он идет дальше и предлагае порвать окончательно с якобинскими традициями 92 года, даже в вопросе о направлении общественного строительства в деревне. Революционные власти города не должны навязывать деревне какую-либо организацию, не должны мешать развитию их автономной организации снизу вверх. «По какому праву,—спрашивает Бакунин,—рабочие навязывают крестьянам ту или иную форму правления или

¹⁾ Ibid., стр. 176—177.

экономической организации?» По праву революции? Но это означает только устранение всякой опеки и власти. Произвести деревенскую революцию, значит толкнуть крестьян к разрушению собственными руками существующего общественного порядка, а, следовательно, провозгласить анархию, т. е. гражданскую войну в деревне между отдельными социальными группировками сельского населения. «Гражданская война,— заявляет Бакунин,—раскроет широко двери в деревне для вашей социалистической и революционной пропаганды. Вы будете иметь в деревнях, повторю, еще раз, партию, чего у вас нет до сих пор, и вы сможете широко организовать там настоящий социализм, общество, построенное на наиболее полной свободе; вы организуете его снизу вверх, посредством деятельности самих крестьян, деятельности добровольной, но в то же время вызванной логикой вещей» ¹⁾). Гражданская война не ослабит способности к сопротивлению Франции, это единственный способ ее спасения.

Слабые стороны бакунинской постановки крестьянского вопроса очевидны: он не анализирует конкретной ситуации в связи сступенью капиталистического развития европейских стран; для него крестьянство в целом — революционная сила. Бакунин повторяет общепринятую в то время народническую трактовку крестьянского вопроса. Но для Маркса крестьянский вопрос был в ту эпоху вопросом классовой политики пролетариата в капиталистическом обществе.

Заметим, что Бакунин огромное значение придает рабочим, их вождям восстания, но при условии, если они «стягнут себя преступную инертность и возьмут в свои руки оружие...» И это ни странно, но письма отнюдь не отличаются безраздельным оптимизмом. Восстание необходимо, оно действительно может спасти Францию от смерти, Европу от реакции, но буржуазия предала страну, якобинцы и социалисты-государственники царапаются в хвосте за ними, рабочие инертны, крестьяне десятилетиями воспитывались в духе бонапартизма... Только народный ингингкт, отчаяние побудят крестьян и рабочих восстать, и «дикая война» спасет Францию. Надо только устраниТЬ все препятствия на пути. Правительство революционное или радикальное, даже либеральное, если ему близки идеи патриотизма, должно изолировать себя в Париже, оставить в покое провинции, объявить о своем нежелании и о том, что оно не в состоянии управлять страной, и тогда каждый из городов Франции возьмет почин обороны в свои руки ²⁾... Коммунализм Бакунина, таким образом, до 18 марта имел ряд своеобразных черт, отличающих

¹⁾ Ibid., стр. 188.

²⁾ Ibid., стр. 205.

Под Знаменем Марксизма.

его от обычных коммуналистических представлений во Франции. Коммуналистическое движение во второй империи было своеобразным протестом против ее централизации и бюрократии, это было политической демонстрацией промышленно-капиталистического города против «деревенщины», — своеобразным протестом незначительного слоя рабочих против давления крестьянской Франции, попыткой изолировать город, как коммунистическую ячейку грядущей революции, и противопоставить его деревне. Естественно, что в обычных коммуналистических представлениях Париж играл центральную роль. У Бакунина борьба с государством требовала во Франции ликвидацию центральной роли Парижа, его уравнение с десятками других городов страны. Одновременно коммунизм Бакунина рвал с «пролетарской изоляцией» коммунализма, искал путей к деревне, и это исторически ставит его на много голов выше всей прудонистско-коммунистической школы Франции. Коммунизм Бакунина имеет в себе элементы исторически-прогрессивные и революционные. Именно в этом пункте мы, марксисты, имеем теперь возможность признать бессмертные заслуги Бакунина в истории революционной мысли: он во весь рост поставил вопрос о роли крестьянства в революции и о его связи с движением городского пролетариата, хотя при разрешении этого вопроса допустил ряд грубых ошибок.

В «Письмах» Бакунин критикует германскую социал-демократию под углом зрения задач Французской революции¹⁾. Здесь не место анализировать эту часть одного из замечательнейших произведений революционной мысли XIX века. Отметим только, что Бакунин в пылу полемики без всякого основания приписал Марксу и Энгельсу ответственность за идею эйзенаховцев о «народном государстве». Из письма Энгельса Бебелю от 18 марта 1875 г., опубликованного через 35 лет, мы узнаем, что учигелям научного социализма было чуждо преклонение перед «народным» государством, как и перед государством вообще, т. к. «государство есть лишь переходящее учреждение, которым приходится пользоваться в борьбе, в революции...» Бакунин не мог, конечно, знать этого письма, но он не понимал духа марксизма, когда в книге «Государственность и анархия» заявлял, что Маркс — ученик Луи Бланя (!). Любопытно, что Бакунин обединял Маркса и Лассала также в вопросе об отношении к крестьянству. По его словам, они оба чуждались крестьянства и не понимали его значения, как революционной силы. Но дискуссия Маркса — Энгельса с Лассалем по вопросу о крестьянской войне XVI ст., в связи с обсуждением «Франца фон-Зиккингена», наилучшим образом доказывает, как не основательно было обвинение Бакунина в этом вопросе²⁾.

¹⁾ Ibid., стр. 217.

²⁾ «Государственность и анархия», т. I, стр. 201, 233.

Мы оставляем в стороне огромный вопрос о взаимоотношении Маркса — Энгельса и Бакунина, как членов Интернационала, 1870—1871 г.г., но в отношении специальной проблемы, франко-пруссской войны, одни исходили из реальной обстановки и пришли к весьма осторожной оценке возможного, другой разделил всю свою программу-максимум и гениально-прозорливые пришли к бунтаря, не учитывавшего конкретной обстановки, лишь частично остались идеальным наследием для будущих поколений, и не могли в свое время стать знаменем масс, идущих к победе.

III.

4 сентября Империя пала. Республика заняла ее место. торжествовала коалиция Гамбетта — Трошю — Тьер, — все те, кого иронично ненавидел революционер М. Бакунин. От буржуазного динализа больше нечего ждать: «от всех исторических великанов у него осталась лишь одна сила, сила богатства, основанного на эксплуатации труда». Ог союза с либералами проиграет все, то ничего не выиграет. Спасение в самом французском народе. Мужчины или евнухи рабочие? Социалисты-революционеры или доктринеры? Они должны дерзнуть во имя человечества. И пламенно звучит призыв Бакунина к французам: «патриотическое движение 1793 года ничто в сравнении с тем, которое вам придется поднять теперь, если вы хотите спасти Францию от рабства на 50 лет, от нищеты, разорения, унижения, боли. Итак, вставайте все, друзья, при пении Марсельезы, которая снова становившаяся сегодня законным гимном Франции, будто современным, гимном свободы, народным гимном, гимном человечества, ибо дело Франции, наконец, снова стало делом человечества. Актом патриотизма мы спасем всеобщую свободу, только бы восстание народа было всеобщим и искренним и шло под водительством не изменников, продавшихся или готовых прорваться либо пруссакам, либо Орлеанам, которые идут с ними, в народных вождях»¹⁾.

Духовно бакунизм созрел для восстания. Бакунин имел ясно, в основных чертах разработанные «планы» того, что надо делать до и после революции. Ее нужно было только совершить...

Маркс и Энгельс с трепетом ждали революции, и со всей ответственностью и ответственностью учителей пролетариата трезво считали шансы революции. Не дать разгромить Францию, не восторжествует реакция в Европе — такова была теперь основная задача; не допустить новой волны шовинизма, которая отбросит рабочее движение назад лет на 50. Французским рабочим

¹⁾ Письмо А. Ришару от 23 августа 1870 г.

сражаться против пруссаков бессмыслица; прусские солдаты, штурмующие бастионы французов, — отвратительная картина, — все это поставило бы социалистов в фальшивое положение: национальная ненависть и фраза может победить в рабочем классе¹⁾. В отдельных случаях учителя надеялись на сопротивление Франции, но юни твердо помнили, что правительство Франции узурпировало права революции и что оно само по себе не проявляет достаточной энергии. Вся надежда на революцию. «Есть ли в Париже хотя один человек, который осмелился бы только подумать, что в этой войне активная сила сопротивления Франции сломлена и что вместе с этим отпадает также и надежда на то, что можно будет вытеснить вторгнувшиеся войска путем революции. Я боюсь, что еще дойдет до этого как раз именно потому, что люди не хотят видеть действительного положения. Без участия рабочих, овладевших ими до свержения империи, теперь, конечно, изменится»²⁾. Оптимизму нет места в данной обстановке, революционная деятельность требует строгого учета сил и тщательной подготовки, и было бы нелепо немедленно призывать французских рабочих к выступлению до заключения мира. Организация сил — такова единственный задача момента. Маркс и Энгельс не переставая подчеркивают и пропагандируют свою мысль: воспользоваться существующей свободой, чтобы сконцентрировать все силы рабочего класса и быть готовыми к решительной битве. Такова была в общих чертах позиция Маркса и Энгельса до 18 марта. Эта программа отнюдь не была отрицанием революции, но она ничего общего не имела с традициями якобинизма, до мелочей возобновленного в 1870 г. французским бланкизмом.

Бакунину был чужд революционный «оппортунизм» Маркса, он рвался к восстанию и еще в письме к Ришару от 23 августа заявляет: «Если в 10 дней во Франции не разразится народное восстание, Франция погибла. О! Если бы я был молод, я не писал бы писем, я был бы среди вас»³⁾. Революция пришла, и даже бакунисты в первый момент встретили буржуазную республику сочувственно, отнюдь не выдвигая еще боевой программы. В приложении к № 22 газеты «Солидарность» был опубликован манифест, где бакунисты заявляли: «Республика провозглашена, французский народ стал господином своей судьбы... Французская Республика представляет свободу Европы. Монархическая Германия представляет деспотизм и реакцию. Необходимо, чтобы со всех сторон поднялись республиканцы на ее защиту»⁴⁾. М. Бакунин

спешит теперь во Францию. Он пишет своему другу Адольфу фонту 6 сентября, что его друзья социалисты-революционеры приглашают к себе. Он решается туда отправиться, чтобы сыграть свою «dernière partie». 14 сентября вместе с Озеровым и Ланкевичем он отправляется в Лион. Здесь царил еще беспорядок. Члены Ин-ла находились в растерянности, радикалы были у власти. Надо было действовать. 19-го Бакунин пишет Огареву: «Здесь так много работы, что голова идет кругом. Действительная революция еще не началась, но она грядет. Делается все для того, чтобы ее приготовить. Я играю большую роль и надеюсь увидеть в ближайшее время победу»¹⁾. Речь о победе анархии в стране, где только что пала империя, новое республиканское правительство не встречало еще сопротивления. Правительство «Национальной Обороны» не превратилось еще в правительство «Национальной Измены», но пошло в Париже, как и Лионе, назревали конфликты между изгоями и буржуазной властью. 24 сентября на огромном заседании Лиона под председательством рабочего, принял ряд резолюций решающего значения об отыскании ста тысяч муниципальных чиновников, о принудительном налоге на богатых, о передаче укрепленных мест города в руки национальной гвардии. На следующий день опубликована была и расклеена по городу красная афиша за подпись членов Центрального Комитета Спасения Франции, в том числе Бакунина, где в раздраженном виде объявлена была программа переворота. Переворот назначен был 26 сентября, но произошел 28-го²⁾. Бакунин с радостью и гордостью в письме Огареву от 25 сентября заявляет о том, что посылаемая ему афиша свергает все власти, которые находятся в владычестве. «Эту ночь мы идем арестовать наших главных врагов; завтра последняя битва, и, мы надеемся, — победа»³⁾. Воззвание ЦК Спасения Франции, таким образом, всецело выражает принципы Бакунина, и Маркс был прав, когда когда возложил на него ответственность за восстание. Конечно, это не значит, что он несет ответственность за поражение; но лионская Коммуна была безусловна духовным детищем Бакунина. Мы не будем приводить целиком этот любопытнейший документ торжествующего бакунизма. Вот его основные пункты: «Гигантское положение, в котором находится Франция, бессилие официальной власти и безразличное отношение привилегированных классов привели французскую нацию на край гибели... Сознание чрезмерности опасности и принимая во внимание, что

¹⁾ Ibid., p. 92.

²⁾ Бурже, «История Коммуны». См. прилож. к русск. переводу: «Коммунистическое движение 1871 г. в провинции».

³⁾ Цит. у Guillaume, ibid., p. 94.

¹⁾ Письма Маркса от 20 июля и 8 августа 1870 г.

²⁾ Письмо Энгельса к Марксу от 12 сентября 1870 г.

³⁾ Цит. по J. Guillaume, «L'Internationale», t. II, p. 81.

⁴⁾ Ibid., p. 83.

народное действие должно начаться без малейшего промедления, делегаты федеральных комитетов спасения Франции, обединившись в ЦК, предлагаю принять немедленно следующие постановления:

Статья 1-я. Вся административная и правительственные машина, олицетворяющая государство и доказавшая свое бессилие, уничтожается. Французский народ становится хозяином своей судьбы...

Статья 4-я. Государство, будучи уничтоженным, не имеет более права вмешиваться в дела долговых обязательств между частными лицами...

Вместо муниципальных учреждений, повсюду в коммунах создаются Комитеты Спасения Франции.

Статья 6-я. Каждый Комитет Спасения Франции, находящийся во главе департамента, посыпает из своей среды двух делегатов в революционный Комитет Спасения Франции.

Этот Конвент собирается в Лионе¹⁾.

В программе лионской коммуны имеются все элементы для образования революционного правительства, хотя первый пункт ее и гласит: «государство отменяется за ненадобностью». История не дала нам даже краткой возможности посмотреть, как осуществлялась бы эта программа в жизни. Восстание не удалось. По словам Бакунина, его сорвало предательство командующего войсками Клюзере, нерешительность революционеров там, где следовало принимать энергичные меры, и двусмысленность поведения А. Ришара. В письме другу своему Palix'у Бакунин подводит итоги этому печальному исходу блестящих надежд: «Мне нечего больше здесь делать. Я приехал в Лион бороться рука об руку с вами и если нужно умереть с вами. Я приехал сюда потому, что для меня очевидно, что после фактического и действительного разрушения всей административной и правительственной машины, главная роль принадлежит непосредственному и революционному выступлению самого народа, которое одно может спасти Францию... Вчерашнее движение, если бы оно восторжествовало, могло бы стасти Лион и Францию... Я покидаю Лион, дорогой друг, с сердцем полным печали и мрачных предчувствий. Я думаю, что будет сделано с Францией... Она станет немецким вице-королевством. Вместо французского социализма, живого и реального, мы будем иметь доктринерский социализм немцев, которые не скажут ни одного слова больше того, что позволят сказать им прусские штыки. Бюрократическое и военное умение Пруссии, соединенные с царским кнутом петербургского правительства, обеспечат спокойствие и порядок, по меньшей

¹⁾ Ibid.

мере, на 50 лет на всем континенте Европы. Прощай свобода, прошай социализм, справедливость для народа и торжество человечности. Все это могло бы быть; все это было бы, если бы французский народ и лионские рабочие захотели осуществить это»¹⁾.

Нет сомнения, прав был Маркс, когда в брошюре, посвященной Альянсу (1873), зло высмеял лионское восстание, где, по его словам, декретированное Бакуниным уничтожение государства пришло странный оборот: «государство, в виде двух отрядов буржуазной национальной гвардии, вошло в дверь, которую забыли запереть, и очистило залу, заставив Бакунина сорваться в обратный путь, в Женеву». Гильотин может отрицать частности марксовой характеристики лионского восстания, но нет сомнения, что он был прав в основном, в оценке бакунинских методов революции: предварительной «отмены» государства.

Бакунин извлек некоторые уроки из неудачи 28 сентября в Лионе. Первый вывод, к которому он пришел в письме к Палью, это неизбежность победы немецкого социализма. Он этим отнюдь не хотел сказать, что следует прекратить борьбу с неизбежно побеждающим марксизмом. Второй вывод касается щенки буржуазии. В письме Bellerio от 8 октября, Бакунин формулирует это положение таким образом: «все то, что я видел здесь, мой друг, могло только меня укрепить в моем мнении о буржуа; они животные и канальи в такой степени, что даже трудно передать?»²⁾. Народ хочет бороться с пруссаками, буржуазия из-за страха передает народ Бисмарку. «Буржуазная революция» то же, что и «сухая вода». Ответственность пролетариата и революционеров растет...

Бакунин все еще активен: он жаждет битв и побед. Он удаляется в Марсель. Но здесь обстановка для восстания еще более благоприятна. Все зависит от поведения Лионца. Но Лион молчит. Бакунину приходится уезжать из Франции: его надежды разбиты. С большим напряжением читаешь письмо Бакунина Sentinel'у от 28 октября: «Эта страна более нереволюционна. Даже народ стал доктринером, резонером и буржуа». Франция могла спасти социальная революция, но народ не смог ее совершить. «Я покидаю эту страну с глубоким отчаянием... Прощайте все наши мечты на близкое освобождение...»³⁾. Пруссия и кнут России скоро восторжествуют: это будет ужасная реакция.

В конце октября Бакунин осел в Локарно и здесь занялся литературной деятельностью. Здесь начата была им «Кното-германская империя». Анархисты вообще проявили значительную

¹⁾ Ibid., p. 98.

²⁾ Ibid., p. 108.

³⁾ Ibid., p. 112.

литературную активность зимою 1817—1871 г.г. Они полны были серьезными, далеко идущими намерениями. Д. Гилььом писал Жуковскому: «Чувствуется потребность и необходимость в таком сочинении, которое явилось бы как бы противовесом «Капиталу» Маркса и было бы изложением революционной и анархической теории социализма»¹⁾, «Кното-германской империя» должна была заменить «Капитал», но это было не по силам Бакунину, который никогда не был блестящим теоретиком и писателем, хотя оставался великим бунтарем.

Лионские события положили свой отпечаток на содержание книги. Страстная ненависть к немцам и германскому коммунизму, озлобление потерпевшего поражение и жажда дальнейшей борьбы во имя тех же целей,—таков лейт-мотив книги. Бакунин больше чем когда-либо мечтает, что бес, наконец, вселится во французских рабочих, и что они во имя спасения Франции головы будут превратить ее в пустыню, лишь бы не сдать ее врагу: «...Взорвать все дома, разрушить и сжечь все города, разорить все, что так дорого буржуа: собственность, капиталы, промышленность и торговлю. Одним словом, превратить целую страну в одну огромную могилу, чтобы только похоронить пруссаков...»²⁾. Убежденный, что пролетариат Франции до крайности ожесточен, что буржуазия не может и не хочет возглавить народ во имя спасения Франции, Бакунин ищет причин, почему так медленно, до жестокости медленно, роет крот революции. Он выступает против фетиша демократии и парламентаризма. Критика этих богов буржуазного Олимпа составляет блестящие страницы «Кното-германской империи», как ни портят книгу общие рассуждения об отрицании всякой и в том числе революционной власти. Для Бакунина истина, что избирательное право, как бы ни было оно свободно, пустой звук там, где народ экономически порабощен³⁾). При всяческой политической свободе, в условиях эксплуатации, выборы будут «призрачными, антидемократическими и абсолютно-противоположными нуждам, инстинктам и действительной воле народа». Он повторяет за Прудоном: «всеобщее избирательное право—это контр-революция». Формулировка категорическая, даже догматическая без учета времени и места.

Бакунин в «Кното-германской империи» приходит еще к одному выводу: «от массового восстания крестьян, обединенного с восстанием народа в городах, зависело, и еще поныне зависит, спасение Франции»⁴⁾. Но он ставит теперь вопрос практикант.

¹⁾ Ibid., p. 122.

²⁾ «Кното-германская империя и социальная революция», т. II, стр. 21.

³⁾ Ibid., стр. 34.

⁴⁾ Ibid., стр. 37.

текущий. Агитацию в деревне должны начать рабочие, организованные в вольные отряды¹⁾. Они должны быть одержимы революционным бесом; они не должны навязывать революцию деревням, но вызвать и возбудить ее там. Крестьяне должны быть материально заинтересованы в революции, с ней должно быть связано даже их корыстолюбие. Вспомним, что в 1792 году земля подняла крестьян. Дайте им теперь землю! Во Франции тысячи имений собственников-бонапартистов, имения бесчестных чиновников, империи, тунеядцев-капиталистов,—все это принадлежит по праву крестьянам. Если революция даст им эти земли, она связывает с собою крестьян кровными узами²⁾. Но сравним эти рассуждения о роли крестьянства в грядущем перевороте с тем, что мы читали в «Письмах к французу», и мы увидим значительную разницу. Иоянилась проблема «с рюкоз» революции. Та гигантская работа по привлечению крестьян, которую предлагает проделать Бакунин, чтобы привлечь их на свою сторону, рассчитана теперь на длительные сроки. Бакунин вместе с тем гораздо выше начал подсчитывать роль рабочих, как организаторов крестьянского движения. Само привлечение крестьян рисуется ему теперь не за стихийный бунт и вспышка «дикой войны на полях», начинаящейся тотчас же, катастрофически, а как результат упорной работы вольных дружин. Надо крестьянам что-то дать, чтобы они материально были заинтересованы в революции: они сами пода восстанут.

«Кното-германская империя» подчеркивает, выделяет, еще одну исклю Бакунина, столь мастерски очерченную в «Письмах»: необходимо сломать старый государственный аппарат, очистить его от бонапартистов и чиновников монархического режима. Не только по соображениям общего характера надо уничтожить государство, но в первую очередь потому, что «бонапартистская интрига повсюду процветает, она не ограничивается пропагандой посредством прессы. Она сделалась всемогущей в деревнях, а также в городах»³⁾. Повсюду она нашла опору среди крупных и средних собственников, попов, а главное, чиновников империи,—представителей, субпредставителей, адвокатов и прокуроров, генералов и офицеров. Трудно ли было уничтожить их влияния за ход событий? Конечно, нет! Всю эту банду, весь административный и юридический корпус, не забывая полицию, легко было арестовать. Стоило было только дать знак народу, французским рабочим, среди которых еще сохранились человеческие инстинкты. Правда, «социальная нена-

¹⁾ Ibid., стр. 49.

²⁾ Ibid., стр. 62.

³⁾ Ibid., стр. 77.

висть, как и ненависть религиозная, гораздо напряженнее, гораздо глубже, чем ненависть политическая», но Бакунин против своей воли в «Кното-германской империи» упорно направляет сознание рабочих в сторону политической борьбы, действительно революционной борьбы с остатками старых и им покровительствуемых новых властей. Это едва заметная интервенция политики—естественный результат богатой бурными революционными событиями зимы 1870—1871 г.г. Решительный вывод Бакунина: «либо революция, либо иго пруссаков». Далеко нет той страстной веры в немедленный взрыв возмущения, в неизбежную анархию,—все то, что мы находим в «Письмах».

Не здесь место, и это не входит в нашу задачу, анализировать «Кното-германскую империю» в целом. Представляло бы огромный интерес специальный анализ этой залежи фабрикатов и полубафрикатов гениальной мысли с точки зрения непосредственного учета влияния на обще-философские и социологические взгляды Бакунина событий 1870—1871 г.г., но это выходит за пределы темы. Влияние здесь безусловное, потому что каждая из бакунинских идей была непосредственным ответом на требования революционного дня, была выполнением боевого задания. Это и придает прелесть его работам. Но даже беглый анализ «Кното-германской империи» свидетельствует о том, что зима 1870—1871 г.г. была школой для Бакунина, что события этой зимы придали его взглядам большую оформленность, конкретность, мы бы сказали материальность. Дистанция между желаемым и возможным уменьшилась, во всяком случае приняла большую определенность. Правда, рассуждения о судьбе немцев и немецкой буржуазии и ее роли в истории («можно сказать, что все немецкие буржуа родятся с шишкой набожности, общественного порядка и послушания во что бы то ни стало»), как и начало «исторических софизмов немецких коммунистов»¹⁾,—философия религии, были новым отступлением в область общих и ошибочных рассуждений, там, где не хватало умения продолжить и довести до конца блескящие начатый конкретный анализ действительной ситуации. В то время как «Письма» провозглашают неурезанную программу революционного действия, первая часть «Кното-германской империи» несет на себе отпечаток некоторой осторожности: поражения кое-чему научили.

IV.

Наступило 18-е марта. Победа никому неизвестного Ц. К. была разительной. Бакунисты, которые все время ждали революции в провинции и сознательно сбрасывали Париж со счетов,

¹⁾ «Исторические софизмы доктринерской школы немецких коммунистов»,—продолжение «Кното-германской империи и социальной революции».

снова воспрянули. Гильом в своих «Documents et souvenirs» вспоминает, как растерялись друзья Бакунина в Невшателе, когда прошли сообщение о победе парижан. Тотчас был командирован в Париж к Варлену рабочий Emile Jacot для информации. В ответном письме Варлен сообщал, что народное движение в Париже ведет борьбу лишь за муниципальные свободы и не ставит себе никаких далёких идущих социальных задач. Но это не охладило редакцию «Solidarité». В ближайшем номере, в статье, посвященной обзору европейских событий, бакунисты заявляли: «Все наше внимание мы должны уделить Франции; здесь будут решены все вопросы революции». И дальше в федералистическом духе: постыдное собрание, которое заседает в Бордо, отдало ырагам Эльзас и Лотарингию, разрушило национальное единство и, следовательно, открыло широкие возможности для федерализма. Поражение Франции стало таким образом исходным пунктом начавшейся революции. Это соответствовало взгляду Бакунина, и, казалось, новые события должны вселить в него бодрость и надежду на блестящий исход событий; казалось, снова рушась центральная опасность: победа Германии и немецкого коммунизма. По крайней мере, это утверждала редакция «Solidarité». Но Бакунин иначе оценивал события. В письме Озерову от 5 апреля мы читаем: «по всем видимостям парижане понесут поражение, но их смерть не будет бесполезна, если они раньше выполнят свой долг»¹⁾. Для него решающее значение имеет молчание провинции—Лиона и Марселя. Слишком много народа собралось в Париже, в провинции никого нет. Бакунин не верит в победу, он предвидит поражение Коммуны, но минутами он начинает надеяться. Вот письмо Огареву: «Что ты думаешь об этом отчаянном движении парижан... В Париже имеется то, что мы искали напрасно в Лионе, в Марселе: организация и люди, которые решились и ти до конца»²⁾. Но 9 апреля в новом письме Огареву он занял уже определенно отрицательную позицию в вопросе об участии его друзей в движении парижан. Он пишет: «И я неистовел, но этого теперь нет. Я вижу ясно, что дело проиграно. Французы, даже рабочие, не на высоте...». Не следует нести жертвы за других. И так как нет надежды на непосредственную победу, то наша задача готовиться, организоваться, чтобы быть готовыми в тот день, когда начнется восстание³⁾.

У Бакунина пробудилась осторожность и, как во всем, он не знает предела в ней. Он снова и снова возвращается к той же теме и в письме к Огареву от 16 апреля заявляет, что, если бы

¹⁾ Цит. по Guillaume, p. 140.

²⁾ Ibid., p. 141.

³⁾ Ibid.

это зависело от него, он ни в коем случае не пустил бы в Париж ни Ар. Росса, ни Ланкевича, особенно последнего. Правда, Париж силен и решителен; правда, наконец, прошел период фраз и революционеры начали действовать, но провинция молчала, следовательно, движение обретено на неудачу. В случае потери он хочет одного: 1) чтобы версальцы заняли Париж при непосредственном участии пруссаков; 2) чтобы парижане, погибая, увлекли бы за собою половину Парижа. «Несмотря на все военные победы, социальный вопрос постоянен. Это факт огромной важности и бесспорный», так кончает он свое письмо Огарезу¹⁾. Сравним настроение Бакунина в сентябре до восстания в Лионе, зимою после поражения провинциальных коммун, и в апреле 1871 г.: надежды и стихийная вера в немедленную победу восстания, если оно немедленно разразится в первом случае, отчаяние во втором и некоторый спокойный расчет в дни Парижской Коммуны. Бакунин видит историческое значение Коммуны, но он отнюдь не предполагает, что она может реализовать его идеалы тогтас, в 1871 г. Он ставит вопрос о подготовке и организации и движения, а если мы вспомним то, что он писал по этому поводу в «Кното-германской империи», нам станет ясным влияние событий 1870—1871 г.г. на революционное поведение М. Бакунина. В конце апреля Бакунин вернулся в Невшатель. Он теперь вблизи наблюдал за геройской борьбой Парижа и смог пристально к нему присмотреться. Нам остались его речи о Коммуне, произнесенная на собрании рабочих в Val de Saint-Jmier²⁾. Речь эта одна из трех лекций по истории французской буржуазии и ее роли в революции XVIII в. Буржуазия в 1870—1871 г.г., говорит Бакунин, неожиданно оперлась на пролетариат, как это сделали ее предки в 93-м году,—она не смогла пожертвовать своим материальным благополучием, ей чужда была решительность рабочих. Только последние исполнители великой исторической задачи—освобождения человечества и вместе с тем спасители Франции. Но для выполнения этой огромной задачи, рабочим необходим союз с крестьянством. Рабочий должен воспитать крестьянина, он должен его спасти против его собственных предрасудков, объясняя ему, что такая социальная революция. А затем Бакунин выясняет уроки Коммуны: необходим рост солидарности рабочих. Солидарности не на словах, не на времена торжественных праздников, но в повседневной борьбе: «каждый член Интернационала должен ощущать, должен практически видеть, что все члены Интернационала на самом деле его братья». Но второй еще бо-

¹⁾ Ibid., p. 146.

²⁾ Ibid., p. 150—151.

лее значительный урок — это необходимость революционной организации, организации для действия. «Если народные восстания в Лионе, Марселе и в других городах Франции были подавлены, то это произошло благодаря тому, что народные массы были не организованы. И если Парижская Коммуна продолжает геройски держаться до настоящего момента, то причина этого заключается в том, что парижские рабочие во все время осады Парижа обединялись в союзы и укрепляли свои организации. Буржуазные газеты вполне правы, утверждая, что парижское движение вызвано Интернационалом. Да, повторяю я с гордостью, это наши братья-интернационалисты своей неутомной работой организовали парижский народ и сделали возможным осуществление Парижской Коммуны». Бакунин безусловно переоценивает в этой речи роль организации революционеров в Париже, он пытается доказать, что Коммуна—дело Интернационала. Но это афиширование М. Т. Р., вернее своих сторонников, не мешает Бакунину со всей категоричностью заявить: мы присутствуем только при начале революции: «Революция стоит на пороге, и она будет стоять еще десятки лет». Замечательно, что все свои блестящие идеи Бакунин высказывает как бы мимоходом. Они не обединены в систему, они составляют раздельное противоречие с основными принципами программы Бакунина.

В середине мая Бакунин явился в Locle, где он был еще ближе к французской границе. Разные проекты сочинялись его сторонниками, чтобы помочь извне Коммуне, но они кончались еще позже, чем геройская попытка Бакунина вмешаться в коммунистическое движение сентября 1870 года. Коммуна пала, наступила майская неделя. Бакунин опасался, будет ли гибнущая Коммуна на высоте своих исторических задач. Но когда до него дошли сведения о геройской борьбе и смерти коммунаров, об их ожесточенном сопротивлении, он с триумфом заявил: «В добрый час! Вот это люди!» Во французов вспыхнул дьявол¹⁾. Правда, слишком поздно...

Теперь следовало исторически оценить Коммуну. М. Бакунин использует для этого каждую возможность и во всех рабочих последовавшего времени мы найдем прямые или косвенные указания на место и значение Коммуны в истории революции. Правда, они слишком общи и рассчитаны, главным образом, на защиту Коммуны и коммунаров от нападения свирепствующей буржуазной черни. Но все эти, даже мельком брошенные замечания о Коммуне, в общем контакте со всем тем, что Бакунин писал и говорил о событиях 1870—1871 г.г., дают нам достаточно ясное представление о том, как он представлял себе сущ-

¹⁾ См. Ibid.—Guillaume, p. 154.

ность и значение парижского восстания. Мы сознательно отставляем в стороне вопрос о том, как отразилась борьба за Коммуну и вокруг Коммуны на положение Ин-ла, где в 1871 г. окончательно приготовлены были идеинные и организационные предпосылки раскола. Это не входит в нашу задачу, это слишком отклонило бы нас от основной темы.

Специально анализу Коммуны М. Бакунин посвятил фрагмент «Парижская Коммуна и понятие о государственности»¹⁾. По словам Бакунина, этот очерк служит естественным продолжением «Писем французы» и, как все до сих пор написанное им, вызвано текущими событиями. Социальная революция была им предсказана еще раньше в «Письмах». Коммуна была началом предсказанной катастрофы современного общества. Революция эта,—пишет Бакунин,—предсказана автором, фанатичным сторонником свободы, экономического и социального равенства. Но свобода и равенство индивидуума в коллективе предполагает добровольную организацию труда и коллективную собственность. Равенство установлено будет путем промышленных ассоциаций в коммунах и посредством добровольной федерации коммун, а, следовательно, путем уничтожения государства. Декларируя эти основные, исходные пункты своих рассуждений, Бакунин хочет этим сказать, что они-то и должны послужить ему для анализа Коммуны 71 года, они-то, собственно, и разделяют социалистов на два враждебных лагеря: одни организуют рабочих для захвата политической власти, другие для уничтожения или ликвидации («если хотите более мягкое выражение») государства. Федералисты сильны тем, что опираются на инстинктивные и реальные нужды масс; государственники верят открытиям гения. Те и другие спорят за достояние Коммуны. Но Коммуна принадлежит федералистам: «Революционный социализм только что сделал попытку первого блестящего практического выступления в Парижской Коммуне»²⁾. Коммуна принадлежит федералистам потому, что она—отрицание государства. Париж,—столица государства, место пребывания реакционных и буржуазных правительств,—сам отказался от своейластной роли, сам развенчал себя. Он тем самым нанес смертельный удар буржуазному радикализму, он стал предметом бешеной ненависти всех реакционеров, он возглавил революционную Францию. Париж обявил себя гуманистичным и атеистичным и заменил ложь религии—наукой, мораль—«великой реальностью социальной жизни». Париж воскрес. Пусть он потерпит поражение: «Париж, затопленный кровью своих самых благородных сынов,—это человечество, пригвожден-

но к кресту, сплоченной европейской международной реакцией благословения всех христианских церквей и великого жреца неизвестного—папы. Будущая же международная и социальная революция народов будет воскресением Парижа»¹⁾. Это восторженная ода Парижу Революции. Но Бакунин анализирует также деятельность Коммуны по существу. Он только приступил к теоретической работе, а мысль его снова уносит в сферу общих рассуждений о «боге и государстве», которые являются его конечным выводом, но не некоторым анализом.

Коммуна существовала недолго, к тому же ее большинство не было социалистичным. Социалисты во главе с Варленом,—пишет Бакунин,—составляли в Коммуне меньшинство в 14—15 человек. Остальные были якобинцами, правда, не типа Гамбетты, по якобинцами в духе 93-го года. И, что особенно важно отметить, Бакунину, даже эти якобинцы логикой событий вынуждены были идти на путь социалистического строительства. Но у Бакунина вы только мельком найдете рассуждения на тему о том, что социалисты Коммуны вынуждены были, в свою очередь, что-либо заимствовать у якобинцев и бланкистов?

Все практические тенденции Коммуны,—утверждает Бакунин,—были в высшей степени социалистичны, но над ней висела тень традиций якобинизма. Загляните в сердце каждого француза, даже социалиста, вы обнаружите там якобинца, сторонника государства. Это-то и послужило основной причиной ее неудач.

Положение Коммуны было особенно тяжелым еще и потому, что, не чувствуя под собой почвы в поддержке значительного большинства парижского населения, секция Международной Ассоциации, плохо организованная, едва насчитывавшая в своих рядах несколько тысяч человек, должна была выдерживать ежедневную борьбу с якобинским большинством. И притом при каких обстоятельствах? Она должна была организовать, вооружать, дать работу и хлеб нескольким сотням тысяч рабочих на пространстве такого огромного города, как Париж, притом осажденного и угрожаемого, с одной стороны, голодом, а с другой—гнусными происшествиями со стороны реакции, прочно утвердившейся в Версале с разрешения и помощи пруссаков. Противостоять и версальскому войску они были вынуждены противостоять революционное правительство и войско, т.е., чтобы избежать монархическую и клерикальную реакцию, они должны были забыть и поступившись первыми условиями революционного социализма, прибегнуть к якобинской реакции²⁾. Не хочет ли Бакунин сказать, что действительное положение дел требовало революционной диктатуры? Мыслима ли революция, в которой не было бы в том или ином виде политических и эко-

¹⁾ «Избр. сочин.», т. IV.

²⁾ Ibid., стр. 252.

¹⁾ Ibid., стр. 253.

²⁾ Ibid., стр. 255—256.

номических затруднений 1871 г.? Бакунин считает естественным, что в тяжелой обстановке 1871 года возобладали якобинцы, и удивляется тому, что они не оказались при данных обстоятельствах еще более влиятельными. «Последователи социалисты» обвиняют парижских друзей в том, что они не были в достаточной мере социалистами, но надо учесть то, что между теорией и практикой бесконечное пространство, которое не перепагнуть в несколько дней, — замечает Бакунин. — Варден, — скажем, — прекрасно понимал, что для действительно народной революции важна полная свобода инициативы народных масс, и отказ от всякого вмешательства диктатуры или учредительного собрания: важно самоизвольное действие. И Бакунин пытается в дальнейшем доказать, что неудачи парижских социалистов являются естественным результатом господствующего над сознанием людей религиозного и государственного феодализма.

В отрывке, посвященном Коммуне, обо всем этом сказано достаточно туманно, но нет сомнения, что критическая оценка социалистического меньшинства Коммуны направлена у Бакунина против тех элементов политической деятельности, соучастниками которой неизбежно вынуждены были оказаться правоверные бакунисты. Против своей воли, по воле событий они вынуждены были осуществлять революционную диктатуру в Коммуне, представлявшей не только Париж, но и всю Францию.

Вторично в защиту Коммуны Бакунин выступил в ответе Мадзини. Для последнего борьба с Коммуной необходима была во имя бога, отечества, собственности, семьи, всего того, на что посягнули парижане. Бакунин защищал Коммуну, чтобы свергнуть всех богов буржуазного Олимпа. И мы видели, во второй главе нашего очерка, что решающие удары Бакунин наносит в своем ответе Мадзини «отечеству и нации». Бакунизм приветствовал Коммуну, как победу принципа федерализма, не уничтожающего национальное единство, а восстановлявшее его на иной основе. Парижская Коммуна не повторяет средневековые коммуны, она имеет в виду истинное единство свободных коммун, обединенных снизу вверх не только в пределах французского национального единства, но и за его пределы. Так будет создано не только международное европейско-американское обединение, но «позже, гораздо позже, эта европейско-американская нация органически сольется с азиатским и африканским агломератором народов»¹⁾.

В ответе Мадзини Бакунин снова и снова возвращается к вопросу о роли крестьянства в революции, о необходимости для рабочих возглавить это движение, о неизбежности социальной революции, которая единственno способна уничтожить старое об-

1) «Послание моим итальянским друзьям», — Собр. соч., т. V, стр. 195.

щество, об инициативе масс, создающих новую жизнь, где будет процветать роскошь, но роскошь человечности... Но я также отметил, что анализ Коммуны, наряду с критикой якобинских увлечений социалистов-федералистов, ставил перед Бакуниным вопрос о единстве системы коммун на земле после уничтожения государства.

Позже в книге «Государственность и анархия» Бакунином было продолжено обсуждение опыта Коммуны. В чем основной идеологический смысл восстания марта 1871 г.? «С точки зрения государственного патриотизма, парижские работники совершили настоящее преступление: в виду немецких войск, еще окружавших Париж и только что разгромивших отечество, разбивших в прах национальное могущество и величие, поразивших в самое сердце национальную честь, они, обуреваемые духом, космополитическим, социально-революционной страстью, провозгласили очевидное разрушение французского государства, растворение государственного единства Франции, несовместимо с автономией французских коммун. Немцы только уменьшили границы и из их политического отечества, а они захотели совсем убить и как бы для обнаружения этой изменнической цели, «залили в прах Вандомскую колонну, величественную свидетельницу прошедшей французской славы»¹⁾. Эта революция не родилась с Коммуной, как она не кончилась с июньскими днями 1848 года. Но ее смысл в противопоставлении свободы всяческой диктатуре, реакционной и революционной, а, следовательно, и рабству федералистического социализма против немецкого коммунизма. На основании опыта Коммуны Бакунин выдвигает прошлого, т. е. против марксизма, как мы видели, три обвинения: Маркс не желает крестьянского бунта; ученик Луи-Бланя и, как таковой, превозносит вместе с Лассалем культ государства; он считает своим идеалом «народное государство». Но где такое народное государство, где «пролетариат возведен на степень господствующего класса». Это — рабство крестьян. Государство, управляемое фабричным пролетариатом, означает полную гибель крестьянства, а с национальной точки зрения господство немцев над славянами... Поэтому что: «спрашивается, если пролетариат будет господствующим сословием, то над кем он будет господствовать?»²⁾ Мысль о необходимости раздавать сопротивление буржуазии, как основной урок Коммуны, осталась Бакунину чужда. Изображая марксизм, как государственное учение, он остался верен у Сциллы и Харибды: буржуазная диктатура или анархия. Идея о диктатуре пролетариата, как

1) «Государственность и анархия», т. I, стр. 62—63.

2) Ibid, стр. 233—235.

3) Замечание Марксизма.

о своеобразной переходной форме отмирания государства, оставшись ему чужда и враждебна.

Окончательную формулировку своему учению о революции и государстве Бакунин дал в тезисах: «Программа славянской секции Интернационала в Цюрихе». Тезисы эти написаны были в 1872 г. и напечатаны в приложении «В» к книге «Государственность и анархия». Мы приводим ниже в извлечениях эту программу, чтобы показать, как события 1870—1871 г.г. способствовали оформлению того учения, которое принято называть бакунизмом.

1) «Славянская секция Интернационала,—гласит программа,— задается специальной целью пропаганды принципов революционного социализма и организации народных сил в славянских землях»...

Ее задачи... 2) «бороться с одинаковой энергией против стремлений и проявлений как панславизма, т.е. освобождения славянских народов при помощи русской империи, так и пангерманизма, т.е. при помощи буржуазной цивилизации немцев, стремящихся теперь организоваться в огромное мнимо-народное государство».

3) Принимая революционную анархическую программу, которая одна, по нашему мнению, представляет все условия действительного и полного освобождения народных масс, и убежденные, что существование государства, в какой бы то ни было форме, невозможно со свободой пролетариата, что оно не допускает братского международного союза народов, мы хотим уничтожения всех государств...

4) С государством должно неминуемо погибнуть все, что называется юридическим правом, всякое устройство сверху вниз путем законодательства и правительства, устройства, никогда не имевшего другой цели, кроме установления и систематизирования эксплоатации народного труда в пользу управляющих классов.

5) Уничтожение государства и юридического права необходимо будет иметь следствием уничтожения личной наследственной собственности и юридической семьи, основанной на этой собственности, так как та и другая совершиенно не допускают человеческой справедливости.

6) Уничтожение государства, права собственности и юридической семьи одно сделает возможным организацию народной жизни снизу вверх, на основании колективного труда и собственности, сделавшихся в силу самих вещей возможными и обязательными для всех путем совершенной, свободной федерации отдельных лиц в ассоциации или независимые общины, или, помимо общин и всяких областных и национальных разграничений, в мелкие однородные ассоциации, связанные с тождественностью их

интересов и социальных стремлений, и общин в нации, наций в человечество.

7) Славянская секция, исповедуя материализм и атеизм, будет бороться против всех родов богослужения, против всех официальных вероисповеданий и, оказываясь, как на словах, так и на деле, самое полное уважение к свободе совести всех и к священному праву каждого проповедывать своя идеи, она будет стараться уничтожить идею божества во всех ее проявлениях, религиозных, метафизических, доктринеро-политических и юридических, убежденная, что эта вредная идея была и есть еще свидетельством всякого рода рабства.

8) Она имеет полнейшее уважение к положительным наукам; она требует для пролетариата научного образования равного для всех без различия полов, но, враг всякого правительства, она негодование отвергает правительство ученых, как самое недородное и вредное.

9) Славянская секция требует вместе с свободой равенства прав и обязанностей для мужчин и женщин.

10) Славянская секция, стремясь к освобождению славянских народов, вовсе не предполагает организовывать особый славянский мир, враждебный, из чувства национального, народам других рас...

11) В виду великой задачи—освобождение народных масс от всякой опеки и всякого правительства, которую приняло на себя Международное Общество, славянская секция не допускает возможности существования среди него какой-либо верховной власти или правительства, следовательно, не допускает иной организации, кроме свободной федерации самостоятельных секций.

12) Славянская секция не признает ни официальной истины, ни однообразной политической программы, предписанной главным звоном или общим Конгрессом. Она признает только полную единадцать личностей, секций и федераций в экономической борьбе рабочих всех стран против эксплоататоров...

13) Славянская секция за секциями всех стран признает: а) свободу философской и социальной пропаганды; б) свободу политики, лишь бы она не нарушала свободы и права других секций и федераций; свободу организаций для народной революции; свободу связи с секциями и федерациями других стран¹⁾.

Программа славянской секции, объявившей о своей солидарности с юрской федерацией, была заключенной платформой, которая решительно противостояла бакунизму марксизму. Эту единичность бакунизм приобрел благодаря событиям 1870—1871 г.г.

Было бы трудно в заключении в кратких словах противопоставить оценку Коммуны Марксом взглядам Бакунина. Трудно

¹⁾ См. М. Бакунин, Сочинения, т. III, стр. 70—72, 1920 г.

потому, что мы имеем здесь дело с совершенно иной системой идей. Сопоставление это обнаружило бы нам справедливость замечания Ленина: «анархисты пытались именно Парижскую Коммуну об'явить, так сказать, «своей», подтверждающей их учение, при чем они совершенно не поняли уроков Коммуны и анализа этих уроков Марксом. Ничего даже приблизительно подходящего к истине, по конкретно-политическим вопросам: надо ли разбить старую государственную машину и чем заменить ее—анархизм не дал»¹⁾. Замечание это в огромной степени касается и самого М. Бакунина. Его взгляды на Коммуну во многом стоят ниже той оценки, какую давал Коммуне Маркс в «Гражданской войне», взгляды Бакунина уступают даже блестящему анализу событий 1871 г. у Лаврова, но в них есть два элемента, которые должны быть восстановлены и учтены при исторической оценке взглядов М. Бакунина: гениальные замечания о роли крестьянства в революции и исчерпывающая полная критика буржуазного и мелко-буржуазного радикализма, в первую голову идеи о демократическом государстве. К. Маркс свой анализ Коммуны также построил на критике буржуазной государственности. Он также показал необходимость ломки («разбить») государственного аппарата, но он попытался дальше и на опыте Коммуны вскрыть ошибки всех прежних прекраснодушествующих революций, заменивших гражданскую войну гражданским миром. Отсюда у Маркса и Энгельса историческая оценка Коммуны, как диктатуры пролетариата. Но одновременно Маркс, анализируя Коммуну, говоря о распаде государства, вскрывает элементы нового общественного устройства: каждая коммуна—носительница государственных прав и единое «государство-коммуна», где исполнительная и законодательная власть слиты, где все чиновники избраны снизу доверху, где трудающиеся управляют страною и контролируют, где экономика превалирует над политикой—есть фактически отмирание государства, поскольку орудия производства в руках общества, и общество строит социализм, а, следовательно, готовит условия уничтожения классов. Положительный анализ отсутствует у Бакунина. Его оценка Коммуны не удовлетворительна с точки зрения марксизма, как это прекрасно доказал Ленин, не потому, что он враг государства, но потому, что его анализ не дает указаний на то, как уничтожить государство, мощный аппарат угнетения, и чем заменить этот аппарат. Бакунин ничего не говорит о том, как вырастет на развалинах прошлого новое общество без классов, а, следовательно, без государства, и в этом его ошибка.

¹⁾ Ленин, «Государство и революция», т. XIV, стр. 382.

Все в этом случае выходит за пределы материи. Действительно, материальная материя есть форма идейного и духовного, интеллектуального и нравственного мира. В этом смысле мы можем сказать, что государство есть не что иное, как инструмент для осуществления идейных и нравственных целей. Идеи и нравственные ценности определяют то, что называется

материальным миром. Но это не значит, что материальный

Г. В. Плеханов о психофизической проблеме¹⁾.

Ю. В. Франкфурт

В современной психологи, особенно у нас, в СССР, происходит переоценка всех ценностей. В порядке дня стоят вопросы: есть или нет психика? Что она собой представляет? Надо ли, а главное—можно ли ее изучить? Если да, то какими методами? Какова ценность различных методов?

Ни по одному из этих вопросов нет еще полного единодушия даже среди марксистов, не говоря уже о материалистах.

Мы рассмотрим в настоящей статье первый вопрос—есть ли или нет субъективные переживания, то, что обычно называется психикой.

И. П. Павлов, прокламируя, что учение о высшей нервной деятельности должно пользоваться исключительно объективным физиологическим методом, все же заявляет, что наши субъективные переживания есть самое ценное для нас, так как он не только говорит о субъективном у человека, но, как это ни странно, констатирует даже у собак мысли свободы и рабства. А как возможна свобода безознания, без чувства свободы?

Так же обстоит дело и с В. М. Бехтеревым, который то отрицает, то признает психику.

Реальность психики субъективных переживаний настолько очевидна, по крайней мере, каждому в отношении себя, что только люди, у которых ум запел за разум, могут позволить себе роскошь на деле полностью отрицать ее.

Поэтому многие сознательно или бессознательно маскируют свое отрижение психики тем, что они переносят спор в другую плоскость.

Психика есть, процеживают они сквозь зубы, но дело-то не в этом, дело в том, что она собой представляется.

Эти психологи обычно отвечают на этот последний вопрос так: психика это движение материи, физиологический процесс, физиологический механизм. Другими словами спор о том, есть или нет психики, заменяется спором о том, можно ли свести психику к движению материи и физиологическим процессам и механизмам.

¹⁾ Глава из работы о Г. В. Плеханове.

В связи с тем интересом, который возбуждает к себе этот последний вопрос, мы считаем своевременным осветить взгляд Г. В. Плеханова на психофизическую проблему. Мысли Г. В. Плеханова сводятся к двум основным моментам: 1) свойством какой материи является психика? 2) что представляет собой психика, независимо от того, какой материи она свойственна.

I. Свойством какой материи является психика.

На этот вопрос возможны два материалистических ответа: 1) Психика, вернее самые низшие формы ее—ощущение, раздражимость—есть свойство всякой материи (так утверждают различные виды гилозизма).

2) Психика (ощущение, раздражимость) есть свойство высокого-организованной материи.

В «Диалектике природы» Энгельс говорит: «В действительности в природе материи заключено то, что она приходит к развитию мыслящих существ, и поэтому такое развитие совершается необходимым образом всегда, когда имеются налицо соответствующие условия. (Поэтому не необходимо повсюду и всегда)»¹⁾.

«В солнечной системе имеются, может быть, в лучшем случае три планеты, на которых при теперешних условиях возможно существование жизни и мыслящих существ»²⁾.

«Материя в своем вечном круговороте движется, согласно законам, которые на известной ступени должны то в одном месте, то в другом производить с необходимостью в органическом мире мыслящий дух»²⁾.

«Раз дана органическая жизнь, то она должна развиваться путем развития поколений до породы мыслящих существ»¹⁾.

Б. И. Ленин утверждает, что «ощущение, мысль, сознание есть высший продукт особым образом организованной материи»³⁾, расшифровывая эту формулу следующим образом:

«В ясно выраженной форме ощущение связано только с высшими формами материи, (органическая материя) и в «фундаменте самого здания материи» можно лишь предполагать существование способности сходной с ощущением»⁴⁾.

Как осторожна эта формула: 1) можно лишь предполагать, 2) и то лишь способности сходные.

Но, ведь, ясно, что сходное свойство это не тождественное, что ощущение в «ясно выраженной форме» означает по Б. И. Ленину, особое качество, присущее органической материи в отличие от неорганической.

И в этом нет ничего удивительного. Органическая материя с новым свойством, с новым качеством выросла из неорганической. Понятно, что она имеет с последней сходные черты. Так и неорганическая материя изменяется под влиянием внешних воздействий, и в ней происходят реакции и она реагирует.

¹⁾ Ф. Энгельс, «Диалектика природы», стр. 81.

²⁾ Там же, стр. 41.

³⁾ Б. И. Ленин, т. X, стр. 39,

⁴⁾ Там же, стр. 30.

Некоторые виды неорганической материи обладают даже особой реактивностью, ради которой например.

Но идет ли речь о такой реактивности, когда мы ставим вопрос об одушевленности материи? Нет, речь совсем о другом, именно об ощущениях, раздражимости, как о некоем внутреннем состоянии, как о примитивнейшем восприятии, как оражении, отображении бытия.

Вот почему В. И. Ленин говорит о «реагировании», реакциях, органической материи, как о чем-то сходном только с раздражимостью, ощущаемостью органической материи, вот почему нужно качественно отличать эту реактивную способность органической материи от раздражимости, ощущаемости органической материи, вот почему ощущение, раздражимость являются свойством только высших форм материи.

Как же смотрит на этот вопрос Г. В. Плеханов? Как он формулирует точку зрения материалистов (при этом нас интересуют взгляды последних, как таковых, а то преломление, которое получают в устах Г. В. Плеханова)?

Как он формулирует точку зрения марксизма, а следовательно, и свою собственную точку зрения?

Прежде всего надо подчеркнуть, что в интересующем нас сейчас вопросе Г. В. Плеханов сводит мнение не только материалистов, но и Маркса—Энгельса к точке зрения Спинозы.

Чернышевский сближался с такими материалистами, как Дидро, которые в свою очередь стояли на точке зрения спинозизма, освобожденного от ненужных геологических скоек¹⁾, заканчивает Г. В. Плеханов анализ взгляда Чернышевского на психику, как свойство материи.

«Фогда Энгельс пишет, что «к лагерю материалистов надо принести всех тех, которые основным началом считают природу» (его сочинение «Людвиг Фейербах»), то он повторяет слова Фейербаха: «Истинное отношение мышления к бытию состоит лишь в том, что бытие это субъект; мышление—предикат; мышление происходит из бытия, небытие—из мышления». А так как точка зрения Фейербаха была точкой зрения спинозиста, ясно, что и тождественная с ней философская точка зрения Фейербаха не могла быть иной»²⁾.

Это сведение точки зрения Маркса—Энгельса, Фейербаха, Чернышевского, французских материалистов к точке зрения Спинозы является определяющим для взглядов Г. В. Плеханова на психофизическую проблему.

Формула Спинозы—«Мышление и материя суть два атрибута единой субстанции, природы—бога», «освобожденная от теологических привесок», означает, что психика есть свойство, атрибут всякой материи.

Г. В. Плеханов ссылается на учение Фейербаха о единстве бытия и субъекта, на подтвержденную Энгельсом формулу Фейербаха: «Бытие это субъект, мышление—предикат, мышление происходит из бытия, небытие—из мышления». В этом стоит разобраться, проанализировать.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. V, стр. 212.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XI, стр. 21.

При этом нас в дальнейшем интересует не гносеологическая сторона вопроса, а онтологическая, т.е. отношение переживаемых нами субъективных состояний к происходящим в нас же объективным физиологическим процессам или вопрос о том, что представляет собой психика, как таковая?

Фейербаховская формула по существу двойная, ее необходимо разобрать на две части, на две самостоятельные формулы. Первая часть — «бытие — субъект, мышление — предикат» — не определена.

Какое бытие, какой вид материи, какая часть ее имеет свойство мышления, психики? Всякая ли материя, всякое ли бытие? Или только бытие, материя живых существ? Или еще уже — только бытие, материя человеческого организма?

Сам Фейербах фактически оперирует материйей, бытием человеческого организма. Отсюда, ведь, его антропологизм.

Пусть это оперирование есть только для удобства, для яркости доказательств, пусть Фейербах фактически признает мышление атрибутом всякой материи.

Но что делать с другой формулой, с другой частью ее: «мышление происходит из бытия, небытие — из мышления»?

Как эту одушевленность всякой материи связать с формулой марксизма: «природа — первичное, мышление — вторичное».

Ведь ясно, что если мышление происходит из бытия, то бытие предшествует мышлению, то возможно бытие без мышления. Точно так же вторичное создается первичным, следует за ним. Первичное существует раньше, до, без вторичного.

Г. В. Плеханов, чувствуя эту разницу в формулах, пишет:

«Строго говоря, то положение, что «мышление происходит из бытия, а небытие из мышления», не согласно с учением Спинозы. Но то «мышление», о котором здесь идет речь, есть человеческое сознание, т.е. высшая форма «мышления», и предыдущество бытия этому мышлению ни в коем случае не исключает «одушевленности и материи»¹⁾.

Таким образом, мы приходим к вопросу о различных степенях сознания.

Объективно существующий реальный мир принимает один «вид» у улитки и совершенно другой «вид» у человека, уверяет Г. В. Плеханов.

У различных видов организмов, начиная с примитивного животного и кончая человеком, имеются различные степени мышления, различные «виды» бытия, различные субъективные впечатления, различные отражения. Но это еще не все.

«История земли показывает, что об'ект существовал гораздо раньше, чем появился субъект, т.е. гораздо раньше, чем появились организмы, обладающие заметной степенью сознания. Идеалист говорит: рассудок диктует природе ее законы. История органического мира показывает, что «рассудок» появляется лишь на высокой ступени лестницы развития»²⁾, пишет Г. В. Плеханов.

Теперь картина полнее.

¹⁾ Там же.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. VIII, стр. 393.

«Субъекты» — это организмы с заметной степенью сознания, а до появления этих субъектов (органического мира) существовало бытие с незаметной степенью сознания, мышления. Г. В. Плеханов, следовательно, различает: 1) бытие — об'ект, с незаметной, микроскопически слабой, «неуловимой» степенью сознания, 2) бытие — субъект, с заметной степенью сознания, представляющее собой целую лестницу ступеней сознания, начиная с примитивного мышления примитивнейшего организма и кончая рассудком, появляющимся «лишь на высокой ступени лестницы развития».

Итак, различным образом организованные материи имеют мышление разной степени: незаметное, заметное, разной степени заметность, но всякая материя имеет это свойство мышления, сознания, психики.

Приемлема ли, достоверна ли эта формула Г. В. Плеханова? Нет, она и недостоверна, и неприемлема.

И действительно, речь ведь идет не о том, что это свойство пока неуловимо, речь идет о том, что оно вообще незаметно, неуловимо, речь идет о предполагаемом, но не установленном.

На основе же чего делается это положительное утверждение о наличии незаметной, микроскопической, слабой, неуловимой степени сознания у бытия — об'екта, до появления субъекта — организма с заметной, уловимой степенью. Ведь это одно голяе допущение, открывающее всякие возможности для всяких голословных допущений, предположений.

Откуда берется эта ошибка Г. В. Плеханова, каков ее источник — мы выясним ниже, а пока удовлетворимся констатированием того факта, что Г. В. Плеханов сторонник одушевленности всякой материи, сторонник гилозизма.

Однако это еще не все, сказанное Г. В. Плехановым по вопросу о том, свойством какой материи является психика. Это только отношение № 1.

В современном естествознании довольно быстро распространяется, преимущественно между неоламаркистами, учение о так называемой одушевленности материи, т.е. о том, что материя вообще, а особенно всякая организованная материя, обладает известной степенью чувствительности. Это учение, рассматриваемое некоторыми, как прямая противоположность материализму, на самом деле представляет собой, будучи правильно понято, лишь перевод на язык новейшего естествознания материалистического учения Фейербаха об единстве бытия и мышления, об'екта и субъекта. Можно с уверенностью утверждать, что усвоившее это учение Маркс и Энгельс отнеслись бы к указанному, пока еще, правда, очень плохо разработанному, направлению в естествознании, с самым живым интересом¹⁾.

Г. В. Плеханов здесь выражается уже значительно острожнее.

Он говорит не о полном признании, не о принципиальном согласии, а о «самом живом интересе».

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVIII, стр. 202.

Но с «самым живым интересом» можно, ведь, относиться и к не приемлемым, и к принципиально не выдержаным точкам зрения.

От признания приемлемости, верности учения об одушевленности всякой материи к признанию только интересности этого учения—вот вторая формула Г. В. Плеханова ослабляющая его первую формулу. Таково отношение Плеханова № 2. Анализируя учение Гольбаха, Г. В. Плеханов заявляет:

«Гольбах знал очень хорошо, что не все силы материи можно свести к движению. Он ничего не возражает против гипотезы об одушевленности материи; но он не останавливается на этой гипотезе, потому что его внимание приводится в себе другая задача. Он старается, прежде всего, привести доказательство в пользу того, что для объяснения явлений психической жизни нам нет необходимости предполагать существование бесстелесной субстанции»¹⁾.

Стремление Гольбаха доказать, что для об'яснения психической жизни нет необходимости предполагать существование бесстелесной субстанции, какой изображается человеческая душа, очень похвально и ценно.

Положительное отношение Г. В. Плеханова в этом отношении к Гольбаху вполне естественно и понятно, но характерно то, что Г. В. Плеханов не реагирует ни одним словом на равнодушное («не останавливается») отношение Гольбаха к верной и интересной с точки зрения Г. В. Плеханова гипотезе об одушевленности всякой материи.

Покрывая этот неинтерес Гольбаха, Г. В. Плеханов несомненно отступает еще на один шаг, от интереса к неинтересу, к равнодушью, столь непонятному в отношении к верной и интересной гипотезе.

Таково отношение Г. В. Плеханова № 3.

О Гельвеций Г. В. Плеханов заявляет, что он «явным образом разделяет мнение одного знаменитого английского химика», Пристли, о чувствительности материи.

Но как Г. В. Плеханов формулирует точки зрения Гельвеция и Пристли по существу?

Из большой цитаты, приводимой Г. В. Плехановым из Гельвеция, отметим следующее самое важное место:

«Тела обладают некоторыми еще неизвестными свойствами, например, способность ощущать, свойствами, которые хотя заметны только у организованных тел животных, могут быть, однако, общи всем индивидуумам».

Что же касается Пристли, то Г. В. Плеханов перепечатывает приведенную Гельвецием цитату из Пристли, из которой видно, что, по мнению Пристли, «в телах мы различаем два вида свойств: одни—существование которых постоянно и неизбежно», и «другие свойства, временное, преходящее существование которых попрежнему возникает и уничтожается, благодаря определенным комбинациям, химическому разложению или движением внутренних частичек».

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVI, стр. 16.

Почему же и в животном царстве организация не может подобным образом породить это особенное свойство, которое является способностью к ощущению? спрашивает Пристли и отвечает: «Все явления в области медицины и естественной истории ясно доказывают, что эта способность является у животных только следствием строения их тел, ибо эта способность появляется с образованием их органов, сохраняется, пока они живут, и, наконец, исчезает вместе с уничтожением этих своих органов. Если метафизики меня спросят, что делается у животного с способностью к ощущению, то я отвечу им: то же, то в разложенном на составные части железе делается со свойством быть притягиваемом магнитом.

Подобным же образом, когда тело разлагается вследствие смерти, совершенно прекращается его способность мыслить»¹⁾.

Если вдуматься в эти две цитаты, то ясно, что первая, говоря, склоняется, допускает одушевленность всякой материи («ощущение заметно только у организованных тел, животных, хотя это может быть обще всем индивидуумам»), вторая же—утверждает, что способность и ощущение есть особенное свойство, рожденное животной организацией, свойство временное, имеющее преходящее существование, исчезающее при изменении комбинации вещества, разложении материи и изменении движений частиц организма.

Ясно, что по существу Гельвеций склоняется к гипотезе об одушевленности всякой материи, а Пристли, наоборот, к гипотезе о том, что психика есть свойство только организованной материи.

Г. В. Плеханов же, идентифицируя точку зрения этих двух авторов, как бы не замечает существенной разницы междуими двумя формулами, как бы стирает этим границу между ними.

Говоря о Дидро, Г. В. Плеханов приводит следующую цитату: «Не следует смешивать одних с другими, старых и новых спиноистов. Последние исходят из того основного принципа, что материя способна ощущать; они подтверждают ту мысль, основанную на яйце, без жизненного тела, постепенно превращающемся, единственно под влиянием возрастающей температуры, в одаренное ощущением живое существо; они ссылаются также на рост каждого животного, которое вначале является простой точкой и только благодаря ассоциации растительных веществ и всех других субстанций, служащих ему пищей, становится большим чувствующим и живым телом. Где-то они заключают, что существует одна только материя и что ее существование служит достаточным об'яснением всех явлений. В остальном они твердо держатся всех выводов старого спиноизма»²⁾.

Из этой цитаты не вполне ясно, в чем состоит отличие новых и старых спиноистов—утверждает Г. В. Плеханов.

Но нам кажется, что эта разница ясна. «Безжизненное надо постепенно превращаться в одаренное ощущениями живое вещество».

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. VIII, стр. 80—81.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XI, стр. 16—17.

Начало—безжизненное тело, отсутствие жизни, неорганическая материя, неорганическая природа, а в конце—живое вещество, органическая материя.

Ясно, что характерные особенности, характерные свойства живой одушевленной материи суть нечто появившееся лишь в процессе жизни, что «одушевленность» есть явление вторичное, явившееся результатом развития первичного.

А между тем Г. В. Плеханов этого не замечает, не обращает внимания на разницу 2 формул—старых и новых спinozистов, стирает грань между двумя формулами по вопросу о том, свойством какой материи является психика.

Устранение разницы между 2 формулами—таково отношение Г. В. Плеханова № 4.

Приведя цитату из Ламеттри о том, что «из всех живых существ человек есть то, которое более всех обладает душой, как это по необходимости и должно быть, а растение является тем из них, которое обладает душой в наименьшей степени» Г. В. Плеханов заявляет:

«В этой мысли заключается целиком вся теория «одушевленности материи». Но Ламеттри покидает эту теорию, потому что «душа» растений и минералов есть нечто совершенно зачаточное. «Хороша душа»,—восклицает он,—не имеющая никаких стремлений, никаких желаний, никаких страстей, никаких пороков и добродетелей и не смущаемая никакой заботой о нужде тела»¹⁾.

Это утверждение Г. В. Плеханова содержит в себе внутреннее противоречие: с одной стороны, в мысли Ламеттри содержится целиком вся теория об одушевленности материи, а с другой, Ламетри покидает эту теорию. Но это мимоходом, а важно то, что Г. В. Плеханов сочувственно относится к «измене» Ламеттри.

Однако не только Ламетри, но и сам Г. В. Плеханов покидает эту теорию об одушевленности всякой материи.

«Так называемый гилюзизм есть не что иное, как наивный материализм», марксизм же—«это современный материализм, представляющий собою высшую степень развития»²⁾.

Доказывая вопреки многим сомневающимся, что Фейербаха необходимо причислить к материалистам, Г. В. Плеханов пишет: «Можно бы спросить, конечно: а не был ли он гилюзионистом? Но в его сочинениях на гилюзизм нет и намека»³⁾.

И эта фраза интересна вдвойне. Во-первых, она противоречит собственному утверждению Г. В. Плеханова, что Фейербах, как и все материалисты, как и Маркс и Энгельс, стоит на точке зрения Спинозы, что мышление, определенная степень «души», свойственно всякой материи, т. е. на одной из гилюзионистических точек зрения.

Во-вторых, поскольку Г. В. Плеханов оправдывает Фейербаха от гилюзизма, он, Г. В. Плеханов, признает этим невыдержанность, неполнопоченность гилюзизма. Таково отношение к проблеме Г. В. Плеханова № 5.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XI, стр. 15.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XVIII, стр. 182.

³⁾ Г. В. Плеханов, т. VI, стр. 257.

Говоря о двух гипотезах, предлагаемых Гольбахом по вопросу об одушевленности материи, Г. В. Плеханов замечает:

«Читатель, пожалуй, скажет, что ни та, ни другая гипотеза не отличаются достаточной ясностью. Мы знаем это, и Гольбах знал не хуже нас»¹⁾.

Итак, обе формулы недостаточно ясны, неудовлетворительны, вот отношение № 6.

Такова та амплитуда взглядов, которую можно выявить у Г. В. Плеханова по вопросу о том, свойством какой материи является мышление, сознание, психика.

В чем же причина этой разноголосицы, этих столь разнообразных противоречивых мнений Г. В. Плеханова? Где корень этой неясности его взглядов?

Нам кажется, что ответом на этот вопрос может служить следующее место из Г. В. Плеханова.

«Совершенно необъяснимо,—говорит Штерн,—каким образом в животной клеточке ощущение (основной элемент психической жизни) является вдруг, подобно револьверному выстрелу; необходимо заключить, что и неорганическим телам свойственна, конечно, только минимальная и простая психика, которая растет и усложняется по мере того, как мы поднимаем по лестнице живых существ». Это так. Но Ламетри и утверждал ничего противоположного²⁾.

Как мы видели, Г. В. Плеханов не опровергает, а соглашается с мотивом Штерна, что ощущение не может явиться вдруг, то для появления его в животной клеточке необходима минимальная психика в неорганической материи.

Другими словами, по мнению Г. В. Плеханова, возможен рост количества того же качества, но невозможно появление нового качества.

Как оценить такой подход к количеству и качеству? Сам Г. В. Плеханов дает блестящий ответ на этот вопрос:

«Когда метафизики говорят о возникновении какого-нибудь явления, или общественного учреждения, они представляют дело так, как будто это явление или учреждение было когда-то очень маленьким, совсем незаметным, а потом постепенно подрастало. Когда речь идет об уничтожении того же явления или учреждения, предполагается, наоборот, постепенное его уменьшение, продолжающееся до тех пор, пока явление станет совсем незаметным в силу своих микроскопических размеров. Понимаемое таким образом развитие ничего ровно не объясняет: оно предполагает существование тех самых явлений, которое оно должно объяснить и считается лишь с совершающимися в них количественными изменениями».

«Немецкая идеалистическая философия решительно восстала против такого уродливого понятия развития. Гегель явственно осенял его и неопровергимо доказал, что в природе и в человеческом обществе скачки составляют такой необходимый момент развития, как и постепенные количественные изменения»³⁾.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. VIII, стр. 35.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XI, стр. 14—15.

³⁾ Г. В. Плеханов, т. VII, стр. 121.

Присоединяясь к мысли Штерна о том, что наличие заметной степени сознания у живых организмов предполагает наличие микроскопически малой, незаметной, неуловимой степени мышления у неорганической природы, допуская, следовательно, только рост количества того же качества, но не появление нового качества, Г. В. Плеханов оказался в силах метафизики.

Психика—свойство всякой материи—это формула метафизического, а не диалектического материализма.

Последовательные сторонники революционного марксизма-ленинизма резко осуждали и критиковали Г. В. Плеханова за его политические ошибки, признавая, однако, колossalную ценность его общефилософских взглядов.

Методологическая ошибка Г. В. Плеханова в вопросе об одушевленности всякой материи не единична. Она увязывается с методологической ошибкой его в политике.

Однако эти частные ошибки Г. В. Плеханова не могут, не должны поколебать полноценности его общефилософских, а в интересующем нас вопросе и общепсихологических взглядов. Ведь и на солнце есть пятна, однако солнце остается солнцем, центром нашей солнечной системы, посылающим на землю свои живительные лучи.

Эти методологические ошибки Г. В. Плеханова, с одной стороны, очень одиозны, одиозны именно потому, что их сделал Г. В. Плеханов, но, с другой стороны, они, как единичные, как досадное исключение, оттеняют еще больше общее правило, т. е. ценность, продуманность, отточенность его взглядов вообще.

Недаром В. И. Ленин советует учиться диалектическому мышлению на общефилософской части учения Г. В. Плеханова.

Оказавшийся столь скользким вопрос об одушевленности всякой материи не исчерпывает всего сказанного Г. В. Плехановым о психофизической проблеме.

Тут мы переходим к другому вопросу, в разрешении которого Г. В. Плеханов проявил полностью всю глубину своего блестящего ума, всю диалектику своего мыслительного аппарата,—к вопросу о том, что представляет собой психика как таковая, в чем сущность качества «психичность».

II. Психика—особое свойство материи, нетождественное с движением, с физиологией.

По вопросу о том, что представляет собой то свойство, которое мы называем психикой, ощущением, мышлением, сознанием, среди материалистов ведутся такие же споры, как и по выше разобранному вопросу о том, является ли психика свойством всякой материи. И здесь борются между собой две материалистические точки зрения: 1) психика тождественна, сливается с движением материи с физиологией, т. е. психика есть движение, физиологический процесс. 2) Психика не тождественна, не есть движение, физиологический процесс. Психика представляет особое свойство движущейся материи, особое качество физиологических механизмов, наряду с движением.

Первая формула говорит о тождестве психического и физиологического, вторая же говорит об их единстве. Первая формула устраняет из антиномии—материю и психику—второй член—психику, отождествляя его с движением, вторая же разрешает эту антиномию не помощью устраниния одного из членов, а установлением связи между ними.

Первая формула проделывает ту же логическую и методологическую операцию над членами антиномии—материю и психику, как и идеалисты, т. е. «путем устраниния одного из членов антиномии», с той только разницей, что «идеалисты устраниют материю, видя в ней иносущество духа», в то время как материалисты—сторонники первой формулы—устраняют второй член антиномии—психику, ощущение, мышление, «видя в них иносущие материи», как утверждает Г. В. Плеханов.

Идеалисты, отождествляя материю с духом, превращают материю в дух, материалисты же—сторонники первой формулы, отождествляя дух с движением, физиологическими процессами, физиологическим механизмом, превращают дух, психику, мышление, сознание, ощущение в движение, в физиологические процессы и механизмы.

Материалисты же второго толка, сторонники второй формулы, сохраняют оба члена антиномии, увязывая их в единой материи, имеющей многие свойства, в том числе (у высокоразвитой материи) и свойство «психичности», как особое свойство, не сливающееся с движением.

Каков взгляд Г. В. Плеханова на этот вопрос? Какую формулу он защищает?

Говоря о Чернышевском, Г. В. Плеханов называет тех, «которые утверждали, что мысль, а следовательно, и ощущение есть не более, как движение вещества»,—«будто бы материалистами».

«Чернышевский, подобно Фейербаху, восстал бы против такого отождествления»,—говорит Г. В. Плеханов,—«потому что справедливо увидал бы в нем бессознательное повторение одной из коренных ошибок идеализма—мнимое разрешение антиномии между субъектом и объектом посредством устраниния одного из ее элементов»¹⁾.

Г. В. Плеханов считает, что «устранение одного из членов антиномии, все равно какого—материи или, наоборот, мышления—есть ошибка, есть только мнимое разрешение проблемы».

Вот почему материалисты, предлагающие такое устраниние мышления, не дают материалистического разрешения антиномии и являются поэому только будто бы материалистами.

В споре с Петцольдом Г. В. Плеханов заявляет:

«Наш автор попал бы в очень затруднительное положение, если бы мы его спросили, какой же именно материалист и в каком именно сочинении утверждал, что ощущение и мысль тождественны с движением в мозгу».

Ссылка Петцольда, что Гоббс «определенно отрицает душевные явления, как нематериальные», по мнению Г. В. Плеханова, неудачна, так как «для Гоббса душевые движения были внутренними состояниями движущейся,—и при этом, конечно, надлежащим образом организованной,—материи». «С гораздо боль-

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. V, стр. 198—199.

шим, повидимому, правом,—продолжает Г. В. Плеханов,—мог бы сослаться Петцольд на знаменитую фразу: «мысль есть движение вещества». Но, во-первых, эта фраза принадлежит человеку совсем не авторитетному в вопросах материалистической философии, и ничего подобного ей нельзя встретить ни у одного из материалистов-классиков XVII, XVIII или XIX веков. Во-вторых, даже и эта неудачная фраза указывала вовсе не на тождество мысли с движением, а на то, что движение есть необходимое и достаточное условие мысли. В-третьих, как же не понимают Петцольд, что с юного вала двух шкур не дерут, и что, упрекая материалистов в дуализме на том основании, что они различают «бытие в себе от бытия в представлении», он не имел ни самомалейшего логического права обвинять их в то же самое время в отождествлении этих двух понятий. В-четвертых, чем кумушка считать трудиться, не лучше ли на себя, кума, оборотиться? Если кто повинен в отождествлении ощущения с движением,—выражусь точнее: в отождествлении движения с ощущением,—то именно новейший «позитивизм» Маха, Авенариуса и Петцольда. Упрекать материалистов в отождествлении ощущения и мысли с движением, значит навязывать им то «учение о тождестве», несостоятельность которого так хорошо обнаружил Фейербах, показав к тому же, что это учение является необходимой составной частью идеалистической «философии¹⁾.

Почему же отождествление есть идеализм,—об этом ниже, а пока нам важно установить, что, с точки зрения Г. В. Плеханова, нельзя отождествлять мышление, ощущение с движением материи.

Но если мышление не тождественно с движением, то не является ли оно следствием движения, не вытекает ли оно из движения.

Так понимали вопрос многие из идеалистов, вопрошившие, подобно Волынскому и Юрьевичу, «каким образом ощущения рождаются в результате движения нерва. Но это старый въдор, с которым давно уже пристают к материалистам и из которого следует только то, что люди, желающие критиковать «материализм, не знают даже его азбуки»,— пишет Г. В. Плеханов, защищая Чернышевского от нападок упомянутых идеалистов.

Вопрос Юрьевича о том, каким образом движение переходит в ощущение,—нелепый вопрос.

«Еще Дж. Пристлей говорил, что была бы очень большим злоупотреблением материалистического учения та мысль, что вибрации мозга тождественны с восприятием. «Легко составить себе,—говорил он,—представление о вибрациях, не сопровождающихся восприятием. Но мы предполагаем, что мозг, кроме своей способности к вибрациям, имеет также способность воспринимать или чувствовать; мы решительно не знаем, почему он не мог бы обладать такою способностью». Это и есть точка зрения всех выдающихся материалистов нового вре-

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 118—120.

мени со включением, разумеется, Фейербаха и Чернышевского¹⁾.

Ощущения, вызванные в субъекте действием на него об'екта, совсем не похожи на этот последний, как не похожи они и на «объекта»^{2).}

Существо, чувствующее, что в нем происходит ощущение, есть материальное существо, организм, испытывающий на себе действие внешнего предмета. Действие это состоит в том, что он или иначе приходит в движения те или другие части организма. Это движение известных частей организма вызывает известное ощущение, но оно не тождественно с ощущением: оно представляет собою лишь об'ективную сторону того самого явления, которое, с субъективной стороны,—т. е. тому существу, в котором совершается этот процесс движения,—представляется как ощущение^{3).}

Вибрации, движение мозга не переходят в ощущения. Движения, вибрации мозга и ощущения есть два разных свойства материи мозга, вот как Г. В. Плеханов формулирует защищаемую им точку зрения материалистов XVII, XVIII и XIX в. в.

Не становимся ли мы, признавая в человеке два ряда явлений, на точку зрения дуализма.

В ответ на это Г. В. Плеханов цитирует и разъясняет очень интересное место у Чернышевского:

«Чернышевский утверждает, что эта двойственность явлений в организме отнюдь не свидетельствует против единства его природы».

Как же доказывает Чернышевский и солидаризирующийся им Г. В. Плеханов это недуалистическое единство.

Нет предмета,—цитирует Плеханов Чернышевского,—который имел бы одно качество, напротив, каждый предмет обнаруживает бесчисленное множество разных явлений, которые мы для удобства суждений о нем подводим под разные разряды, давая каждому разряду имя качества, так что в каждом предмете очень много разных качеств».

«Напр.—говорит Чернышевский,—дерево растет, горит; мы говорим, что оно имеет два качества: растительную силу и удобоугораемость. В чем сходство между этими качествами. Они совершенно различны; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба эти качества, кроме общего понятия—качество; нет такого понятия, под которое можно было бы подвести оба ряда явлений, соответствующих этим качествам, кроме понятия—явление. Или, например, лед тверд и блестящ; что между твердостью и блеском. Логическое расстояние от одного из этих качеств до другого безмерно велико, или, лучше сказать, нет между ними никакого, близкого или далекого, логического расстояния, потому что нет между ними никакого логического отношения. Из этого мы видим, что соединение совершенно разнородных качеств в одном предмете есть общий закон вещей». То же и с тем качеством, которое мы называем способностью к ощущению и мышлению, продолжает Плеханов мысль Чернышевского. Его расстояние от так называемых физических

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. V, стр. 208—211.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XI, стр. 129.

³⁾ Г. В. Плеханов, т. V, стр. 198—199.

качеств живого организма безмерно велико. Но это не мешает ему быть качеством того же организма, который в то же время обладает протяженностью и способностью к движению. Тяжкий грех против логики совершают тот, кто полагает, что так как ощущение и мышление совсем не похожи на движение и протяжение, то они должны быть отнесены на счет другой субстанции (духа), совершенно отличной от той (материи), к которой приурочивается протяжение и движение¹⁾.

Итак, протяженность, движение и ощущения это все разные свойства, разные качества единой материи.

На чем базируются те, которые не признают за мозгом наряду со способностью к движению особую способность к восприятию, ощущению. Есть ли у них основание для этого? — Да, есть, отвечает Г. В. Плеханов.

«Противникам материализма,—последовательным и непоследовательным, сознательным и бессознательным идеалистам,—следовало бы в своей критике этого учения прежде всего убедить нас в том, что они знают на этот счет больше Пристлея, и показать нам, какие именно основания мешают им признать вместе с Пристлеем, что мозг, кроме способности к вибрациям, может обладать еще способностью к восприятию. Такие основания у них, несомненно, существуют. Но они сводятся к тому спиритуалистическому предрассудку, что сама по себе, т.е. не будучи оживотворена духом,—материя мертва и неспособна не только к восприятию, но даже и к движению. Ссылаясь в споре с материалистами на подобные основания, значит совершая очевидную petitio principii, т.е. опираться на то самое положение, какое именно и нужно доказать. Более или менее смутно чувствуют это сами противники материализма. Поэтому они обыкновенно очень осторегаются выдвигать на вид основания, мешающие им признать способность к восприятию одним из свойств материи, и предпочитают опровергать то, чего ни один видный материалист не говорил, по крайней мере, в новое время, т.е. восприятие есть то же, что движение. Представляем судить читателю о подобной критике, а эта критика у нас теперь в ходу более, чем где бы и когда бы то ни было»²⁾.

Последовательное, сознательное отрицание у материи особого, рядом с движением, свойства ощущать возможно только со спиритуалистической точки зрения, признающей только мертвую, лишенную не только способности ощущать, но и способности движения, материю.

Ясно, что те будто бы материалисты, которые отрицают психику, как особое качество, которые отождествляют психику с движением материи, не только совершают логическую и методологическую ошибку, как это утверждает Г. В. Плеханов, но являются бессознательными идеалистами, противниками материализма.

Крайности сходятся: ультра-материализм «сливается», вернее ведет бессознательно к идеализму.

Анализируем Петцольдовское определение материализма, что «если для объяснения или описания душевных явлений при-

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. VI, стр. 300—302.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. V, стр. 209—210.

меняются основные представления или понятия, которые были развиты для объяснения или описания явлений природы, то мы имеем дело с материализмом», Г. В. Плеханов пишет:

«Такая поправка еще более портит дело. Если душевые явления не могут быть описаны или объяснены с помощью таких представлений или понятий, которые были развиты для объяснения или описания явлений природы, то дуалисты правы, если у нас есть, во-первых, явления природы, а, во-вторых, явление явления, в числе первых не принадлежащие. Короче, тогда у нас получается дуализм природы и душ или духа. Ирония этот «монизм», так часто и так незаметно для себя попавший в область «представлений или понятий», свойственных материализму. Но допустим, что Петцольд только плохо выражается, то под явлением природы надо понимать движение в собственном смысле этого слова. Тогда возникает вопрос: кто же в видных представителей материализма объяснял или писал душевые явления с помощью таких представлений или понятий, которые были развиты для объяснения или описания движения. Ни то из материалистов нового времени. Все выдающиеся материалисты этого времени говорили, что душевые явления и движение представляют собой две стороны одного и того же процесса, совершающегося в организованном теле (принадлежащим, как это само собою разумеется, к природе). С этим можно согласиться, с этим можно не согласиться. Но нельзя не признать, не впадая в самую принципиальную несправедливость, что в этом нет ни отождествления одного ряда явлений с другим, ни признания возможности объяснить или описать один ряд явлений с помощью представлений или понятий «развитых» для объяснения или описания—другого. Петцольд плохо определяет материализм, потому что плохо знает его. А так как он плохо его знает, то неудивительно, что онает смешные ошибки каждый раз, когда принимается за его пропаганду¹⁾.

Итак, психика, душевые явления—это явления материального мира, явления природы, но они не отождествляются с движением и не объясняются, не описываются помощью представлений или понятий, созданных для описания последних.

Психика—это особое свойство, описываемое или объясняемое помощью своих особых понятий или представлений, но не свойство материального мира—вот формула Г. В. Плеханова.

Что же это за особое свойство?

Материализм вовсе не пытается свести все психические явления к движению материи, как это говорят за него его противники. Для материалиста ощущение и мысль, сознание, есть внутреннее состояние движущейся материи. Но никто из материалистов, оставивших заметный след в истории философской мысли, не «сводил» сознания к движению и не объяснял этого другим. Если материалисты утверждали, что для объяснения психических явлений нет надобности придумывать осо-

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 120—122.

бую субстанцию,—душу; если они утверждали, что материя способна «ощущать и мыслить», то эта способность материи казалось им таким же основным, а потому и необъяснимым ее свойством, как и движение»¹⁾.

«На самом же деле ощущение есть только субъективная сторона того процесса, который начинается при воздействии данного тела,—скажем, того же льда,—на другое тело, известным образом организованное, например, на теле человека»²⁾.

«Фейербах утверждал, что только его учение об я—и—ты разрешает ту антиномию между духом и материей, с которой не справился ни Шеллинг, ни Гегель. «Что для меня, или субъективно, есть чисто духовный нематериальный, нечувственный акт, то само по себе, объективно, есть акт материальный, чувственных. Тут не устраивается ни одна сторона антиномии. И тут раскрывается истинное единство этих сторон»³⁾.

Единство, но отнюдь не тождество. Тождество провозглашено было идеалистической философией, которая все сводила к духу.

Для материализма психика есть особое свойство, а именно внутреннее состояние, «субъективная сторона» движущейся материи, но эта субъективная сторона обнаруживается лишь благодаря объективным процессам:

«Если бы мы сказали вместе со Спинозой, что мысль и материя представляют собою два различных атрибута одной и той же субстанции, то мы должны были бы в то же время признать, что первый из этих атрибутов обнаруживается лишь благодаря второму. Это решительно никаким не противоречило бы выводам современной науки»⁴⁾.

Психика есть внутреннее субъективное состояние, имеющееся у субъекта в момент функционирования мозга, представляющее собой особое, непротиводейственное с физиологическими процессами свойство нашего организма.

Не тождество, а единство—вот формула Г. В. Плеханова, диалектически разрешающая антиномию между материйей и психикой.

Не сознательное идеалистическое отрицание первого члена антиномии—материи, не явно идеалистическое «сведение» материи к «духу» и не спиритуалистические попытки сознательных и бессознательных идеалистов приписать марксизму, материализму вообще, утверждение, что материя не может иметь, кроме движения, способность ощущения, не будто—материалистическое отрицание второго члена антиномии—психики, не будто бы материалистическое «сведение» психики к движению, а признание реальности обоих членов антиномии, признание наличия у материи и многих, различных свойств, различных качеств, сохраняющих свою особенность, но обединенных в единой материи.

Не тождество, а единство субъективных и объективных процессов в каждом из нас, как двух свойств неотделимых одно от другого, обединенных в едином целом, но сохраняющих свои особые качества; и описываемых, обясняемых поэтому раз-

ими представлениями и понятиями—вот диалектико-материалистическое разрешение антиномии материя-психика, разрешение, связывающее оба члена антиномии в одно единое целое, устанавливающее единство в разнообразии и разнообразие в единстве.

Поскольку психическое выявляется через физиологическое, поскольку субъективные переживания имеются у нас только в момент функционирования мозга,—постольку вполне понятно утверждение Г. В. Плеханова, что «материализм никогда не занимал «пустыми умствованиями» по поводу вопросов о том, «что такое материя сама по себе и что такое сам по себе дух». Для него дело было в том, чтобы определить отношение психических явлений к физиологическим, в тесном смысле этого слова»¹⁾.

Но если есть физиология в тесном смысле этого, т.е. без учета психического, субъективного, внутреннего состояния, то есть, следовательно, и физиология в широком смысле этого слова, т.-е. с учетом, с включением в субъективной, внутренней, психической стороны совершающихся в нас, под воздействием среды, процессов.

Неудивительно после этого утверждение Г. В. Плеханова, что лицу индивида изучает физиология в общирном смысле этого слова, т.-е. наука, охватывающая так же психические явления.

Г. В. Плеханов, следовательно, различает две науки: физиологию в тесном смысле слова, изучающую только объективные физиологические процессы, и физиологию в общирном смысле слова, анализирующую также и субъективные психические переживания.

Как мы видим, Г. В. Плеханов дал в свое время принципиальный ответ на спорный для нас сейчас вопрос о том, можно ли удовлетвориться тем направлением в рефлексологии, которое сводит всю проблему поознания человеческой психики к изучению только объективным путем физиологических механизмов коры больших полушарий.

Ясно, что с точки зрения Г. В. Плеханова нам нельзя ограничиться понятием «рефлекс» в его исключительном физиологическом понимании.

Г. В. Плеханов понимал физиологические процессы мозга шире. Он считывал и субъективную сторону их. Взгляд Г. В. Плеханова сходится не со взглядом узких физиологов, а со взглядом на рефлекс у отца современной рефлексологии—И. М. Сеченова, для которого рефлекс имел не только пассивные элементы—движение, но и субъективную сторону, которая делила движения человека на чисто физиологические и психические, а последние на невольные (бессознательные) и волевые (сознательные), как мы это доказали в своей работе Сеченова и Павлова²⁾.

Не случайно Г. В. Плеханов цитировал гносеологические высказывания И. М. Сеченова в те годы реакции, когда учение И. М. Сеченова было почти забыто.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVIII, стр. 260.

²⁾ См. «Рефлексология и марксизм», часть II, Ленгиз, 1926 г.

³⁾ Г. В. Плеханов, т. XVIII, стр. 115.

⁴⁾ Г. В. Плеханов, т. X, стр. 169.

Среди современных психологов взгляд Г. В. Плеханова полностью покрывается взглядом К. Н. Корнилова и его школы, заявляющей, что в основе поведения человека лежит «реакция», которая, в отличие от узко-физиологически понимаемого многими «рефлекса», включает в себя и физиологический механизм и субъективные переживания.

В споре между ультра-материалистами, ультра-об'ективистами, с одной стороны, и теми психологами-марксистами, которые учитывают оба момента, а именно об'ективные физиологические процессы, как основу, и субъективные переживания, как неот'емлемое, неотделимое, но своеобразное, особое качество этих физиологических механизмов—в этом споре между материалистами и диалектиками в области психологии авторитетное мнение Г. В. Плеханова бесспорно падает на чашку весов не механистов, а диалектиков.

III. Пространственность или непространственность психики в связи с законом сохранения энергии.

Мы уже видели, что психика не сводится к движению, не есть движение, но может быть психика есть особая материя, или часть материи? Г. В. Плеханов и этого вопроса не оставляет без рассмотрения. «Качество вещи вовсе не есть ее составная часть», говорит Г. В. Плеханов. Качеством, тончее свойством вещи, называется «ее способность изменяться и вызывать изменения в других вещах»¹⁾.

Изменение же вещи, возможно, происходит и должно происходить в двух формах: 1) «возникновение нового состояния (субстанции)», 2) возникновение «новых отношений между частями субстанции».

«Именно это возникновение новых отношений и есть та область, в которой количественно переходит в качество, а «непрерывное изменение» приводят к «скачкам»²⁾.

Таким образом психика, субъективные переживания, эта субъективная сторона происходящих в живых организмах, особенно же в человеке, физиологических процессов, является, как и всяко другое свойство материи, результатом скачкообразного изменения отношения между частичками органической материи мозга, точнее нервно-секреторной системы, но не представляет собой ни особой материи, ни отдельной вещи, ни составной части последней.

Поскольку психика является свойством материи, поскольку мы вправе называть ее материальной, пространственной, т.-е. совершающейся в пространстве, но поскольку она только свойство вещи, а не составная часть вещи, поскольку, следовательно, она, как таковая, не занимает особого места, поскольку она не протяжenna. Таково диалектическое разрешение проблемы о соотношении между пространственной и протяженной материи и пространственной, но не протяженной психикой, как мы это уже формулировали (на основании краткого анализа высказываний не только Г. В. Плеханова, но и Ленина и Маркса Энгельса) в своей статье об И. П. Павлове³⁾.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 115.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XI, стр. 245.

³⁾ «Человек и природа», № 9 за 1924 г.

Далее поскольку психика является свойством функционирующей нервно-секреторной системы, поскольку разные субъективные переживания наши суть не что иное, как разные внутренние состояния разных физиологических процессов, различных физиологических механизмов, как мы это формулировали в нашей работе об И. М. Сеченове и И. П. Павлове.

Но если психика не есть движение, не есть физиологический процесс, физиологический механизм, не есть материя, вещь, не есть составная часть материи, вещи, то поневоле встает вопрос, как психика может влиять на физиологические процессы, на она воздействует на них.

Не возвратились ли мы вспять к субъективизму, поскольку мы признаем влияние психики (непротяженное влияет на матеральное! ведь это из спиритуалистического катехизиса кричат многие) или к ультраматериализму, поскольку мы отрицаем это влияние на материальное (не воздействующее на нас не существует, ведь, для нас).

Г. В. Плеханов указывает диалектический выход и из этого же тутика.

Когда говорят о влиянии психических состояний на физиологические процессы, то факты часто указываются совершенно ясно, но «объясняются они совершенно неправильно».

Так как «психическое состояние есть только одна сторона процесса, другую сторону которого составляет физиологическое явление», то «указываемое нами влияние производится собственно же чисто-физиологическими явлениями, субъективную сторону которых составляет это психическое состояние»¹⁾.

Только при этом подходе, только при таком взгляде мы вступаем в противоречие с законом сохранения энергии, заявляет Г. В. Плеханов свой глубокий диалектическо-материалистический анализ форм влияния психических состояний на физиологические процессы.

Ультра-об'ективисты могут, пожалуй, восторгаться: «вот здесь, субъективное как таковое не влияет, влияет ведь только непосредственно физиологический процесс и механизм; психика, к сожалению, бесполезна, с точки зрения Г. В. Плеханова. Тогда психика есть в каждом из нас, но как бездейственная, как бесполезный придонок, она не требует изучения. Надо поэтому ограничиться одним об'ективным познанием физиологических процессов. Плеханов принадлежит к нам, об'ективистам».

Так ли это?

Прежде всего Г. В. Плеханов не считает психику бесполезной, а, наоборот, видит в ней один из действующих «факторов» так в приводимой им пятычленной формуле взаимоотношений материи и надстройки, психика фигурирует на 4-ом месте, а идеология на 5-ом²⁾, регулируемой «своими особыми законами»³⁾.

Имеет ли он в виду одни только физиологические механизмы или процессы, одни только об'ективную физиологическую сторону.—Нет и нет. Г. В. Плеханов, говоря о психике, имеет в виду и об'ективную сторону и наши субъективные переживания.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. XVII, стр. 124—125.

²⁾ Г. В. Плеханов, т. XVIII, стр. 231.

³⁾ Г. В. Плеханов, т. VII, стр. 218.

Одна физиология тесна, она есть только физиология, психика человеческая лишь тогда только и есть психика, когда мы учитываем именно субъективную сторону ее, наши субъективные переживания.

Как же связать эти два как будто бы противоречивых утверждения: с одной стороны, психика действенный фактор, а с другой она, как таковая, не действует, а влияет только на физиологические процессы.

Чтобы понять мнимость этого противоречия надо стать на диалектическую точку зрения, и каждое качество, каждое свойство вещи, материи, организма познавать в его качественности.

Об одной и той же ли «действенности» говорит Г. В. Плеханов, когда он признает ее за психику или отрицает?

Какую «действенность» отрицает Г. В. Плеханов за психикой и какую он ей приписывает?

Г. В. Плеханов отрицает непосредственное действие влияния субъективного на физиологический процесс. И это вполне понятно, поскольку субъективное не есть материя или часть материи, не есть физиологический процесс как таковой, а только его субъективная сторона.

Как же происходит увязка, «воздействие» между двумя субъективными состояниями, согласно взглядам Г. В. Плеханова, вполне выражающего точку зрения диалектического материализма.

Не представляя собой составной части вещества нашей нервно-секреторной системы, являясь только внутренним состоянием двух различных физиологических механизмов, физиологических процессов, субъективные наши переживания связываются, действуют друг на друга лишь тогда и постолько, когда и поскольку воздействовали друг на друга, пришли в соприкосновение между собой физиологические механизмы, физиологические процессы.

Воздействие, увязка между двумя субъективными нашими переживаниями есть воздействие не непосредственное, а посредственное, совершающееся через физиологические процессы.

Но разве посредственное действие и влияние не есть влияние?

Посредственное и непосредственное влияние отличаются темпом и степенью. Это два разных вида, два качественно различных воздействия, но оба эти вида есть воздействия, каждое из них имеет свою качественную «действенность».

Свообразное посредственное воздействие субъективного не единичное явление окружающего нас мира.

Возьмем форму предмета. Существует ли форма вне материи? — Нет. Занимает ли форма особое место, составляет ли она особую материю, образует ли она составную часть предмета? — Нет и нет.

Форма есть только одно из свойств, одно из качеств предмета.

И вот, когда мы соединяем две формы — два прямоугольных треугольника в квадрат — то что мы собственно соединяем? Два материальных тела. Что «воздействует» друг на друга? — Тела, материя.

А формы как таковые? Их влияние друг на друга? — Оно происходит через влияние материи, тел, как вторая «формальная» сторона соединения наших материальных треугольников.

Нет слияния «форм» как таковых, формы, как таковые, есть выракция от материи, и все же мы в геометрии изучаем законы образования разных форм.

Плох, конечно, был бы тот геометр, который вообразил бы, что форма — это самостоятельная сущность. Он лишился бы возможности помочь реальной материи контролировать свои законы и правила.

Он лишился бы единственного критерия истинности своих форм.

Но столь же не прав будет тот «ультра-материалист», который скажет, «так как формы, как таковые, места не занимают, так как при манипуляциях с формой мы, собственно, производим действие только с материальными телами, то изучать формы, как таковые, бенужно, излишне, долой геометрию!»

Ясно, что обе крайности неприемлемы. Форма, как особое явление, наряду с прятоженностью, требует своего анализа, т.е. качественного своеобразия, своей «действенности».

Точно так же и с психикой, с нашими субъективными переживаниями.

Верно, субъективные переживания действуют друг на друга посредственно, но эта качественная своеобразность форм их воздействия не уничтожает этого воздействия.

Мы должны, мы обязаны изучать воздействие одного субъективного состояния на другое, происходящее через посредство физиологических механизмов и процессов, коих неограниченное свойство они составляют, вне коих их нет.

Мы должны изучать и непосредственную «действенность» физиологических механизмов и посредственную действенность субъективного переживания, как два качественно различных вида воздействия.

Но в чем же состоит действенность субъективных переживаний, как таковых, в ее качественной своеобразности?

Характер «действия», качественная своеобразность последнего определяется сущностью действующего явления, в нашем случае сущностью субъективного.

Психика в узком смысле слова, т.е. субъективная сторона наших переживаний, является, с одной стороны, свойством нашего организма, нашей нервно-секреторной системы, а, с другой, ограничением бытия, вне нас лежащего. Следовательно, действенность психики должна быть выяснена в обоих этих направлениях.

Имеем ли мы здесь дело с двумя или одним видом «действенности»? В чем выражается эта одна или эти две формы «действительности»? Ф. Энгельс в «Диалектике природы» пишет: Реакция. Механическая физическая реакция (теплота и т. д.) опровергается вместе с каждым актом реакции. Химическая реакция изменяет состав входящего в реакцию тела и возобновляется лишь тогда, когда прибавляется новое количество его. Только органическое тело реагирует самостоятельным образом — разумеется, в пределах его сил (сон) и при допущении приема пищи — но эта притекающая пища действует лишь после того, как она ассимилирована, а не непосредственным образом, как на низших ступенях, так что здесь органическое тело обладает самостоятельной силой реакции: новая реакция происходит через посредство его¹⁾.

¹⁾ Ф. Энгельс, «Диалектика природы», стр. 51.

Характерная особенность реакции живых существ, а человека тем более, состоит, как мы видим, в том, что организм реагирует как нечто самостоятельное, как особь, как нечто внутренне-единое и цельное.

Эта самостоятельность, особенность, цельность и единство организма достигается: 1) помощью анатомо-физиологической увязки между отдельными органами и их частями, костями, мышцами и т. д., 2) химизмом тела у низших животных, 3) у высокоразвитых организмов, посредством нервно-секреторной системы, как в ее анатомо-физиологическом, физико-химическом субстрате, так и в ее внутренней субъективной стороне, т. е. у человека—в его внутренних переживаниях. Вспомним, что для Г. В. Плеханова все наши переживания об'единены в нашем «я»¹⁾. Следовательно, в отношении организма действенность психики, наших субъективных переживаний заключается в том, что она выполняют роль субъективного «об'единителя», как внутреннее выражение, как внутренняя сторона объективных механизмов, об'единяющих наше тело в единое целое, в самостоятельную особь, в организм.

Через нашу психику мы воспринимаем субъективно об'ективное единство нашего организма.

Такова действенная роль нашей психики в отношении внутриорганической жизни.

Что касается внешнего бытия, то поскольку психика является в отношении его отражением, отображением, поскольку это отражение переживается нами в форме сознательных или бессознательных восприятий, ощущений, знания, то ясно, что действенная роль психики в ее отражательной функции и заключается в этой «переживаемости», ощущаемости, «знаний».

Таким образом, как во внутрь организма, так и во вне ощущаемость, переживаемость является и сущностью и действенной формой того своеобразного свойства функционирующих нервно-секреторных механизмов, которые мы называем психикой, субъективными переживаниями, субъективной стороной.

Так, диалектически разрешается вопрос о действенности психики.

Каждое явление имеет свою форму действенности, и психика, как особое субъективное свойство об'ективных нервно-секреторных механизмов, имеет свою форму действенности (ощущаемость, переживаемость) наряду с действием самих физиологических механизмов.

Таково то диалектическое разрешение, будто бы противоречия о действенности и недейственности психики, которое можно было бы чисто формально найти у Г. В. Плеханова.

Резюмируя все сказанное Г. В. Плехановым о психо-физиологической проблеме, можно сказать, что с его точки зрения психика, субъективные переживания—это внутренняя сторона объективных физиологических механизмов, особое свойство, особое качество, не сливающееся с физиологическими механизмами, имеющее свою особую качественную действенность в отношении организма и внешней среды—ощущаемость, переживаемость.

¹⁾ Г. В. Плеханов, т. V, стр. 220.

Применяя этот взгляд Г. В. Плеханова к современным направлениям, к современным спорам в области психологии, мыправе утверждать, что, с точки зрения Г. В. Плеханова, надо отвергнуть как эмпирическую психологию, эту отрыжку субъективизма, не знающую как связать субъективные наши переживания с происходящими в нашей нервно-секреторной системе физиологическими процессами, так и узко-физиологическую рефлексологию, вернее мнение тех, которые понимают рефлексологию узко-физиологически.

Конечно, эмпирическая психология и узко-физиологическая рефлексология имеют неодинаковую научную ценность и должны быть по-разному оценены.

Эмпирическая психология—это бесплодная смоковница. Мы врем у нее только формально признание психики, понимая последнюю по-разному, принципиально по-разному. Эмпирики понимают психику идеалистически, мы же материалистически.

Не то с узко-физиологической рефлексологией. Все изучающие и устанавливаемые ею законы функционирования мозга мы приемлем полностью, дополняя эту рефлексологию изучением неделимого от физиологических механизмов нервно-секреторной системы особенного свойства их—наших субъективных переживаний, изучая их методом соответствующей их качественно-субъективным методом под контролем об'ективных, как это формулировал К. Н. Корнилов.

В эту столь разную оценку современной эмпирической психологии и узко-физиологической рефлексологии надо внести, однако, два корректива.

В «Диалектике природы» на стр. 109 Энгельс заявляет, что сторонники естественно-научного эмпиризма, относящегося с пренебрежением к философскому мышлению, подвержены большему суеверию, фантастичности, чем идеалисты натуралисты. Первые воспринимаются Энгельсом ниже вторых.

Энгельсову оценку мы вполне можем применить к тем, которые отрицают не только философское мышление, но и всяческое мышление, все субъективные переживания наши как таковые, сводя всю задачу научной психологии к изучению одних физиологических механизмов.

И действительно, эмпирики-субъективисты силою вещей вынуждены в той или другой степени, вопреки своему принципиальному взгляду, учитывать и об'ективные физиологические нервно-секреторные процессы. Гони материю в дверь, она влетит в окно.

Их идеализм ведет к материализму.

Совсем наоборот обстоит дело с ультраматериалистами. Силою вещей они вынуждены учитывать фактически и наши идеи, наши субъективные переживания и нашу психику. Гони психику в дверь, она влетит в окно. Их материализм ведет к идеализму.

Это первая поправка в общую оценку этих двух точек зрения.

Вторая поправка состоит в том, что оценка не может быть абсолютной, она не может не меняться и в зависимости от условий места и времени, от общественно-политических обстоятельств.

Современная эмпирическая психология теряет одну идеологическую позицию за другой. Можно, пожалуй, сказать, что она уже полностью сдала свои позиции. Как крысы с тонущего корабля эмпирики сознательно или бессознательно переоценивают свои позиции и «примыкают» к материалистическому, даже к марксистскому взгляду на психологию.

Субъективная эмпирическая психология как таковая, не маскирующая идеологически, теперь обезврежена.

Не то с ультраматериализмом, который теперь расцвел, и борьба с которым должна вестись все острее и острее.

Мы надеемся, что установили, что Г. В. Плеханов в полном согласии с основоположниками марксизма, отвергает ультраматериалистическую точку зрения на психику.

Как иные товарищи творят ревизионизм¹⁾.

(Вынужденный ответ тов. Столярову).

Вл. Сарабьянов.

Я в предыдущей своей статье сказал, что полемизировать ради полемики я не хочу и не буду. Я предпочитаю высказываться по существу вопроса в целях изучения выдвигаемых проблем, поскольку в нашей среде марксистов выявлены различные решения последних.

Тов. Столяров уже в первой своей статье (№ 11 за 1925 г.) дал тон сугубо полемический, тон насекока на т. Сарабьянова, несколько не содействующий выяснению истины.

В ответ же на мою статью, далекую от полемического зата, он разразился таким фейерверком... полемики, что я лично поставил в крайне неудобное перед читателем журнала «П. З. М.» положение.

Я никак не предполагал попасть на скамью подсудимых, где обвинителями выступают сторонники диалектического материализма. Я ни одной минуты не думал, что в качестве обвинения мне будет представлена сарабьяновская «почти законченная система релятивизма, суб'ективизма, «актуализма», —в общем, всего того, что суммируется в философии суб'ективного идеализма» (т. Столярова, «П. З. М.», № 1—2 за 1926 г.).

Я отдаю себе полный отчет в имеющихся у меня (и не у одного меня) разногласиях со школой т. Деборина; отрицать их наличие не только не входило в мои намерения, но я умышленно подчеркнул эти разногласия в своей предыдущей статье. Но я должен определенно и решительно заявить, что по вопросам материализма и идеализма, как и по целому ряду узловых проблем диалектики у меня не было и не может быть никакого разногласия ни с редакцией журналов «П. З. М.» и «Воинств. Мат.», ни вообще с теми, кто эти проблемы вырешают в согласии с Плехановым, лучшим продолжателем Маркса—Энгельса в области философии.

Поскольку т. Столяров в статье, недискуссионной и не в «Трибуне» помещенной, изуродовал меня до неузнаваемости и поскольку я имею право предположить, что мои работы, в частности «Основное в едином научном мировоззрении—методе» и статья против т. Енчмена, не известны читателю «П. З. М.», я вынужден показать последнему, как я действительно (а не по

¹⁾ Статья дискуссионная. Ред.

изложению т. Столярова) разрешают проблемы диалектического материализма.

Крайне неудобно приковывать внимание читателя к своей собственной персоне, но что же остается делать, если мне прописано отрицание об'ективного мира, замена об'ективизма суб'ективизмом, стремление экспроприировать чужих жен, игнорирование качественных переходов в об'ективном мире, забвение «самодвижения предмета» и много-много другого вплоть до отрицания об'ективного различия между лошадью и коровой?

Я достаточно активный человек, чтобы молчать, когда на меня, как на общественного работника, вешают собак.

А что этим неблагодарным делом занялся т. Столяров, я покажу ниже.

1.

Сознание определяется бытием. Психический мир, это—мир непространственных явлений.

Все наши ощущения (красное, звучное, сладкое, теплое, приятное, любимое и т. д.) марксизм относит именно к этим непространственным явлениям, к психическому, духовному миру. Ощущение есть субъективная сторона физического процесса. Ощущения без субъекта, как особо организованного объекта, быть не может. Без субъекта нет звука, хотя бы струна находилась в движении, нет красного, хотя бы знамя революции развевалось, нет кислого и сладкого, хотя бы росли лимоны и абрикосы, нет ни теплого, ни холодного, хотя бы текли Гольфстримы и плавали ледяные горы.

Все это—наши ощущения и только.

Что же по этому поводу говорит т. Столяров?

Цитируя меня: «Красное лишь субъективное бытие (бытие для меня), но об'ективно оно—небытие. То же самое со звуком. Мир беззвучен. То же самое с запахом. Нет в мире ни теплого, ни холодного, это тоже только мои ощущения», мой критик пишет: «Это очень напоминает известные слова Демокрита. Но что было гениально, было гигантским шагом вперед по пути научного понимания мира две с лишним тысячи лет назад, то ныне является шагом назад от научного, материалистического мировоззрения. «Красное» вовсе не является об'ективно «небытием». Волна красного света не только «субъективно», но и об'ективно отличается от синей волны... Субъективного различия не было бы, если бы не было об'ективного».

«Что холод и тепло никак не являются чисто субъективными «признаками»—это мы можем прекрасно уяснить себе из того значения, какое имеет температура для всех химических реакций».

Тов. Столяров считает, что теплота, холод, горячее и т. п. одно и то же, что температура. Он отождествляет звук и звуковую волну. И это отождествление он называет шагом вперед от Демокрита.

Побойтесь своего двухтысячелетнего бога, т. Столяров! Ведь, как раз Богданов пытается нас убедить, что дерево само по себе серое или коричневое, что листок берески сам по себе зелен. Ведь, как раз махисты, к лицу которых вы причисляете

и, танцуют канкан по поводу того, что мир материалистов беззвучен, безвкусен и т. д.; это их слова вы повторяете.

А что говорит материалист Гоббс, две тысячи лет после Демокрита?

— «Язычек колокольчика не имеет в себе никакого звука, а только движение; он производит движение во внутренних частях колокола. Таким образом, колокол тоже обладает движением, но не звуком. Колокол сообщает движение воздуху, так как воздух имеет движение, а не звук. Воздух передает движение через ухо и нерв в мозгу. Мозг имеет только движение, а не звук. От мозга движение отбрасывается обратно в нерв в направлении во вне, и там оно становится призраком звука (курсив мой. Вл. С.), который мы называем звуком».

Мы теперь облечем эту мысль в другую форму, но по сути все согласимся с Гоббсом.

Тов. Столяров пытается убедить читателя, что я не признаю об'ективного существования звуковой волны или температуры. И даже последнюю главу своей статьи против меня озаглавил: «Отрицание об'ективного бытия».

Смелый вы прокурор, т. Столяров, только слишком уж увлекаетесь приемами старорежимных прокуроров. Но тогда обвиняемым зажимали рот, а теперь и им дано высказаться.

Вот мои собственные слова: «Температура тела есть явление об'ективное, и она может быть наблюдена и мною, и нами с одинаковой точностью, например, через один и тот же термометр. Однако теплота или прохлада существуют лишь для меня. Что для меня горячо, то для другого тепло. Тепло, холодно, горячо и т. п.—лишь мои ощущения» («Основ. в ед.», стр. 44).

В своих «Очерках по ист. мат.» я писал то же самое: «Звука цвета вне меня нет, но движение эфира и «волнообразное движение воздуха существуют вне меня, сами по себе» (стр. 5, изд. 8-е).

Четверть моей книги «Основ. в ед.» посвящено как раз полемике с об'ективным идеализмом и доказательству об'ективного бытия, знакомый с нею читатель только подивится «смелости» т. Столярова.

Итак, весь мир явлений я вслед за Гоббсом, Фейербахом, Кардесом, Энгельсом, Плехановым различаю по двум основным признакам: об'ективны они или субъективны, материальны они или духовны, физические они или психические. Ощущения я, конечно, отношу к субъективным (психическим тоже) явлениям.

Если вы, т. Столяров, относите звук или цвет, т. е. ощущения, к об'ективным явлениям, то разрешите вас спросить, что вы понимаете под психическими явлениями.

И если ощущения вами отнесены к об'ективным явлениям, откуда возьмется старая философская (гносеологическая) проблема отношения физического и психического, об'екта и субъекта?

Спросу также, согласны ли вы с известным положением Плеханова (статья «Трусливый идеализм»), что физическое не может действовать на психическое и обратно.

И если вы Плеханова считаете правым, а также думаете, что он, как и вы, в ощущении видят об'ективное бытие, то каким образом вы примирите два положения: 1) ощущение (психическое явление)—об'ективно и физическое тоже об'ективно, но 2) ме-

жду ними взаимодействия быть не может? Не должны ли вы будете в таком случае встать на точку зрения плорализма?

В заключение одна цитата из Фейербаха: «Осмеянный в свое время Гегелем пример Канта... о различии между сотней талеров в представлении с сотней талеров в действительности в существенном совершенно правилен. Ибо первые существуют для меня только в голове, другие же в руках,—те существуют только для меня, эти также и для других: они видны, их можно ощущать».

*Вы, т. Столяров, может быть предпочитаете Гегеля. Ваше дело. А я предпочитаю быть с материалистом Фейербахом, который повторяет Демокрита, не пугаясь двух тысячелетий.

2.

Процесс познания не есть процесс снимания копии с предмета, а представляет собою процесс нахождения соответствия между объективными явлениями и субъективными.

Тов. Столяров и это положение считает анти-материалистическим. В ответе мне он цитирует Ленина: «Энгельс не говорит ни о символе, ни о иероглифах, а о копиях, снимках, изображениях, зеркальных отражениях вещей».

Разрешите и мне процитировать того, кого вы должны по всем правилам вашей логики зачислить в лагерь субъективных идеалистов: «Что пространство и время суть формы сознания и что, поэтому, первое отличительное свойство их есть субъективность, это было известно еще Томасу Гоббсу, и этого не станет отрицать теперь ни один материалист. Весь вопрос в том, не соответствуют ли (правится ли вам эта теория соответствия, тов. Столяров? Вл. С.) этим формам сознания некоторые формы или отношения в вещей. Материалисты, разумеется, не могут отвечать на этот вопрос иначе, как утвердительно. Это не значит, конечно, что они признают ту плохую (вернее, нелепую) тождественность, которую им с услужливой наивностью навязывают кантианцы, и в их числе господин Шмидт. Нет, формы и отношения вещей в себе не могут быть таковы, какими они нам кажутся, т.-е. какими они являются нам, будучи «переведены» в нашей голове. Наши представления о формах и отношениях вещей не более, как иероглифы; но эти иероглифы точно обозначают эти формы и отношения, и этого достаточно, чтобы мы могли изучить действия на нас вещей в себе и в свою очередь воздействовать на них».

Так писал Плеханов; это он говорил о соответствии субъективных явлений объективным, сознания бытию; это его я повторяю.

Плеханов продолжал стоять на этой точке зрения и после того, как Ленин выступил против него; он писал: «...меня очень жаль, что даже противник идеализма Вл. Ильин считал нужным пройтись в своей книге «Материализм и т. д.» против моих иероглифов». Плеханов отказался только от своей старой терминологии.

Он писал («Materialismus militans»): «Хотя вещь в себе имеет цвет только тогда, когда на нее смотрят, но если роза имеет при наличии этого условия красный цвет, а васильек—голубой

, то ясно, что причины этого различия надо искать в различии тех свойств, которыми обладают те вещи в себе,—одну из которых мы называем розой, а другую васильком,—независимо от восприятия на них субъекта».

Рассходится ли с материализмом Плеханов, пусть судит читатель.

Я же в своих книжках четко развиваю плехановскую точку зрения, и показываю, что понимать под соответствием. Я вижу иное знамя. «Красное» есть мое ощущение (субъективное явление), которое соответствует определенному во мне объективному явлению, вызванному действующими на меня колебаниями эфира. Эфир обладает свойством, вполне объективным, ни в какой форме субъективным, вызывать в эфирной среде определенного рода движения.

Но только при взаимодействии эфирных колебаний с особо инницированной материией, с ощущающим об'ектом, т.-е. с субъектом, появляется «красное», которого нет объективно. Это понимание, которое я буквально разъясняю в своих книгах, в Столяров буквально слглотнул все без остатка, преподнеся читателям только одно: что т. Сарабьянов признает существование субъективных непространственных явлений и... больше никаких. Хороший способ polemизировать, нечего сказать! А, конечно и по этому вопросу очень плодотворно поспорить, нечего противника, и я помогу т. Столярову понять, в чем действительно трудность проблемы.

Что представление предмета красным, прохладным, сладким и т. д. несколько не есть копирование предмета, это для меня тоже бесспорно.

Бесспорно, что звук «ля» или «до» не есть такая-то и такая-то форма, а лишь субъективная реакция на эту волну, ощущение, рефлекс, по старой неудачной терминологии Плеханова.

Все мы говорим еще о весе, об'еме, «взрасте» и т. д. Представьте, что об'ем не есть ощущение, это так же вне спора. Но отношение нашего представления о весе или об'еме предполагает ли представление о весе или об'еме? Копия ли первое со вторым? Соответствие?

Уже если т. Столярову так хочется положить меня на обе стороны, пусть он свои способности направит на этот вопрос. Я никогда бы по существу, а не занимались бы стрельбой цитатами. Тов. Столяров думает, что я не рискну сказать вслух о своем расхождении с Лениным или Энгельсом. Он ошибается. Такая запятая даже у Ленина закон для меня. И в данном случае я решительно встал и stood на точке зрения Плеханова. Не угодно ли вам, сделавши выбор, четко сказать, что Плеханов не прав, что т. Сарабьянов развивает ошибочную плехановскую теорию. Может быть мы и откроем обличие Плеханова в кантианстве, в чем его ученики Борданов, т. Луначарский и не они одни.

Итак, т. Сарабьянов никак не представляет собою отрицания объективного, существующего помимо наших ощущений.

Для чего понадобилось т. Столярову к действительным разумным прибавлять выдуманные и обряжать меня в феноменологический наряд, это ему одному ведомо.

8.

Остановимся теперь на третьем вопросе, на котором т. Столяров отлично показал, что он способен цитировать, но не всегда умеет понимать. Это—об об'ективной истине.

Прежде всего, начнем со столяровских искажений. Мой «понятливый» критик заявляет, что я «отрицаю существование» независящего от человечества содержания в наших представлениях. Позвольте, т. Столяров. Ведь в № 12 «П. З. М.» не вы, а именно я писал: «Всякая истина субъективна, так как она есть не что иное, как «отражение» в голове субъекта определенного об'ективного процесса». Вы думаете, что если признать всякую истину субъективной, то надо обязательно «онес зависить» ее от об'ективного бытия. Феноменалист так именно и сделает, но я то здесь при чем. Может быть, мой критик полагает, что отрижение об'ективной истины последовательно приводит к об'ективному идеализму. Пусть полагает, но пусть и доказывает, а не ограничивается очередной цитатой.

Почему я всякую истину называю субъективной? Да потому, что истина не есть об'ективное бытие, что истина есть наше представление о мире, вещах, процессах.

Потому, что без субъекта нет представления, нет ощущения, нет теории классовой борьбы.

Потому, что наше представление яблока не есть об'ективное яблоко, а только «отражение» его в наших головах.

В своих работах я на этом почти не останавливаясь, потому что не считал нужным повторять старые престарые заблуждения истины, да и просто совсем—не за дурака же мы считаем нашего читателя!—убеждать, что всякая истина субъективна.

А вот нашелся же этакий «критик», которому надо разжевывать аз-буки-веди.

Тов. Столяров, конечно, с апломбом заявляет, что вся эта «азбука» выдумана т. Сарабьяновым.

В таком случае придется вспомнить историю философии самого последнего времени.

«Что значит знать данную вещь? Это значит иметь правильное представление об ее свойствах. А представление об ее свойствах всегда основывается у нас на тех ощущениях, которые испытываем мы, подвергаясь ее воздействию.

Знание, как и ощущение, всегда субъективно, потому что процесс познания есть не что иное, как процесс возникновения известных представлений в субъекте. И нужно много философской наивности для того, чтобы считать в высшей степени важным гносеологическим открытием обнаружение того, что заранее дано в самом понятии знания. Твердить: наше знание субъективно—значит повторять тавтологию».

Поняли, т. Столяров? Сказано не менее решительно, чем писал феноменалист, богдановец, одним словом, идеалист т. Сарабьянов.

Читатель уже по одному стилю, вероятно, догадался, кому принадлежат цитированные нами слова.

Однако т. Столяров не может догадаться, ибо он этого автора не знает, а потому раскроем великую сию тайну: автор-

Плеханов, статья «Трусливый идеализм», том XVII собрания сочинений.

На чем же свихнулся т. Столяров?

На цитировании и на неумении понять существо вопроса. Если истина субъективна,—«субъективно» мыслит т. Столяров,—то устранен самый вопрос об отношении мышления и бытия.

Нет, уважаемый товарищ, нисколько этот вопрос не устранен. Для субъективного идеалиста он действительно не существует, ибо феноменалист отрицает бытие об'ективного, физического мира. По феноменализму существует только ощущение. Материализм же утверждает и доказывает, что комплекс ощущений «яблоко» только потому и возник, что существует об'ективное, материальное яблоко.

Признаю, что истина всегда субъективна, мы должны определять, насколько она правильна, т.-е. насколько истина соответствует об'ективному процессу.

Тов. Столяров может сказать, что истина, соответствующая об'ективному положению дела, должна считаться об'ективной истины, а которая не соответствует—субъективной истины. Товарищи, которые думают, что существует об'ективная истина, иначе и рассуждают. Но совсем не трудно показать, что они обеими ногами стоят на почве идеализма.

И действительно, разве может материалист утверждать, что несется представление, не соответствующие об'ективному положению вещей? Конечно, не может.

Сознание определяется всегда бытием. Исключений вы не найдете.

Представление бога соответствует об'ективным процессам. Можно думать, что мысли, например, об ангелах, чертях и богах появились сами по себе.

Имеются об'ективные процессы, которым соответствуют наши представления.

Весь вопрос в том, как полно, как точно это соответствие. Материалисты вырешают этот вопрос путем проверки наших представлений на практике и приходят к определенным обобщениям об относительных и абсолютных истинах.

Тов. Столяров хотел, повидимому, говорить об об'ективной проверке (субъективных) истин, а скатился к богдановской концепции об истинах субъективных и об'ективных.

Но право же, уважаемый критик, Плеханова и Богданова надо не я один, но и многие читатели ваших статей. Подумайте несколько об этих читателях, прежде чем выступать с злыми обвинениями меня в богдановщине, под которой мы и сами понимаем, прежде всего, махизм. Ссылками же на Ленина вы делу нисколько не поможете, поскольку хотите его цитировать и не стремитесь его понять.

Начетчичество меньше всего может быть использовано именно в отношении к Ленину.

Быть материалистом значит признавать об'ективную истину, открытую нам органами чувств. Признавать об'ективную, независящую от человека и от человечества истину значит так же иначе признавать абсолютную истину».

Так пишет Ленин, а т. Столяров его старательно цитирует, потрудившись даже прочесть весь параграф, озаглавленный: «Существует ли об'ективная истина».

А если бы он прочел, то понял бы, что Ленин понимает под об'ективной истиной, убедился бы, что я прав, когда под об'ективной истиной Ленина понимаю об'ективное явление, отражаемое нашей головой.

Вот, напр., что пишет Ленин:

«Как это пошло,—писал Л. Фейербах,—отказывать ощущению в том, что оно есть евангелие, извещение (*Verkündung*) от об'ективного спасителя». Как видите, странная, чудовищная терминология, но совершенно ясная философская линия: ощущение открывает человеку об'ективную истину. «Мое ощущение субъективно, но его основы или: причина (*Grund*) об'ективна»— сравните вышеизведенную цитату, где Фейербах говорит, что материализм исходит из чувственного мира, как последней (*ausgeschmiede*), об'ективной истины».

Чувственный, т.-е. материальный, т.-е. об'ективный, существующий помимо человека и человечества, мир есть об'ективная истина.

А раньше Ленин писал следующее, возражая Богданову, отрицающему об'ективную истину в материалистическом смысле слова: «Если истина есть только идеологическая форма, то значит не может быть истины, не зависящей от субъекта, от человечества, ибо иной идеологии, кроме человеческой, мы с Богдановым не знаем».

Поняли теперь, т. Столяров, что под об'ективной истиной Ленин понимает не идеологическую форму, которая всегда субъективна, а самый об'ективный мир?

Именно об этом я и писал, отрицая об'ективную истину, поскольку под ней мы понимаем идеологическую форму, а не самое материальное тело или материальный процесс.

Есть процесс, но есть еще перевод его на человеческий язык или «отражение» его в нашей голове, каковое отражение всегда субъективно, но и всегда соответствует об'ективным процессам.

В какой мере соответствует, это уже вопрос об абсолютной и относительной истинах, который я не могу решать независимо от решения проблемы «качества».

4.

Теперь о качестве. По существу этого вопроса я пока ничего не добавлю к сказанному в своих предыдущих работах, так как от т. Столярова еще ничего не слышал, что он понимает под качеством (не потому ли, что некого цитировать?).

Это удивительно, что авторы книг и статей по диалектике с эпическим спокойствием проходят мимо категории «качества». Когда это «спокойствие» я наблюдаю у марксистов-естественников, меня это мало удивляет: они о всякой философии говорят, как о схоластике, они с отвращением относятся к широким общечеловеческим, они все еще только накапливают сырой материал, в который они погружены «с головкой».

Но как оправдать «философов» и общественников, которые должны же понимать, какую огромную роль играет в диалектике категория качества.

Не в том ли причина, что в вузах и в частности в Ин. Кр. Проф. не соблюдена соответствующая пропорция между «Историей философии» и «Введением в философию»? Можно, конечно, «ведение» уложить в «историю», но кратковременность занятий и перегруженность не дают такой возможности.

Я не сомневаюсь, однако, что над «качеством» наша философская братия поработает, а потому по существу этого вопроса еще придется говорить. Пока же остановлю внимание читателя на тех собаках, которых на меня вешает усердный т. Столяров.

По утверждению последнего, я отрицаю качество вне субъекта.

«Тов. Сарабьянов,—пишет он,—не понял, что... поток изменчивости мира получает определенность бытия, увязываясь в качественные «узлы».

В об'ективном мире происходит переход от одного качества (пушок) к другому (борода). По Сарабьянову же этот переход эта граница, это различие существует лишь «постольку, поскольку» оно существует в понятии, и ни перехода, ни бороды нет, если «человечество не условилось, что понимать под тем и другим».

Все это—бред т. Столярова.

Приписывать мне отрицание диалектики бытия, утверждать, что я признаю одну лишь диалектику сознания,—равночильно признанию, что либо мой критик моих книг не читал, либо он иначе сознательно искажаст, либо плохо разбирается в написанном.

В книге «Основное в едином...» главу о диалектике я начинаю следующими словами: «Материалистическая диалектика есть материалистическая логика, т.-е. наука об общих законах движения... Общие законы движения, отраженные и переработанные общественной головой, становятся общими законами мышления о движении». Ясно: диалектика мышления соответствует диалектике бытия, диалектика бытия определяет собою диалектику сознания. Теперь о переходах, скачках и т. п.

Там же я пишу:

«Если эта вещь превращается в иную вещь, А в не-А, например в Б, то очевидно, что где-то должно кончаться А и начинаться Б, очевидно, что где-то эволюционный, постепенный процесс А кончается и начинается новый процесс, очевидно, что между концом процесса А и началом процесса Б лежит какой-то иной процесс, процесс становления Б, когда Б еще нет, но Б становится и скоро станет».

Как это похоже на отрицание об'ективных скачков, переходов и т. п.!

Как «об'ективен» т. Столяров в полемике с т. Сарабьяновым! Что же сбило моего критика на путь такой полемики?

По-моему, главная причина лежит в крайнем упрощительстве вопроса, которое приводит неминуемо к метафизике.

Ведь, т. Столяров без раздумья относит к различным качествам лошадь и корову, зерно и «продолжение» зерна—скелеты.

По нему весь мир об'ективных явлений в каждый данный промежуток времени есть совокупность определенных качеств, количественно изменяющихся.

А между тем вопрос самой жизнью поставлен гораздо сложнее. Вот вам пример: мы часто иллюстрируем переход в противоположность рождением ребенка. Был ребенок утробным, стал внеутробным. Процесс рождения, это—процесс скачка, процесс становления ребенка иным качеством.

И вас и спрашивала, почему вы родившегося ребенка определили новым качеством?

Вы отвечаете (обычно отвечают): потому что этот ребенок имеет независимое от матери кровообращение, он дышит, кричит, грудь сосет и т. д.

Правильно. И я так же отвечаю: потому что ребенок стал обладать новыми свойствами, которыми раньше не обладал.

Категория качества, следовательно, есть категория объективная.

Но, ведь, всякий разумный человек нас спросит: значит, любое новое свойство делает вещь (процесс) новым (иным) качеством?

Что вы на этот вопрос ответите, т. Столяров, и все прочие, так напуганные «субъективизмом»? Или вы ответите утвердительно, но в таком случае и вскочивший на носу у т. Столярова прыщик делает его новым качеством, или же должны будете пожать плечами, произнести столь ненавистное вам «постольку, поскользку», т.-е. встать на определенную точку зрения, что я делаю я, что делаю и вы, т. Столяров, только, к сожалению, стихийно. Ест вам субъективизм, от которого ваша «марксистская» душа в пятку ушла.

Вещи представляют собою совокупность (единство) бесконечного множества свойств, которые рождаются, развиваются, умирают. Подите-ка, учтите все эти свойства! Мы не в состоянии этого сделать, и многие из свойств игнорируем. Мы выбираем.

Мы, оперируя с объективным миром, становимся на субъективную точку зрения, мы его изучаем с точки зрения конкретного субъекта: субъекта человечества, субъекта класса, субъекта партии, субъекта государства, субъекта семьи, субъекта одной социальной сбобы.

Вот, вот, то же самое говорил и т. Луначарский,—торжествует т. Столяров.

«Тов. Луначарский точно также писал, что, рассматривая среду, человек «выделяет из нее» лишь те элементы, которые так или иначе затрагивают его жизненные интересы... Остальное он фатально игнорирует, оно равно для него небытий».

Продцитировал и... убил именем Луначарского.

Бросьте, т. Столяров, эту плохую манеру чвански швыряться именами и недиалектически делить людей на козлов и овец.

Мы можем и должны быть по т. Луначарскому или Богданову, когда они подменяют материализм идеализмом, когда Богданов развивает свою «философию» нашей советской общественности, когда т. Луначарский религии называет то, что не есть религия. Но не станем же мы пугать (кого?) его именем и во что бы то ни стало отмежевываться от каждого произнесенного им слова.

В данном случае т. Луначарский совершенно прав, ибо т. Столяров, рассматривая себя в определенном отношении, надеясь,

не придаст никакого значения прыщику, появившемуся на его носу, и новым качеством для себя не сочтет, но в другом каком-то отношении он вынужден будет с прыщиком считаться, когда, например, какая-нибудь очаровательная блондинка, благосклонно взиравшая на моего критика, повернется к нему спиной из-за этого самого прыщика. Тов. Столяров поймет тогда, какое значение имеет «точка зрения» и «относительность». Тов. Луначарский, как и все те, кто знает цену первому тезису Маркса, подчеркивает активный момент в теории познания, подчеркивает объективизм, тогда как вы, т. Столяров, продолжаете стоять именно на тех путях, которые высмеял Маркс.

Вы первый тезис Маркса к Фейербаху продолжаете толковать, как перефразировку XI тезиса. Вы идете дальше: вы отрываете диалектический материализм от исторического материализма. Вы, обвиняя меня в непоследовательности, вполне последовательно доказали до гортеровщины. Это ваши слова: тов. Сарабынов не понимает, почему мы упрекаем его в неправильном толковании первого тезиса Маркса. Неправильное толкование заключается в основе в том, что в то время, как Маркс пишет в виду деятельность субъекта в смысле историческом (революционная, практическо-критическая деятельность), Сарабынов ставит вопрос об активности субъекта в плоскости гносеологии.

Итак, говоря о «практически-критической деятельности», не следует говорить об активности субъекта, как мыслящего объекта? Так, что ли? Но ведь, сам Маркс пишет о критической деятельности.

Маркс никогда не отрывал сознания от бытия, никогда не цервашал гносеологию, т.-е. теорию познания, в нечто отвлеченное от исторической деятельности. Этим делом занимались идеалисты до-марксова периода, и он обвинял их как раз в том самом отрыве, в пассивно-объективистическом представлении.

Тов. Столяров слышал, что активное начало в гносеологии называли идеалисты, что о воле говорили Фихте, Вундт и другие, а потому уже самое слово «воля» или «субъективизм» имеет его в трепетное состояние.

Он даже уверяет читателя, что моя точка зрения sui generis волонтеризм.

Но ведь понимать надо, т. Столяров, а не словечками пишитесь.

Отрицаете ли вы, что люди ставят себе цели и проявляют это в достижении их?

Ну, конечно, не отрицаете.

Но есть ли это волонтеризм?

Поскольку понимать под свободой воли свободу не абсолютную, а лишь относительную, никаким волонтеризмом здесь и не может, ибо под последним понимается: 1) признание полной свободы воли, 2) зависимость явлений от воли субъекта (Фихте), 3) независимость воли от чувственного мира (Кант), 4) объективность воли, как мирового начала (Шопенгауэр) и т. д.

Но никому и в голову не может прийти обвинить меня в фихтеанстве или шопенгауэрстве.

Я склонен подозревать, что вы сами словечко «волонтеризм»потребили только потому, что от меня услышали напугавшие слова: цель, воля, субъект и т. п.

Ну что же, это даже занятно. Никакого курса «введение в философию» не понадобится теперь. Услышали, что люди ставят себе цели, кричи о гелеологии; кто-то сказал, что у людей есть воля, квалифицируя это как волюнтаризм; замечание же Маркса о людях, которые, прежде чем построить дом в бытии, предварительно строят его в своей голове, отнесем к идеализму и обязательно к субъективному.

Прибавь к этому изрядную долю демагогии; и ты победил.

Тов. Столяров пишет, например, что я вступил на дорогу Фихте и Шеллинга, которые проповедуют «безусловную свободу, неограниченную деятельность». А между тем я отчетливо прохожу в своих книгах марксистскую теорию «свободы и необходимости» и только необузданым желаниям т. Столярова во что бы то ни стало изгнать меня из лагеря марксистов можно обяснять совершенно бесцеремонную манеру излагать меня собственными словами или цитированием оторванных одна от другой фраз с таким расчетом, чтобы превратить меня в волюнтариста чисто-идеалистического толка.

«Точка зрения практики «активного субъекта», базирующаяся на об'ективном материалистическом, диалектическом методе, а на субъективизме, как у т. Сарабьянова,—это есть идеалистический волюнтаризм, к которому склоняется наш философ».

Так пишет т. Столяров, и я спрашиваю себя, не делает ли мой критик ставку на излишне доверчивого читателя, который моих книг в руках не держал и на слово Столярову поверит?

И, действительно, как можно мне приписывать точку зрения, базирующуюся не на материалистическом методе, когда я сам пишу следующее в «Основное в едином...»: «Субъективизм на базе об'ективизма,—вот что отличает нас от хотя бы народников XIX в., мечтавших о надуманном, об об'ективно невозможном».

«Без субъективизма совершенно немыслима классификация, определение вида в «естествознании», но «субъект классифицирует по признакам, по свойствам, существующим об'ективно. Вид не условной пропасти, не условным скачкообразным процессом отделен от других видов, а действительным».

Зачем же т. Столяров приписывает мне то, чего я не говорю и не думаю?

И что это за манера полемизировать на страницах серьезного марксистского журнала?

Ведь нельзя же всерьез писать обо мне так, как пишет т. Столяров: «...замечательно это противопоставление у т. Сарабьянова практического значения изучения, познания и его об'ективного характера». Откуда же т. Столяров взял это противопоставление практики об'ективному? Где у меня оно дано? В какой книге?

Неужто вы не поняли, что «практику» я противопоставляю (уж если говорить о противопоставлениях) машистскому опыту, практику я рассматриваю, как средство проверки истинности наших (субъективных) представлений об'ективным материалом?

Вы понимаете, что это совсем обратное тому, что вы утверждаете относительно меня? И таких «обвинений» в ваших статьях великое множество.

Вместо того, чтобы бороться по существу, чтобы помочь читателю разобраться в проблемах диалектики, вы занимаетесь совсем неблагодарным делом вешания собак на своих противников.

Конечно, вы можете сказать, что сам-то я не делаю выводов, приписываемых мне вами, но что они сами собою делаются; что вас интересует, куда растет сарабьяновская «система».

Это—ваше право. Но в таком случае на вас лежит обязанность показать, что я сам о себе думаю и что думает обо мне Столяров.

Пусть читатель сам разберется, куда я расту. Вы же совершенно произвольно, ультра-научетически, не желая даже писать, о чем с вами говорят, безапелляционно приписываете проавнику то, что «растет» в вашей голове.

5.

Переходим к последнему вопросу.

Я говорю, что мир знает не одну правду, а множество их, то разумна монархия, но разумна и борьба с монархией.

Тов. Столяров отвечает: «Неправда, т. Сарабьянов! Не может быть одновременно в об'ективно-историческом смысле «разумна» и монархия, и борьба с ней. Борьба с монархией становится «разумной» как раз в тот момент, когда сама монархия становится «неразумной». Неправда, что есть две правды—буржуазная и пролетарская, между которыми можно выбирать совершенно субъективным произволу (не вешайте собак, уважаемый критик! В. С.). Есть классовая точка зрения, которая выражает об'ективную необходимость исторического развития, и точка зрения других классов, которая по линии этой об'ективно-исторической необходимости не идет».

А дальше т. Столяров резюмирует: сарабьяновская диалектика—готтентотская, т.е., если я украду у тебя жену, это хорошо, а если ты украдешь у меня, это плохо. Он, повидимому, даже не подозревает, что готтентотская мораль есть мораль всякого класса, в разных только «модусах», в том числе и пролетариата. Мещанину моралисту и лицемеру готтентотская мораль, якобы, противна, но мы-то не занимаемся моралистикой и определенно говорим, что когда нас генералы расстреливают—это плохо, а когда мы генералов стреляем, это хорошо.

Когда буржуазия подчиняет пролетариат—плохо, а когда мы подчиняем себе буржуазию—прекрасно.

Тов. Столяров считает себя революционером-марксистом и, подобно кисейным барышням, падает в обморок от «готтентотской гордости», которая является отражением множественности истины.

Тов. Столяров думает, что мир одновременно знает только одну истину, истину одного класса.

Чепуха это и вопиющая метафизика, дорогой товарищ.

По-вашему, борьба с чем-то начинается в тот момент, когда это что-то становится «неразумным».

Но не будете же вы отрицать, что борьба с капитализмом в сороковых годах в Европе была разумна («Коммун. Манифест»). Не будете же вы отрицать, что в середине XIX в. капитализм тоже был «разумен», ибо далеко не изжил себя и явился формацией, способствующей росту производительных сил.

Неужели вы не понимаете, что борьба с капитализмом и борьба за капитализм в сороковых годах были «разумной» борь-

бой, и надо было выбирать, по какую сторону баррикад становиться?

Неужели вам неясно, что в девяностых годах XIX в., когда русская промышленность только что начинала становиться машинной индустрией, когда капитализм начинал свое «прогрессивное» шествие особенно скорым шагом, права были и либералы, и марксисты, каждый с точки зрения своего класса. Вы преклоняйтесь перед «об'ективно-историческим» развитием. Но, если вы не будете выбирать, если вы не признаете необходимым встать на точку зрения определенного субъекта (в данном случае, класса), вам придется отойти от дела, так как нельзя одновременно бороться и за и против капитализма.

Струве тоже думал, что правда в мире только одна. Струве был далеко не слепым человеком и видел, что капитализм имеет будущее, что он еще не стал «неразумным», а потому Струве обратился с кличом: «пойдем на вынужку к капитализму!»

Смотрите, т. Столяров, не станьте и вы жертвой струвизма, сиречь, безоглядного об'ективизма.

Вы, конечно, можете сказать, что в сороковых годах в Европе или в 90-х в России капитализм себя еще не изжил, но в перспективе он уже сдавал перед социализмом. Значит, нам оставалось работать в пользу тех целей, которые «об'ективно-исторически» лежат дальше, как социализм лежит дальше капитализма.

Но и эта точка зрения совсем не наша, не активная, не революционная.

Мир не имеет конечных пристаней. Конечность цели весьма относительна. Смешно было бы в 1919 г. отрицать методы военного коммунизма, если бы мы даже знали, что впереди маячили «изп». Дело не в дальних и не в ближних целях, а в субъективном интересе, который, конечно, об'ективно опричинен и обусловлен.

Конкретный субъект выбирает: развивать ли капитализм или организовать пролетариат против капитализма. Что субъект останавливается на определенном решении вследствие об'ективных причин, это бесспорно, и напрасно т. Столяров приписывает мне «выбор по совершенно субъективному произволу». Об'ективные причины выковывают в рабочем классе антикапиталистическое сознание, а в буржуазном—капиталистическое.

Но, будучи выкованным, сознание начинает действовать, т.е. класс, партия и т. д. выбирают, что им делать, как поступать.

Я уже писал в предыдущей статье, что возможность задержать распад капитализма дана об'ективно, но тоже об'ективно дана другая возможность—ускорить его распад.

Любой из нас может действовать в данном случае в том или другом направлении, нисколько не расходясь с самой действительностью. Буржуа старается задержать распад капитализма, рабочий же класс действует в обратном направлении.

Вот вам две истины, как они были в середине XIX в. в Европе или в 90 годы в России (беру приведенные уже примеры).

Никакой болтовней об «об'ективно-исторических» процессах не замажешь сути этого вопроса!

Вот в чем смысл подчеркивания мною, как и Марксом в 1 тезисе, субъективного момента. Ничего нового я здесь не ска-

зал, и догадливый читатель сразу же сопоставит «субъективизм» с «классовой точкой зрения», о которой так много говорит марксистская литература, и скажет, что это одно и то же.

Социологическая литература подчеркивает именно классовую точку зрения, я жеставил вопрос шире, гносеологически, потому говорил о субъективной точке зрения, так как субъект является не только класс, но союз классов, и целое общество, при коммунизме все человечество.

Только те пугаются слова «субъект», которые под субъектом понимают только одного человека. Но подобное понимание совершенно безграмотное и произвольное. Субъект есть особо организованный объект, т. е. объект опущающий. Как особь, так и партия, народ и класс, и общество, и человечество суть субъекты.

Заключение.

Тов. Столярову я отвечать больше не собираюсь, хотя бы и впредь занимался сознательным и бессознательным из выражением моих мыслей. Еще раз указываю, что и мне не интересно, и читателю скучно участвовать в полемических стычках, да, в том же, приходится заниматься всякого рода разборками.

Если же появятся статьи по существу затронутых мною проблем, я с большой готовностью приму участие в их разрешении.

Лично я не считаю, что в процессе обсуждения должны вываться настолько различные точки зрения, что примирение их становится невозможным.

Пока мы больше спорим о словах, чем по сути дела.

Самым трагическим является тот факт, что мы словам придают исключительно огромное значение, забывая к тому же, что сами слова текут и изменяются.

В результате получается не мало конфузов: сказанное другими лишь словами принимается за что-то новое.

Философия „качества“ и качество философии некоторых механистов.

A. Столяров.

I. «Качество» в системе категорий.

Философия ставит своей задачей осмысливать, анализировать, привести в связь те основные понятия, которыми оперируют все отдельные «положительные науки». Различные категории, которые в своей совокупности составляют как бы основной костяк науки, лишь в философии получают свое, более или менее завершенное, определение. Таким образом сама философия становится всеобщей «алгеброй науки».

«В основе всякого научного познания лежат основные понятия, имеющие характер категорий» (Деборин).

Никакая наука не возможна без использования этих «основных понятий», без определенной точки зрения на их общее значение, на их «сущность». Другое дело, что эта точка зрения может быть последовательной или непоследовательной, элективской; может быть продуманной, критической или бессознательно положенной в основу научной работы.

Философия—это всегда более или менее упорядоченное, более или менее приведенное в систему воззрение на категории мышления (с точки зрения диалектического материализма, они являются, конечно, отражением «категорий бытия»).

Тем самым сказано, что каждый ученый в области той или другой частной науки не обходится без той или иной философии, хотя бы он этого и не сознавал.

В этом смысле Энгельс говорит: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы»¹⁾.

Каждая категория выражает ту или иную сторону действительности, ту или иную сторону мышления. Но мышление развивается, и в меру развития мышления та или иная категория выдвигается в теории на первый план, оказывается методологически важнейшей или впервые выдвигается и осознается. Так, у Аристотеля центральной является категория субстанции (вещи), а у Канта—категория отношения, синтеза. Гегель же впервые обосновал и на первое место выдвинул категорию разви-тия, которая предполагает также другой основной принцип Гегелевской философии—конкретное тождество (единство тождества и различия).

¹⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 191.

Аристотель, Кант и Гегель в истории научной разработки категорий, как основных принципов бытия и мышления (для Аристотеля—это преимущественно принципы бытия, для Канта—мышления, а для Гегеля того и другого вместе), являются основными вехами. Уже для Аристотеля его логика была научной методологией. Кант стремился своей системой подвести базис под световознание своего века. А Гегель, опирающийся в первую очередь на «науки о духе», т.-е. на общественные науки и дей-ствительную историю общества, впервые сделал возможным научное понимание истории общества, как и развития вообще, во всех видах жизни.

Без диалектики Гегеля невозможна законченно-последовательная, теоретически-завершенная научная методология—методология диалектического материализма, марксизма. «Без немецкой философии не было бы и научного социализма»,—говорит Гегель и повторяет Ленин. Правда, в наши дни из Гегеля пытаются сделать жупел, и в государственном научно-исследовательском институте СССР можно слышать возмущенные воззрения по адресу Гегеля:

«И подобного рода философы об'являются предтечами революционного марксизма»¹⁾. Но это свидетельствует лишь о неравнотной путанице и о теоретическом отступлении от марксизма которых «горе-марксистов».

То новое, что вносит Гегель в исследование категорий отличие от своих предшественников, сводится в основном к следующим двум моментам: 1) он берет их в их конкретной противоречивой природе, благодаря которой 2) они должны рассматриваться в их взаимной связи, вне которой они в действительности не существуют.

У Канта категории—это некие вечные застывшие сущности, стоящие рядом и никогда не сливающиеся, синтез которых едва лиается в форме некоторой триады.

У Гегеля категории живут, развиваются, так как они отражают живое движение действительности и историческое развитие науки.

Так, категории, выражющие непосредственное бытие, качество и количество, у Аристотеля и Канта лишь чисто внешним образом об'единяются в третьих—в субстанции (Аристотель) или в трансцендентальной апперцепции (Кант). У Гегеля же «истина есть мера, т.-е. единство качества и количества: качество и количество нераздельны, и каждое в своем определении содержит свое—противоположное».

Обыкновенно,—говорит Гегель,—полагают, что качество и количество суть два совершенно самостоятельные, одно от другого независящие определения, и потому говорят, что вещи определяются не только качественно, но и количественно». Но

¹⁾ Из речи Борицевского на заседании Тимирязевского Научно-Исследовательского Института 8 февраля 1925 года. Надо отдать справедливость нашим членам естествоиспытателям, что даже на этом собрании, где большинство принадлежало «механистам», сторонникам тов. Степанова, такое заявление Борицевского было встречено смехом. См. «Механист. естествознание и диалектика. Гегелизм», 1925 г. стр. 51.

количество есть не что иное, как отрицание качества, и качество отрицает себя вследствие своей собственной диалектики¹⁾.

Мы подробнее остановимся в дальнейшем на этом отношении категорий «качество» и «количество». Здесь существенно то, что Гегель в данном случае, отвечая потребностям науки, завершает предшествовавшее развитие, сохраняя и синтезируя то, что философия и положительная наука разрабатывала до него.

Из основных определений непосредственного бытия Аристотель выдвигает на первый план качество, Кант—количество, Гегель—их единство—меру.

Конечно, это не является прихотью великих философов, но отражает общее развитие теоретической мысли, которая от «стихийной диалектики» (Энгельса) древних через сколастическую науку средневековья и математическое естествознание «нового времени»—шла к осознанной диалектике Гегеля и Маркса и к увы—еще далеко не осознанной диалектике современного естествознания.

Так как греки еще не дошли до расчленения, до анализа природы, то всеобщая связь сущего у них рассматривается еще как целое, в общем и целом.

Всеобщая связь явлений в мире еще не доказывается в подробностях: для греков она является результатом непосредственного созерцания. В этом недостаток греческой философии, благодаря которому она должна была впоследствии уступить место другим видам мировоззрения. Но в этом же заключается ее пре восходство над всеми ее позднейшими метафизическими соперниками²⁾.

Но уже в недрах греческой культуры зародились те метафизические представления, которые потом достигли своего полного развития в философии средневековья. Разрозненные, самодовлеющие, неизменные метафизические качества, инертные, как и лежащая в их основе субстанция—вот что характеризует науку средневековья. Четыре основных «материи»—земля, вода, воздух и огонь—представление, державшееся два тысячелетия, исходящие еще от Эмпедокла и поддерживавшееся авторитетом «единственного философа» средневековья, Аристотеля. Всемьдесят «хрустальных сфер» небесных тверди, бесконечные субстанции, обособленные и самодовлеющие «материи» и «формы», силы и сущности; иерархия и субординация в области понятий и категорий.

Вполне естественно, что, когда экономическое развитие выдвинуло новое естествознание и новые формы мышления, реакций на метафизику «качественного рационализма» сколастики—явилась метафизика «математического рационализма» (особенно у Лейбница)—с одной стороны, голого эмпиризма (английская философия)—с другой.

Естественно также, что исследование начинает с «качества» вещей, т.е. с их наиболее общих определений. Качество—это первая ступень каждой эмпирической науки. Но только изменившееся—изучено, как говорит Гегель. Количественное исследо-

вание—вторая ступень изучения. Физика окончательно становится на этот путь примерно с Галилеем. Химия—с Лавуазье, ниспревратившимою теорию флогистона и тем открывшего новый период в истории химии.

Семнадцатый век можно назвать «золотым веком» «количественной реакции». Великие философы являются в это время и великими математиками. Декарт основывает аналитическую геометрию, Лейбниц—дифференциальное и интегральное исчисление.

Метафизический момент при этом заключается в попытке универсализировать математический метод, представить его единственным и исчерпывающим, в забвении неизбыточного, неустранимого значения также и качественного, материального анализа и объяснения. Таким образом мир снова схематизируется, умерщвляется, но уже не во множестве несводимых качеств и сущностей, а в абстрактном безразличии всеобщего тождества.

Математика,—говорит Декарт,—это наука вообще. Все прочие науки являются лишь ее частями. Единственно-истинные, обективные определения материи—это пространственные, количественные, определения. «Природа материи, т.е. тела, рассматриваемого вообще, состоит не в том, что тело—это вещь твердая, немая, окрашенная или как-либо иначе возбуждающая чувство, но лишь в том, что оно—вещь протяженная в длину, ширину и глубину».

Соответственно с этим Декарт рассматривает животное, организм как машину, и является предшественником не только Ламетри, но и всех современных «механистов», вплоть до тов. Степанова, А. К. Тимирязева и, чтобы уже не обойти—моего личного врага, тов. Сарабьянова, который считает, что «душа есть физическое свойство живого организма» и что «в основном материализм отличается от других учений признанием, что действия живого организма есть действия машины, механизма¹⁾.

Со всем этим теснейше связано и то деление качеств на обективные—«первичные» и чисто субъективные—«вторичные», которое уже юсовершенно отчетливо проведено у Галилея в его «Диалогах» и которое через деуалиста Локка приводят к «классическому» субъективному идеализму Беркли.

Мы еще вернемся к вопросу об этой связи отвлеченно-количественной методологии механистов с учением о чистой субъективности «вторичных качеств», которое ныне защищается и Сарабьяновым, и Л. И. Аксельродом, на которую тов. Сарабьянцов в данном случае ссылается и которой ныне угодно было взглянуть пеструю армию философских путников и ревизионистов от марксизма.

Было бы более, чем близоруким педантством «упрекать» Декарта за его «механизм» или Ламетри—за его «Человека-машину». Исторически они были «правы», поскольку их воззрения означают гигантский шаг вперед от прошлого. Совсем другое дело, когда ныне пытаются назад к односторонне-количественному и механическому пониманию после Гегеля и Маркса...

¹⁾ «Энциклопедия», т. I, стр. 173.

²⁾ «Архив Маркса и Энгельса», т. II, стр. 129.

¹⁾ Сарабьянов, «Беседы о марксизме», 1925, стр. 14 и 15.

Кант сделал грандиозную попытку обосновать материалистическое естествознание и устранил разрыв чувственного многообразия качеств и априорного единства математических принципов, обединить математический и эмпирический методы в высшем синтезе «трансцендентального». Как известно, по существу дело свелось к отнесению в сознание вслед за «вторичными» и т. п. «первичных качеств».

Пространство и время, качество и количество, причинность и субстанциональность и проч. были признаны исключительно категориями рассудка, не имеющими отношения к абсолютному бытию вещей самих по себе. Таким образом, единство было обявлено, как чисто субъективное по существу единство трансцендентальной апперцепции.

Гегель устранил дуализм субъективного и трансцендентного, перенеся единство и связь категорий в обективную действительность. Но он сделал это в извращенной идеалистическими предрассудками, в «мистифицированной» форме, прежде всего, поскольку сама действительность является для него лишь отражением идей. Но, как сказал еще Маркс, «мистификация, которой диалектика подвергается в руках Гегеля, никакого не мешает тому, что он впервые изобразил всеобщим и сознательным образом всеобщие формы движения».

В частности, это не мешает тому, что он дал прекрасный, единственный в своем роде, анализ категорий качества и количества в их конкретной, противоречивой природе, в их связи и взаимных переходах, в их единстве. Тем самым была дана база для научной методологии, и ныне было бы смешно пытаться метафизически рассматривать две эти категории абстрактно, изолированно, или пытаться признать лишь одну из них, как имеющую обективное значение.

Но это делается еще и теперь. Чудовищно, что это делается людьми, которые себя считают диалектиками. Это возможно, конечно, только при полной «беззаботности» по части теории диалектики. Нет ничего удивительного, что они после этого против теории диалектики вообще.

Пример абстрактного метафизического анализа категории «качество» дает, между прочим, тов. Сарабьянов. Считая вопрос о качестве важнейшим для диалектики (в чем он до известной степени прав), этот автор посвящает в своем «Историческом материализме» особые главы разбору этой категории. И все же по существу он упразднил «качество», как обективную категорию мира.

Хотя истина заключается только в единстве качества и количества, мы здесь думаем остановиться преимущественно на категории качества, потому, что именно на этой категории свищутся некоторые современные «ученые марксисты», застрявшие на механическом миропонимании.

В настоящее время одной из основных злободневных задач марксистской философии является, если не «защитить честь» качества, которое на практике само за себя стоит, то защитить теорию, защитить науку от проникновения, от засилья абстрактно-количественных воззрений, ибо диалектика с такими взглядами несовместима.

II. «Качество, как таковое».

Существуют такие любители определений, которые думают, что все дело заключается в уменьи, в одной ловкой фразе дать ясное, законченное определение предмета или понятия. Вот тов. Сарабьянов особенно печалится на то, что «в марксистской литературе определения качества не существует». При этом тов. Сарабьянов утверждает: «и Гегель, и Маркс с Энгельсом, и Плеханов широко использовали категорию «качества», как метод, т. е. оружия изучения, но мало уделили внимания самому явлению».

Здесь прежде всего пикантно замечание по адресу Гегеля. Откуда тов. Сарабьянов знает, занимался ли Гегель анализом качества? Если бы знал, конечно, не сказал бы того, что сказал.

Затем, «мало уделили внимания» — это значит не дали никакого застывшего определения, ибо ясно, что «жизнь» качества, ее связью с количеством, его переходами и пр. и Энгельс, и другие внимание уделили достаточно. Но теория диалектики вообще учит, что определения всегда могут лишь приблизительно отражать предмет, имеют лишь относительную ценность, т. к. не могутхватить всего богатства действительности. Даже Иммануил Кант, философ весьма педантический, нашел возможным обойтись без определений тех категорий, с которыми имело дело в своей философии. «От определения перечисленных категорий, — пишет Кант, — я намеренно воздерживаюсь в настоящем исследовании... Здесь они только отвлекали бы от главного пункта исследования, возбуждая сомнения и нападки, которые лучше отложить, поскольку не вредят нашей цели по существу»¹⁾.

Повидимому, примерно, так же рассуждал Энгельс, Плеханов и др. Но поскольку в наше время некоторыми «марксистами» находится невероятная путаница, поскольку, в частности, качество при этом сводится к «отношению» или еще к «отношению свойств» (Сарабьянов), то приходится в той или иной мере выяснить различие таких категорий, как «качество», «отношение», «свойство», имея в виду дать приблизительное определение «качества».

Наиболее полный анализ категории «качества» — и при этом диалектической точки зрения — дал Гегель. Энгельс и Ленин разом призывают к тщательному изучению Гегеля.

Но, как это известно теперь каждому рабфаковцу, «первый грех Гегеля заключается в идеалистическом исходном пункте его системы. Это отражается и на исследовании категории в «Логике» Гегеля. Категория «качества» есть категория, что несомненно. Но Гегель, выводя эту категорию, опирается на такой исходный пункт, как абстрактное бытие во всяких дальнейших определений.

Что попытка исходить из чистой абстракции неудачна, это мы знаем со временем Фейербаха прекрасно. И если теперь тов. Плеханов пишет, что «основная ошибка Гегеля заключается

¹⁾ Кант, «Критика чистого разума», 1915 г., стр. 76.

«Замечание Марксизма».

в том, что он начинает с мыслимого бытия и что из абстрактных «бытия и ничего» нельзя вывести становления¹⁾, то он только повторяет то, что не раз говорилось даже самыми шатенованными идеалистами. Например, такой «философский черносотенец» (по выражению Ленина), как проф. Лопатин, пишет: «Содержится ли признак перехода в самых понятиях бытия и небытия, отвлеченно взятых? Достаточно углубиться в их взаимное логическое отношение, чтобы заметить, что никакой идеи о движении в них не усматривается»²⁾ и т. д.

Все это верно само по себе. Едва ли кто-нибудь лучше, чем сам Гегель представлял себе, что его абстрактное «бытие вообще» есть именно только абстракция, тем более, что именно Гегель всей своей логикой доказывает, что категории не имеют «истины» в их абстрактности. Чистое бытие есть чистая мысль, говорит Гегель. Но может ли мысль начинать с «чистого бытия»? Нет, не может. Это и доказывает совершенно справедливо Л. Фейербах в своей критике философии Гегеля.

То, что ценно у Гегеля, — это обнаружение противоречий природы всякого бытия, заключающего в себе и реальность, и ограничение, «бытие и небытие».

«Истина бытия и небытия — это становление» — верно это или нет? Я думаю, что это верно. Истинным началом является и у Гегеля (в «Феноменальном духе»), как и в мышлении вообще, — эмпирическое многообразие действительности.

Именно поэтому Плеханов имел полное основание сказать: «Гегелева логика вовсе не есть порождение чистой мысли; она создана предварительным абстрагированием от природы... В диалектике Гегеля почти всё взято из опыта».

Потому-то именно и ценна гегелевская логика; потому-то и недостаточно отмахнуться от нее ссылкой на «идеалистический исходный пункт».

Итак, абстрактное бытие ни в мышлении, ни в действительности не предшествует конкретному бытию и становлению. Но и абстрактно-эмпирическое «здесь» и «теперь», исходные моменты «Феноменологии Духа», тоже не могут быть началом. Наконец и само «становление», изменение вообще — тоже не может быть первым для сознания. Сознание охватывает изменение, поскольку оно уже сравнивает, различает определенные моменты непосредственного бытия. Представления об изменении нет, где нет перцепции качества, ибо сознание должно на чем-то фиксироваться, чтобы стало возможным сравнение и различие.

Таким образом, если рассматривать вопрос субъективно, а категории, как мыслительные, то качество есть то, что сознание выделяет из общего потока бытия, как относительно устойчивое. Тем самым сказано также, что определение этой столь общей «категории» может носить только весьма общий характер.

«Все течет» — эта истинна явилаась, как результат опыта. Но она недостаточна. Здесь еще не на чем остановиться. Здесь нет еще

¹⁾ «Диалект. в природе», Сборн., Вологда 1926, стр. 85 и 87.

²⁾ Л. М. Лопатин, «Положительные задачи философии», ч. I, 1911 г. стр. 378.

никакого «утверждения», одно отрицание. Нет «наличного бытия», нет никакой определенности, никакой опоры... «Наличное бытие», определенное, конкретное бытие, эта истина всякого бытия, возможно только, как отрицание этой абсолютной текучести, этого голого отрицания. «Нечто есть первое отрицание отрицания», говорит поэтому Гегель. «Отрицание» в диалектическом смысле, конечно, не уничтожает становления, но, преодолевая, оправляет его. Это замечание для критиков «неогегелианства» за читавших Гегеля...

Гераклит говорил: «мы не можем спуститься два раза по одной и той же реке». Другой философ Кратил, добавлял: что нельзя это сделать и однажды. По поводу последнего Плеханов замечает: «в таких суждениях элемент наличного бытия как бы отменяется элементом становления. Это злоупотребление диалектикой, а не правильное применение диалектического метода»¹⁾.

Нечто, определенное «наличное бытие» — это и есть качество²⁾, вернее оно неразрывно с качеством, ибо качество — это есть та самая определенность, которая делает «нечто», что оно есть, и без которой этого «нечто» нет вовсе.

То злоупотребление диалектикой, о котором говорит Плеханов и которое за изменением не видит устойчивого, приводит к абсолютному реализму. Между тем «в природе нет ни абсолютного постоянства, ни абсолютной изменчивости, ни абсолютного бытия, ни абсолютного становления»³⁾.

Это постоянство или устойчивость в изменчивости есть то, что делает возможным определенное бытие, определенность которого, делающая его тем, что есть, и есть его качество.

Я взял сначала субъективную сторону дела: устойчивое в представлении. Но оно возможно в представлении только потому, что оно имеется в объективном мире. Для материалистов же, кажется, не нуждается в дальнейшем обосновании: ведь, основание этого положения есть обоснование материализма вообще.

Во всяком случае естествоиспытателям прекрасно известно значение момента «устойчивости».

Я могу здесь сослаться хотя бы на Дж. Дарвина. «В мире жизни, — говорит он, — натуралист называет устойчивые и сохранившиеся формы видами; подобным же образом физик говорит об устойчивых внешних формах (конфигурациях) или способах движения материи, а политик говорит о государствах. В основе же этих представлений лежит идея устойчивости или способности сопротивляться разложению».

И далее, в другой статье:

Законы, регулирующие устойчивость, прочно установлены в самых разнообразных областях; они приложимы и к движениям планет вокруг солнца, и к внутреннему расположению тех мель-

¹⁾ Плеханов, Предисловие к «Людвигу Фейербаху» Энгельса. Петербург 1919 г., с. XXIII.

²⁾ См., напр., заметки Ленина при чтении «Науки логики»: «Наличное бытие — есть определенное конкретное бытие — качество». «Под Знаменем Маркса» 1925, № 1—2, стр. 21.

³⁾ Деборин, «Философия и марксизм», 1926, стр. 298.

чайших частичек, из которых построен каждый химический атом, и к формам небесных тел». — «Решение проблемы эволюции связано с отысканием тех постоянных и устойчивых форм, которые биологи назвали бы видами»¹⁾.

Дж. Дарвин в статьях, которые мы здесь цитируем, подробно останавливается на вопросе об устойчивости на примерах отношения луны и земного шара и происхождении двойных звезд. При этом он дает также и картину перехода от одного «качества» к другому. Так он рассматривает модель идеальной жидкой планеты, которой сообщается ускоряющееся вращательное движение. Ее устойчивость, — пишет он, — уменьшается с увеличением скорости вращения и, наконец, мы достигаем стадии на которой устойчивость исчезает. В этот момент форма ее представляется переходной, являясь началом нового вида, с чертами, отличными от предыдущей и с весьма слабой устойчивостью или способностью к длительному существованию. Если мы сообщим ей еще большую скорость вращения, устойчивость нового вида возрастает до максимума и затем начинает падать пока не образуется новой переходной формы и не возникнет нового вида. Таким путем мы переходим от вида к виду со все возрастающей скоростью вращения»²⁾.

Аналогичные явления, замечает Дж. Дарвин, наблюдаются в истории человеческого общества.

Излишне было бы продолжать ссылки на естествознание. Совершенно ясно, что в природе изменчивость и постоянство взаимно сочетаются. Соответственно с этим, и в теории диалектики изменчивость («становление») является первой истиной, первым отрицанием метафизической неподвижности формально логических представлений, но не единственной, не последней.

Второй истиной, первым отрицанием отрицания, «утверждающей» в изменчивом относительную устойчивость — является «качество», «определенное бытие», Dasein, в терминологии Гегеля. Таким относительно постоянным, относительно устойчивым являются различные формы движения и различные сочетания материи, отдельные роды и виды явлений и отдельные тела, вещи, словом, все, что имеет какое-нибудь определенное бытие.

Гегель определяет качество, как «тождественную с бытием определенность, так что все существующее перестает быть тем, чем оно есть, когда теряет свое качество» («Энциклопедия», т. I, стр. 143).

В общем это прекрасное, достаточно широкое определение, но и оно нуждается в некотором дополнении с точки зрения материализма. Ибо что такое определенность? И что такое «чечто» («чем оно есть»)?

Субъективно это то, что позволяет устанавливать сходство и различие, создает самые общие предпосылки для упорядоченных представлений. Объективно, в материальном мире, это относительно устойчивые формы движения или сочетания материи — устойчивость которых выражается 1) в более или менее постоянном характере изменений, движений, которым они сами подвержены. 2) в более или ме-

нее сохраняющемся характере изменений, которые вызываются ими в других вещах, с ними соприкасающихся. Но изменения в пределах данного качества, изменения, не разрушающие данной, относительно устойчивой формы, называются Гегелем количественными изменениями, в чем бы они ни выражались.

В отличие от изменения самого качества, — это изменение тех или иных пространственно-временных определений «чечто» (величина, скорость и проч.) или интенсивности».

Процесс количественного изменения вещи не есть чечто неопределенное другое, по отношению к ее качеству, определяется качеством вещи и является существенным моментом в определении самого качества.

«Количество, — говорит Гегель, — есть такая определенность, которую бытие имеет вне себя и к которой оно равнодушно; так, напр., дом остается тем он есть, будет ли он больше или меньше, и красное остается красным, будет ли оно светлее или темнее» (Там же).

Качество не исключает изменения в своих пределах. Напротив, оно «включает в себе изменчивость без изменения самой вещи» («Наука логика», стр. 28).

Интенсивность качества, степень, — это количественное определение, не связанные (в известных пределах: количество же «переходит в качество», т.е. приводит к изменению качества), с бытием вещи.

Насоборот, качественная определенность — «одно с ее бытием»¹⁾. Совершенно в этом же духе пишет Л. Фейербах: «Только определенное бытие есть бытие». «Отнимите у бытия определенность, и вы не оставите мне более и бытия». «Если вы человека отнимете то, посредством чего он является человеком, то без всякого затруднения вы можете доказать мне, что он не человек».

Единственным различием, границей между бытием и ничем — является определенность. Если я вычитаю содержание того, что есть, что будет представлять из себя, это «есть»?²⁾.

Все это Л. Фейербах направляет против представления о бытии, совершенном абстрактном, бескачественном, с которого Гегель начинает свою логику.

Но, поскольку Гегель говорит о конкретном бытии, как раз и доказывает, что, «благодаря своему качеству, нечто есть то, что оно есть и, теряя свое качество, оно перестает быть, чем было». Таким образом, «качество есть неразрывная конкретная бытием определенность».

Более полным и точным формулировкам определение «качества» поддается с трудом. Гегель сам сознавал это. Поэтому он пишет: «определенность, изолирования так для себя, как «указ определенность, есть качество — нечто вполне простое, непосредственное... Вследствие такой простоты о качестве, как правило, ничего нельзя более сказать»³⁾.

¹⁾ «Наука логики», перевод Дебольского, стр. 28.

²⁾ Л. Фейербах, «Сочинения», т. I, Гиз 1928, стр. 19 и 131.

³⁾ «Наука логики», стр. 51.

¹⁾ «Философия науки», сб. под ред. А. К. Тимирязева, ч. I, стр. 90, 121, 106.

²⁾ Там же, стр. 106.

Качество—это определенность. Но определенность бывает и количественная. Изменения в пределах одного качества не прекращаются. Но это и есть то, что называется количественным изменением.

В том разрезе, в котором мы берем мир и его изменчивость, эта последняя может быть или качественной, или количественной. Но когда для нас вещь от одного определенного состояния (качества) переходит в другое, и мы в этот момент не можем сказать о ней ни «да», ни «нет», то и об'ективно происходит в этот момент переход от процесса одного типа к процессу другого типа (мир вещей—мир «процессов»), от одного качества к другому. Качество известное время сохраняется, но процесс развития продолжается,—это «количественный процесс».

Возможно, конечно, что кому-нибудь не понравятся такие названия «количественного» и «качественного» изменения. Пусть предлагают другие термины. Дело не в словах, дело в том, что таковы действительно два различных типа изменений, как бы их ни называли. Слова можно менять, дело не изменится, может только получиться терминологическая путаница, неизбежно переходящая в путаницу представлений.

Каковы обычные примеры «качеств» у Гегеля, например? В «Энциклопедии», в отделе о качестве, он называет: кислород, азот, луг, лес, пруд и пр. (стр. 162 и др.).

Каждая вещь есть синтез качественных и количественных определений. Но то, что делает ее именно данной вещью—это ее качество.

В своем последнем «ответе» мне тов. Сарабьянов так пишет о моей «метафизике»:

«Ведь т. Столяров без раздумья относит к различным качествам лошадь и корову, зерно и «продолжение» зерна—стебель. По нему весь мир об'ективных явлений в каждый данный отрезок времени есть совокупность определенных качеств, количественно изменяющихся».

Очень приятно еще раз убедиться, что сам тов. Сарабьянов думает иначе. Это только подтверждает правильность моего первоначального утверждения, что Сарабьянов не признает обективности качеств, что в свою очередь означает, что в тов. Сарабьянове «качество» материалиста уживается с «качеством» субъективного идеалиста. «Уживчивость» же не всегда бывает достойна одобрения.

Вполне естественно, что мы в обычном словоупотреблении называем «качествами» то самые вещи, то свойства вещей. Одного ведь не существует без другого. Но единство нельзя превратить в безразличное тождество. Посему отождествление качества со свойствами, хотя и годится в качестве обычного словоупотребления, становится ложным, если на нем настаивать, как на полной истине. Подробнее об этом будет сказано дальше.

Во всяком случае, мы из сферы определений «непосредственного бытия» вторглись уже, вместе с вопросом о вещи и ее свойствах, в сферу «определенений рефлексии».

Таким же вторжением является и определение качества как «формы». Это определение законно вообще, поскольку

мы субстрат, как «содержание» этой формы берется материя вообще, или реальности вообще.

Так тов. Деборин пишет в одной из недавних статей: «Каждая новая ступень составляет новый синтез, новую форму определования движущейся материи. Смена форм и сводится прежде всего к качественному изменению; качественное изменение и перемена формы—одно и то же»¹.

Это не исключает того, что качество относится к содержанию и наприменено его предполагает. Диалектика как раз и учит, что форма есть форма определенного содержания и не существует без него так же, как и обратно.

Форма и содержание соотносительны и меняются местами. Форма статуи сама становится ее «содержанием» и т. п. Мы говорим поэтому о качестве как формы, так и содержания (например, книги, стихотворения и пр.).

Выражаясь в «гегельянских» терминах, каждая категория рефлексии предполагает все категории «непосредственного бытия». Поэтому также «непосредственное существование (т.е. и качество. А. С.) есть определенность как формы, так и самой материи», говорит Гегель².

III. Качество, отношение и свойство.

Следует вообще признать, что «категории бытия», как они пишут у Гегеля, нельзя ни вывести, ни понять без «категорий сущности» или рефлексии. Гегель впадает здесь в самообман, или думает (а именно в этом смысле он высказываеться), что в первом отделе его «Логики» действительно только «внешние переходы», а той «диалектики отношений», которую он развивает во втором отделе, здесь еще вовсе нет.

Здесь повторяется то противоречие, которое в свое время было у Гегеля Фейербах: то, что в изложении «Логики» формально есть начало, то вовсе не является началом в действительности и даже в мышлении.

Фейербах писал, что философия Гегеля содержит противоречие «между сущностью и формой, между мыслимым и намильным». Конец, т.-е. вся полнота абсолютной идеи, предполагается уже вначале, хотя по видимости она должна быть предана из «саморазвития понятий, начиная с самого абстрактного и непосредственного». «То, что Гегель предполагает в качестве посредствующих звеньев и членов, то он уже мыслил, нечто определенное идеей»³. «Бытие—это уже действительность идеи, бытие—это не что иное, как идея в своей непосредственности, поэтому незнание идеи о самой себе вначале, в смысле идеи, только ироническое незнание»⁴.

В конечном счете, по отношению к гегельской системе это значит, что чисто логическое выведение понятий немыслимо, это разрушает гегельевский «панлогизм», т.-е. базис самой защищенной идеалистической философии.

¹ Под Знаменем Марксизма, 1925 г., № 10—11, стр. 34.

² Энциклопедия, т. I, стр. 237.

³ Л. Фейербах, Сочин., т. I, стр. 21.

⁴ Там же, стр. 23.

По определениям же к категориям бытия это означает, что, напр., отношение качества и свойства или «бытия в себе» и «бытия для другого» понять нельзя, если не понимать отношения «сущности и явления».

Поэтому, пожалуй, некоторые популяризаторы и вульгаризаторы марксизма и запутываются в проблемах качества, отношения, свойств и т. п.

Тов. Сарабьянов, например, «открыл», что нет качества вне отношения и решил поэтому, что за отношением ничего больше нет, разве только некая «субстанция вообще». Сарабьянов целил свел качество к отношению. Почему? Да в значительной мере потому, что не знает или, вернее, не понимает, что явления не бывают без того, чтб явятся, т. е. без соответственной «сущности».

Или, подобно механистам, считают, что мир явлений многоцветен, многообразен, многокачествен, а «сущность» вещей—это бескачественные, «простые», чисто-количественные отношения. Явления и сущность, внешнее и внутреннее разрываются на два обособленных мира.

Забывается та истинна диалектики, которая выражена в известных, часто марксистами цитировавшихся словах Гете: «нет ничего чисто-внешнего и чисто-внутреннего, потому что вне проявляется то, что есть внутри».

Качество, например, как определенность бытия, делающая его бытием, заключает в себе, как это показал тот же Гегель, два противоположные момента: реальность и отрицание. Реальность—это самый момент бытия в качестве. Отрицание—это ограниченностъ бытия, которая делает его определенным. «Окисляемость»—вот пример «качественной границы» у Гегеля. Эта «граница» есть отношение или «бытие для другого».

Что же это «бытие для другого»—лежит ли оно вне качества, вне «бытия в себе»? Нет. Не только «бытия для другого» нет без «бытия в себе», но оно само и есть только часть «бытия в себе», одна его сторона, его проявление. «Нечто сохраняется в своем несуществовании», говорит Гегель.

Подобно этому, Ленин пишет, излагая Гегеля и соглашаясь с ним: «В жизни, в движении все и вся бывает как «в себе» так и «для других» в отношении к другому»¹⁾. И затем то же самое по существу в совершенно другом месте: «Вещи в себе отличаются от вещей для нас, ибо последняя—только часть или одна сторона первой»²⁾.

Когда теперь тов. Сарабьянов клянется и божится, что качество—это отношение и что он сделал это великое открытие, то это крайне смешно. Уже Гегель прекрасно выяснил и марксизм развил и подтвердил, что всякое качество включает в себе отношение, но не сводится к нему.

Если качество—отношение (да при этом еще взятое чисто условно, в зависимости от практических потребностей человека), то что же лежит в его основе, что является, так сказать, «сущностью» данного явления?—Вещь в себе. Какая? Бескачественная? Но это будет подлинный «трансцендентальный

идеализм». Может быть объективным и первоначальным является «свойство»? Так как будто выходит у Сарабьянова. Но свойство есть опять же отношение (подробнее об этом дальше). Таким образом, мы ни в единий шаг не продвинулись из дебрей сарабьяновской путаницы.

Выбраться же тов. Сарабьянов может, если скажет просто, то ошибся, сведя качество к отношению. Отношение есть «бытие для другого» вещи, которая, с другой стороны, непременно есть нечто определенное «в себе», некое объективное качество.

«Для нас реальность отдельного чувственного бытия—это наша кровью запечатленная истина» (Фейербах). У Сарабьянова же из двух неразрывных моментов качества: реальности или «бытия в себе» и отрицания или «бытия для другого» (отношения) первый момент совершенно исчезает.

Что остается у тов. Сарабьянова? Остается, с одной стороны, «качество», как условные и субъективные определения. С другой стороны, должна остаться бескачественная «вещь в себе»,—«сарит шогтиш отвлечения», по выражению Гегеля. Но вещь в себе также не существует без отношения, как и отношения без качественно-определенных вещей в себе.

Но т. Сарабьянов не останавливается на том, что ставит знак равенства между качеством и отношением. Напомню его определение качества: «Наше определение качества будет выражено, как отношение одной совокупности свойств к другому»³⁾. Такое же определениедается и в других книгах того же автора⁴⁾.

Итак, не только отношение, но отношение свойств. А что такое «свойство»? Свойство, как мы это сейчас покажем, есть она из форм отношения. Получается, следственно, «качество»—отношение отношений.

Итак, что есть свойство? Качество есть свойство прежде всего и преимущественно в том смысле, поскольку оно обнаруживает себя во внеречном отношении, как имманентное определение. Напр., под свойствами трав разумеют определения, которые не только вообще чему-нибудь свойственны, но такие, через которые они своеобразно сохраняют себя в отношении к другому, не допускают в себе чужих положений в нем влияния, и сами заявляют свои собственные определения в другом⁵⁾.

Гегель в этих словах весьма тонко определяет свойство, как это отношение к другому, в котором качество «нечто» проявляется свое «в себе». Поэтому познать свойства вещи, значит познать ее «в себе бытие», ибо оно-то и проявляется в свойствах.

В другом месте Гегель пишет: «Все вещи не ограничиваются в своем существовании этим отвлеченным моментом (в себе бытие); они необходимо отражаются в другое, и потому они имеют свойства»⁶⁾.

В познании вещи существуют «для нас». Это—часть их «бытия для другого». Плеханов в одной статье ставит вопрос: «Что такое свойство вещи?»—и отвечает: «Это именно тот способ, которым она действует на нас непосредственно или посредственно»

¹⁾ Сарабьянов, «Основное в едином и пр.», стр. 97.

²⁾ См., напр., «Исторический материализм», изд. 7, стр. 159.

³⁾ Гегель, «Наука логики», стр. 54.

⁴⁾ «Энциклопедия», т. I, стр. 225.

¹⁾ «Под Знам. Маркс.», 1925 г., № 1—2, стр. 21.

²⁾ Ленин, Собр. сочин., т. X, стр. 94.

(«Критика наших критиков», изд. 1906 г., стр. 171). Конечно, Плеханов прекрасно сознавал при этом, что свойства вещи проявляются не только по отношению к нам, что они также обнаруживаются в отношениях вещей с вещами помимо «нас». Фейербах это выразил в следующих прекрасных словах:

«Итак, пусть не приписывают виртуозности и универсальности одного Я того, что относится к собственной жизненной силе и индивидуальности вещей и потому возбуждает не-Я таким же точно или аналогичным образом, как и я. Тешота весеннего солнца, выманивающая из свежий воздух человеческое Я из оков холодной бюрократии, извлекает также и ящерицу и слепых змей из их логовищ на свет. Горный кристалл, не ставящий никаких границ световым лучам, именно поэтому и дает возможность нашим взорам проникнуть сквозь себя, к величайшему наслаждению для наших глаз; воск, почти невесомый для наших чувств, производит на воду лишь поверхностное давление, в то время как тяжелый камень, идущий в воде на дно, придавливает к земле и нас самих. Как счастливы мы были бы, если бы природа нам одним раскрыла свои чары! Медвяная и восковая моль не опустостыдилась бы тогда наших ульев, долгоносик не уничтожал бы наших пчел, капустные гусеницы — наши огородные овощи! Тем не менее то, что кажется вкусным и сладким нам, нравится и другим существам вне нас»¹⁾.

Итак, свойство есть качество, поскольку оно «своебразно сохраняет себя» в отношении к другому. Поэтому, как я уже писал, нет ничего страшного в том, что мы обычно в речи отождествляем свойство и качество. Но что допустимо в обычном словоупотреблении, то не всегда допустимо в философском анализе, где необходимы более строгие определения.

В марксистской литературе вещь и качество приравниваются сплошь и рядом. Процесс перехода одного качества в другое и одной вещи в другую отождествляется (см., напр., у Плеханова: «Критика наших критиков», изд. 1906 г., стр. 108 и др.). Это и правильно, поскольку качество вообще есть «то же самое с бытием определенность» (Гегель), так что «что-либо перестает быть тем, чем оно есть, теряя свое качество».

С другой стороны, свойство тоже есть качество, но лишь в известном смысле, а именно: в определенном отношении «к другому».

Но вот это-то «в известном смысле» и делает сие «отождество» необратимым. Нельзя сказать: «качество — это свойство», потому что качество еще включает в себя момент «отношения с собой»: момент «в себе бытия».

Отношение. О нем тоже можно в известном смысле сказать, что это — качество. Именно, это одна сторона качества, его «бытие для другого» вообще.

Отношение само есть некая «определенность бытия» и как таковая — качество. Но оно немыслимо без некоего «в себе бытия»; а «в себе бытие» — это момент, «отрицающий отрижение», момент, противостоящий «отношению». Поэтому, если даже сказать: «отношение есть качество в известном смысле», то

¹⁾ Л. Фейербах, Сочин., т. I, стр. 48.

никак нельзя сказать, что качество — это вообще отношение, или «отношение свойств». Если, например, предположить, что Сарабьянов относится ко мне очень плохо, то ведь это «отношение» не витает надо мной и т. Сарабьяновым, как нечто «само по себе». Оно предполагает свое «бытие в себе» в форме тех или иных внутренних переживаний тов. Сарабьянова.

Здесь, кстати, небольшая оговорка. Если я в настоящей статье так часто останавливаюсь на тов. Сарабьянове, то это происходит, конечно, не потому, что я его считаю самым одиозным или очень теоретически сильным ревизионистом в марксизме. Это объясняется тем, что 1) мне приходится *volens-nolens* еще заниматься его особой, поскольку он отвечает в печати на свое более раннее выступление против его ошибок; 2) тов. Сарабьянов особенно интересовался и много писал как раз о категории «качества», придавая этой категории важнейшее значение. Поэтому его произведения содержат множество характерных ошибок именно по этому вопросу.

Вот, например, отношение качества и свойств — это еще один вопрос, по которому т. Сарабьянов вводит в заблуждение себя и своих читателей. Уже одна ошибка в этом вопросе сама по себе способна сбить и ее автора и его читателей с пути релятивизма и суб'ективизма, поэтому ее нельзя, невозможно обойти молчанием. Коротко дело сводится к следующему: по Сарабьянову «качество» есть «теоретически» такая совокупность (по существу же выходит: сумма) свойств, по каждое новое свойство вещи делает ее новым качеством. Из этой совершенно ложной посылки автор делает следующий же более или менее «последовательный» вывод: в объективном мире, объективно, независимо от познающего субъекта не существует качественных различий. Качественные различия, следственно, устанавливаются субъектом, на основании субъективной, «антропоморфной» оценки объективных свойств.

В своей последней статье, в этом же номере (раздел 4 его книги) тов. Сарабьянов дает такой «блестящий» пример, достойный той мысли, которую он иллюстрирует: у определенного человека вскочил прищек на носу; спрашивается, — стал ли от этого сей человек новым качеством? Прищек — рассуждает наш эрудит — есть свойство. В одном отношении (с точки зрения «какой-нибудь обварительной блондинки») это важное свойство, в другом — нет. Посему в одном отношении человек с прищеком есть новое качество, в другом — нет. Все условно, все относительно. «Качество есть объективно-субъективная категория» (как пишет автор в другом месте).

Чтобы тов. Сарабьянов не сказал, что его извращают, приведем его собственные слова по данному вопросу из одной его философской брошюры:

«Если, при сравнении двух совокупностей свойств, мы не найдем среди них такого или таких свойств, которые есть в данной вещи, но которых нет в другой данной вещи, то оба предмета должны быть квалифицированы, как одинаковые качества»¹⁾.

¹⁾ Вл. Сарабьянов, «Беседы о марксизме», Москва 1925 г., стр. 33.

«Наличие в вещи какого-либо свойства или отсутствие его сравнительно с другой вещью уже делает из этих двух вещей два разных качества» (там же, стр. 36). «Любая вещь теоретически есть совокупность «бесконечного количества» свойств, а потому теоретически верно предположение, что в любой момент какое-нибудь свойство или возникло, или умерло, а потому любая вещь есть в любой другой момент уже иное качество» (там же, стр. 35).

Исно, что в последних, подчеркнутых мною, словах качество, как об'ективная категория, уничтожено. Поэтому дальше тов. Сарабыянов сейчас же пишет: «Мы пришли теоретически к безуказенному выводу (курсив наш. А. С.), в определении «качества», но вывод этот практически бесполезен. В самом деле, нам нужно действовать в отношении к данной вещи в зависимости от того, какова эта вещь, т.е. определившее ее качество; определить же качество невозможно, так как теоретически получается, что в своих соседних точках времени, определенных микроскопически малым промежутком времени, данная вещь представляет собой разные качества».

И на следующей странице книжки повторяется фраза о том, что «такое определение качества, теоретически правильное, практически бесполезно».

Недурно сказано! Недурное понимание «единство теории и практики»!

Какой же вывод предлагает гос. Сарабыянов? Он предлагает отбросить к чорту «теоретически правильное определение качества» и устанавливать субъективно, в зависимости от «важного или неважного» практически, какие свойства считать делающими «новое качество», такие нет.

«Объективно—все важно. В этом отношении очень прав был Гегель, говоря: «Все действительное—разумно». Объективно все одинаково разумно».

«Таким образом качество есть объективно-субъективная категория».

«Без субъективизма никакое деление на классы, роды, виды просто невозможно (курсив наш. А. С.), так как признаков бесчисленное множество, а важного и неважного объективно в природе не существует»¹⁾.

Очень интересно проследить, почему в данном случае тов. Сарабыянов скатился к субъективизму, обо что он споткнулся. Дело, конечно, в незнамстве с той теорией диалектики, значение которой неясно еще для многих современных «марксистов». Точнее, в данном случае тов. Сарабыянов споткнулся в непонимании об'ективного значения категорий необходиности и случайности. На опыте тов. Сарабыянова мы снова убеждаемся, насколько, действительно, «категория бытия» нельзя как следует понять без изучения «категорий рефлексии».

Тов. Сарабыянов, конечно, совершенно наивен, когда думает, что по Гегелю «объективно—все важно», или об'ективно все «одинаково разумно». Конечно, тов. Сарабыянов не знает, что именно Гегель подразумевал под «действительностью», которая

¹⁾ Там же, стр. 37.

разумна». С этим согласится всякий, знающий Гегеля не по наслышке только.

По Гегелю, и с точки зрения материалистической диалектики также, случайное, а, следственно, также важное и неважное²⁾, не является лишь субъективной категорией.

История имела бы крайне мистический вид, если бы случайности не играли роли», пишет Маркс.

Гегель, по отношению к формам, например, различает «существенные» формы и «внешние» (или «равнодушные», как он иногда выражается). Так он пишет, в виде примера, что «содержание книги не изменится от того, будет ли эта книга переписана или напечатана, будет ли она переплетена в папке или в сафяне» и пр.³⁾. Не от всякой «формы» зависит содержание.

Подобно этому не всякое отдельное изменение в свойствах вещи делает ее другим «качеством», другой «вещью».

«Что-нибудь перестает быть тем, чем оно есть, когда теряет свое качество. Напротив, хотя вещь необходимо имеет свойства, однако же ее существование не связано с существованием тех или других определенных свойств, она может потерять некоторые из них, не переставая быть, чем она есть»⁴⁾.

Для Гегеля такое определение возможно, потому что он придает об'ективное значение категорий «случайного», «существенного», «несущественного» и пр.

Тов. Сарабыянов, наоборот, допускает лишь их субъективное значение (по крайней мере в этих его рассуждениях о свойствах и качествах).

Может быть, он думает, что у Гегеля все сие—следствие идеалистического содержания его системы. Но Энгельс и Маркс, и другие марксисты признавали об'ективное значение указанных категорий. Доказывать это в настоящей статье я не собираюсь, пока нет нужды.

У тов. Сарабыянова выходит по существу (сам он, конечно, этого не думает), что качество есть сумма свойств, а не «совокупность», как он чисто «внешнее» (для своей мысли) выражается. Ибо, прежде всего, в «совокупности» имеется органическое слияние или взаимодействие различных свойств, в условиях каждого эти различные свойства никак не могут быть «одинаково важными».

Человек может быть левшой или лысым, глупым или гениальным; но он не может быть человеком без сердца или без желудка и пр. Здание может не иметь форточек и даже окон, но не может быть без стен. Дерево остается собою, потеряв некоторую часть листьев, но погибнет, если вокруг ствола срезать кору и т. д.

Наоборот, сумма изменяется с переменой каждого слагаемого. Делая все свойства «одинаково важными» об'ективно,

¹⁾ «Существенное и несущественное» в терминологии «Науки логики».

²⁾ «Энциклопедия», т. I, стр. 236.

³⁾ Гегель, «Малая логика», стр. 226. Подчеркнуто нами.

тов. Сарабьянов, естественно, стал отрицать и об'ективность качества и додумался до такой несусветной чепухи, как субъективность деления на классы, виды и пр.

Посему он и в последней своей статье¹⁾ защищает старые философские позиции тов. А. В. Луначарского, поскольку последний «подчеркивает активный момент в познании, подчеркивает субъективизм» (курсив наш).

Интересно, что в то время как тов. Сарабьянов еще пытается со своим чудовищным «антропоцентризмом»²⁾, даже не материалисты-философы, а несколько путаные в области философии, но истинные учёные в своей области,—есть и спиритуалисты видят в освобождении от субъективных, антропоморфных³⁾ моментов в естествознании характеристику его прогресса.

Так, М. Планк пишет: «Развитие всей теоретической физики до настоящего времени совершается под знаком об'единения ее системы, которое достигается благодаря освобождению от антропоморфных элементов, в частности—от специфических чувственных ощущений».

Например, в учении о свете или, точнее, в учении о лучистой энергии,—говорит Планк,—физика достигла таких методов изучения, что «человеческий глаз является при этом совершенно выключенным, он выступает только в качестве случайного, правда, очень чувствительного, но довольно ограниченного реагирующего прибора, так как он воспринимает лучи внутри небольшой области спектра, едва достигающей ширину октавы. Для остального спектра выступают на месте глаза другие восприимчащие и измеряющие приборы, как, напр., волновой детектор, термоэлемент, болометр, радиометр, фотографическая пластика, ионизационная камера. Таким образом, отделение основного физического понятия от специфического чувственного ощущения произошло в оптике так же, как и в механике, где понятие силы уже давно потеряло свою первоначальную связь с мускульным ощущением»⁴⁾.

Итак, нельзя ни приравнять качество и свойство, ни приравнять качество к «сумме свойств».

В этом смысле совершенно верно сказано в «Логике» Зигварта: «Именно различие вещи от ее свойств делает непротиворечивой ту мысль, что та же самая вещь может иметь одновременно и последовательно различные свойства. Если бы вещь была только суммой свойств... тогда невозможно было бы даже притянуть мысли об изменяющейся вещи, при малейшем изменении мы имели бы исчезновение прежнего единства и его замещение новым»⁴⁾, иначе составленным. Если в сумме изменяется хотя бы одно слагаемое, то сумма не может оставаться той же самой, во-сама становится иной»⁵⁾.

¹⁾ В наст. № журнала.

²⁾ «Решение вопроса о качестве вне «антропоцентрической» постановки его невозможно». Вл. Сарабьянов, «Основное в едином и пр.», стр. 102 и 103. Маркс звал к антропоцентризму, пишет там тов. Сарабьянов.

³⁾ М. Планк, «Физические очерки», Гиз, 1925, стр. 8 и 112—113.

⁴⁾ Сравните с тем, что говорит Сарабьянов; он считает, что об'ективно так оно и есть.

⁵⁾ Зигварт, «Логика», т. II, вып. 1, стр. 112—113.

Кратко можно так формулировать те основные соображения, из которых вытекает невозможность приравнения «качества» к «сумме свойств»:

Во-первых. За свойством, как отношением, и за суммой этих отношений остается момент реальности «определенного бытия», остается момент «в себе бытия», которое и проявляется в свойствах, в отношении «к другому». Это «соотношение вещи к самой себе имеет свое основание в материи» (Гегель)¹⁾.

Матисты, эмпириокритики отрицают вообще реальность таких понятий, как «материя», «субстанция», «вещь в себе». С устранением этих понятий устраниется материализм. Поэтому-то Плеханов, Ленин и друг. так боролись за реальность этих категорий²⁾. Отрицание «вещи в себе»—пишет Плеханов, употребляя этот «гегелианский» термин, — «равносильно с примирением с идеализмом»³⁾.

Во-вторых, свойства вещи (шире, точнее: «качества») не собраны в ней как различные предметы в одном чемодане и не завешаны на «вещь в себе»; они сливаются в органическую совокупность, в некое—единство вещи.

«Свойства тел подчинены изменчивому влиянию других свойств или деятельности этих тел; только отвлеченный рас- судок может упорно требовать, чтобы различные свойства одного и того же тела были совершенно раздельны и независимы один от другого» (Гегель, «Философия природы», стр. 388).

В-третьих, в этой совокупности свойств отделенные свойства могут быть более существенными или решающими, другие же могут быть для данной вещи «несущественными», «случайными». Мы об этом уже писали. Специально остановиться в данной статье на категориях «случайности» и т. п. мы не можем. Но все это придает качеству вещи некоторую свободу от ее отдельных свойств.

Таким образом вещь может терять некоторые из своих свойств, оставаясь той же вещью, тем же «качеством». И мы уверены, в частности, что, какие бы прыщики ни высекали у тов. Сарабьянова, какие бы «свойства» его ни менялись от этого, он все же остается тем же Сарабьяновым и—надеемся—на многие лета.

IV. Развёртывание моментов «меры» у Гегеля и теория стоимости Маркса.

Тов. Сарабьянов как-то заметил в одной из своих статей в пампере со мной, что «надо брать Гегеля в контексте».

Очень хорошо! Действительно, надо изучать Гегеля, его логику—это необходимая ступень к выработке материалистической теории диалектики. Ленин прямо завещал журналу «Под Знаменем Марксизма» и нашему поколению марксистов вообще организовать систематическое изучение диалектики Гегеля, recommended печатать в журнале отрывки из главных сочинений

¹⁾ «Малая логика», стр. 228.

²⁾ Цитировать не буду, это известно и так. См., напр., у Плеханова в книге «От обороны к нападению», изд. Друтман, стр. 113, 115, 116, 130, 132 и др.

³⁾ Там же, стр. 132.

Гегеля, истолковывать их материалистически, комментируя образами применения диалектики у Маркса» и пр.¹⁾.

В частности, в учении Гегеля о качестве многое есть такого, чему можно учиться.

Прежде всего существенно - новое у Гегеля заключается в установлении противоречивой природы категорий качества и количества, их относительной «текучести», из связи, их взаимных переходов.

Единство количества и качества, эта «истина бытия», — качественное количество, «мера».

В учении о «мере» Гегель детально развертывает моменты отношения количества и качества. Обычно у нас теперь остаются лишь на переходе количества в качество. Обратного перехода не понимают. Гегель выясняет активную роль качества, взаимодействие качества и количества.

Также рассматривается Гегелем в учении о «мере» и еще один момент, интересующий нас в связи с темой и задачами данной статьи: это вопрос об относительном характере качества и «мере» и о снятии этого относительного характера их в «ряде отношений меры».

Мы дальше попробуем в этой главе проследить и иллюстрировать на примерах развитие некоторых мыслей Гегеля по данному вопросу. Может быть, это привлечет внимание к Гегелю и таких философов, как т. Сарабьянов, требующий «Гегеля в контексте».

Изолировано мера может быть взята лишь до известной степени, так как она не только не существует фактически в абсолютно изолированном виде, но и по самому своему понятию должна выходить из себя, за себя.

И все же не только можно, но и необходимо, с научной точки зрения, отличать в мере ее «бытие для себя» от реальной меры, как она существует в первую голову «для другого». Так, человек есть «мера», и сердце или желудок — тоже «мера». Но человек, рассматриваемый по отношению к желудку, есть «для себя бытие меры» — вопреки Ницше, который думает, что «человек — это желудок». Наоборот, мера желудка, как органа, всецело определяется тем целым, которому он служит. Но если взять того же человека по отношению к обществу, то это «для себя бытие» индивида снимается, ибо «сущность человека, это есть совокупность всех общественных отношений» (Маркс, 6-й тезис о Фейербахе). Или клетка в биологическом мире является «бытием для себя меры», пока это есть какая-нибудь одноклеточная амеба, протист, но в развитом организме исчезает это бытие для себя клеточки. Оно снято, поскольку сама клетка включена в систему целого и в целом находит «истину своего бытия».

Как «бытие для себя», мера представляется прежде всего в форме «непосредственной меры», какойовой является всякая наличная качественная величина, все вещи, говоря обычным языком.

«Мера в своей непосредственности есть обычное качество, обладающее некоторой определенной свойственной ей величиной» (Н. Л., стр. 231). Му-

равую, человеку, слону и т. п. «свойственная» определенная величина, которая может колебаться лишь в узких границах, так что не бывает муравья величиной со слона и обратно. Каждая вещь обладает своей «специфической величиной», более или менее определенной. Таким образом, «непосредственная мера есть простое определение величины, например, величины органического существа, его членов и т. п. Но все существующее, чтобы быть тем, что оно есть и вообще существовать, имеет некоторую меру» (Н. Л., стр. 230).

Примером непосредственной меры служит особый вид мер — мерило (масштаб) или «правило». Масштаб есть определенное количество определенного качества, хотя обычно как бы не замечается его качественная природа. В основе каждого измерения лежит мера. Но мера в качестве масштаба — не единица — «сама есть произвольная величина» (Н. Л., стр. 22). «Поэтому нелепо говорить о естественном мериле вещей», — замечает Гегель.

Масштаб есть известная норма. Норма выступает прежде всего, как печально условное в общественной жизни людей, как норма поведения («правило»). Норма поведения есть некий масштаб оценки. Таковы моральные оценки, но не только моральные. Например, для Советской России настоящего времени, условное производство есть некая «норма», посредством которой измеряют успехи нашего экономического продвижения вперед. В каждом заводе нормы выработки есть некая условная мера, посредством которой оценивается труд рабочего.

Но правило (как норма) уже не только «непосредственная мера». В «правиле» есть переход к «специфицирующей мере», ибо норма и правило уже не только масштаб, мерило, но то, что «нормирует», определяет величину или «специфицирует», как выражается Гегель. У природы существуют свои нормы — например, величины животных, упругости тела и т. п. Но здесь уже условный, «служащий или общежития» характер правила исчезает и, например, правило величины животного («нормальная величина») становится не только мерилом в отношении ко всяким возможным «отклонениям от нормы», но принудительной нормой, с естественной необходимостью определяющей величину, специфицирующей.

Дальнейшее развитие меры определяется противоречием ее противоположных моментов: количества и качества. Мера, с одной стороны — «качественна, специфична». С другой стороны, есть некоторое количество, безразличное к качеству. Различается действительная борьба этих двух моментов.

Количество, которое в непосредственной мере существует ^и же непосредственно, имея «различное существование» с качеством, стремится разрушить качество. «Величина, поскольку она существует за безразличную границу, есть та сторона, с которой существуете подвергается неожиданному нападению и поддается в корне» (Н. Л., стр. 231). С другой стороны, качество меры отстаивает свое существование именно тем, что снимает безразличие внешних, количественных изменений, специфицирует.

Сама мера выступает здесь, как специфицирующая мера.

¹⁾ «Под Знаменем Марксизма», 1922 г., № 3, стр. 10.

Гегель приводит лишь один пример спецификации, который мы и приведем в другом, несколько упрощенном, виде. Летом суша и вода (в море) нагреваются, зимой остывают. Внешняя температурная среда и в том и в другом случае для сушки и моря одинакова. Но летом море холоднее сушки, а зимой наоборот. Это зависит от того, что земля и вода качественно, «специфически», относятся к внешней температурной среде (лучи солнца и пр.) и поскольку различно ее воспринимают. Тем самым они становятся количественно (в смысле температуры нагрева) различными.

Подобно этому, каждое растение берет из почвы различные элементы в различных специфических количественных пропорциях, которые определяются качеством растений.

В области психологии каждый человек по своему (степени аффекта и пр.) реагирует на внешнее событие (внешнее «раздражение»).

Наконец, если возьмем общественную жизнь, то найдем, что например, условия географической среды благоприятные и неблагоприятные—очень различно отражаются на различных обществах, так что каждое общество спецификует влияния географической среды на свой манер в зависимости от характера своей экономики, от степени развития производительных сил. С другой стороны, например, экспансия («количественное распространение») европейцев на Восток и на Запад к концу средних веков, также как и экспансия современного капитала, определяется «качеством» торгового капитализма и империализма.

Таким образом, мы здесь всюду наблюдаем, как количественное изменение внешней среды (температуры, воздействующего на психику события, условий географической среды данного общества и т. п.) вызывает изменения в том «чечто», которое находится под воздействием этой среды, но интенсивность, степень изменения, темп и т. д. спецификуются в зависимости от качества «чечто», которое (качество) выступает, как коэффициент спецификации, как показатель отношения.

Чечто, как мера, «изменяет внешним образом положенное изменение» (Н. Л., стр. 233). «Если внешняя величина изменяется, таким образом, в арифметической прогрессии, то специфицирующее воздействие качественной природы меры дает начало другому ряду», имеющему свою особую кривую, определяющуюся показателем отношения.

«Здесь же под показателем нельзя разуметь ничего иного, кроме момента самого качественного, который специфицирует величину, как таковую» (Н. Л., стр. 233).

Так, качество определяется через отношение к «внешне-количественному», а среда рассматривается пока лишь, как чисто-количественное, например, температурная среда. Но она есть сама температура воздуха или иная специфическая температура. Поэтому при ближайшем рассмотрении получается собственно отношение не просто количественного к соединенному с качеством, но двух специфических определенных количеств, т. е. двух мер (Там же, стр. 234).

Или (чтобы взять другой пример), если мы испытываем, как скоро утомляются на работе разные лица, то надо принять,

в расчет, что работа при этом тоже есть определенная работа, так что для разных лиц на разные работы реакция будет неодинаковой. При этом испытание оказывается не только испытанием утомляемости работников, но и утомительности работы. Качество (утомляемость) работы определяется никак не иначе, как степенью утомленности работников. Обратно: качество (выносливость) работников определяется не иначе, как через количество проделанной работы¹⁾. Таким образом,—правильно замечает Гегель,—качества не только суть вообще сущее одно для другого существование, но положены нераздельно; и связанные с ними определенность величины есть качественная единица—одно определение меры, в котором они совпадают по своему понятию. Таким образом, мера есть имманентное взаимное количественное отношение двух качеств» (Н. Л., стр. 235).

Практически подобная форма отношений имеет громадное значение. Все находит свою меру в отношении с другими мерами, как в «относительной форме стоимости» у Маркса.

Вместе с тем мы перешли от одной формы меры к другой форме, снимающей первую. «В специфировании меры, в ее предшествовавшем определении, как изменения просто внешней величины качественным,—внешнее количество рассматривалось, как чисто-количественная среда. Но сама «среда» есть некоторая качественная величина, и это «дает дальнейшую, именно новую форму меры, в которой обе стороны относятся между собой, как качественно-определенные количества,—что может быть названо реализованной мерой» (Н. Л., стр. 235).

Мера, как отношение двух мер, которые вне этого отношения могут выступать, как самостоятельные²⁾, есть показатель отношения мер и «как отрицание различных качественно-определенных членов, этот показатель есть бытие для себя, простая определенность» (Н. Л., стр. 239). Но это бытие для себя,— пишет дальше Гегель,—есть только в себе; как существование, оно есть просто непосредственная величина, частное или показательное отношение между членами мер».

Таким образом, выражаясь гегелевским языком, мы могли бы сказать, что «истина меры» заключается в отношении самостоятельных мер, самостоятельность которых существует именно отдельно, поскольку они выступают как члены отношения.

Учение Гегеля о реальной мере и об «отношении самостоятельных мер» трудно усвоимо, потому что автору приходилось первые излагать такие всеобщие формы отношения, которые не были до него обобщены наукой. Новое трудно поддавалось выражению. У Гегеля поэтому его общее в данном месте ложна как будто тонет за частными, более или менее случайными

¹⁾ Подобным образом в товарном обществе стоимость товара выражает себе выражение в определенном количестве потребительных стоимостей. Так, Маркс пишет: «Стоимость товара холст выражается поэтому в теле товара скротук, стоимость одного товара—в потребительной стоимости другого». И далее: «Итак, при помощи отношения стоимости товара А к стоимости товара Б становится формой стоимости товара А, или стоимость товара В становится зеркалом стоимости товара А». (Капитал, т. I, стр. 19, изд. 1909 года).

²⁾ «Так пространство и время оба признаются имеющими значение вне спецификации, которая принадлежит определенности их величин в падежах, как пространство вообще и время вообще» (Н. Л., стр. 238).

примерами, едва обособляясь от них. В результате этого, важнейший отдел учения о мере часто вовсе остается неназванным и «игнорируется». Мне кажется, что наиболее блестящим примером, где весь этот отдел «Логики» Гегеля как бы перенесен в специальное конкретное исследование, является целиком учение Маркса о формах стоимости («Капитал», гл. I).

В учении Маркса о формах стоимости, об их историческом развитии, мы находим гегелевское «отношение мер», ряды отношений, своего рода «избирательное средство» в отношениях мер и проч. Нет сомнения, что Маркс имел перед глазами правильно понятое учение Гегеля о развертывании моментов логики «реальной меры», когда писал теоретически важнейшую исходную главу своего «Капитала». Мы поэтому далее будем иллюстрировать формы меры прежде всего формами стоимости, как они даны у Маркса.

«Определение меры состоит в том, чтобы быть «отношением мер» (Н. Л., стр. 241). Но отношение мер «есть прежде всего само непосредственное», когда мера выступает, как самостоятельное и «полагается внешним образом в соединение» (Н. Л., стр. 242), как, например, в отношении веса и об'ема в удельных весах.

Но, как мы только что видели, качество меры существенно связано с количеством противостоящей меры. Перефразируя Маркса¹⁾, можно сказать, что скрытое в мере внутреннее противоречие между качеством и количеством выражается таким образом при помощи внешнего противоречия, т.-е. при помощи отношения двух мер, из которых качество одной определяется его отношением («спецификацией») к количеству другой.

Можно привести сколько угодно иллюстрирующих примеров. Так плотность газа определяется величиной давления; сила мышц—количеством выполняемой работы, ловкость—управляемостью; форма листьев (австралийские эвкалипты) количеством солнечных лучей или количеством почвенной влаги (актусы и проч.), и проч. и т. п.

Сама мера здесь выступает существенно в форме относительной меры. Мы говорим: «существенно» потому, что различие между относительной мерой и мерой в ее бытии для себя—само относительно, как это мы уже разъяснили выше. Так орган по отношению к организму выступает как относительная мера, сам же организм (целое)—как самостоятельное «бытие для себя»²⁾.

Вместе с тем само качество кажется здесь чистым отношением. Но по Гегелю качество есть то, что спецификует, т.-е. определяет отношение. Если не отношение определяется качеством, а качество—относением, то само отношение теряет всякую устойчивость, а качество становится чем-то совершенно случайным и произвольным. Так оно и представляется.

¹⁾ Именно Маркс говорит: «Скрытое в товаре внутреннее противоречие между потребительной стоимостью и стоимостью выражается, таким образом, при помощи внешнего противоречия, т.-е. при помощи отношения двух товаров, в котором один товар—тот, стоимость которого выражается непосредственно играет роль лишь потребительной стоимости, а другой товар—тот, в котором стоимость выражается непосредственно играет роль лишь меновой стоимости» (Капитал, т. I, стр. 28, изд. 1909 г.).

²⁾ Выражение: «Относительная мера» употребляется в логике Гегеля, насколько я знаю, лишь один раз. См. Н. Л., стр. 255.

То же мы берем отношение двух мер или, выражаясь в терминах «Капитала», «простую, единичную или случайную форму» меры.

У Маркса «стоимости, как определенном качестве, речь идет раньше, чем о какой-либо ее относительной форме. Первая форма стоимости «простая»: «Х товара А=У товара В»¹⁾. Эта форма не случайно названа у Маркса «случайной». Если изменится выраженная в этой форме стоимость А, то нельзя будет определить, зависит ли это от перемены в А или в В. А и В могут одновременно возрасти в стоимости в одинаковой степени и этого нельзя будет заметить, так как отношение остается тем же.

Таким образом собственная мера «в себе» стоимостей А и В имеет в их отношениях (в этой простой или случайной форме стоимости), и само отношение остается внешне чем-то совершенно произвольным.

Положение меняется, когда мы переходим от «простой или случайной» формы стоимости к «развернутой форме стоимости». Разворнутая форма стоимости у Маркса соответствует «мера, как ряду отношений мер» Гегеля. Исторически она является позже простой или случайной формой.

Отношение какого-нибудь товара А ко всему ряду своих эквивалентов вполне соответствует отношению (которое берется в природе Гегеля) какого-нибудь кислоты ко всему ряду оснований (щелочей).

Мера (стоимость) находит в этой форме отношения такое свое выражение, которое делает ее независимой от любого отдельного отношения (эквивалента в форме потребительной стоимости). Тем самым снимается случайный характер отношения, и мера обнаруживает свое лежащее в основе всех отношений «бытие в себе». Это как раз то, что бывает проговорено Сабабинского и других понимания качества, как только отношение (так сказать, «снимает» их одностороннее, рассудочное понимание качества).

В этом переходе к развернутой форме стоимости «специфическая самостоятельность не остается существовать в одном прямом отношении, но переходит в специфическую определенность, которая есть ряд мер» (Н. Л., стр. 241).

Гегель уже с примером удельного веса приходит к заключению, что «специфическая природа такого нечто, определяется лишь по сравнению с другими показателями таких отношений» (Н. Л., стр. 242). Т.-е. удельный вес одного тела без его сравнения с удельными весами других тел—пустая ничего не говорящая абстракция. Удельный вес приходится брать в ряде удельных меров, только тогда он принимает определенное значение.

Аналогичным примером в области общественных отношений может служить, например, дифференциальная рента, которая не существует вне ряда отношений, различных земельных участков, имеющих различные цену производства на них. Самое название «дифференциальной ренты» указывает на это отношение к своему ряду.

Так же в области техники преимущества машины не существуют вне сравнения их с уже употребляющимися в производстве.

¹⁾ Напоминаю, что стоимость есть мера, качественная величина.

стве машинами и т. д. Все связано со всем, и следует рассматривать предметы и явления «во всех связях и флюсредствованиях», так как в них теряется мера вещей. Так гласит одно из основных правил диалектики.

В примере Гегеля с рядом кислот и оснований, как и в примере отношений по стоимости различных рядов товаров в развернутой форме стоимости, как и в других аналогичных примерах (которых можно найти сколько угодно)—устанавливается тройкий вид отношений. Гегель говорит об этом последнем так: получается ряд показателей, выраженных в относительных числах, из которых «каждое число есть, во-первых, единица вообще относительно противостоящего ей ряда, в котором она имеет определенность бытия для себя, как ряд показателей; во-вторых, она есть один из показателей для каждого члена противостоящего ряда; и в-третьих—относительное число для других чисел ее ряда и, как таковое, обладающая определенным числом, свойственным ей, как показатель, ее определено для себя единицей в противостоящем ряду» (Н. Л., стр. 245).

В этой системе отношений выступает качество (реальная мера), как единица.—«Поистине самостоятельное отличается своеобразным рядом показателей». Каждой системе присущ особый ее «ряд показателей», характеризующий ее огнепись к ряду щелочей. Всем этим своим рядом показателей данная кислота отличается от всего ряда других кислот. И это ее отличие от ряда других кислот составляет ее качество, как особой кислоты. «Отношение таких внутри их образует качественное в самостоятельном» (Н. Л., стр. 244).

Эта качественная самостоятельность одного в ряде подобных составляет отношение различных степеней «избирательного сордства». Она позволяет сопоставлять один ряд (например, кислот, товаров и пр.) не со всем противостоящим рядом, а с какой-нибудь единицей из этого противостоящего ряда. Так все товары по своим стоимостям сопоставляются с товаром золото.

Таким образом, мы перешли здесь к тому, что Маркс называет «всеобщей формой стоимости».

Здесь заключено два существенно-важных момента: во-первых, самая возможность свести многие меры одного ряда к одной, с которой сопоставляется затем весь противостоящий ряд; во-вторых, эта одна «избранная» мера сама не является чем-то произвольным, а в борьбе завоевывать свое право на исключительное место. Так одна кислота вытесняет другую. Так золото, как всеобщий эквивалент, вытеснил другие товарные эквиваленты. Так в наше время на международной бирже доллар вытесняет менее устойчивые валюты других стран. Так в промышленности технически и коммерчески более сильные крупные предприятия вытесняют мелкие (процесс централизации капитала в конкуренционной борьбе) и т. д. И в этом процессе обнаруживаются качества промышленных предприятий, качества товарных эквивалентов и т. д.

Если в ряде отношений мер, как он брался раньше, каждая мера осуществлялась в своем отношении со множеством мер, то теперь зависимости опрокинуты и множество мер находит свое

место в одной «всеобщей» мере, или «исключающей» мере, как это называет Гегель¹⁾.

Так, например, абстрактный труд, образующий единицу, есть «исключающая мера» по отношению ко всем видам конкретного труда. Конкретный труд живых людей «снят» в этом абстрактном труде. Так же в «необходимом рабочем времени», которым измеряются стоимости, снято всякое конкретное рабочее время. В средней норме прибыли сняты конкретные прибыли капиталистов.

Здесь мы переходим еще к одному интересному моменту, выступающему в развитии определений меры.

Каждая вещь может в известной степени играть роль «всеобщей меры», поскольку в ней, как в микрокосме, отражен весь большой мир. На этом основании говорят, что изучить до конца, ичерпать одну какую-нибудь вещь, один предмет, одно явление—это значит познать весь мир во всех его связях. В этом смысле можно сказать, что каждый человек есть в той или иной степени мера того общества или, скорее, класса, к которому он принадлежит, ибо в нем отражена вся совокупность общественных отношений²⁾.

Но, конечно, чтобы судить по одному человеку обо всем классе, мы старались бы взять типичного представителя («форма» в ее новом смысле). И в этом случае он, как типичный, выступал бы в качестве не только «всеобщей», но и «исключающей» меры.

Так у Ленина в плане брошюры о продналоге есть такое замечательное значение, брошенное вскользь: «Беспартийный крестьянин, как мерило, как показатель, как советчик—и как политический лозунг» («Большевик» 1925, № 7, стр. 77).

Политическим лозунгом беспартийный крестьянин служит у меньшевиков и эсеров. Для коммунистов он—мерило, показатель, ибо он отражает глубочайшие и важнейшие процессы в нашей стране.

Итак, «последнее определение отношений меры состояло в том, что оно есть специфически исключающее; исключение привнесе нейтральность, как отрицательное единство различаемых моментов» (Н. Л., стр. 255).

В царстве мер господствует борьба и синтез. Противоположность кислоты и основания (щелочи) приводит к отрицанию этого и другого в их синтезе, в форме нейтрализации. Получается новая мера («соль»). Различные капиталистические предприятия вступают друг с другом в борьбу, побеждает технически и коммерчески выше стоящее «качество», а в результате—процесс центра-

¹⁾ Мера здесь действительно «исключает» ряд других мер, приводит к исчезновению мер и к «узловой линии отношений меры».

²⁾ «Единичность не составляет отрицание общности, а ее осуществление. Конкретное единичное или конкретный индивид сам по себе, поскольку в нем общность осуществлена как действительное, есть общность». «Данный единичный предмет есть вместе с тем и особенный и выражает общую сущность». «Рабочий класс данной определенной среды, будучи данным единичным явлением, специфическим образом, т.е. особым образом выражает общий характер, законы и определения рабочего класса вообще» (Лаборатория, «Маркс и Гегель»,—Под Знаменем Марксизма 1924 г., № 3, стр. 17).

лизации и концентрации капитала, приводящий к новому «качеству» монополистического капитализма.

Однако, «спор» этот—не только внешнее столкновение двух вещей, дающее начало новому. Каждая мера в себе носит залог своего отрицания в виде противоречия ее качественного и количества момента. «Величина есть то состояние, с которым существование, повидимому, неизменно связано и которым оно может быть разрушено» (Н. Л., стр. 259).

«Исключющая» мера остается в своем реализованном бытии для себя причастной моменту количественного бытия, а потому способной к восхождению и нисхождению по той скале величин, по которой изменяются отношения. Нечто или некоторое качество, основанное на таком отношении, побуждается к выходу за себя в **безмерное** и уничтожается через простое изменение своей величины».

Мера—единство качества и количества. Это единство не нарушается, мера сохраняется, если даже количество изменится в известных пределах. До некоторых пор качество остается равнодушно к изменению количественной стороны меры. Каждая мера обладает своей свойственной ей амплитудой колебания количества, или, как говорит Гегель: «отношение меры... имеет известную ширью, в пределах которой оно остается безразличным относительно этого (количественного) изменения и не изменяет своего качества» (Н. Л., стр. 256).

Так амплитуда температурных изменений, допускаемых для воды в условиях давления в одну атмосферу, заключена в пределах от нуля до ста градусов. Для человеческого организма допустимая амплитуда температурных колебаний заключена в пределах, приблизительно от 28 до 42 градусов. Число ударов сердца обладает амплитудой от 30 до 200 ударов в секунду и т. д.

За этими пределами «измененное количественное отношение превращается в меру и потому в новое качество, в новое нечто» (Н. Л., стр. 256). Количества, переступившее «известную ширь», допускаемую данной мерой, становится **«безмерным»**.

Странно, что часто так запутывают вопрос о «безмерном». У Гегеля он выглядит очень просто.

То, что преступило меру, стало **«безмерным»**. Но оно в себе само есть некая новая мера. Империализм есть нечто безмерное по отношению к домонополистическому капитализму (вследствие чего мелкий буржуа протестует против монополии трестов), но он есть некая мера в себе. Бюрократизм—безмернее централизма, но он сам есть качество для себя, и это его «бытие для себя» находит свое выражение в том, что бюрократ чувствует себя в этом «безмерном» как нельзя лучше. Безмерное наслаждение перестает быть наслаждением, но становится страданием—новой «мерой». Подобно этому безмерное страдание переходит в бесчувственность. В общем—«новое отношение меры, которое переходит в прежнее, безмерно по отношению к последнему, но в нем самом есть также некоторое сущее для себя качество» (Н. Л., стр. 259).

Все можно сделать чрезмерным, довести до абсурда, если брать **вне меры**. Централизм и демократизм партийной организации—источник ее сил. Но существует такой предел, за кото-

рым их действие превращается в собственную противоположность: то и другое становится **«безмерным»**.

Очень важно практически (и теоретически) то положение, что всякую мысль можно привести к абсурду, если ее продолжить. Ведь очень часто «додумывают» за какого-нибудь автора его мысли и на этом основании представляют ее в смешном и нелепом виде.

Так, например, поступают с идеей равенства при коммюнизме.

Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» писал, что «действительное содержание пролетарского требования равенства сводится к требованию отмены классов. Их требование равенства, которое простирается дальше этого, «необходимо впадает в абсурд»¹.

Ленин очень часто возвращается к вопросу о «чрезмерном». «Самое верное средство,—говорят он,—дискредитировать новую политическую (и не только политическую) идею и повредить ей состоит в том, чтобы во имя защиты ее довести ее до абсурда. Ибо всякую истину, если ее сделать чрезмерной (как говорит Диагн-стей), если ее преувеличивать, если ее распространять за пределы ее действительной применимости, можно довести до абсурда, и она даже неизбежно, при указанных условиях, превращается в абсурд»².

Требование держаться меры и не доводить мысль до абсурда есть требование конкретности. «Основное положение диалектики: абстрактной истины нет, истина всегда конкретна»³.

При этом конкретное выступает здесь **два**жды: не только следует помнить меру данной вещи, но надо брать эту меру в конкретных условиях, в связи с целым.

Ведь, когда мы говорим о ста градусах, при которых вода превращается в пар, то мы подразумеваем определенную обстановку, определенные условия, а именно—давление в одну атмосферу. В разряженной атмосфере вода закипит и при любой более низкой температуре. То же самое наблюдается и при различных других случаях, когда количество переходит в качество. Например, то количество работы, которое приводит к усталости,—переменная величина, зависящая от множества условий: внешняя обстановка, освещение, температура воздуха, заинтересованность и т. п.

Количество переходит в качество или в новую меру. При этом постепенность, непрерывность в количественном ряде сохраняется, но наступает перерыв непрерывности по качественной строке—скакоч.

Новая мера, однако, не неподвижна. Она отрицается, в свою очередь, возникает новая мера, которая снова отрицается и т. п. до бесконечности». Получается протягивающаяся во времени и пространстве линия отношений меры, которую Гегель назвал **узловой линией**. Это выражение заимствовано из астрономии, в которой точки пересечения эллиптических путей небесных тел нашей солнечной системы с эллиптикой, называются **«узлами»**,

¹⁾ «Анти-Дюринг», изд. 1918 г., стр. 95.

²⁾ Ленин, «Детская болезнь левизмы», т. XVII, стр. 151.

³⁾ Ленин, том V, стр. 480.

а прямая линия, соединяющая эти точки и проведенная сквозь центр солнца, называется «узловой линией»¹⁾.

Энгельс приводит в «Анти-Дюiringе» пример с законченными узловыми линиями в форме гомологических рядов углеродистых соединений. Все члены ряда существуют в настоящее время в природе одновременно, но их последовательное образование во времени—вне сомнения.

Так Энгельс называет молекулу—узлом²⁾. Такими же узлами в системе мер, «качествами», «относительными устойчивостями» являются: электрон, атом, организм и т. д. Они все существуют в природе определенным образом, но нет сомнения, что, если мир имеет историю, то электроны образовались раньше, чем атомы, атом—раньше молекулы и т. д. Все это вместе дает определенную «узловую линию развития». Если взять атомы, то они в своем различии (атом водорода, атом гелия и т. д.), составляют специально узловую линию химических элементов. Человеческая история со сменой общественных форм дает узловую линию общественного развития и т. д.

На первых порах эти линии представляются, как что-то произвольное; расположение «узлов», как случайное. Гегель жалуется на это. Так он говорит, например, в «Философии природы» о «безразличном сопоставлении веществ» в химии и указывает на необходимость «расположить эти вещества в порядке»³⁾.

В «Науке Логики» Гегель замечает: «Собственно науке предстоит задача определить показатель отношения ряда удельных весов, как системы, на основании правила, которое превратило бы чисто арифметическое множество в ряд гармонических узлов. Это требование применимо и к познанию указанных рядов химического сродства. Однако наука еще далека от решения этой задачи»⁴⁾.

Как известно, наука с тех пор сделала большие шаги вперед. Так, химические элементы уже «расположены в порядке» в таблице Менделеева, и мы имеем в этой области уже не безразличное сопоставление, а ряд гармонических узлов с вполне рационально обясненными переходами от одного элемента к другому, и от одного ряда (из 8-ми элементов) к другому ряду.

Подобно этому в биологии «безразличное сопоставление» различных видов животных в значительной мере преодолено благодаря эволюционной теории. В геологии у Кювье еще нет вовсе развития. У Лайелля существует процесс преобразования форм, но нет закономерности в линии этого развития, нет поэтоому закономерной «узловой линии отношения мер». Для него,—говорят Энгельс,—не существует охлаждения земли: земля не развивается в определенном направлении, она просто изменяется случайным, бессвязным образом»⁵⁾.

История человеческого общества перестает быть коллекцией случайных общественных форм, благодаря открытию значения

производительных сил и классовой борьбы, которые вносят непрерывность в процесс общественного развития.

Таким образом, мы видим на этих примерах, что мы получаем истинные узловые линии и научное представление об отношении мер, то есть в отношениях обнаруживается система, правило или закон.

«Великая заслуга познать эмпирические числа природы, например, взаимные расстояния планет; но еще неизмеримо большая заслуга заставить исчезнуть эмпирические определенные количества, возвысить их до общей формы количественных определений так, чтобы они стали моментами закона или меры» (Н. Л., стр. 287).

Мы наблюдаем, что вода кипит при ста градусах всегда, когда имеются соответствующие остальные условия (давление и проч.), и эмпирический факт становится правилом или законом. В правиле или в законе, как в мере более высокой формы, снимается непосредственное бытие единичных мер.

К. Фишер говорит о различии между правилом и законом: правило, не имеющее исключения, становится законом (Фишер, Гегель, стр. 492). Как видим, «количество в переходе в качество» и в пределах развития определений самой меры. Но Фишер не там говорит о законе, как о мере, где собственно следует говорить об этом, ибо закон связан не с «правилом», как термином (мерицо)—нечто произвольное), а через правило из мера становится выражением того общего, что лежит в основе явлений, выражением закономерности явлений.

Здесь мы остановимся в следовании за Гегелем в изображении различных отношений и моментов «меры». Эти отношения, в их абстрактном изображении, представляют из себя схематический снимок с действительных явлений, как они существуют в природе. Они не отделены от природы. Понять их в общей форме необходимо, чтобы легче было двигаться во всяких единичных формах.

Рассматриваемые в общей методологии категории обособлены от единичного, представляют из себя лишь скелет науки. Но наука, не имеющая твердого скелета, есть бесхребетная наука получившего эмпиризма,—нечто лишенное всякой опоры, всякой твердой почвы.

(Окончание следует).

¹⁾ К. Фишер, «Гегель», стр. 495.

²⁾ Маркс и Энгельс, «Письма», изд. М. 1923 г., стр. 165.

³⁾ «Философия природы», М. 1868 г., стр. 391.

⁴⁾ Цитирую по К. Фишеру, стр. 494. В Н. Л. соответственное место на стр. 254.

⁵⁾ Энгельс, Введение к «Диалектике в природе».

Естествознание и классовая борьба¹⁾.

В. Егоршин.

I. Философия управляет естествоиспытателями.

На примере современного естествознания можно было бы у довериться в том, что тысячу раз прав был Энгельс, когда он в «Дialectике природы» писал: «Как бы ни упирались естествоиспытатели, но ими управляют философы». Это же нисколько не меньше подтверждается всей историей науки в прошлом. На против, раньше связь философии с естествознанием была еще яснее и прозрачнее. Тогда естествоиспытатели были в равной мере и философами, поэтому они не страдали такой безрежной путаницей, какую можно видеть в чисто-философских вопросах у современных ученых.

Об управления со стороны философии естествоиспытателями говорит не только Энгельс. Мы в подтверждение его тезиса могли бы привести целый ряд свидетельских показаний как со стороны философов, так и со стороны естествоиспытателей. К их голосу, к голосу самих «заинтересованных сторон» нам не мешает прислушаться: этому нас учил Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме».

Возьмем сначала философа проф. В. Н. Ивановского. В своем «советском» учебнике по методологии наук он писал про отношения философии и естествознания следующее:

«Не философия должна опираться на положения естественных наук, а наоборот—естественные науки должны (с методической стороны) опираться на положения логики и теории научного знания»²⁾.

Тот же самый автор в 1907 году специально писал о проникновении философии в науку. Прошло то время, говорил он, когда философы просто поучали представителей специальных наук: в то время философия и наука стояли особняком друг от друга. Прошло и то время, когда наука отвернулась от философии (автор здесь имеет в виду механическое естествознание I пол. XIX в.). Теперь связь науки с философией становится все более органической. «В самой науке, внутри ее,—говорит проф. В. Н. Ивановский,—просыпается сознание необходимости философского отношения к ее собственному материалу. Прежде фи-

¹⁾ Статья представляет собой главу из работы «Естествознание, философия и марксизм».

²⁾ Проф. В. Н. Ивановский, Методологическое введение в науку и философию, т. I, Минск 1923 г., стр. XXXV. Курсив автора.

лософия подчас сильно вторглась в науку, теперь сама наука проникается до известной степени философскими точками зрения: сама наука создает философию или, точнее ряд специальных научных философий, сводимых в одно целое философской теорией познания».

Далее автор цитирует слова немецкого философа Файгнера, который писал: «Естественным наукам и наукам о духе противостоит в качестве их общего принципа, всеобщая наука о принципах—философия. Везде понятия и аксиомы отдельных наук вторгаются из своей области в науку о принципах: понятия пространства, времени, материи, движения, причинности, жизни; цели, действия, правов и нравственного настроения, исторического развития, ценности, разума, языка и т. д.—все эти понятия, на которых отдельные науки либо основываются, либо к которым они подводят, требуют принципиального и общего выяснения, и как раз такое выяснение их и называется философией. Собственно говоря, вместо столь часто повторяемого вопроса: «Можем ли мы, исследователи в области специальных наук, притти к занятиям философией?» Надо предлагать другой, обратный ему: «Можно ли основательно разрабатывать какую-либо специальную науку, не переходя из нее, или даже уже в ней самой (курсив подлин. В. Е.), к философи?... В философию необходимо впадают все специальные науки, раз они разрабатываются основательно... все дороги ведут к философии, если только на этих дорогах не стоять за место, а без устали и бодро идти вперед...»

Далее приводится целый ряд примеров, когда крупнейшие превозглашали философские интересы. Гельмгольц, Георг Кантор, Оствальд, Мах, Сталло, Герц, Геккель, эволюционисты, Вундт,—фамилии нам хорошо известные. «Список заканчивает автор—можно в наше время увеличить ad libitum¹⁾. И это совершенно верно.

С другой стороны, посмотрите, что говорит физик, обращаясь к философам: он сам по своей инициативе ищет у них указания по самым основным вопросам своей науки. «Нам прежде всего необходимо, чтобы вы, господа, помогли нам разобраться в основных вопросах нашей науки, в так называемых решительных вопросах, которые не дают нам покоя» (курсив наш). Эти слова буквально были сказаны проф. О. Д. Хвольсоном на заседании б. Петербургского Философского Общества в 1898 году²⁾.

Профессор механики Московского Университета Ф. А. Студеный, бывший сам противником философии, должен был в своем ученом констатировать следующее:

«Он (ученый)—человек, и ничто человеческое ему не чуждо... не только физик, химик и физиолог, но и философ. Увлечение философией неизбежно отражается и на его специальных занятиях. Разрабатывая свою науку, естественно имеет он в виду не только ее собственные стремления и цели, но также цели и стремления той философской системы, которую он себе усвоил,

¹⁾ В. Н. Ивановский, Предметная система в наших университетах и применение к философским наукам («Ж. М. П.», 1907). Цит. по вышеизданной книге «Методологич. введ.», стр. 64—65.

²⁾ «Мир Божий», 1898, V, отд. I, стр. 58. Речь вновь напечатана в сборнике статей О. Д. Хвольсона: Основные вопросы физики, 1926.

которою он проникся. Часто и очень часто жертвуя он первыми и последними, как более высокими¹⁾.

Наконец, известный русский биолог-дарвинист М. А. Мензбир также констатирует: «Разные науки, — говорит он, — развивались под влиянием двух философских направлений — идеалистического и материалистического»²⁾.

Таким образом правота старика Энгельса доказывается целим градом признаний и со стороны философов, и со стороны естествоиспытателей.

Влияние философии на естествознание осуществляется самыми различными способами. Прежде всего, как это отметил Ф. А. Слудский, естествоиспытатель проникается известной философией еще на школьной скамье, во всем семейном воспитании и т. д. Но естествоиспытатели не перестают учиться философии, можно сказать, всю жизнь. В самом деле, текущая научная литература (журналы, сборники и т. п.) печатают систематически последние работы из области философии, философские издания привлекают себе сотрудников из среды естествоиспытателей, они взаимно обменяются докладчиками и ораторами на своих съездах, заседаниях своих обществ и т. д.

И здесь всюду можно проследить организующее, руководящее влияние со стороны философов.

Несколько примеров такого влияния мы имеем и у Ленина в его «Материализме и эмпириокритицизме». При этом характерны формы выражения, в которых формулирует этот вопрос Ленин.

Он подчеркивает отмеченную еще Фейербахом «связь» физиологии времен Иоганна Мюллера с философским идеализмом, преимущественно кантианского толка. Эта «связь» (кавычкой принадлежат Ленину), долгое время потом эксплуатировалась реакционной философией (курсив наш).

Далее Ленин, наряду с эксплоатацией, применяет другое, крайне меткое словечко: «Что ряд крупных физиологов, — говорит он, — гнули в те времена к идеализму и кантианству, это также бесспорно, как бесспорно и то, что ряд крупных физиков гнет в наше время к философскому идеализму» (Курсив Ленина). Это словечко «гнуть» чрезвычайно метко разъясняет весь вопрос³⁾.

А как ловят философы-апологеты религии малейшее слово естествоиспытателя, которое бы дало возможность обосновать религию, акт творения и т. п.!

Приведем этому следующий пример. Знаменитый физик В. Томсон в 1842 г. опубликовал меморандум относительно теплопроводности и дал формулу распределения тепла в твердом теле в зависимости от времени. На основании этой формулы можно предсказать формулу распределения тепла на любое будущее время. Что же касается прошлого, то Томсон получил такой результат, что его формулы дают предел для истории теплоты земной коры. «Если X отрицателен, — говорит он в своем меморандуме,

¹⁾ Ф. А. Слудский, Механика будущего, Математический сборник, т. IX, Москва 1878, отд. II, стр. 22—23.

²⁾ М. А. Мензбир, Историч. очерк воззрений на природу, Кн-во Сабашниковских, Петр. 1920, стр. 52.

³⁾ Сочинения, т. X, стр. 266. В другом месте Ленин пишет: «Мак представляет естествознание фидеизму» (там же, стр. 295); (курсив наш).

то представляемое состояние не может быть результатом какого-нибудь возможного распределения температуры, которое существовало прежде».

Другой физик Тэт в книге по термодинамике и в сочинении «Новейших успехах физических знаний» расширяет это положение Томсона, относительно «изначального положения вещей». Он говорит: «Все части нашей науки и в особенности прекрасный идеал ее о рассеянии энергии единогласно указывают на наше (курсив наш. В. Е.), на такое состояние вещей, которое при существующих законах (осознанной материи и ее энергии) не может быть выведено ни из какого мыслимого предшествующего состояния».

Третий знаменитый физик Максвелл в своей «Теории теплоты» поддерживает тот же взгляд и говорит: «Это есть только один из случаев, в которых рассмотрение рассеяния энергии приводит к определению высшего предела древности наблюдаемого порядка вещей».

Во всех этих выписках мы видим, по крайней мере, недоговоренность, неясность, двусмысленность, —сознательную или бесподобительную, судить здесь мы не будем¹⁾. Во всяком случае призвания очень легко получить отсюда прямо теологические выводы. И вот является философ, беспощадный враг материализма, он делает «выходы»; он пишет сочинение, носящее архитектурное заглавие, вроде «Основы науки», «О научном методе» и т. п. и громогласно там заявляет, что теория теплоты предоставляет неопровергнутое доказательство «начала» земли и вселенной. В частности из таких «философов» мы укажем экономиста Генри Джевонса, известного своей теорией промышленных циклов в зависимости от солнечных пятен. Этот философ делает из раз такие выводы в книге «Основы науки. Трактат о логике и научном методе»²⁾.

Этот «мыслитель» не скрывает своих намерений опровергнуть мнения, что «проридение невозможно и молитва бесполезна», и «глорифицирует хватается за приведенные фразы естествоиспытателей»³⁾.

2. К вопросу о социологической сущности естествознания. (Естествознание как идеология).

Итак, Энгельс с полным правом мог сказать, что философы являются естествознанием.

Но тут возникает такой вопрос, как это согласуется с положениями марксистской социологии? Место, занимаемое в обществе философии, согласно теории исторического материализма, вполне ясно и не может вызвать никаких сомнений. Каково же место естествознаний в человеческом обществе? Какова его социологи-

¹⁾ Все означенные ученые были верующими людьми.

²⁾ Пер. М. Антоновича, СПБ. 1881, см. гл. «Размышления о результатах и границах научн. метода», а также предисловие ко 2-му изданию, поданные нами вышеупомянутые цитаты Томсона, Тэта и Максвеля.

³⁾ Что Джевонс занимает известное авторитетное место в научном мире, об этом говорит положительная рекомендация его со стороны К. А. Тимирязева (см. «Основные черты истории развития биологии в XIX ст.», М. 1908).

ческая сущность? На этот вопрос марксистская литература не дает единого четкого и ясного ответа.

В качестве образчика, приведем одно место из К. Каутского, из его полемики с Баком. «Развитие естественных наук,—читаем мы у Каутского,—идет рука об руку с развитием техники... Современные методы химического исследования и современная математика также входят составной частью в существующую систему техники»¹⁾.

Итак, по Каутскому, естествознание есть часть техники. Это как-будто согласуется с тем, что писали Маркс и Энгельс, а писали они, как известно, в таком духе, что наука зависит от состояния и потребностей техники.

Если бы был прав Каутский, относя все естествознание без оговорок к непосредственной технике, тогда все научные открытия и теории — мы должны были бы сводить непосредственно к технике. Например, мы должны были бы сказать, что теория Дарвина возникла ввиду того, что этого требовало практическое животноеодство и растениеводство, неизвестны геометрии вызваны к жизни также техникой и т. д. То же самое должно относиться и к закону всемирного тяготения и теории относительности Эйнштейна и к аксиоматическому направлению в новейшей математике и т. д. и т. п. Так ли это?

Если прав Каутский, то как тогда обяснить непрерывную и ожесточенную борьбу разных научных направлений? Ведь нельзя же эту борьбу сравнивать с борьбой двух предприятий за различные технические достижения? Как понять двухвековую борьбу картезианцев с плютонианцами и теперь страстную борьбу из-за теории относительности? Как далее понять, что более передовая научная теория не сразу добивается своего признания, а иногда борется за свое существование десятки и более лет? Наконец, как тогда понять то огромное значение философии, которое она имела в продолжении всей истории естествознания?

Все эти вопросы станут легко разрешимыми, если мы признаем резкую формулировку Каутского ошибочной, упрощенной и рассмотрим более основательно теорию исторического материализма, как она дана нам ее основоположниками. Из того, что естествознание развивается под влиянием техники и производительных сил, о чем говорил Маркс, еще не следует, что все естествознание целиком и непосредственно определяется развитием техники или производительных сил, и вовсе не следует того, что все естествознание целиком заключено в технике.

Если мы поставим вопрос о том, какую общественную функцию выполняет естествознание, то мы должны сказать в ответ на это, что основных функций у него две: во-первых, удовлетворять потребности техники и, во-вторых, служить укреплению идеологии соответствующего класса. Второй функции, как видим, не вытекает из узкого понимания естествознания Каутского.

Естествознание в своей теоретической (философской) части есть одна из форм общественной идеологии, подобно философии, искусству, морали

¹⁾ Исторический материализм. Сб. ст., составил С. Семковский, 4-е изд., 1923 г., стр. 48.

и т. п., как в своей прикладной части оно является составной частью техники (в согласии с Каутским).

Конечно, все идеологии, до философии и религии включительно, определяются в конечном счете состоянием производительных сил в данный момент. Но именно только в конечном счете. В письме к И. Блоху от 21 сентября 1890 г. Энгельс пишет: «Согласно материалистическому пониманию истории, в историческом процессе определяющим моментом в конечном счете является производство и воспроизводство действительной жизни. Ни я, ни Маркс большого не утверждали. Если кто-нибудь это положение извратит в том смысле, что будто экономический момент является единственным определяющим моментом, тогда утверждение это превращается в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу».

Если не учсть этого крайне важного замечания Энгельса, то неизбежна ошибка, вроде той, какую обнаружили Г. В. Плеханов у А. Эспинаса, который слишком односторонне рассматривал влияние техники на развитие идеологии и таким образом не обратил внимание на влияние на идеологию такого важного «фактора», как классовая борьба¹⁾.

«Вся историческая борьба,—говорит Энгельс,—совершается она в политической, религиозной, философской или в какой-либо другой идеологической области—в сущности является только или менее ясным выражением борьбы общественных классов»²⁾.

Идеологии могут быть весьма разнообразны по содержанию и форме. Отношения классов находят в них свое отражение, как непосредственное, так и более отдаленное, затушеванное. Часто в классовых отношениях непосредственно вытекает лишь одна «главная идея», один «принцип», дающий начало логическому развитию целой системы, поскольку эта система в целом не противоречит экономическим отношениям, отражающимся в идеологии или иного класса.

На различных формах собственности,— говорит Маркс («Манифест брюмера»),—на общественных условиях существования возникает целая надстройка различных своеобразных чувств и взглядов, и понятий. Все это творится и формируется самым классом на почве материальных условий его существования и соответствующих им общественных отношений».

Приведу эту цитату из Маркса. Плеханов далее пишет: «Процесс возникновения идеологической надстройки совершается заметным для людей образом (курсив подлин. В. Е.). И рассматривают эту надстройку не как временный продукт общественных отношений, а как нечто естественное и обязательное по своей собственной сущности (курсив наш, В. Е.). Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего вполне самоотверженного отношения к тем взглядам и к тем формам общества, которые исторически возникли на почве более или менее

¹⁾ См. Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма, т. XVIII, стр. 223.

²⁾ Энгельс, Анти-Дюринг, ч. 3, гл. 2.

³⁾ Записки Маркса.

узких классовых интересов¹⁾ (последние два курсива подлинника).

Но и с классовыми интересами идеологии иногда не соприкасаются еще непосредственно. Связующим звеном здесь служит общественная психология, определяемая, конечно, экономическим базисом, т.е. производительными силами и данными производственными, классовыми отношениями.

«Все идеологии,—говорят Плеханов,—имеют один общий корень: психологию данной эпохи²⁾.

Вместо психологий Плеханов в другом месте употребляет выражение «психика общественного человека».

Эту схему соотношения «идеологии» и «психологии» принимает и т. Н. И. Бухарин, при чем последний поясняет разницу между этими двумя категориями:

«Отличие общественной психологии от идеологии,—говорит он,—заключается... в степени систематизации».

Общественная психология, это—«несистематизированные или мало систематизированные чувства, мысли и настроения, имеющиеся в данном обществе, классе... и т. д.».

Общественная же идеология, это есть «система мыслей, чувств или правил поведения».

Систематизированные мысли, по словам тов. Н. И. Бухарина, составляют науку (мы очень рады констатировать, что мы можем сослаться на тов. Бухарина, признающего науку одной из идеологий).

Система чувств, ощущений и образов составляет искусство.

Система правил поведения (норм) составляет мораль³⁾.

Все вместе, это будет идеология, или, что является в данном случае синонимом, мировоззрение.

«Идеология—это густки общественной психологии»⁴⁾.

Далее, зависимость идеологии от экономического базиса необходимо еще более усложнить. Дело в том, что не все идеологические формы (политические, моральные, религиозные, художественные, философские, научные и т. д.) одинаково отстоят и зависят от «базиса».

В то время, как право, политические учения и мораль весьма тесно связаны с экономическими отношениями данной эпохи и данного народа, искусство, философия и наука гораздо дальше отходят от этих отношений. Так, о философии, Энгельс в письме к К. Шмидту от 27 октября 1890 г. писал: «Экономика здесь ничего не создает заново, но она определяет вид изменения и дальнейшего развития, имеющегося на лицо мыслительного материала. Но даже и это она производит по большей части лишь косвенным образом, так как важнейшее прямое действие на философию оказывают политические, юридические, моральные отражения».

Далее совершенно в духе Энгельса Плеханов об искусстве пишет: «Непосредственное влияние экономии на искусство и другие идеологии вообще замечается крайне редко. Чаще

¹⁾ Г. В. Плеханов, К вопросу о развитии и т. п., Сочинения, т. VII, стр. 205—206.

²⁾ Г. В. Плеханов, Основные вопросы марксизма, т. XVIII, стр. 232. Курсив Плеханова.

³⁾ Н. И. Бухарин, Теория ист. материализма, М.—П. 1925, стр. 231—232.

⁴⁾ Там же, стр. 240.

всего влияют другие «факторы»: политика, философия и проч.»¹⁾.

Здесь подчеркивается влияние философии на искусство.

После этого небольшого экскурса в область теории исторического материализма нам теперь станет понятным основное утверждение Энгельса в «Диалектике природы», что философия управляет естествознанием.

Но мы до сих пор говорили лишь об идеологии, как таковой. Но можно ли естествознание в какой-нибудь его части отнести к идеологии?

Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что естествознание одной своей частью определяется непосредственно техникой. Почти все без исключения отрасли естествознания связаны непосредственно с техникой. Зарождение наук вызывалось исключительно потребностями практики (если такие «науки», как космология и пр., включить в философию). Дальнейшее развитие науки частично объясняется также непосредственным воздействием и потребностями техники. Примеров этому мы могли бы привести сколько угодно, но мы не собираемся давать исчерпывающее изложение вопроса о социологической сущности естествознания. Это можно сделать в другой раз. Для нас важно показать другой момент, на что как раз обычно мало обращается внимания, именно показать двойственную роль естествознания, как социальной категории.

Гельмгольц о целях науки говорит следующее: «Люди науки представляют как бы организованную армию, которая старается расширять познания для блага народа,—большею частью даже по его поручению и на его счет,—познания, которые служат для воззвания промышленности, богатства, изящества жизни, улучшения политического строя и морального развития людей»²⁾.

Здесь эта двойственная роль естественных наук подчеркивается весьма ясно.

Некоторые ученые чрезвычайно ярко и выпукло ставят вопрос. Вот что говорит проф. В. И. Вернадский:

«Научное мировоззрение,—как и все в жизни человеческих обществ,—приспособляется в формах жизни, господствующим в данном обществе»³⁾. Следует заметить, что это говорит идеалист.

«В господствующем (научном) мировоззрении—читаем мы у него далее—отражаются условия внешней среды, в которой идет научная деятельность—характер и строй общественного устройства, организация научного преподавания, состояние техники данной местности и данного времени и т. д.»⁴⁾.

В других местах В. И. Вернадский прямо отводит естественно-научному мировоззрению место среди идеологий, не называя их, конечно, по имени.

¹⁾ Плеханов, Сочинения, т. X, стр. 296. Курсив наш. ²⁾ Г. Гельмгольц, Об отношении естествознания к системе наук вообще. Речь 1862 г. (в сб. «Попул. научн. статьи», в I СПБ, 1866, стр. 32). Курсив наш.

³⁾ В. И. Вернадский, О научн. мировоззрен.,—«Вопр. филос. и псих.» кн. 65, 1902, отд. I, стр. 1457.

⁴⁾ Там же, стр. 1455—6.

Научное мировоззрение,—говорит он,—есть создание и выражение человеческого духа; наравне с ним проявлением той же работы служат религиозное мировоззрение, искусство, общественная и личная этика, социальная жизнь, философская мысль или созерцание. Подобно этим крупным отражениям человеческой личности и научное мировоззрение меняется в разные эпохи у разных народов, имеет свои законы изменения и определенные ясные формы проявления¹⁾.

В этой цитате неверно то, что проф. В. И. Вернадский все идеологические надстройки считает отражениями человеческой личности, и, кроме того, еще то, что «социальную жизнь» он поместил среди этих же надстроек. Если отбросить эти азбучные, с точки зрения исторического материализма, ошибки проф. В. И. Вернадского (который в основном является идеалистом), то получится в общем правильная картина, рисующая социальную роль научного мировоззрения. В другом месте мы еще у него читаем весьма любопытные вещи. Он пишет: «Научное мировоззрение не есть абстрактное логическое построение. Оно является сложным и своеобразным выражением общественной психологии»²⁾.

Далее тот же проф. В. И. Вернадский показывает связь точной науки, выражаясь нашим языком с другими идеологиями: «Некоторые части даже современного научного мировоззрения,— говорит он,—были достигнуты не путем научного искания или научной мысли,—они вошли в науку извне: из религиозных идей, из философии, из общественной жизни, из искусства. Но они удержались в ней только потому, что выдержали пробу научного метода»³⁾.

Мы, конечно, разойдемся с проф. В. И. Вернадским в оценке влияния на науку со стороны различных идеологий: он видит только положительное влияние, не замечая, что влияние религии и философии, будучи лишь отражением влияния интересов упадочных классов, очень часто было губительным для науки.

Мы, если и обращаемся к проф. В. И. Вернадскому, то только как к свидетелю, а не как к безоговорочному авторитету. Мы вовсе не склонны, подобно нашим анти-философам, принимать все, что нам говорят представители «современного естествознания», не проверив этого при помощи единственного надежного судьи—марксистской методологии.

Если кому-нибудь недостаточно будет признания идеалиста В. И. Вернадского, то мы можем сослаться на другого свидетеля, а именно на К. А. Тимирязева. Говоря в одной речи о достижениях, которое имела наука в течение XIX века, он отмечает их двойное значение: во-первых, материальные приложения и, во-вторых, глубокие, идеальные, философские выводы, которые дало то же самое естествознание. При этом он даже явно ставит вторые выше первых (с чем уже не может согласиться марксист). Послушаем самого К. А. Тимирязева: «Все эти блестящие материальные приложения (науки. В. Е.),—говорит

¹⁾ Там же, стр. 1418.

²⁾ Там же, стр. 1461—2.

³⁾ Там же, стр. 1423.

он,—только внешний,—я готов почти сказать: случайный—признак того глубокого, идеального движения, которое отметило XIX в. Не в бесчисленных единичных изобретениях и приспособлениях, как это желали бы видеть наши противники, а в широком философском синтезе выразился этот могучийхват научной мысли, все более и более оправдывающий убеждение во внутренней связи, в единстве всего естествознания¹⁾.

Но довольно свидетельских показаний. Обратимся к нашему учителю Энгельсу. Он в «Диалектике природы» высказывает такую мысль, что хотя естествознание имеет дело с фактами, но это не мешает ему иногда стоять на голове. А это как раз весьма свойственно всякой идеологии.

«В самом естествознании,—пишет Энгельс,—мы достаточно часто встречаемся с теориями, в которых реальные отношения поставлены на голову, в которых отражение принимается за обективную реальность... Такие теории довольно часто господствуют долгое время»²⁾. Когда в физике господствовала теория теплорода, вовсе нельзя сказать, чтобы тогда не было правильных антических фактов. Факты, открытые при этой теории, или при теории флогистона, вовсе не были отвергнуты целиком, при падении этих теорий. «Наоборот,—говорит Энгельс,—они сохранились, была только перевернута их формулировка».

Позднее Энгельс писал:

«В любой науке неправильные представления (если отвлечься от погрешностей наблюдения) являются конце концов неправильными представлениями о правильных фактах»³⁾.

Космологические теории Коперника и Тихо де Браге опирались на одни и те же факты,—и одинаково к тому же были удовлетворительны для потребностей практики,—но эти две теории враждовали между собой несколько десятилетий. Первая (или гелиоцентрическая, вторая—геоцентрическая. Когда Галилей дал несколько фактических доказательств теории Коперника, многие астрономы все же еще отвергали ее.

Можно ли после этого теорию Коперника сводить исключительно к непосредственным потребностям техники? Нет, ее нужно поставить в связь с борющимися натур-философскими направлениями, отражавшими соответствующие классовые группировки.

Теория Дарвина говорит о происхождении видов путем естественного отбора в органическом мире. Она не случайно появилась в Англии, где рациональное скотоводство и растениеводство было поставлено выше, чем в других странах, и где уже применялся искусственный отбор на практике. Можно было бы сказать, что теория Дарвина явила простым отражением этих технических методов, и сама послужила дальнейшему развитию и усовершенствованию этих методов. Но разве не ясно, что такое отождествление будет неправильным, упрощенным, грубым? Разве те, кто боролись против дарвинизма (а борьба не закончена еще и вине), были против рационального скотоводства? Разве Бюх-

¹⁾ К. А. Тимирязев, Праздник русской науки, Сб. «Насущные задачи современного естествознания», М. 1904, стр. 16—17.

²⁾ Энгельс, Диалектика природы,—Архив М. и Э. кн. 2, стр. 138.

³⁾ Там же, стр. 353.

нер в Германии, Писарев в России распространяли дарвинизм с одной целью—способствовать правильному свиноводству и овеществству? Нет, и враги и друзья дарвиновой теории видели в ней прежде всего мощное идеологическое орудие, угрожающее религии и выдвигавшееся до этого классическими атеистами XVIII в. Ламетти, Дидро и друг.

Работы Бергло в области органической химии, по словам К. А. Тимирязева, были стимулированы его желанием посредством синтезирования жиров, сахаристых веществ и др. опровергнуть виталистические теории жизненной силы¹⁾. С исторической точки зрения это вполне понятно, если мы примем во внимание, что витализм и механизм это не две технические прикладные теории, а два мировоззрения, соответствующие идеализму и механическому материализму вообще.

Аналогичный пример можно привести из истории геологии.

В течение столетий перед геологией стоял вопрос о реальности библейского всемирного потопа. Первое время она принимала библейское сказание без критики, затем это сказание подверглось длительной критике всеми доступными геологами методами, пока, наконец, не было совсем отвергнуто. Сколько здесь было всевозможных споров и колебаний,—этот вопрос еще ждет своего историка—марксиста. Но можно ли сомневаться в том, что эти геологические исследования, попутно раскрывавшие многие другие тайники истории земной коры, стимулировались потребностями идеологической борьбы, которая была своеобразным отражением общественной борьбы классов?

Возьмем, далее, первые космогонические гипотезы. Здесь было опять влияние чаще всего передовых идеологий, которые противостояли религии. Но было и обратное. Сочинялись такие теории, которые могли бы служить нарочитым подтверждением библейской истории творения. В качестве примера можно указать на теорию Фая.

Вот что об этой теории говорит редактор сборника «Классические космогонические гипотезы» В. А. Костицын:

«Желание исправить космогонию Лапласа было подсказано Фая и религиозными соображениями. Фай, как ученый, прекрасно понимал, что неизвестный нам автор библейской космогонии мог выражать только взгляды своего времени, но, как усердный католик, Фай признавал божественное откровение. Эта борьба между научной и религиозной совестью отражается в книге Фая во многих местах и часто разрешается актами дипломатического характера.

Грубо-первоначальный характер библейской космогонии Фай прекрасно понимает, но вместе с тем старается самое существенное в ней—образование Земли раньше Солнца—поддержать аргументами механического характера²⁾.

Итак, теоретическое естествознание в значительной своей части составляет часть, специализированную часть общественной идеологии.

¹⁾ Наука и демократия, 1920, стр. 201.

²⁾ Кант-Лаплас-Фай-Дарвин-Пуанкаре, Классические космогонические гипотезы, Сборник под ред. В. А. Костицына, Серия «Классики естествознания», кн. IX, Гиз, 1923, стр. 19.

Возможно такое возражение: естествознание не может быть идеологией, потому что оно обладает громадными материальными объектами,—обсерваториями, лабораториями (Бергло, несомненно, немыслим без лаборатории), громоздкими инструментами и приборами и т. п. Всеми этими объектами естествознание вращает во всю хозяйственную жизнь, в общие фабрики и заводы и т. д.

Это возражение не имеет силы потому, что многие идеологии, кроме естествознания, связаны также с материальными объектами,—стоит лишь вспомнить такой вид искусства, как архитектура и др.

Что верно для всего естествознания, то можно еще проверить на примере математики.

И здесь, конечно, точно так же часть математики служит непосредственно технике и прикладным наукам, в первую очередь физике. Можно было бы привести массу примеров такой связи математики и техники. Это признает и такой знаменитый теоретик, как А. Пуанкаре. От имени математиков он говорит: «Мы встречаемся с физиком или инженером, которые говорят нам: «Будьте любезны проинтегрировать такое-то дифференциальное уравнение; через неделю мне понадобится решение ввиду такого-то сооружения, которое должно быть закончено к такому-то сроку». —«Но это уравнение, —отвечают мы, —не подходит ни в один тип интегрируемых уравнений; последних, как вам известно, весьма немного». —«Да, это мне известно, но скажите тогда в вас толк?»¹⁾.

Но тот же самый Пуанкаре там же говорит о двойственной роли математики.

«Наша наука, —говорит он, —одновременно граничит и с физикой и с философией; для этих двух наших соседок мы и работаем²⁾.

То же самое говорил и русский математик Н. В. Бугаев в одной своей речи:

«При помощи математических истин, —читаем мы у него, —одной стороны, самым лучшим образом складывается удовлетворение материальных нужд, с другой стороны, вносится гармония и порядок в мироздание³⁾. Или в другом месте он же говорит:

«Истины математические и по результатам и по методам имеют общественное значение. Результаты ее, главным образом, необходимы для наук физических, методы для наук нравственных⁴⁾.

Это писалось почти 60 лет назад. С тех пор математика сделала гигантские шаги по пути к формализму, результатами она теперь интересуется в несравненно меньшей степени, чем тогда, следовательно, философский уклон математики теперь гораздо заметнее.

В 1923 году пишущему эти строки приходилось слышать лекции по математике проф. Н. Н. Лузина (I МГУ) такие рассуждения, что математике место совсем не на физико-математическом.

¹⁾ Пуанкаре, Наука и метод, Рус. пер., Одесса 1910, стр. 33—34.

²⁾ Там же, стр. 32.

³⁾ Н. Бугаев, Математика как орудие научное и педагогическое. Биб. М. 1869, стр. 31.

⁴⁾ Там же, стр. 18.

тическом факультете, а где-то между ним и историко-филологическим факультетом (это, между прочим, говорилось спустя несколько лет после упразднения историко-филологических факультетов в системе образования в РСФСР).

Оказывается, что проф. Н. Н. Лузин в этом вопросе не оригинален: то же самое говорил и проф. Н. В. Бугаев в 1869 г.: «Двойственный, посредствующий характер математики,—читаем мы у будущего главы математической школы,—связующей, как звено, две громадные отрасли знаний, указывает на некоторые неудобства строго факультетского деления наук»¹⁾.

Вся история математики может дать нам огромное количество примеров такой тесной связи математики с идеологией. Но не будем на этом останавливаться.

Теперь возникает вопрос, каким же это образом точные науки, кладущие в основу своих выводов опыт и наблюдение, которые хотя бы теоретически всегда можно кому-угодно проверить, каким образом они оказываются в числе общественных идеологий? Ведь микроскоп и то, что находится в его поле зрения, есть нечто объективное и раз навсегда данное? Как же получается тот некоторый «произвол», который характерен для идеологии?

Для того, чтобы ответить на эти вопросы, необходимо вспомнить, что ни один ученый исследователь никогда не ограничивался в своей работе голым перечислением фактов наблюдения, даже если он в теории методологии защищает строгий эмпиризм. Известно, что без гипотез не может обходиться ни одна наука. Даже если мы будем избегать строить гипотезы, мы не можем об'явить всему свету все сотни и тысячи отдельных цифр, которые у нас получились в опыте, а мы по необходимости должны будем делать интерполяцию, чтобы хоть как-нибудь сформулировать вытекающий из наблюдений закон.

О роли теоретического мышления замечательно высказываеться Энгельс.

Эмпирическое естествознание,—говорит он в «Диалектике природы»,—неизбежно нуждается в систематизации, а при этом оно попадает в теоретическую область. Но «здесь методы эмпиризма оказываются бессильными, здесь можетказать помощь только теоретическое мышление». Теоретическое же мышление разрабатывается в философии, которая уже теснейшим образом связана с общественной, классовой средой.

«Теоретическое мышление каждой эпохи, а значит, и нашей эпохи,—говорит далее Энгельс,—это—исторический продукт, принимающий в различные времена очень различные формы и получающий поэтому очень различное содержание. Следовательно, наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления».

И это имеет значение и для практического применения мышления к эмпирическим областям, ибо... теория законов мышления не есть вовсе какая-то раз навсегда установленная «вечная истинна», как это связывает со словом «логика» филистерская мысль.

¹⁾ Там же, стр. 20.

Сама формальная логика являлась, начиная с Аристотеля, и до наших дней, ареной ожесточенных споров¹⁾.

Совершенно правильно поэтому заключает т. Баммель, что логика составляет такую же неразрывную часть идеологии данного общественного класса, как его искусство, его мораль или философия²⁾.

«Произвол», о котором можно здесь говорить, начинается не в области самих фактов, а в области об'яснения. Известно, что теория Коперника и теория Птоломея исходили из одних и тех же фактов, об'ясняя их различно. Теория или гипотеза известное время, иногда очень долго, находится в стадии «пропылья», в это время нередко конкурируют две и более гипотез, пока, наконец, одна из них не побеждает путем подтверждения ее надежными фактами. При этом весьма часто опыт не прямо подтверждает гипотезу, а от опыта до теории приходится проделать целый ряд логических умозаключений, т.-е. если опыт подтвердил, скажем, факт А, из факта А следует В, из В—С и т. д., пока, наконец, мы не дойдем до факта, скажем N, который непосредственно подтверждает принятую гипотезу. Или еще больше: опыт связывается с гипотезой таким образом, что из самой гипотезы следует ряд выводов, и только конечные выводы из этой гипотезы подтверждаются на опыте.

После этого нам станет понятным тот факт, что одни и те же опыты, только в различных комбинациях, могут одновременно служить подтверждением различных гипотез.

Энгельс о значении гипотез говорит следующее:

«Формой развития естествознания, поскольку оно мыслит, является гипотеза. Открывается новый факт, делающий непривычным прежний способ об'яснения относящихся к той же самой группе фактов. С этого момента возникает потребность в новых способах об'яснения, опирающегося сперва только на ограниченное количество фактов и наблюдений. Дальнейший опытный материал приводит к очищению этих гипотез, устраивает один из них, исправляет другие, пока, наконец, не будет устано-влен в чистом виде закон»³⁾.

Сама наука, благодаря своим методам, которые фактически никогда не могут сводиться к чистому эмпиризму, оставляет известное поле для «философствования».

Как дело историка не кончается на том, когда он без комментариев опубликует вновь найденную рукопись, или описывает археологическую находку, так дело естествоиспытателя не ограничивается сухим протокольным описанием результатов серии наблюдений. Надо из этих отдельных фактов сделать выводы, и вот здесь-то как историк, так и естествоиспытатель могут делать самые различные выводы в зависимости от их общей психологии, классового положения и т. д.

В заключение, мы считаем необходимым подчеркнуть об одном возможном извращении такого идеологического понимания естествознания. Опасность эта может ити со стороны богоданов-

¹⁾ Энгельс, Диалектика природы,—Архив М. и Э., кн. 2, стр. 125. Подчеркнуто нами.

²⁾ Г. Баммель, Проблема логики в современной философии,—«Вестн. Соц. Акад.» кн. 4, 1923, стр. 445.

³⁾ Энгельс, там же, стр. 11. Подчеркнуто Энгельсом.

щины. Из того, что данное конкретное естествознание не обладает абсолютной истиной, и из того, что в одно и то же время могут быть два иногда весьма различных или даже противоположных направления в естествознании, из всего этого можно сделать такие релятивистские выводы, что объективной истины вообще не существует, а это, как известно, уже чистая богдановицна. Эти выводы можно сделать, если... не отличать диалектику от релятивизма. Диалектика,—писал Ленин,—включает в себя релятивизм, но она не сводится к релятивизму.

Нужно помнить, что с точки зрения диалектического материализма в любой идеологии, а не только в естествознании могут быть элементы,—пусть ничтожные,—все же объективной истины. Нельзя так просто представлять себе дело, что в историческом процессе одна идеология без остатка вытесняет предшествующую ей идеологию и становится на ее место; затем эту идеологию сменяет третья и т. д. Истина только одна, и исторические идеологии, как бы они ни сменялись одна другой в ходе классовой борьбы в то же самое время они имеют в своем составе некоторые элементы преемственности, определяемые мышлением, как естественным процессом в человеческом мозгу, являющимся отражением объективных процессов вне нашего сознания. К. Маркс в письме к Кугельману писал, что «понимание отношения стоимости было всегда одним и тем же, только ясным, или туманным, спутанным иллюзиями, или научно-определенными. Так как процесс мышления,—писал он далее,—сам вырастает из известных условий, сам является естественным процессом, то действительно понимающее мышление может быть лишь одним и тем же, изменяясь только постепенно и в зависимости от зрелости развития и в частности развития органа мышления¹⁾. Эти «всегда один и те же» понятия, конечно, не прирождены человеческому роду, а они вырабатываются на основании предшествующего им опыта, иногда уже довольно поздно и не без борьбы. Так, например, вопрос об антиподах в географии сейчас, кажется, решается всеми одинаково и не зависит уже от общественных переворотов, будут ли у власти феодалы, капиталисты или рабочие. Но в XV веке, до океанических путешествий, различные классы и группировки по-разному решали этот вопрос, хотя астрономия еще в древности давала доказательства шарообразности земли.

Когда человеческая практика окончательно решила вопрос о шаровидности земли, реакционный класс принимает это новое учение, перестраивает свою систему, стараясь при этом сохранить в ней возможно больше старого. Когда человеческая практика подтверждает гелиоцентрическую теорию солнечной системы, реакционный класс и ее принимает, тем самым зачисляя ее в число передаваемых по наследству общепризнанных научных истин. Точно так же дело было и с теорией Канта-Лапласа, с принципом сохранения энергии и т. д. и т. п.

Однако в каждый данный момент в научном багаже человеческого общества наряду с этими бесспорными истинами, кото-

¹⁾ Письмо от 11 июля 1868 г., Цит. И. П. Разумовский: Курс теории исторического материализма, стр. 164. Курсив наш.

ре развиваются дальше уже только в порядке «естественного мышления», все же имеется еще много вопросов, вызывающих новые споры, которые и используют борющиеся классы в данный момент.

3. Классовый характер естествознания.

Уже из того, что естествознание является составной частью идеологии или мировоззрения, с очевидностью следует, что естествознание одинаково подвержено всевозможным классовым влияниям, как и другие идеологии.

Совершенно непонятным было бы, почему,—раз, согласно методологии исторического материализма, ничего в обществе нет неклассового,—почему это естествознание, всегда бывшее археем ожесточеннейшей борьбы разных направлений и школ, должно быть рассматриваемо так, как будто оно похоже на того дьяка, который

Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева?..

Связь естествознания с общим мировоззрением, которую мы показали выше, есть только опосредование его связи с классовой борьбой.

Эта связь может быть выражена в самых разнообразных формах, то есть она может быть и более прозрачной, и менее заметной.

Нередки бывали случаи, когда авторитетное слово естественных и точных наук прямо клалось на чашку весов непосредственных партийно-политических разногласий. Это бывает тогда, когда тот или иной ученый сам принимает некоторое участие в политической жизни и, в нужном месте, «замолвит словечко» в свою партию, опираясь на «точные методы» естественных наук.

В качестве примера мы здесь сошлемся на выдающегося русского физика Н. А. Умова. Он как раз частенько откликался на политическую злобу дня: он писал статьи в «Русских Ведомостях», в «Научном Обозрении» и т. д. Себя он при этом всегда рекомендовал, как человека, «мысль которого воспитывалась преимущественно в области естественно-научных фактов и умозрений».

Взгляд Н. А. Умова в этой точки зрения на русское революционное движение подыложен в его статье: «Эволюция живого и задача пролетариата мысли и воли». Содержание этой статьи автор сам рекомендует именно со стороны положительной науки. Он,—говорит он,—«не представляет собою, конечно, неоспоримого вывода естественно-научного мировоззрения, но несомненно отражает в себе ту связь, которая должна существовать между временными интересами человеческой жизни и общим жизнью природы, текущую по непреложным законам... Автор будет чувствовать себя вполне удовлетворенным, если читатели вынесут убеждение, что для правильного решения социальных вопросов недостаточно одного знакомства с политическими учениями, но что нужно еще уметь правильно читать в книге природы(!)»¹⁾.

¹⁾ Н. А. Умов, Собр. соч., издаваемое Московским Обществом Испытателей Природы под ред. А. И. Бачинского, т. III, М. 1916, стр. 308.

В этой многообещающей статье физик Н. А. Умов резко высказывает, конечно, против «экспроприации капитала», как категорий, противоречащей «смыслу» эволюции и приемлемой только для материалистических учений¹⁾, он говорит о всемирно-исторической роли интеллигенции («пролетариата мысли и воли») отрицая таковую за «пролетариатом физического труда» и высказывает «с научной точки зрения» против социалистического лозунга «продукт труда должен принадлежать обрабатывающему»²⁾ и т. д.

В добавлениях к этой статье, вышедшей брошюрой в 1906 г., Н. А. Умов касается и религии: «Не земли и воли только,—говорит он,—требует русский земледелец. Он требует земли, воли и бога, который снисходил бы к его молениям! Земля без бога, прислушивающегося к нуждам пахаря, не только не нужна народу, но представляет собой ловушку, вовлекающую его в беспечную нужду»³⁾.

Классовая подоплека всех этих «научных статей», издаваемых научным обществом и после его смерти, совершенно ясна. Ученый из помещиков так же реагировал на события 1905 года, как и всякий другой помещик, и естествоиспытатель пользуется своей принадлежностью к науке так же, как художник использует свое ремесло, т. е. и то и другое отдается на службу контрреволюции.

Будучи в политике либералом, Н. А. Умов был связан с «Русскими Ведомостями». При этом и эту свою связь он обосновывал «с точки зрения науки».

На 50-летнем юбилее этой либерально-профессорской газеты (1913) Н. А. Умов, говоря речь от имени науки, не только одобрял «умелое и своеевременное ознакомление общества с успехами естествознания», но он пытался в этой речи «раскрыть сглаживанность полузвековой жизни юбиляра с опытом науки»⁴⁾. Либерализм, по утверждению Н. А. Умова, совершенно идентичен руководящим вехам естествознания.

Но если не всегда связь естествознания с классовыми политическими доктринаами, вырисовывается так ярко и, мы бы сказали, так грубо (нужно помнить, какая «фигура» позволяет себе такие «грубые» сопоставления!)⁵⁾, то это не значит, что в иных случаях этой связи все же нет.

В некоторых случаях естествознание служит непосредственно укреплению господствующей классовой морали в обществе. Подтверждение этому мы находим в следующих словах знаменитого математика А. Планкаре:

«Наука,—говорит он,—все более и более стремится нам показать солидарность различных частей вселенной и выяснить ее гармонию... Всегда наука стремится к единству и заставляет нас стремиться к тому. Подобно тому, как собирает она частные закончи и сводит их к общему закону, не соединит ли она воедино и интимные переживания наших сердец, внешне столь различные,

¹⁾ Там же, стр. 322.

²⁾ Там же, стр. 326.

³⁾ Там же, стр. 621.

⁴⁾ Там же, стр. 477.

⁵⁾ Ср. выступления многих ученых в годы империалистической войны 1914—18 гг.

столь капризные, столь чуждые друг другу. Но если она потеряет крашение, в этом стремлении, какой ужас, какое разочарование!»¹⁾. Наука с своими опытами и т. д. и здесь призываются на службу реакции. «Науке,—говорит дальше Планкаре,—воздушевленной истинным духом опыта, морали, нечего бояться, добная наука уважает прошлое, она противоположна тому научному снобизму, который так легко надуть нововведением»²⁾.

Иногда бывают положения, настолько затруднительные для подоплекущего класса, что голые моральные проповеди и призы не действуют среди раскаленной социальной атмосферы. Тогда необходимо бывает использовать все средства, которые конечно хотя бы могли послужить главной цели: отвлечь широкие народные массы от революционных настроений и крепче привязать их к колеснице капитализма.

В одном из своих выступлений, в 1912 г. (за 2 года до кончины, подготовившейся его однофамильцем и, кажется, планировщиком), А. Планкаре говорил приблизительно на эту тему: «открытия «Французской Лиги Морального Воспитания» Планкаре от имени науки говорил здесь о необходимости длительного воспитания людей, чтобы была дисциплина и т. д., и говорил, что здесь одних моральных рассуждений мало, здесь нужно использовать все психические силы, играть, так сказать, на всех уровнях человеческой души и т. п. И тут,—говорил он,—естествознание может сыграть не последнюю роль. «В конце концов, в различных формах, но мы, так сказать, являемся частями одной же армии, сражающимися бок-о-бок»³⁾.

И он приводит образное сравнение, наглядно подтверждающее нашу мысль о том, что все идеологии, каждая разными способами и в разных формах, делают одно и то же дело,—защиту капитальных «устоев».

«Чтобы приступить в ход одну и ту же машину,—говорят он,—инженеры безразлично могут применять силу пара или гидравлическую силу; так же и учителя морали могут по своему выбору приступить в оборот одну или другую из психических сил. Каждый из них, естественно, выберет ту силу, которую он чувствует в себе»⁴⁾. Если поэт умеет писать красивые стихи, он пишет их соответствующие темы; живописец выбирает соответствующие краски и линии, ну, а, естествоиспытатель должен, по мысли Планкаре, играть на своем «психическом инструменте».

Что касается примеров такого «морального» использования естествознания, то прежде всего приходит на ум история борьбы зарубиново теории развития. Напомним, как была встречена теория Дарвина.

С ней мало кто считался, именно, между прочим, как с «бездейственным» учением. Об этом рассказывает один из поборников дарвинизма, Э. Геккель. «Общее отношение к новой теории,—говорит он,—было безразлично скептическое, а решительно

¹⁾ А. Планкаре, Мораль и наука. Последние мысли, Научное кн-во Петроград, 1923, стр. 123—4.

²⁾ Там же, стр. 125. Подчеркнуто нами.

³⁾ А. Планкаре, Последние мысли, русск. пер., Научн. кн-во «Петроград», стр. 133.

⁴⁾ А. Планкаре, там же, стр. 131.

высказывались за него очень немногие». И Геккель приводит случай из своей собственной жизни: когда в 1863 г. он впервые прочел доклад с дарвинизмом на собрании естествоиспытателей в Штеттине, он оказался почти в единственном числе. Большинство слушателей удивлялось, что я выступаю серьезным защитником столь фантастической теории «видения послеобеденного сна», как выражался геттингенский зоолог Кеферштейн¹⁾.

В Германии ходили всевозможные слухи о «сумасшедшем англичанине», произведшем сенсацию. Если взять один, напр., Берлин, то,—как говорит Геккель,—почти все берлинские ученые осуждали новую теорию. Среди них находились знаменитый микропастик Эренберг, анатом Рейхерт, зоолог Петерс и геолог Байрих. Колебался Дюбюа-Реймонд. Крупнейший естествоиспытатель Рудольф Вирхов, сначала занимавший благоприятную позицию по отношению к дарвинизму, потом изменил ее на скептическую, а под конец на отрицательную. В 1877 г. он выступает с знаменитой речью против свободы науки, об'являет эволюционное учение вредным для государства и требует его исключения из школьного преподавания. При этом общеизвестен тот факт, что Вирхов аргументировал против теории Дарвина тем, что она прямо ведет к социализму. На это немецкие дарвинисты, с Оскаром Шмидтом и Геккелем во главе, выступили немедленно с протестом, утверждая, что, как раз наоборот, дарвинизм является теорией аристократической *excellence*. Характернее всего при этом то, что и та и другая сторона не видели ничего предосудительного в таком способе аргументации, точно подтверждая этим то, что естествоиспытатели не живут в стеклянном колпаке изолировано от общественных влияний, а они впитывают в себя все то, чем живет их класс, и так или иначе это оказывается в их специальных выступлениях.

Известно, что один из русских анти-дарвинистов Н. Я. Данилевский выступал против дарвинизма исходя из соображений общественной нравственности. Однако в ответ на это выдающийся ботаник А. Н. Бекетов (научно-философский позитивизм которого восхвалял К. А. Тимирязев в «Гранатовой истории России») решительно отвечал:

Основные идеи Дарвина, подлежащие, конечно, некоторому видоизменению, а главное—более точной формулировке, всего более способны дать христианскому мировоззрению прочную научную основу²⁾. А несколькими строками ниже А. Н. Бекетов пишет еще: «Естествознание и точная наука вообще способны служить опорой христианской нравственности в несравненно большей степени, чем всякое другое проявление человеческогоума».

История дарвинизма в Западной Европе знает о многих попытках истолковывать это учение в духе христианской религии.

В начале двадцатого века, сама католическая церковь начинает делать попытки согласовать свое учение и эволюцион-

¹⁾ Э. Геккель, Борьба за идею развития, три лекции, пер. с нем., 1907, стр. 28.

²⁾ А. Н. Бекетов, Нравственность и естествознание,—«Вопр. филос. и психол.», кн. 6, 1891 г., стр. 7.

ную теорию. Энтомолог и в то же время иезуит, патер Эрих Вассман, из Люксембурга, печатает ряд статей в католическом журнале в 1901—1903 г.г., изданных в 1904 г. отдельной книгой под заглавием *Die moderne Biologie und die Entwicklungstheorie*. С ученейшим видом и тоном величайшего «беспрострастия» этот иезуит излагает один из отделов «современного естествознания». Что теория развития здесь коверкается до неузнаваемости, что она делается в руках иезуита подтверждением учения о сотворении мира, это, конечно, ясно само собой. Но характерно то, что у него его «современную биологию» украшают его собственные долголетние экспериментальные исследования над морфологией и экологией муравьев и мирмекофилов, действительная наука и безудержная теология у него теснейшим образом переплетаются, и создается действительная опасность, что его проповедь найдет себе аудиторию и не только среди массовых читателей, но и среди некоторых настоящих биологов.

Один из естествоиспытателей, Франсэ, отозвался на эти попытки интересной статьей, о которой Геккель отзывает следующим образом: «Автор совершенно верно замечает, что опасность состоит в том, что дух иезуитизма систематически (курсив здесь и ниже наш. В. Е.) затмняет науку, систематически искаляет все проблемы и ответы на них и пускает в ход все хитрости, чтобы подкрепиться, хоть как-нибудь, подобие научные основы. А, вернее сказать, опасность состоит только в том, что с ней еще недостаточно познакомились, что общество, подчас и сами люди и науки введены в заблуждение и начнут верить, будто на самом деле существует иезуитская наука, результатами которой приходится считаться¹⁾.

Физическое грубое насилие над наукой сменяется грубыми и тонкими подделками науки, это мы видим на истории эволюционного учения, и это же мы видим со всеми другими важнейшими научными теориями, соприкасающимися с общим мировоззрением. В этом-то и оказывается классовый характер многих научных теорий.

При этом не нужно забывать, что и сами эволюционные теории (у французских материалистов XVIII в., у Ламарка и Дарвина) произошли из определенных классов и отражали в свое время определенную классовую психологию.

Несколько по видимости далеки бывают теории науки от классовых интересов, будучи на самом деле определяемы исключительно ими, показывает пример В. Томеона, который из теории теплопроводности, выражаемой математическим уравнением, выводил возраст земного шара, и притом он всячески старался получить такой вывод (преумноженный), чтобы сделать невозможной теория эволюции Дарвина²⁾.

Из области математики мы ограничимся одним примером—плактовкой вопроса о не-евклидовой геометрии.

Если мы посмотрим на момент зарождения первых не-евклидовых геометрий, например, геометрии Н. И. Лобачев-

¹⁾ Э. Геккель, цит. соч., стр. 41—42. Из этой книги нами взяты многие факты из истории распространения дарвинизма.

²⁾ Об этом случае рассказывал тов. А. К. Тимирязев.

ского, то мы найдем, что весь обективно-исторический смысл ее построений был в том, чтобы, вопреки Канту, доказать, что теория врожденной или априорной истинности аксиом геометрии не верна.

Кант, например, считал, что положение: «в треугольнике сумма углов равна двум прямым», есть факт непосредственного восприятия, оно априорно. Н. И. Лобачевский построил новую геометрию, но не на произвольных основаниях, а так, что она является лишь обобщением геометрии Эвклида; последняя является первым приближением к новой пангеометрии. Именно Н. И. Лобачевский предположил, что сумма углов треугольника меньше двух прямых, но разница между этой суммой и двумя прямыми ничтожно мала, так что для треугольников обычных земных размеров эта разница при теперешних средствах измерения не может быть обнаружена. В результате оказалось, что все формулы пангеометрии Н. И. Лобачевского обращаются в соответствующие формулы обычной эвклидовой геометрии, если пренебречь в них членами высших порядков относительно линейных размеров геометрических фигур.

Практически ничего нового новая геометрия не вносила, но она была резким вызовом кантовской философии, — и в этом ее громадное историческое значение.

В настоящее время очень многие математики, следуя реакционным философам, используют наличие не-эвклидовых геометрий как доказательство того, что все геометрии, и Эвклидова в том числе, являются свободными от опыта не зависящим построением нашего ума. Проф. Н. Н. Лузин в шутливой форме на лекциях в ИМТУ говорил, что математик нынешнего времени вполне может быть уподоблен лавочнику, который без участия ко вкусам своих клиентов и который может предложить несколько геометрий на выбор. Математику нет дела до какой-то там обективной реальности.

Таким образом в начале крайне прогрессивная тенденция, которая не вызывала никаких споров о своем решающем значении, позднее с общим «поправлением» всей идеологии господствующего класса, приобретает совершенно другое, диаметрально противоположное направление и начинает служить идеологической реакцией.

После всего этого можно только согласиться с утверждением Драпера, лишь исправив его формулировку.

«История науки, — говорит он, — не есть простой список отдельных открытий; это — рассказ о столкновении двух соперничающих сил — экспансивной силы человеческогоума, с одной стороны, и давления, происходящего от традиционной веры и человеческих интересов, — с другой»¹⁾.

Драпер только не видит, что борьба двух сил является отражением, в конечном счете, борьбы классов.

И очень ценным для нас являются признания виталиста Карпова, который откровенно говорит, что обстоятельства иногда заставляют идти и наперекор логике, и наперекор фактам. «Совокупность психических проявлений, — говорит он, — то, что называют душой человека, не есть случайная мозаика, а жи-

¹⁾ Дж. У. Драпер, История отношений между католицизмом и наукой, пер. с англ. под ред. А. Н. Пыпина, СПБ. 1876, стр. 3.

вой и цельный организм, стремящийся сохранить свое равновесие и установить самочувствие на возможно высокой точке. Он достигает этого самыми различными средствами: передко наперекор логике, наперекор очевидности. «Тымы низких истин нам дороже высокознавящий обман», эта фраза Пушкина выражает несомненный психологический факт. И с ним приходится считаться даже в области науки²⁾.

Подводя итоги сказанному и перефразируя то, что сказал тов. Л. Д. Троцкий по поводу искусства³⁾, мы можем сказать, что естествознание в известных пределах развивается независимо, но естествоиспытатель, творец этой науки, не пустой аппарат для создания тех или иных научных теорий, а живой человек с кристаллизованной психикой, представляющей некоторое, хотя и не всегда гармоничное единство. И эта-то психика его всегда является социально обусловленна и подвержена всевозможным классовым влияниям.

В заключение не мешает, пожалуй, остановиться на одном возражении, которое сделано было не так давно на страницах нашей печати, — возражение против классового понимания естествознания.

Небезызвестный проф. В. Н. Ивановский согласен принять классовый подход к общественным наукам, но по отношению к естествознанию этого он никак не допускает. Аргументы его следующие:

«Ни один пролетарский мыслитель, — говорит он, — не отрицает механической картины мира; между тем эта картина выработалась постепенно в ряде эпох, совершенно различных друг от друга по своим «экономическим базисам» и состояниям производственных отношений»⁴⁾.

Проф. В. Н. Ивановский притворяется, будто не знает, что механическая картина мира признавалась вовсе не всегда одним и тем же энтузиазмом и с одной и той же последовательностью, что эпохи механической картины сменились не раз мистическим и религиозным мировоззрением, что в одно и то же время наблюдалась борьба этих двух крайних точек зрения (ср., например, эпоху Галилея и Декарта, или современную эпоху от последней четверти XIX века), что, наконец, для революционного класса одного периода вовсе не зазорно перенимать старое оружие от другого революционного класса более раннего периода.

Кроме того, мы скажем проф. В. Н. Ивановскому, что пролетарские мыслители, — будем лучше их называть марксистами, — вовсе не склонны подписываться под «механической картиной мира». Революционный рабочий класс, переняв от буржуазии ее былое оружие — материализм — берет его, переработав в диалектический материализм, который только и согласуется со всеми фактическими достижениями естественных наук. И в этой поры, если и находятся среди марксистов такие писа-

¹⁾ В. Л. Карпов, Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни. См. «Бюл. филос. и психол.», кн. 98, 1909, отд. II, стр. 346.

²⁾ См. его статью «Формальная школа поэзии и марксизм» в сб. «Литература и революция», 2-е изд., Гиз, М. 1924, стр. 129.

³⁾ Методологическое введение в науку и философию, т. I, Минск, 1922, стр. XXVII.

тели, которые считают возможным настаивать на механическом материализме, то этим они только обезоруживают, дискредитируют материализм в целом, как мировоззрение рабочего класса.

Таковы крайне слабые доводы «внеклассового» методолога. Все предыдущее изложение разбивает рассуждения проф. В. Н. Ивановского.

Справедливость требует отметить, что «внеклассовые» нотки порой звучат и в высказываниях некоторых даже крупных марксистов.

Чтобы не быть заподозренными в замалчивании, мы приведем одну, правда, случайно брошенную фразу весьма уважаемого нами нашего учителя Г. В. Плеханова. Говоря о классовости общественных наук и желая ее доказать, Плеханов вскользь роняет, на наш взгляд, неосторожную фразу относительно математики:

«Математика,—говорит он,—не может быть ни социалистической, ни буржуазной»¹⁾. Что здесь при этом понимается под математикой? Плеханов далее поясняет сам: он говорит, что квадрат гипotenузы равен сумме квадратов катетов всегда и везде, «потому что свойства математических фигур неизменны». В противоположность этому, общественная наука, говорит Плеханов, имеет своим обектом изменяющееся общество.

Плеханов, конечно, не стал бы так резко противопоставлять математику общественной науке, если бы он посмотрел сквозь марксистскую лупу на всю математическую науку, в которой теорема Пифагора играет слишком незначительную роль. Ведь Пифагорова теорема относится всего только к элементарной геометрии. И в общественной науке можно найти такие истини, которые не будут ни буржуазными, ни социалистическими, например, такая истина, что «население царской России на 1 января такого-то года составляло столько-то тысяч человек», «17 октября (ст. ст.) 1905 года был выпущен царский манифест такого-то и такого-то содержания», и т. д. и т. п. Сам Плеханов ниже говорит, что «было бы очень ошибочно думать, что буржуазная экономия состоит из одних заблуждений»²⁾. Существуют истини, отражающие некоторые простые факты, и эти истини передаются от одной исторической эпохи к другой, от одного класса к другому, без изменения. Мы согласны при этом признать, что математика и естественные науки содержат больше таких истин по сравнению с общественными науками: это обясняется особенностями обекта этих наук и заинтересованностью господствующих классов в технике, связанной с необходимостью адекватного отображения действительности.

Но математика, как и все естествознание, не сводится к таким конечным истинам; эти науки также подвержены историческому развитию и влиянию классовой борьбы,—это, надеемся, мы показали выше.

Здесь не мешает напомнить, что В. И. Ленин вообще упрекал Плеханова в его невнимании к естествознанию: Плеханов отчасти относился к числу тех марксистов, которые (в отличие, например, от Ленина) больше уважали естествознание,

ни, чем занимались им. Иначе он не забыл бы применить к естествознанию то, что он говорил в другом месте, а именно: «Люди делают не несколько отдельных одна от другой историй—историю права, историю морали, философии и т. д. (мы смело можем добавить: и историю науки. В. Е.),—а одну только историю своих собственных общественных отношений, обусловливаемых соединением производительных сил в каждое данное время. Так называемые идеологии представляют собой лишь многообразные отражения в умах людей этой единой и нераздельной истории»¹⁾.

4. Партийность в естествознании.

Подводя итоги в своем классическом сочинении «Материализм и эмпириокритицизм», В. И. Ленин ставит вопрос, есть ли вообще партии в философии. И он отвечает на этот вопрос: есть, и эти партии суть—материализм и идеализм.

В предыдущем изложении мы старались показать те проповеди, которые всегда раздирали теоретическое естествознание. И теперь мы можем поставить вопрос: есть ли в нем также партии? После всего изложенного выше, приходится сказать, что самой ожесточенной партийной борьбы в естествознании не видеть нельзя, и что эта борьба в конечном счете выражает тенденции и идеологию различных классов современного общества.

«Новейшая философия, так же партийна, как и две тысячи лет тому назад», писал Ленин.

В качестве пробного камня Ленин выдвигает вопрос об отношении различных направлений к религии и к материализму²⁾. Геккеля. «Буря, которую вызвали во всех цивилизованных странах «Мировые загадки» Э. Геккеля,—говорит он далее,—значительно рельефно обнаружила партийность философии (уровня Ленина, В. Е.) в современном обществе, с одной стороны, и настоящее общественное значение борьбы материализма с идеализмом и агностицизмом, с другой»³⁾.

Кто выступал против Геккеля?—Теологи, философы и естествоиспытатели. Физиков Лоджа и Хольбайна указывает и В. И. Ленин. Биологи руку свою приложили в травле Э. Геккеля в несметном количестве.

Вполне прав Р. Франсэ, когда он говорит, что к Геккелю никто не подходит с хладнокровно взвешенной научно-справедливой оценкой, а все руководятся пламенными суждениями, пылкими или любовью или ненавистью⁴⁾.

При этом крайне характерны методы нападения на Геккеля со стороны его противников. Подобно тому, как английские консерваторы обвиняют теперь революционных рабочих вождей в узкой партийности, сами являя пример якобы полного беспристрастия и человеколюбия, так точно и жрецы чистой истины, сами юдевая тогу истинно «внепартийного» суждения, обвиняют смельчака Геккеля в партийности. Геккель, по словам одного профессора, Генсена (физиолог), точь в точь как

¹⁾ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. VIII, стр. 270, курсив подлинника.

²⁾ «Материализм и эмпириокритицизм», 1920, стр. 368, 356.

³⁾ Р. Франсэ, «Философия естествознания. Современное положение марксизма», пер. с нем., СПб. 1908, стр. 10.

⁴⁾ Г. В. Плеханов, Сочинения, т. XI, стр. 87.

⁵⁾ Там же, стр. 88.

«энергичный и беспощадный вожак партии», позволяет себе легкомысленно играть наследственностью, основными законами природы, родословными деревьями и процессами развития. К сожалению, констатирует проф. Генсен, Геккеля удалось в известных отраслях науки образовать партию, тогда как в науке, по его словам, абсолютно недопустима партийность¹⁾.

Более того, апологеты религии и существующего общественного строя старались нащупать связь учения Геккеля с социал-демократией.

С ужасом констатировали они про Геккеля то, что социал-демократические «товарищи», с Бебелем во главе, руководят иенскому профессору и на новую его книгу смотрят, как на евангелие²⁾.

Партии в естествознании иногда связаны прочными нитями с политическими партиями. Но это и не обязательно так должно быть. Связь может быть иногда не очевидна и не прозрачна. Она может осуществляться через философию, через мораль и т. д.

Любопытно, что о партийности в естествознании говорят очень многие ученые, иногда только не называя при этом вещи своими именами. Приведем несколько признаний самих естествоиспытателей из среды различных направлений.

Вот что пишет проф. В. И. Вернадский:

«В настоящем и прошлом научного мировоззрения мы всегда встречаем элементы, вошедшие в него извне, из чуждой ему среды, очень часто на чисто научной почве, научными средствами идет в науку борьба между защитниками и противниками этих вошедших в науку извне идей. Борьба эта под влиянием интересов эпохи и благодаря тесной связи ее с жизнью общества нередко получает глубокое и серьезное значение»³⁾.

Другой идеалист В. Карпов выбалтывает, как всегда секретные вещи.

«Борьба мировоззрений,—говорит он,—идущая с особой резкостью в известных кругах естествоиспытателей, есть факт»... Говоря о причинах этой борьбы, В. Карпов пишет: «Корни этого или иного мировоззрения заложены слишком глубоко, чтобы их можно было легко уничтожить правильно построенным силлозиями»⁴⁾.

Самую борьбу В. Карпов при этом характеризует следующим образом: «Виду коренной противоположности мировоззрений противники в большинстве случаев не понимают и не хотят понять друг друга—они говорят на разных языках»⁵⁾.

В тех же самых тонах о борьбе внутри науки говорят и те, которых мы всегда считали за передовых ученых, наша всегдашая опора против реакционной философии.

¹⁾ Hensen, Die Planktonexpedition und Haeckels Darwinismus, 1891, цитир. у Е. Деннерта: «Геккель и его мировые загадки по суждению специалистов», пер. с нем., М. 1909, стр. 61.

²⁾ Е. Деннерт, цит. соч., стр. 10.

³⁾ В. И. Вернадский, О научном мировоззрении,—«Вопр. философии и психологии», кн. 65, 1902, отд. I, стр. 1435. Курсив наш.

⁴⁾ В. Л. Карпов, Витализм и задачи научной биологии в вопросе о жизни. См. «Вопросы фил. и псих.», кн. 98, 1909, отд. II, стр. 346.

⁵⁾ Там же, стр. 347.

Вот что, например, говорил русский физик Д. А. Гольдгаммер:

«Борьба за самые основы научного мировоззрения,—говорит он,—во многом напоминает собою борьбу за веру, только, к счастью, без того взаимного озлобления и тех эксцессов, которыми так часто сопровождалась и доныне сопровождается борьба за убеждения политические, социальные и религиозные»¹⁾... Пожалуй, после эксцессов и озлобления, вызванного хотя бы тем же Геккелем (достаточно вспомнить случай покушения на его жизнь!), формулировку Д. А. Гольдгаммера надлежит несколько исправить не в сторону смягчения!..

Наконец, в заключение мы можем привести мнение Л. Больцмана. В отличие от частных вопросов, в проблемах общего характера, по его словам, «самые противоречивые воззрения находят своих сторонников, часто абсолютно не понимающих друг друга»²⁾.

После всех вышеприведенных фактов и признаний со стороны отдельных деятелей науки, у нас теперь не может быть никакого сомнения в партийности теоретического естествознания.

Отметим еще один момент.

Крайне заслуживающей внимания является попытка одного из искусствоведов, Р. Гаммана, рассмотреть импрессионизм, как общий стиль, проникающий с конца XIX в. не только в искусство, но и в философию, и в этику, и в историю, и в педагогику³⁾. Классической формой импрессионизма в философии является машизм.

Мы видели, сколь огромно влияние машизма на естествознание. Поэтому может быть одной из благодарнейших тем марксистских работ в будущем будет «увязать» естествознание в различные эпохи его истории с различными «стилями культуры».

Общественная психология, из которой вырастают различные идеологии, в особо критические моменты действует сплошным фронтом, сплошной лавиной, захватывая все на своем пути.

Задача марксистских историков науки должна будет заключаться в том, чтобы добиться перелома во взгляде на естествознание, как на какую-то внепространственную и вневременную категорию.

«Стиль эпохи» захватывает и естествознание. Если искусствовед Гамман не убедителен здесь относительно связи науки и искусством, то вот что говорит А. Г. Столетов, один из крупных русских физиков. Он, говоря об энергетическом направлении в физике, провозглашенном машистами, проводит параллель между ним и «символизмом так называемых декадентов проявившимся в новейшей литературе»⁴⁾.

¹⁾ Д. А. Гольдгаммер, Время. Пространство. Эфир, речь на II Международном съезде,—«Журн. Рус. Физ.-Хим. Об-ва», т. 44, физич. отд., вып. 5, СПб. 1912, отд. 2, стр. 167.

²⁾ Л. Больцман, Второй закон механической теории тепла, доклад 1866 г.—Философия науки. Естественно-научные основы материализма, ч. I, физика, вып. I, Гиз, М.—П. 1923, стр. 144. Курсив наш.

³⁾ См. об этом статью В. Фриче. «К постановке проблемы стиля»,—«Вестник Соц. Академии», кн. I, 1924.

⁴⁾ А. Г. Столетов, Гельмгольц и современная физика, речь 1884 г. в сборнике «Общедоступные лекции и речи А. Г. Столетова», М. 1902, стр. 213.

Можно было бы далее, нам кажется, с некоторым правом говорить, например, об общности формализма как известного «стиля»: формализма в логике (Гуссерль и др.), формализма в искусстве и в науке об искусстве и формализма в математике и отчасти в физике.

Вообще, если мы мысленно отвлечемся от технического, прикладного естествознания, и будем говорить о том теоретическом естествознании, о котором писал Энгельс, то чем оно в конце концов отличается от искусства? Главным образом, формой воздействия на психику людей. Именно об этом говорил А. Пуанкаре в связи с моральными задачами науки. И по Н. И. Бухарину, наука занимается тем, что систематизирует мысли людей, приводит их в порядок, искусство же систематизирует чувства, выражая их в художественных образах¹⁾.

Сходство искусства и науки рас пространяется на самое содержание.

Чернышевский еще считал, что искусства имеют значение лишь постольку, поскольку они распространяют знания в обществе, знакомят его с понятиями, выработанными наукой. И этот взгляд, диаметрально противоположный теории «искусства для искусства», от Чернышевского перешел к марксизму, в лице Плеханова. Литературные критики школы Гегеля, по словам самого Плеханова, видели свою задачу в том, чтобы идею, выраженную художником на языке искусства, перевести на язык философии.

Таким образом, искусство, философия и теоретическое естествознание самым тесным образом связаны друг с другом, служа различными выражениями одного и того же общественного, классового мировоззрения.

Подводя теперь итоги всему анализу теоретического естествознания, и современного в частности, мы видим, насколько шаткими и необоснованными являются утверждения некоторых писателей—«антифилософов», призывающих безоговорочно ити на выучку к «современному естествознанию». Что они действительно не видят отрицательных сторон, не видят огромных буржуазных наслаждений на этом самом естествознании, показывает то, что на них несколько не подействовало напоминание о гегерогенности современного естествознания.

Это напоминание тов. Левина не только не заставило опомниться некоторых апологетов современного естествознания, а, наоборот, вызвало неожиданно грозный окрик тов. И. И. Степанова. Вместо обороны последний прямо перешел в наступление. И это наступление прямо восхитительно.

Тов Степанов пишет: «Методологически и теоретически познавательно тов. Левин преблагополучно скатился к Бернштейну. Тот в свое время буквально так же вопрошал: чего это вы постоянно говорите о каком-то «современном» пролетариате, это едином классе?.. В нем масса всевозможных течений, в том числе не мало реакционных... Мы тогда говорили и теперь скажем, что это—антимарксистская (подчеркнуто т. Степановым. В. Е.) постановка вопроса¹⁾.

Да, что это—антимарксистская (подчеркнуто т. Степановым. В. Е.) постановка вопроса¹⁾.

Прежде всего крайне любопытно отметить, что тов. Степанов, не признающий никакой «философии», находит необходимым ссылаться на методологию и теорию познания (!), когда они нужны для указания «кошибки» тов. Левина. Будущий историк должен зарегистрировать у себя такую методологическую «следовательность» тов. Степанова.

Но смеем думать, что и «методология», и «теория познания» тов. Степанова очень мало имеют общего с методологией марксизма.

Как будто до сих пор в марксизме считалось, что абстрактной истины нет, а истина всегда конкретна. Если можно и должно говорить о едином «современном пролетариате», то никак уже невозможно говорить, как о едином, скажем, обществе «современной Англии, о современной Германии. И если верно то, что мы выше многочисленными фактами доказывали, то как будто весь аргумент тов. Степанова обрушивается со всей силой на него самого: Бернштейн, как раз всегда склонен был говорить о «современном обществе», о «современной нации», как о чем-то едином.

Мы показали, что современное естествознание так же классово, как и философия, и искусство. И уже поэтому Бернштейн никогда не присоединится к нашей точке зрения.

Далее, мало того, что современное естествознание—классовое. Оно—буржуазное в своих теоретических основаниях, здесь опять неправы те товарищи (первый из них—т. Степанов), которые считают его если и не совсем однородным, то только покрытым частичными, незначительными «средневековыми» наследиями.

Если бы это было так, то это было бы абсолютно честно. Но дело в том, что это не так. Не случайные «отрыжки» средневековья (как пишет тот же т. Степанов), а систематическое буржуазное мировоззрение, о котором писал Ленин в журнале «Под Знаменем Марксизма»,—вот что разделяет современное естествознание.

Здесь перед марксистами еще непочатый угол работы. Естествознание почти так же сейчас далеко от диалектического материализма, как социология и политическая экономия до позднейших работ Маркса, специально—русская история до работы, скажем, М. Н. Покровского и т. д.

Отсюда, конечно, никак не вытекает абсолютно отрицательная, нигилистская точка зрения на естествознание. Долгое время мы будем учиться исключительно у старого естествознания, каково есть. Да ведь и Маркс даже в политической экономии ничего бы не сделал без своих буржуазных предшественников. Он начал с того, что всех их изучил до основания. И после этого он стал писать «Капитал» с подзаголовком «Критика политической экономии». Если бы он следовал теориям

¹⁾ Н. Бухарин, Теория исторического материализма, 4-е изд., Гиз, 1925, стр. 208.

¹⁾ И. Степанов, Энгельс и механистическое понимание природы.—Под Знаменем Марксизма, 1925, №№ 8—9, стр. 61.

тов. Степанова, этого он никак не мог бы написать. В лучшем случае он должен был бы сказать: «Критика некоторых «шлаков», «отрыжек» в политической экономии».

Но он принял за критику всей политической экономии, применяя прежде всего свой гениальный метод диалектического материализма.

Теперь на очереди—марксистская критика и преодоление теоретического естествознания.

Но для этого необходимо широко пользоваться методом диалектического материализма.

Развитие воззрений на природу света.

3. Цейтлин.

1. Древность и средние века.

Несмотря на то, что древние сравнительно много занимались вопросами оптики, Аристотель был единственным мыслителем древности, который пытался построить общую теорию световых процессов.

Некоторые исследователи (Ziaia, Wilde) утверждают даже, что Аристотель—основоположник волновой теории света. Хотя историк Герлянд справедливо отмечает общую неправильность таких утверждений, но все же они содержат в себе некоторую долю истины. Аристотель, как всегда, исходил из непосредственно эмпирических соображений, которые он связывал с сущими абстрактно метафизическими. В случае звука непосредственно видно, что удар или вдувание воздуха в трубу вызывает звук, так что Аристотелю нетрудно было дать правильную теорию звука. Но свет получается вследствие какого-то таинственного процесса горения и кроме того имеются тела прозрачные и темные. Это привело Аристотеля к мысли, что слова свет, видимость, прозрачность, тьма и непрозрачность—соответствуют каким-то особым началам, которые находятся в телах. Аристотель полемизирует (в *Ragusa naturalia*, отрывках о «чувствах», о «цветах») с воззрением Эмпедокла и Платона, утверждающих, что свет исходит из глаз. Ибо глаз—аргументирует Аристотель—то начало водянистое, и, следовательно, не может испускать света.

Свет рассматривается Аристотелем, как активное начало (форма) тел, а тьма, как пассивное (материя). всякая конкретность является сочетанием пассивного и активного начал; тьма—это потенция света, которая, благодаря движению, превращается в конкретную прозрачность, видимость. Герлянд справедливо указывает, что Аристотель отлучал свет от его передачи. Огоньведен в тьме, потому что свет передается через тьму, сообщая ей прозрачность. Абсолютно прозрачным Аристотель считал эфир. Отсюда ясно, в чем зародыш волновой теории в учении Аристотеля, считая, что свет (конкретный)—это энтелекхия (предование осуществления) помощью движения, вызываемого формой, Аристотель рассматривал светящееся тело, как источник такой формы. И если прав Лейбниц, что единственной материи Аристотель в действительности считал протяженную материю, а единственной формой—движение в пространстве и времени, то учение Аристотеля в принципе совпадает с учением волновой теории. Тогда потенциальная материя (тьма) Аристотеля—это современный эфир, свет (форма)—активное пространственное движение.

жение, исходящее от тела; это движение и образует конкретный свет—движущиеся в пространстве волны в самом общем смысле слова. Заметим здесь, что Аристотель отрицал абсолютную пустоту, так что в связи с явлением звука мысль Аристотеля легко могла склониться в сторону теории волн.

В средние века были выдающиеся оптики (Альхазен, Рожер Бэкон, Вителло, Пекгам, Теодорих), но и они, как и все почти учёные древности, занимались геометрической оптикой, связанной с нуждами астрономических наблюдений. Такое положение вещей легко объясняется тем, что с практической точки зрения основное как-будто значение имеет геометрическая, а не теоретическая оптика. С другой стороны, явление света, видимо, столь просто, а в действительности столь сложно, что много времени прошло, пока, наконец, появились факты, толкнувшие научную мысль за пределы простой геометрии световых лучей. Эти факты накопились к началу нового времени.

2. Новое время.

Факты эти таковы. Древние и средние века были хорошо знакомы с рефлексией, рефракцией и довольно смутно с дисперсией (радуга, цвета призматических стекол), но никакого понятия не имели об интерференции, дифракции, поляризации и двойном преломлении, т.-е. о фундаментальных оптических явлениях, которые имеют основное значение для построения теории света. Явление дисперсии было вполне сознательно обнаружено в 1665 году Гримальди, который наблюдал преломление солнечных лучей, пропуская их через призму.

Тот же Гримальди открыл и описал дифракцию (1665 г.). Явление интерференции было фактически открыто, хотя научно не познано тем же Гримальди при наблюдении дифракции. Гримальди (и Дешапле) изучал также цвета заштрихованных пластинок. Гук в 1665 году открыл интерференционное явление, известное под названием цветов тонких пластинок.

Двойное преломление было открыто (1669) и описано Эразмом Бартолинусом в исландском шпиле.

Иследуя двойное преломление, Гюйгенс фактически открыл поляризацию света (1680)—явление, которое вполне отчетливо было познано лишь в 1810 году Малюсом.

Наконец, Рэмер и Кассини (около 1676 г.) открыли скорость распространения света. Вышеперечисленные оптические факты толкали научную мысль по пути исследования сущности световых процессов. Первым крупным теоретиком нового времени в этой области необходимо считать Христиана Гюйгенса, выпустившего в 1690 году знаменитый «Трактат о свете», в котором доказывалась волновая природа света. Некоторые историки физики (Поггендорф, Геллер, Вильде) считают, что впервые такого рода мысль о природе света была высказана Гримальди. Это утверждение основано на одном месте из книги Гримальди о свете¹⁾, где Гримальди сравнивает распространение света с распространением водяных волн.

Историк Герлянд оспаривает приоритет Гримальди. Если это верно, то первым, отчетливо формулировавшим идею о волновой

природе света был Р. Гук²⁾. В своей «Микрографии» (1665) Гук говорит о том, что свет—это колебательное движение, исходящее из светящегося тела, как из центра, и распространяющееся через окружающую среду сферическими волнами.

В 1672 году Гук выступает в Королевском обществе с докладом³⁾ о своей гипотезе света. Гук утверждает, что световые колебания происходят поперек направления распространения, т.-е. выдвигает гипотезу первостепенного для теории света значения.

С наибольшей отчетливостью, однако, идея о волновой природе света выступает у Гюйгенса. У Гюйгенса мы имеем дело уже не со счастливой догадкой, а с вполне определенной теорией. Эту теорию Гюйгенс построил на основании явления двойного преломления в исландском шпиле. Исследуя лучи, получающиеся в кристалле исландского шпата, Гюйгенс, путем тщательных измерений, обнаружил, что лучи эти резко отличаются по своим свойствам. Одни из лучей, который Гюйгенс назвал обычными, подчиняются обычным законам преломления: падающий и преломленный лучи находятся в одной плоскости и показатель преломления луча, равный $\frac{5}{3}$, не зависит от расположения плоскости падения—преломления в кристалле. Необычный луч в общем случае не остается в плоскости падения и кроме того его показатель преломления зависит от направления луча в кристалле. Гюйгенс дал точный закон распространения необычайного луча. Этот закон был им выведен при помощи волновой гипотезы света. Здесь перед нами важный пример знания гипотезы в науке. Поггендорф³⁾ справедливо говорит, что «совершенно невозможно (ganz unmöglich) вывести закон Гюйгенса из ряда угловых измерений и простого их сравнения», т.-е. путем простой индукции, помощью которой получаются часто закономерности. Действительно, для определения хода необычайного луча в кристалле шпата необходимо установить, что в время, как волновые поверхности обыкновенного луча представляют сферы, волновые поверхности необыкновенного луча—эллипсоиды, вращения, с осью вращения, параллельной главной оси кристалла, с отношением осей, равным 0,60:0,67. Если отбросить волновую гипотезу, невозможно, конечно, говорить о «волнистых поверхностях». Так называемые философы «чистого описания» говорят, что физика должна быть построена «без гипотез», но мы видим, что Гюйгенс прибег к гипотезе не из опибоочной

¹⁾ Леонард Эйлер и многие другие исследователи утверждают, что одним из основателей волновой теории света был Декарт. Солидность этого утверждения видна из письма Ньютона к Ольденбургу (26 дек. 1675 г.), представляющего ответ на инсинуацию Гука, будто бы Ньютон заимствовал волновую гипотезу из «Микрографии» Гука. Ньютон пишет (см. III том «Истории Королевского общества Birch'a), что «Гук только видоизменил гипотезу Декарта, превратив картезианское давление или поступательное движение медимна в вибрирующее, в вращательное движение частиц (globuli) в необходимость пульсаций». Удивительно, однако, то, что Декарт считал световую передачу мгновенной. (См. его «Du monde, ou traité de la lumière», стр. 13, изд. Кузена—IV том). К такому заключению Декарта привело отсутствие брекции света звезд, которая в то время не была еще установлена. Отметим еще Пардиза (1636—1673), прославившегося своей полемикой с Ньютоном. Пардиз, несомненно, был одним из первых учёных, защищавших теорию волн.

²⁾ Cx. Birch History of Royal Society, Vo. III, стр. 9—12.

³⁾ Geschichte der Phisik, S. 647.

¹⁾ Physico-mathesis de lumine, coloribus et iride. Bononiae 1665, стр. 18.

врожденной любви к гипотезам, а из повелительной необходимости как-нибудь разобраться в ряде эмпирических данных. Не сумев построить гипотезы, Гюйгенс не сумел обяснить явления поляризации, которое он фактически наблюдал при помощи двух ромбовидров исландского шпагата. Это важнейшее световое явление так и осталось научно не осознанным, пока, наконец, почти через полтора столетия Малюс и гипотеза поперечности световых колебаний (Араго, Френель) не овладели им. Волновая теория света Гюйгенса столкнулась с авторитетом такого мыслителя, как Ньютон. Ньютона обычно причисляют к сторонникам корпускулярной теории света, согласно которой свет состоит из мельчайших частиц (корпускул), испускаемых светящимися телом и несущимися с большой скоростью. Дж.-Дж. Томсон правильно, однако, указывает, что Ньютон не был столь «корпускулярен», как это обычно изображают, что последователи Ньютона были более «корпускуляры», нежели сам учитель. Мы покажем, что это действительно так, что собственно говоря Ньютон не привел ни к какой определенной точке зрения и если уж говорить о теории света Ньютона, то эту теорию необходимо квалифицировать, как синтез волновой и корпускулярной гипотез строения света.

3. Ньютонова теория света.

Анализ сочинений Ньютона показывает, что сущность метода Ньютона заключалась в предварительном формальном исследовании явлений. Конечно, такое исследование не может совершенно обойтись без тех или иных гипотез, но Ньютон старается избегать расширенных, всеобъемлющих гипотез, для оправдания которых, согласно Ньютону, необходимо всестороннее формальное знание явлений. Вот почему Ньютон отказался от всеобъемлющей гипотезы Декарта о природе тяготения, а, пользуясь законом падения тел Галилея и вытекающей из него гипотезой однородности материи, нашел относительно формальный закон тяготения. Этим был проложен научный путь к построению расширенной гипотезы о природе тяготения. Ньютона приписали, однако, неправильный взгляд, будто бы с установлением закона тяготения проблема тяготения решена, ибо тяготение будто бы согласно Ньютону существенное свойство тел. Ньютон в предисловии к изданию «Оптики» 1717 года отвергает приписываемый ему взгляд на природу тяготения. Ньютон говорит: «чтобы показать, что я не рассматривала тяготение, как существенное свойство тел, я добавил отдельный вопрос, касающийся причин тяготения, выражавший именно в форме вопроса все то, что я хотел бы сказать по этому поводу, так как, за отсутствием экспериментальных данных, я не могу считать себя еще удовлетворенным в этом пункте».

Вот почему «Оптика» Ньютона начинается словами: «Мое наимерение в этом произведении заключается не в том, чтобы объяснить свойства света посредством гипотез, а в том, чтобы их просто изложить и доказать рассуждением и опытами»; в конце же «Оптики» добавлены заключительные вопросы, в которых Ньютон ставит на обсуждение две противоположные гипотезы о строении света, волновую и корпускулярную. Из этого факта оче-

видно, что Ньютона ни в коем случае нельзя причислить к представителям корпускулярной теории.

Еще в 1672 году Ньютон прочел в Королевском обществе доклад¹⁾, в котором пытался примирить обе точки зрения. Когда Гук выступил 15 февраля 1672 года со своим сообщением о свете, Ньютон написал Гуку через Ольденбурга письмо, в котором выразил одобрение волновой гипотезе света и указывал, что он «всегда был такого мнения». Ньютон обещал скоро привести подробный доклад по этому вопросу. Доклад этот был, однако, представлен лишь 9 декабря 1675 года: «Теория света и цветов, отчасти содержащая гипотезу для обяснения свойств света и т. д.».

В этом докладе мы находим оговорки, смысл которых заключается в том, что прежде чем говорить о той или иной гипотезе света необходимо всестороннее формальное знание явлений. В докладе имеется характерная фраза, с полной очевидностью доказывающая, что Ньютон склонялся к синтетической точке зрения: «Я полагаю, что свет является ни эфиром, ни его колебательным движением, но чем-то совершенно другого рода, исходящим и распространяющимся из светящихся тел, которые хотят, могут считать свет агрегатом перипетических качеств. Другие могут предположить, что он представляется собою множество мельчайших и быстро несущихся корпускул различных форм, выскаивающих на большие расстояниях, но через незаметные промежутки времени, одна за другой из светящихся тел и непрерывно несущихся вперед, благодаря принципу движения, который сначала ускоряет их, за тем пор, пока сопротивление эфирной среды не уравновесит действия этого принципа, подобно тому, как уравновешивается сила тяжести при падении тела в воде. Бог, который недостижимым для нас образом дал животным силу для производных движений, мог без сомнения снабдить тела другими принципами движения, которые мы столь же мало понимаем. Но если кто-либо полагает, что этот принцип может быть только луковной природы, ему легко доказать, что принцип этот механического характера, но я думаю, что лучше не останавливаться на этом. Те же, кто не согласны с этой точкой зрения, могут предположить, что свет—это какая-то другая телесная эманация, или импульс, или движение другой среды, или тонкого эфира (aetherial spirit), разлитого по всем телам в эфире, или, наконец, все то, что только могут придумать по этому поводу».

Такой *façon de parler* очень част у Ньютона и привел к тому, что различные исследователи приходят к различным заключениям по поводу действительной точки зрения Ньютона на природу света. В то время, как Поггендорф, например, полагает, что Ньютон был приверженцем волновой теории, Герлинд поддерживает общераспространенное мнение о Ньютоне, как стороннике корпускул. Историк Розенберг считает даже, что Ньютон вообще отвергал построение гипотез и являлся стало быть сторонником метода чистого описания. Но сам Розенберг на основании приводимых им данных не особенно настаивает на этом пункте и ограничивается весьма неопределенными *pro et contra*. Действи-

¹⁾ Напечатан в Phil. Transactions, № 80, p. 3075.

тельно, если утверждения Поггендорфа и Герлянда нуждаются еще в сильных доказательствах, то метод Ньютона, выявленный в основном его труде «Математические начала естественной философии», с несомненностью доказывает, что утверждение Розенберга неверно. Как мы уже отметили выше, метод этот обнаруживает, что Ньютон как в механике, так и в оптике был диалектиком. Из вопросов ньютоновой «Оптики» видно, что Ньютон считал аргументы в пользу волновой и корпускулярной теорий одинаково сильными и что, стало быть, верной теорией будет та, которая сумеет синтезировать обе точки зрения—в этом именно смысл ссылки Ньютона на всемогущество бога. История развития физики блестяще оправдала гениальную проницательность Ньютона. Но это оправдание получилось в результате диалектического процесса. Антитезис возврений Гюйгенса был заострен последователями Ньютона, которые по меткому выражению Томсона были более корпускуляры, нежели их учитель. Это отрицание господствовало выше столетия, пока не было снято отрицанием отрицания—волновой теорией Юнга—Френеля. Но Юнг и Френель не дали еще подлинного синтеза, а только развили и углубили первоначальный тезис. Но это углубление, продолженное в трудах Максвелла—Герца, творцов электромагнитной теории света, и привело, наконец, через теорию кванта к подлинному синтезу—к корпускулярно-волновой теории света Дж.-Дж. Томсона. Мы проследим подробнее этапы этого диалектического процесса развития оптических возврений.

4. Лаплас, Юнг, Френель.

Из крупных ученых XVIII века волновую теорию света поддерживал только Эйлер. Эйлер значительно усовершенствовал теорию Гюйгенса, введя понятие частоты колебаний и зависимости цвета лучей от этой частоты.

Обычно говорят, что причиной поражения теории волн был громадный авторитет Ньютона. Это, конечно, верно, но с материалистической точки зрения необходимо поставить вопрос об идеологической базе ньютонова авторитета. История ньютоновой физики показывает, что с этим авторитетом мало считались, когда он входил в конфликт с желательной для господствующих классов идеологией. Дело доходило до прямой фальсификации возврений Ньютона с целью придать этим возврениям желательный характер. Поэтому господство корпускулярного тезиса поддерживалось не только естественным ходом научного развития, но и силами, чуждыми этому развитию, источник которых в работе идеалистической философии над приспособлением к системе научных теорий. Это хорошо видно из отношения к волновой теории знаменного Лапласа. Дюгем говорит в «Физической теории», что Лаплас из эмиссионной теории, «соединенной с аттракционистской космологией, согласной с принципами Босковича, которые великий голландский атомист (Гюйгенс) обставил абсурдом», что Лаплас извлек оправдание построения Гюйгенса. Эта фраза Дюгема хорошо обясняет одну из причин господства теории корпускул. Дюгем противопоставляет в ней возврение Лапласа—Босковича атомизму Гюйгенса.

Из истории философии мы знаем, что в то время как атомизм Ньютона—Гюйгенса был материалистическим, Боскович и.

следовательно, Лаплас были атомистами-идеалистами. Боскович именно первый выдвинул идею об атомах, как о непротяженных центрах сил, идею, которая послужила основанием кантовской теории познания.

Что Лаплас сильно склонялся к идеалистической точке зрения, видно из его «Изложения системы мира», в которой он защищает весьма упорно корпускулярную теорию света. Материалистический атомизм Ньютона—Гюйгенса непосредственно вытекает из признания абсолютности пространства; первым признаком идеализма является отрицание этой абсолютности—релятивизация пространства; Лаплас же говорит: «Вселенная, сузившаяся до размеров, занимаемых атомом, представляла бы наблюдателю ту же самую картину. Простота законов природы позволяет нам наблюдать и познавать только отношения». Здесь, в сущности говоря, мы имеем прекрасную формулировку основ философии Канта.

Лаплас восстает против «философов древности», которые, «стаявшись у источника всего, воображали общие причины для того, чтобы все объяснить». Лаплас противопоставляет метод Декарта методу Бэкона, усиленно рекомендует индукцию последнего и подчеркивая полную бесплодность гипотез. После опубликования «Диалектики природы» Энгельса не стоит доказывать, что борьба против гипотез и рекламирование пресловутой индукции не иное, как идеалистическое торможение научного движения. Чего также говорить о том, что сам Лаплас в своих научных трудах совершенно пренебрегал собственной гносеологией и на-прекор ей сделался автором одной из величайших «неиндуктивных» гипотез—гипотезы Канта—Лапласа¹⁾.

Корпускулярное упорство Лапласа удивляет даже Дюгема. Трудно читать без улыбки,—пишет Дюгем,—те фразы, которые великий математик писал в тот самый момент, когда уже существовала оптика Френеля».

Легко представить себе господствовавшее в официальной форме отношение к теории волны, если такой ум, как Лаплас, горел об этой теории с «презрительной жалостью» (pitie méprisante).

Вот почему, как это часто бывает, силы прогрессивного научного движения возникли не в официальной научной среде. Медик Юнг (1773—1824) и инженер путей сообщения Френель—это кто были основоположниками волновой оптики в начале XIX столетия. Медик Томас Юнг был слишком учен, чтобы иметь хорошую практику: английская публика, как известно, большим недоверием относится к слишком ученым врачам, так что один из известнейших докторов Редклифф утверждал даже, что он своей громадной популяристью обязан тому, что прописывал совершенно бессмысленные рецепты. Вот почему, несмотря на то, что Юнг, имея в виду расширение своей практики, тщательно скрывал свое авторство и издавал свои сочинения анонимно, у Юнга оставалось очень много времени для различных посторонних его специальности занятий. Это сво-

¹⁾ Искренность Лапласовского идеализма подозрительна. Лаплас, как известно, не обладал высокими нравственными качествами и большой твердостью высказываемых убеждений. О личности Лапласа см. в недавно вышедшей (биографическая серия Гиза) биографии, составленной В. Фессенковым.

одное время Юнг использовывал удивительнейшим образом. Он занимался с одинаковым успехом, как философией, математикой, астрономией, физикой, так и египетскими иероглифами, теорией зрения, музыкой, художеством, изучением правов птиц, железными дорогами, мостовыми арками, трением в осьях машин—вплоть до искусства плясания на канате и верховой езды, которые он демонстрировал в цирке Франкони при громадном стечении публики.

Дж.-Дж. Томсон справедливо сравнивает Юнга с Леонардо да Винчи. В историю наук Юнг вошел, главным образом, как один из основоположников волновой теории света, как автор теории цветоощущения Юнга—Гельмгольца и как человек, расшифровавший иероглифы т. н. камня Розетты, открытого в 1799 г. инженером Бруском около Розетты в Египте. Правда, Араго оспаривает заслугу Юнга в пользу известного египтолога Шампольона, ибо, по словам Араго, Юнг только дал идею расшифровки, сделанную им ошибочно, но сам Араго оценивает заслугу Юнга сопоставлением с заслугой Кеплера в теории тяготения.

В теории света Юнг должен быть поставлен рядом с Френелем. В сочинении «*Lectures on Naturale Philosophy*» (1807) Юнг с полной отчетливостью выдвигает основной принцип волновой теории — принцип интерференции и обосновывает его известным интерференционным опытом Юнга. Гипотеза поперечности колебаний была формулирована Юнгом (в письме к Араго в 1817 г.) лишь после исследований Малюса (1808) над поляризацией через отражение.

Любопытный пример диалектического закона перехода количества представляет тот путь, которым Юнг пришел к открытию интерференции: Юнг, как и Гук, обратил именно внимание на цвета мыльных пузырей. Ему пришло в голову, что цвета эти обусловлены тонкостью пленки, так что при уменьшении толщины жидкого слоя (количества) появляется удивительное качество окрашивания.

Юнг приложил принцип интерференции также к объяснению дифракционного спектра и изобрел прибор эриометр, в котором дифракционный спектр служил для измерения величины мельчайших тел, как кровяных шариков, волокон шерсти и т. п.

Учению Юнга не удалось, однако, одержать победы над эмиссионной теорией: Юнг не владел в достаточной мере математическим анализом и изложение его было очень темным и малодоступным. Этую победу над господствовавшей оптической теорией одержал Августин Френель. В высшей степени замечательна история оптических работ Френеля. Френель, как инженер путей сообщения, 9 лет провел в самой дикой французской провинции — в Вандее и Дrome. В 1815 году он, как анти-бонапартист, был лишен службы и жил в Нионе (Дром) под надзором полиции. Это время именно и является началом научных работ Френеля. Сначала он занимался aberrацией, гидравликой, технико-химическими вопросами. В середине 1814 года он занялся оптикой, прочтя в «Мониторе» сообщение о докладе Био в институте на тему о поляризации света. Обширность тогдашних оптических познаний Френеля видна из его письма (28 де-

кабря 1814 г.) к другу, в котором Френель говорит: «Я не знаю, что понимают под поляризацией света; попросите моего ядру Мериме прислать мне сочинения, в которых я мог бы изучить этот новый вопрос». Спустя 8 месяцев Френель сделался основоположником современной оптики, представив в академии знаменитый «Мемуар о световой дифракции»; этот мемуар, премированный в 1819 году, давал полное объяснение известному явлению, впервые предсказанному Пуассоном (на основе работы Френеля) и опытно подтвержденному Араго, именно: если узкий пучок света падает на небольшой диск, то, вследствие дифракции, в середине тени диска получается столь яркое пятно, как будто диска совершенно не было.

Достойны быть отмеченными те экспериментальные средства, при помощи которых Френель производил свои исследования — скобы проволоки с картоном заменили Френелю микрометр, простая линза — гелиостат.

Этот случай, как и случай Фараdea, Лебедева (знаменитый Лебедевский подвал) и др., доказывает, что великие научные открытия можно делать без роскошно оборудованных лабораторий, которые очень часто скрывают напыщенную и чванливую академическую пустоту. Араго, ознакомившись с работами неизвестного провинциального инженера, к счастью, оказался на высоте понимания интересов науки (что не очень часто случается с официальными ее представителями) и немедленно выхлопотал Френелю отпуск. В 1816 году Френель поставил в академии знаменитый интерференционный опыт, на который, по словам Араго, многие мужи науки смотрели, как на бред болезненного мозга, сединившись со светом, породил тьму!

В работах по дифракции и интерференции света Френель входил еще в подробности касательно структуры света и той среды, в которой свет распространяется. Последним вопросам посвящены две другие группы работ Френеля. После того, как Малюс сделал свое замечательное открытие поляризации через отражение¹⁾, а Араго дополнил это открытие — открытием хроматической поляризации, изученной подробно Био и Брюстэром, у Френеля оказалось достаточно экспериментальных данных для решения основного вопроса о характере световых колебаний. Сначала Френель, подобно Юнгу, полагал, что световые колебания продольны, но поляризационные явления привели его к несомненному убеждению в поперечности этих колебаний. В самом деле, только гипотеза поперечности колебаний может объяснять тот факт, что прямоугольно поляризованные лучи не интерферируют — для интерференции лучей необходима (но не всегда достаточна) параллельная поляризация.

Последняя группа работ Френеля представляет то, что называют волновой теорией Френеля. Исходным пунктом этой теории является исследование явления двойного лучепреломления. Мы указали выше, что это именно явление послужило также отправным пунктом для теории Гюйгенса. Гюйгенс дал построение хода лучей в кристалле шпата на основе гипотезы волн. Волластон (1802) и Малюс (1810) экспериментально проверили по-

¹⁾ «*Theorie de la lumière réfléchie*» (1810).

Под знаменем Марксизма.

строение Гюйгенса, Френель разработал подробную математическую теорию этого построения на основе волновой гипотезы. Так как в эпоху Френеля еще не существовало теории упругих сред, то френелевское обоснование волновой гипотезы довольно уязвимо, но выведенные им формулы многократно проверявшиеся, блестяще подтверждались опытом. Это доказывает, что гений Френеля давал ему возможность ощущать, во тьме, все же находить верную дорогу. Такое обстоятельство является довольно обычным в истории наук и имеет ту плохую сторону, что дает некоторые козыри в руки сторонников философии чистого описания. Эти сторонники обычно говорят, указывая на оптику Френеля: вот хороший пример того, как, исходя из совершенно ложных механических представлений (механические представления Френеля об эфире), можно получить хорошие математические инструменты чистого описания. Ответом на такого рода указание может служить только покорнейшая просьба основательно изучить сочинения Френеля и показать, почему именно и каким образом ложные представления Френеля приводят к столь замечательным результатам. До тех пор, пока адекты чистого описания не выполнили этой работы, всякие споры с ними бесполезны.

5. Послефренелевская оптика и электромагнитная теория света Максвелла.

Что бы ни говорили представители формального метода, факт остается фактом, что оптика инженера Френеля, одержавшая столь блестящие победы на научном фронте, построена на базе механических представлений¹⁾. Для всякого здравомыслящего и беспристрастного человека очевидно, что это обстоятельство не случайно, что успех оптики Френеля обусловлен именно тем, что свет действительно представляет собою некий механический процесс, сложность которого такова, что до сих пор еще не удалось раскрыть все его детали. Но сущность световой механики мало-по-малу выясняется чрезвычайно своеобразным и неожиданным путем. Сначала ученые пытались проникнуть в тайну световых процессов при помощи механической теории упругих сред. В этом направлении работал целый ряд выдающихся исследователей, как Навье (1824), Пуассон (1828), Коши (1830), Франц и Карл Нейманы (1832, 1863), Грин (1838), Мак-Куллох (1837), Ламэ, Буссинеск, Кирхгоф, Рэлей, В. Томсон, Фойгт и другие. Несмотря на то, что усилия этих выдающихся умов оказались во многих отношениях весьма плодотворными, основная проблема построения ясной и последовательной механической теории света не была решена. Можно было думать, что причина этого в несовершенстве теории упругих сред, из которой исходили исследователи. Но имеется одно фундаментальное данное, прямо указывающее, что дело здесь не в теории упругости, а в том, что выбранное направление неправильное. Это данное — электромагнитная теория света Максвелла. Необыкновенные успехи этой теории показывают, что механика световых

¹⁾ См., например, френелевскую «Théorie mécanique de la double refraction».

процессов не та механика, которую ученые пытались построить на основании теории упругости. Эта механика особого рода, та именно, которая предугадывается электромагнитными процессами.

Один из выдающихся современных ученых Густав Ми в своем курсе «Электричество и магнетизм» говорит, что электромагнетизм есть «механика пустоты», т.е. особой среды, совершенно не похожей на те упругие среды, которыми пытались объяснить световые процессы. Получился таким образом парадоксальный результат: ученые, исходя из ньютоновской механики материальной точки и пользуясь понятием «упругой связи», стремились построить механику упругого эфира, который должен был объяснить световые явления, оказалось, однако, что необходимо извлечь электромагнетизма извлечь особую «механику пустоты», которая одна только в состоянии дать удовлетворительный ответ на поставленные вопросы. Но что это за электромагнитная механика, которая лежит в основе световых процессов? В корне она отлична от механики упругости и нет ли между этими видами механики каких-либо точек соприкосновения? На этот вопрос очень хорошо отвечает теория света Мак-Куллоха.

Эта теория является обычной теорией упругой среды и ни о каком электромагнетизме в ней нет даже намека; несмотря на это, полученные Мак-Куллохом уравнения по существу совпадают с уравнениями электромагнитной теории света Максвелла. Этот факт показывает, что электромагнитная механика и механика упругости заключают в себе нечто общее и что, следовательно, причина неудачи механики упругости в объяснении света заключается в неучете какого-то специфического фактора, лежащего в основе световых и, очевидно, электромагнитных процессов. Чем является этот фактор, можно узнать из сравнения теории Мак-Куллоха с другими родственными ей теориями. Это сравнение показывает, что существенная особенность теории Мак-Куллоха в наличии понятия *вихревого движения*; теория Мак-Куллоха это «вихревая теория эфира» по определению Вангерина¹⁾.

Вихревая механика является действительным ключом к явлениям электромагнетизма и света. Что это так, хорошо видно из истории ур-ий Максвелла, самый внешний вид которых (символ curl rot) прямо указывает на вихревое движение. Мы не будем здесь излагать историю этих ур-ий, ограничившись ссылкой на Энгельса («Электричество», стр. 297), который пишет: «Теория Максвелла, Ганкея, Реньяра, примыкая к новейшим исследованиям о вихревом движении, видит в нем (электричество) каждая по-своему то же вихревое движение. И таким образом вихри старого Декарта снова находят почетное место в новых областях знания».

Подчеркнем здесь, что подобного рода утверждение мы не найдем ни в одном современном изложении теории Максвелла. Идеалистические катехизаторы науки выбираются из сил, чтобы затушевать и скрыть то основное, что обусловило успех учения Максвелла и дает возможность об'единить классическую механику и электромагнетизм в единое учение о движении материи. Единство физической картины мира на механико-ма-

¹⁾ См. Encyklopädie d. Mat. Wiss. B. V, 21. Статья A. Wangerin'a.

териалистической основе—вот против чего ведется ожесточенная борьба. Эта борьба против вихревой механики эфира, раскрывающей природу электромагнетизма и света, нашла неожиданную поддержку с той стороны, с которой этого можно было менее всего ожидать. Некоторые диалектики-материалисты вообразили, что то, что Энгельс называет «решительным прогрессом» в области электромагнетизма, на самом деле угрожает принципам диалектики. Здесь просто недоразумение. Вихревая механика электромагнитных процессов не тождественна с молярной, например, механикой земных и небесных масс (тем, что Энгельс называет обычно механикой), образуя совершенно новые качества и, следовательно, подтверждая основной диалектический закон перехода количества в качество. Будучи отличной, вихревая механика эфира все же связана с остальными механиками, образуя диалектическое единство, основа которого в единой материи и ее пространственном движении. Вихревая механика эфира решает «первую задачу науки» (Энгельс)—определения той формы пространственного движения материи, которая соответствует электромагнетизму и свету. В этом собственно и заключается задача физики. Философы имеют право и обязаны дополнить точку зрения физики более обширной точкой зрения философии; но поддерживать в физике борьбу против механического истолкования процессов значит поддерживать идеалистическую реакцию, что совершенно очевидно для тех, кто хоть поверхностно знаком с характером идеалистических выступлений против «механизма» в физике.

6. Теория квант Планка.

Не останавливаясь на таких важных для оптической теории достижениях, как экспериментальное доказательство Физо уменьшения скорости света при его переходе в водяную среду (согласно эмиссионной теории скорость должна увеличиваться), открытии Герцем длинных электромагнитных волн и др., мы перейдем к знаменитой теории квант. После блестящего периода развития френелевского антитезиса наступил кризис. Кризис этот был обусловлен тем, что волновая теория, превосходно объясняя подавляющее большинство оптических явлений, становилась вступником перед некоторыми твердо установленными экспериментальными фактами. Соответствующие примеры приведены в томсоновой «Структуре света», не будем повторять их, а остановимся на рассмотрении того пути, который привел Планка к его гипотезе квант.

После того как Меллони, желая доказать различие световых и тепловых лучей, доказал их тождество, физики занялись вопросами о зависимости тепловоголучеиспускания от рода лучей (длины волн) и температуры. Кирхгоф нашел, что существует определенная зависимость между калорическимлучеиспусканием и калорическим поглощением. Эта зависимость указывается законом Кирхгофа: отношение калорическоголучеиспускания к калорическому поглощению есть функция, зависящая только от длины волн и температуры, но не от вещества тел, следовательно, функция, одинаковая для всех тел, а потому называемая мировой функцией. Из закона Кирхгофа не-

посредственно вытекает, что существуют тела, испускальная способность которых максимальна. В самом деле, если отношение испускания к поглощению есть определенная при данной длине волны и температуре величина, то эта величина будет максимальной в тех случаях, когда поглощающая способность максимальна, ибо калорическое испускание равно произведению калорического поглощения на мировую функцию. Тела, поглощающая способность которых максимальна, т. е. такие, которые поглощают все падающие на них лучи, называются абсолютно черными. Такими телами являются, например, толстый слой сажи или платиновая чернь; но не следует, вообще говоря, представлять себе абсолютно черное тело непременно темным—в известных условиях оно может быть столь же светлым, как до-бела накаленный металл¹⁾.

Планк занимался именно изучением калорическоголучеиспускаемого абсолютно-черного тела с целью определения выпуклой мировой функции, обозначаемой обычно через $E(\lambda T)$. Теоретическим абсолютно черным телом было для Планка пустое пространство, окруженнное со всех сторон зеркальными стенами, внутри которого находилось известное число осцилляторов Герца, т. е. механизмов (т. н. диполей, состоящих из положительного и отрицательного электрических полюсов), которые, согласно Герцу, своими колебаниями вызывают световые волны в эфире—лучи, выходящие из маленького отверстия в сосуде с внутренними зеркальными стенками, изолированными от внешнего лучеиспускания и поддерживаемыми при определенной температуре, образуют поток, тождественный с испусканием абсолютно черного тела при той же температуре²⁾.

Функция $E(\lambda T)$, которую стремился найти Планк, представляет собой энергию черноголучеиспускания, отнесенную к единице поверхности и времени, зависящую от длины волны и температуры.

Но черноелучеиспускание не есть лучеиспускание однородное, т. е. абсолютно черные тела испускают сложные лучи, которые можно известными способами разложить в непрерывный спектр, так что задача, которую решал Планк,—это задача о распределении энергии в спектре черноголучеиспускания. Каково распределение энергии по определенным участкам этого спектра в зависимости от температуры—вот задача, решение которой и дает ответ на вопрос о форме функции $E(\lambda T)$.

С первого взгляда казалось, что решение этой задачи не представляет никаких-либо особых принципиальных трудностей, так как статистическая механика, блестящим образом приложенная в области кинетической теории газов, давным-давно выработала метод решения подобного рода вопросов. Но тут именно и возникло затруднение. Так называемый закон распределения энергии статистической механики, многократно проверенный на

¹⁾ Например, электрически накаляемый платиновый цилиндр, заключенный в цилиндр из огнеупорного материала,—абсолютно черное тело Луммера и Принстейма.

²⁾ Идея построения такого абсолютно черного тела была высказана еще Кирхгофом; практически такое тело было впервые построено Християном и Больцманом (1884 г.), подробным же его изучением впервые занялись Луммер и Вин (1896 г.).

опыте, приводит к выводу, что энергия в спектре должна возрастать в сторону более коротких волн, т.-е. к ультра-фиолетовому концу, непосредственное же измерение показывает, что энергия сначала достигает максимума, а затем уменьшается.

Чтобы выйти из этого затруднения, Планк и предложил гипотезу квант согласно которой энергия лучей испускается и поглощается 1) партиями, пропорциональными частоте, математически

$$E=hn,$$

где n —частота, h —универсальная постоянная, т. н. постоянная Планка.

Чтобы понять, каким образом гипотеза Планка разрешает указанное противоречие, необходимо пояснить, почему энергия в спектре увеличивается в сторону коротких волн. Прибегнем для этого к следующему сравнению: при измерении длины, скажем человеческого роста, вероятность сделать ошибку в километр равна нулю; но ошибка в сантиметр встречается не редко; еще чаще будут ошибки в миллиметр и т. д. Это обстоятельство было формулировано Гауссом в его первом постулате для исчисления ошибок измерений: чем меньше ошибка, тем она чаще встречается. Точно так же, если тело испускает волны всевозможной длины, то, чем меньше длина волн, тем большее вероятность ее образования, так что наибольшее число образовавшихся волн будут волнами малой длины. Но если, как это вытекает из закона Планка, для получения волны малой длины (большой частоты) необходима концентрация большей энергии, то это обстоятельство может противодействовать вышеуказанныму статистическому закону и в результате очень короткие волны будут встречаться уже реже.

Опыт действительно подтверждает это заключение: в инфракрасной части спектра статистический закон распределения приложим без гипотезы Планка, но, по мере продвижения к ультрафиолетовому концу, поправка Планка получает все большее значение и, наконец, пройдя через максимум, мы достигаем области, в которой энергия уменьшается вместо того, чтобы увеличиваться, т.-е. области, в которой с полной отчетливостью выявляется значение гипотезы квант и нарушается обычный закон распределения.

Гипотеза квант, выдвинутая при изучении частного вопроса физики, получила в дальнейшем всеобъемлющее значение. По-степенно она начала захватывать все большие и большие области физики, проникла и распространялась в химии, достигнув в теории строения атома Бора максимального успеха. Но, продвигаясь победоносно вперед, гипотеза эта возвращала на свое пути горы противоречий, неясного и непонятного, ибо учение, превосходно занималось «квантованием», по выражению одного физика, сами не знали, что они собственно делают. Что представляет собой по существу кванта энергии и как примирить квантовый характер энергии с тем непрерывным распределением, на кото-

¹⁾ В первоначальной гипотезе 1901 г. квантовый характер имел как испускание, так и поглощение, в позднейшей теории 1909 года только испускание подчинено закону квант, поглощение же происходит непрерывно.

ром базировалась классическая физика и в частности учение о свете,—на этот вопрос до самого последнего времени не было ответа. Его, по правде говоря, никто почти не пытался получить, так как теория квант была очень удобным предлогом для возрождения формализма и идеализма в науке. Получилась полная мистификация физики. Но так как такое положение противоречит сущности научного познания и, в конце концов, после временных формальных успехов, приводит к научному застою, то в последнее время наметилось в лице Дж.-Дж. Томсона здоровое течение, которое пытается дать физическую интерпретацию теории квант и тем самым разрешить противоречие между новой теорией и вековыми достижениями человеческой мысли. Подробности намечающегося синтеза мы изложили в статье «О мистической природе световых квант» («П. З. М.» № 4 за 1925 г.). Мы не будем здесь повторяться, а лишь вкратце указем на этапы этого синтеза в связи с учением о структуре света.

7. Синтез волновой и квантовой теории света.

Диалектический материализм учит, что истина одновременно абсолютна и относительна. В каждый данный исторический период человеческая мысль восходит на определенную абсолютную ступень истины для того, чтобы в дальнейшем подняться на следующую ступень. С этой точки зрения несомненным является то, что как старая оптика Френеля, так и новая теория Максвелла представляет собою определенные ступени истины. Развитие науки может видоизменить и дополнить ту истину, которую наша мысль обрела в этих теориях, но не может полностью отказаться от нее, об'явив эту истину ложью. Мы указали выше, в чем заключалось то существенное дополнение, которое принесла с собою электромагнитная теория света. Вихревое движение эфира, которое совершенно не учитывалось в старых теориях, выступило на первый план, как специфическая особенность электромагнитных и световых процессов. Но последователи Максвелла, вместо того, чтобы обратить внимание на эту физическую основу максвелловской теории, восприняли, как это следовало ожидать, лишь формальную сторону его учения. И понятно, что математическая форма, скрывающая в своей оболочке определенное физическое содержание, должна, в конце концов, привести к кризису, если не учитывается это содержание. Таким кризисом было появление теории квант, которая основана на понятии прерывности, в то время, как формально трактуемое учение Максвелла базируется на и непрерывности. Но если взять учение Декарта о вихрях в непрерывной среде, развитое в новое время Гельмгольцем, из которого исходил Максвелл, то легко видеть, что это именно учение дает искомый синтез прерывности и непрерывности. В самом деле вихри в непрерывной среде одновременно прерывны и непрерывны: прерывны, как центры интенсивного движения, непрерывны, как образования в непрерывной среде. И действительно, руководясь представлениями вихревой теории, Дж.-Дж. Томсон дал опыт синтеза волновой и квантовой концепций света. Этапы этого синтеза таковы ¹⁾:

¹⁾ Подробности в нашей статье («П. З. М.» № 4 за 1925 г.).

1. Уже с давних пор Дж.-Дж. Томсон на основании физического понимания фарадеевских силовых линий развивал теорию «вихревистого эфира», согласно которой эфир имеет одновременно непрерывное и прерывное строение (вихревые линии в непрерывной среде).

2. В первоначальной теории Дж.-Дж. Томсона свет прерывен постольку, поскольку он представляет волны вдоль волокон силовых линий поля.

3. Независимо от этого картина электромагнитного излучения по Г. Герцу дает очевидную картину квантового характера излучения в виде электромагнитных колец, излучаемых вибратором.

Эти электромагнитные кольцевые волны, называемые Томсоном максвелловскими, образуют, однако, прерывность первого порядка, так как наблюдения показывают, что число силовых линий поля очень велико, так что они образуют «видимую непрерывность» и, кроме того, кольца эти при движении непрерывно расширяются и, стало быть, плотность энергии в среде непрерывно уменьшается по мере удаления от центра лученескания.

4. В связи с теорией Бора, Дж.-Дж. Томсон выдвинул гипотезу образования отдельного неизменяющегося при движении электромагнитного кольца, окруженного волнами максвелловского типа, при чем максимум энергии излучения сосредоточен в кольце.

5. Поразительное сходство колец Герца и Томсона с обычными вихревыми кольцами дает несомненное основание полагать, что гипотеза о вихревом движении, как специфической особенности электромагнитных и световых процессов, несомненно истинна.

Синтез Дж.-Дж. Томсона является пока только наброском теории. Но изложенная нами история развития взглядов на природу света безусловно доказывает, что научная мысль находится здесь на верном пути. Пожелаем всяческого успеха этому здоровому и плодотворному движению.

К вопросу о случайности¹⁾.

Э. Колман.

В шестой главе вышедшей в прошлом году книги И. Е. Орлова «Логика естествознания», книги весьма интересной и своеобразной, но почему-то все еще не освещенной нашей критикой, делается попытка дать новую теорию случайности. Как будет показано ниже, эта теория в корне неверна, но не это обстоятельство заставляет нас заняться ею. Нас интересует то, что рядом с поворотением ошибок других немарксистских теорий случайности И. Е. Орлов предъявляет к теории случайности одно вполне справедливое требование, которому марксистская теория случайности, как может показаться на первый взгляд, не удовлетворяет. По меньшей мере выдвинутый И. Е. Орловым вопрос в марксистской литературе разработан недостаточно, что и заставляет нас сделать попытку дать на него надлежащий ответ.

И. Е. Орлов исходит из анализа определений случайности Лапласа, Боули, Анри Пуанкаре, Шопенгауэра, Курно, Дж. С. Милля, проф. Васильева и выдвигает следующие требования, которым должна удовлетворять научная теория случайности:

Первое требование—«случайность должна являться не субъективной оценкой неизвестных вещей, но объективным свойством вещей; случайность не должна быть только выражением нашего незнания, не должна иметь лишь субъективное значение».

Второе требование—«из определения случайности должна вытекать возможность выделения объективных законов случая, должна быть объяснена объективная значимость статистики, статистической механики и т. д.».

Оба эти требования у И. Е. Орлова тесно связаны: с падением первого падает и возможность выполнения второго, «если то, что мы называем случайностью есть только наше незнание, то и наука, исследующая случайности—теория вероятностей, имеет лишь субъективное значение, ее применения лишаются объективной базы».

Разберем оба эти требования.

Первое требование верно постольку, поскольку требует, чтобы случайность не была лишь субъективной, и этому удовлетворяет марксистская теория случайности. «Случайность есть нечто относительное. Она является лишь в точке пересечения необходимых процессов». Эта формулировка Плеханова («К вопросу о роли личности в истории», Сочин., т. VII, стр. 294) явно подчеркивает обе стороны случайности, она отвергает, как

¹⁾ Статья дискуссионная. Ред.

попытку придать ей только субъективное значение, так и попытку сделать ее независимой от необходимости, или, того хуже, подчинить ей необходимость.

Но вся беда И. Е. Орлова состоит как раз в том, что он, об'ективизируя случайность, перегибает палку, исключает совершенно субъективный момент из понятия случайности, чтобы сделать ее из относительной абсолютной, чтобы подчинить ей необходимость и чтобы сделать из последней нечто субъективное. Ведь если, как понимает И. Е. Орлов, в случайности явления наше незнание закономерностей не при чем, то зачем нам искать эти закономерности, почему не удовлетвориться статистическими законами, если такие найдены? Однако наряду со статистической механикой ведутся ведь исследования о собственном движении молекул; применение статистического метода к астрономии не положило конец наблюдениям над отдельными звездами; приложение статистики к вопросу о рождении мальчиков и девочек не заставило биологов прекратить работы над изучением «механизма» определения пола зародыша и т. п. Тот, кто отрицает элемент субъективности, относительности в случайности, отрицает и преодолимость ее в процессе развития науки и делает ошибку того же порядка, хотя и противоположного направления, как тот, кто считает случайность только субъективным явлением и не заботится о том, что «надо конкретно вывести необходимость» (Энгельс, «Диалектика природы», стр. 93), составляющую сущность данного случайного явления.

Неправильный подход И. Е. Орлова лучше всего может быть прослежен на приводимых им примерах. Он пытается доказать положение, что «наличность причинной связи между двумя различными причинными рядами не исключает возможностей чисто случайных взаимодействий между ними», положение правильное, если его понимать так, что случайность и необходимость не абсолютные, исключающие друг друга противоположности.

Но не так понимает это И. Е. Орлов. Он утверждает, что «солнце, луна, земля и комета могут представлять собою тесно связанную систему: комета могла несколько раз проходить около земли и подвергаться влиянию последней; тем не менее, совпадение затмения с прохождением кометы через перигелий все же будет случайным». Здесь (мы вместе с И. Е. Орловым предполагаем нашу систему виголне изолированной) при данном «начальном» положении наших четырех тел могут быть написаны уравнения их движения и предвидены, вычислены все их будущие конфигурации, в том числе и совпадения солнечного затмения с прохождением кометы, если только такие совпадения вообще имеют место, что в свою очередь всецело зависит от первоначальной конфигурации и выражается в требовании, чтобы 19 величин, определяющих начальную конфигурацию (4 массы, 6 расстояний между телами и 3 скорости тел по отношению к солнцу), были взаимно связаны некоторыми условиями. Случайностью здесь будет «начальное» расположение наших тел, величины их масс, скоростей — для устранения этой случайности придется нам обратиться к изучению зарождения данной солнечной системы, к условиям, лежащим вне ее. Только в этом смысле и можно говорить о случайности совпадения солнечного затмения с прохождением кометы: оно случайно, поскольку оно определяется причинами,

лежащими вне системы; но оно необходимо, поскольку между общими причинами рядами, между движением кометы и движением остальных трех тел, установлена причинная связь. «Можно сказать, что случайное совпадение с внешней необходимостью. Все, что обусловливается чисто внешними условиями, не вытекающими из необходимой природы вещей, можно называть случаем. Например, из семени развивается дерево с внутренней необходимостью. Но от других внешних условий зависит, скажем, рост дерева. С другой стороны, то, что кажется нам на первый взгляд случаем, при исследовании всей доступной нам совокупности связей явлений вскрывает иногда внутреннюю необходимость данного явления. Случайность есть то, что обусловлено, говоря словами Гегеля, положено только другим, то есть, не собственной необходимой природой его» (А. Деборин, «Энгельс и диалектика в биологии»).

Считая, что случайность является абсолютным свойством вещей, определяя, что «случайно то, что происходит из неустойчивого расположения частей», И. Е. Орлов тем самым отрицает, что между случайностью и необходимостью существует противоположность, в основе которой лежит противоположность между явлением и сущностью. В формулировке случайности И. Е. Орлова мы имеем попытку подменить конкретное единство этих противоположностей, их тождеством качественный скачок от случайного к необходимому — количественной постепенностью от неустойчивого к устойчивому. Это «сведение» качества к количеству у И. Е. Орлова чисто механическое, даже больше того, геометрическое. «Признака неустойчивости в расположении вполне достаточно для того, чтобы во всех отношениях вещей между собой господствовала случайность. Расположение звезд в небе случайно потому, что неустойчиво: каждая звезда обладает собственным движением; если бы звезды были действительно неподвижны, то мы не имели бы права считать их расположение случайным», — говорит И. Е. Орлов. На самом деле расположение звезд в пространстве считают случайным потому, что законы их распределения и связи между их скоростями не вытекают из самой звездной системы, по крайней мере, при настоящем уровне наших знаний. Но надо полагать, что так же, как современная физика все более точно устанавливает пространственное размещение молекул, атомов, электронов так же, как теория Дж. Дарвина, сменяя эмпирический закон Боддза-Тициуса, подводит нас к причинному объяснению размещения планет в нашей солнечной системе, в дальнейшем будут уточнены уже имеющиеся космогонические гипотезы и будет открыта закономерность конфигураций звезд в звездных системах, «случайная», не из-за неустойчивости, а из-за того, что она зависит от условий образования системы, условий, лежащих вне системы.

После того, как И. Е. Орлов «свел» случайность к «неустойчивому положению частей» и подменил тем самым диалектику механикой или даже геометрией, не удивительно, что он последовательно приходит к выводу, что связь между причинностью и случайностью как раз обратная, чем в действительности и чем читят марксизм: «Причинные законы лишь эмпиричны, за ними кроется хаотическое движение частиц, «случайность», вот что он утверждает. Упиваясь успехами статистического метода в фи-

зике, И. Е. Орлов возводит его в абсолют—марксистская теория случайности поставлена им на голову.

Итак, формулировка случайности И. Е. Орлова идет в разрез с марксизмом. Но удовлетворяет ли она по крайней мере второму требованию, выставленному самим И. Е. Орловым? Приходится отрицать это. Вместо того, чтобы из своей теории случайности объяснить, почему при массовых случайностях появляется закономерность, И. Е. Орлов сначала заявляет, что «мы совершенно уверены в этой тенденции случайностей взаимно компенсироваться», а потом водит нас по истончанной дороге формальных «объяснений» математической комбинаторики, состоящих в подсчете всех возможных вообще и всех возможных благоприятных случаев, при чем мы должны поверить, что исчисленное соотношение между ними будет как раз то, в котором, в действительности, ожидаемое явление появится среди прочих других,—предпосылка, заключающаяся в скрытом виде в самом понятии математической вероятности.

Закономерность массовых случайностей вывести из своей теории случайности И. Е. Орлову не удалось. Мы попытаемся сделать это исходя из выше приведенной формулировки случайности Плеханова, с которой совпадает и формулировка А. Деборина в названной статье: «Случайность есть результат различных реальных условий на поверхности действительности, которые перекрещиваются и действуют друг на друга. Случайное только относительно необходимо. Но относительно необходимо, с другой стороны, было бы невозможно, если бы оно не было обосновано абсолютной необходимостью, то есть если бы оно не имело своего основания в «сущности».

Возьмем, например, игру в орлянку. При бросании вполне симметричной монеты совершенно случайно (потому, что движение руки есть нечто внешнее относительно самого движения монеты) какой стороной она упадет—«орлом» или «решкой», но при повторении, скажем, 1000 раз мы получим около 500 «орлов» и около 500 «решек». Должны ли мы удовлетвориться подсчетом всех возможных комбинаций, в которых может за 1000 бросаний упасть монета, и выводом, что, если наиболее часты те возможности, когда «решка» и «орел» выпадают одинаковое количество раз, то так будет и в действительности. Конечно, нет. Правда, «случайность—это осуществленная возможность» (А. Деборин). Но ведь в нашем примере на лицо возможность формально логическая! Все дело в том, чтобы доказать, что эта возможность реальна, что она «имеет свое основание, условия своего существования в действительности», что она «есть сама так или иначе часть действительности» (А. Деборин). Значит, наша возможность превратится в случайность лишь тогда, если причина наблюденной закономерности будет лежать в самом процессе массового бросания.

В единичном бросании мы имеем типичную случайность: два несвязанных причинно-причинных ряда—движение руки и поверхность, на которую бросаем,—внешние условия и явление. Закономерность в массовом бросании проявляется вследствие причинной связи между последовательными движениями руки. Как бы сложен ни был механизм последовательных движений руки, его сущность колебательная в конечном счете сводится

к упругим сокращениям мускулатуры. Аналогично обстоит дело и в примере с выниманием шаров из урны, содержащей их однаковое количество белых и черных. Если шары в урне хорошо перемешаны, то при массовом вынимании опять-таки появятся приблизительно половина белых и половина черных шаров. Но как сделать, чтобы шары были перемешаны «хорошо»? Какой способ бы мы ни избрали, в основе его будет лежать колебательное движение. Так, если хотим достичь цели механическим путем, то, опустив в урну сначала шары одного цвета, а потом другого, необходимо придать ей колебательное движение, так как поступательное движение или просто вращение вокруг оси не в состоянии перемешать шары разных цветов.

Таким образом компенсирование массовых случайностей вполне объяснимо на основании марксистской теории случайности, если только согласиться с нашим предположением, что причинные ряды, создающие случайные явления, связаны между собой колебаниями. Колебательное движение не только в узком смысле перемещения, но и в широком смысле, как способ существования материи—это самая общая форма движения, так как она возникает вследствие того, что все тела природы взаимно связаны. Поэтому проявление закона случайности имеет такое широкое распространение.

Следует заметить, что из нашего объяснения вытекает, что характерные законы случайности—закон больших чисел, кривая Гаусса и т. д., могут быть действительны и там, где, собственно, на лицо вовсе не случайность, а просто связанные между собой законом колебания причинные ряды, закономерность которых нам известна. Это, например, имеет место по отношению к десятичным знакам любого иррационального числа, которые распределяются по законам случая.

Из марксистской теории случайности вытекает, что с развитием науки отдельные случайности вытесняются закономерностями. Наше объяснение закона массовых случайностей, в частности, ставит задачу искать всякий раз из наблюдаемого закона случаев те колебательные процессы, которыми связаны причинные ряды, вызывающие массовые случайности, или, выражаясь языком математики, искать связи между параметрами Гауссовой кривой и основной синусоиды, или ряда Фурье.

Но каковы бы ни были дальнейшие успехи естествознания, они не заменят диалектики: узнавая необходимости, скрывающиеся за отдельными случайностями, оно не «сведет» к необходимости случайность в целом. Позади всякой открытой необходимости появится новая случайность, ибо природа неисчерпаема и бесконечна. Как бы ни усовершенствовалось наше сознание, как близко, асимптотически оно бы ни приближалось к познанию вещей в себе, мы все же не сможем охватить всю бесконечную связь бытия, а лишь отдельное в нем, всегда представляющее одной своей стороной нечто случайное.

Классовые и методологические основы социологии Тарда.

В. Кирпотин.

Мысль, мыслительные системы не имеют самостоятельного движения и самостоятельной закономерности. Они вырастают из социальных потребностей, в шумном борении масс, из способов хозяйствования и форм смены этого хозяйствования. Очень характерно, что большинство истинно великих мыслительных систем—биографически так сказать—и вырастало не в тишине университетских келий, а под непосредственным воздействием жизни, при чем и Маркс, конечно, стал Марксом на общественной арене, под влиянием первых битв пролетариата.

Поскольку идеологические системы вырастают на главном пути общественного развития, отражая точку зрения исторически-прогрессивного класса, постольку они сами в своем научном значении являются ряд последовательных завоеваний человеческой мысли.

Однако в развитии мировоззрений бывает и так, что старое, опрокинутое и, казалось бы, похороненное не хочет умирать. Оно держится еще более цепко, чем отсталые экономические формы при наличии передовых способов производства. Мало того, уже казалось действительно похороненное в области человеческой мысли, более ранние и более отсталые ее проявления, не раз воскресали с новой помпой, и если судить не по действительной научной плодотворности, а так сказать со стороны количественной, по числу занимаемых кафедр, по поверхностному распространению,—одерживало блестящие победы, вытесняя своего более передового противника.

После Гегеля и Маркса мы имеем возврат к Канту и Юму расцвет и широчайшую популярность неокантанства и неокюнтизма. После экономистов классиков и Маркса—экономистов вульгаризаторов и обществоведов-социологов буржуазного толка, не знающих, что они изучают, каким законам подчинено изучаемое и подчиняется ли оно даже вообще каким-либо законам.

Эта реакция, этот панический поворот назад об'ясняется классово-корыстными причинами. Как только буржуазная наука дошла до тех вершин, откуда стала открываться картина ее собственной гибели, как только ее наука стала такой, что смогла бы послужить оружием в руках ее смертельного врага—пролетариата, она стала отказываться от своих собственных завоеваний, стала замечать следы своих собственных успехов.

Диалектика Гегеля довела философию до такого пункта, откуда стало видно, что «нет ничего раз навсегда установленного, безусловного, святого. На всем и во всем она видит печать неизбежного падения, и ничто не может устоять перед нею, кроме непрерывного процесса возникновения и уничтожения, бесконечного восхождения от низшего к высшему. Она сама является лишь простым отражением этого процесса в мышлении мозгу. У нее без сомнения есть и своя консервативная сторона: каждая данная ступень развития науки или общественных отношений оправдывается ею ввиду обстоятельств данного времени, но не больше. Ее консерватизм относителен, ее революционный характер безусловен» (Энгельс, «Людвиг Фейербах»). Понятно, почему имел гегелевской философи так быстро прошел, особенно после уроков 48-го года, после марксовой ее интерпретации, почему захотелось опять Канта, а после Октября 17-го года кое-кому и Кант показался черезесчур еретичным и стали звать назад к схоласту Дунис Скоту (Булгаков).

Точно так же в области политической экономии. Рикардо, в третьем издании «Начала» признает без всяких обиняков, что замена человеческого труда машиной часто приносит большой ущерб интересам рабочего класса, что та же самая причина, которая увеличивает чистый доход страны, может в то же время вызвать избыток населения и ухудшить положение рабочего. Говоря словами Маркса, это было признание, что характер тех отношений производства, в пределах которых совершается движение буржуазии, отличается двойственностью, а оно не единобразием интересов» (Рязанов, «Под Знаменем Маркизма», № 4, 1922, стр. 19). А в вопросе о кризисах Рикардо переся в проблему устойчивости капиталистического общества, его дальнейшего существования.

И опять мы видим в среде буржуазных ученых и мыслителей тревогу и отбой. Мак Куллох писал Рикардо, «что он погубил всю книгу этой главой (о машинах) и что нанес серьезный вред науке своими взглядами» (Рязанов, там же).

На путях этой тревоги за судьбы буржуазного общества, на путях отбоя от основных достижений научной и философской мысли и выросла буржуазная наука об обществе—социология.

I.

Одним из характернейших социологов, одним из характернейших мыслителей реакции, тревоги и отбоя является Тард.

Марксизм, исторический материализм не оперирует с законами и категориями вечными, имеющими приложение от начала человеческого общественности до завершения человеческой жизни на земле. Марксизм всегда имеет дело с определенной, исторической данной ступенью общественного развития. Это не значит, конечно, что мы отрицаем, что всем эпохам производства, и, следовательно, всем общественным формациям, свойственны некоторые общие признаки, некоторые общие определения. Но «определения, которые приложимы к производству вообще, должны быть проанализированы, чтобы существенные различия не были забыты в виду единства, которое обусловлено уже тем, что как объект—человечество, так и объект—природа существуют на

всех ступенях» (Маркс). Но все эти общие извечные законы общественной жизни суть лишь самые бедные, самые тощие абстракции, которые ничего не говорят о наполненном содержании живой, исторически определенной действительности.

Буржуазная же общественная наука, социология, заинтересована именно в вечных законах, в наличии вечных категорий общественного бытия, потому что такие категории утверждают ее собственное господствующее положение. Поэтому и Тард по мере сил старается отвлечься от изменчивости общественных явлений, ищет неизменного и непреложного. Он признает общественные явления подлежащими научной обработке, но те законы, под которые он их подводит, суть законы буржуазного общества, по образу и подобию которых должны пониматься все бывшие и будущие человеческие обще�ития. «Законы этой науки (социологии) в том смысле, как я ее понимаю, применимы по существу дела ко всем нынешним, минувшим или возможным когдалибо обществам, подобно тому, как законы общей физиологии применимы ко всем живущим теперь, угласшим или даже возможным в воображении видам живых существ»¹⁾.

Он объясняет существующее не иначе, как в связи с беспредельностью возможного, но беспредельно возможное осуждено вращаться в постоянном кругу раз навсегда очерченных установлений. Отсюда диктуются нормы для поведения, носящие тоже характер всечеловеческой и всеисторической справедливости. Эти нормы являются ширмами на глазах исследователя, отвлекающими его от специфичности, от истинно существенного в исторически переживаемом, но зато они дают ему возможность противостоять каждому притязанию, господствующему положению класса, к которому он принадлежит. Всякое определение добра и зла, основанное на мнении и воле группы, партии, класса или даже нации, недостаточно. Нужно подняться над этой ограниченной точкой зрения, нужно расширить наш социальный горизонт, доведя его до последних границ человечества во времени и пространстве. Нужно отвергнуть, как безнравственную, всякую норму, которая не считается с моральными идеями минувших поколений и последствиями от нее для поколений грядущих. Каждое такое действие должно диктоваться чувствами солидарности по отношению к наиболее низко стоящим дикарям и по отношению к счастливейшим носителям прогресса. И тогда «мы будем давлять, как преступное каждое действие, которое в интересах узкой программы, воплощаемой несколькими конспираторами, хотя бы даже тысячами, миллионами сектантов легкомысленно повергает в печаль и ужас обширные человеческие общества»²⁾. Человек, следящий в своем поведении истинным нормам вечной нравственности, никогда не поддается соблазну «святого убийства» (выражение Мюнцера).

Изумительна настойчивость, с какой Тард уклоняется от истинной сути социальных явлений, от того пути, на продолжении которого он мог бы упереться во что-нибудь невыгодное для буржуазного общества.

¹⁾ Тард, Законы подражания, стр. 11.

²⁾ Тард, Социальн. этюды, Спб. Изд. Павленкова. 1902 г., стр. 5.

В своих «Отрывках из истории будущего», оценивая современность уже как минувшее, Тард выбрасывает рабочий вопрос и вообще вопрос об экономических отношениях из области общественных явлений: «Можно ли назвать социальным то отношение, которым были связаны рабочий класс с другими классами населения и эти классы между собой. Ни в коем случае. Правда, софисты, которых называли экономистами и которые в сравнении с нашими теперешними социологами были тем же, чем некогда алхимики были в сравнении с химиками, астрологи в сравнении с астрономами, не мало способствовали распространению ошибочного взгляда, будто сущность общества составляет обмен услуг; с этой точки зрения, вышедшей, правда, теперь из моды, социальная связь никогда не могла бы быть более тесной, чем между ослом и его погонщиком, между быком и бараном с одной стороны и пастухом и пастушкой, с другой... Вот почему прежняя городская жизнь, в основе которой лежало скорее органическое и естественное, чем социальное, производительное и потребительное, рабочего к хозяину, могла быть лишь очень полной социальной жизнью, полной бесконечных раздоров»¹⁾.

Перед нами исследования Тарда о публике и толпе, т.е. о массах, о массовом движении в истории. Но напрасно мы стали бы здесь искать действительно научного осознания проблемы; Тард все время ставит исследования таким образом, чтобы отиться на поверхности исследуемого, остерегаясь того, чтобы как-нибудь в самом деле не забраться в суть общественных явлений. Он старательноглядит на общество из буржуазного окна, избегая такой точки зрения, с которой привычный ему общественный пейзаж мог бы предстать в ином свете.

Толпа по Тарду есть пучок психологоческих заразительных явлений, оказываемых физическим соприкосновением. Центр тяжести определения лежит в непосредственности соприкосновения обраницы в одном месте, одновременно действии. И сразу же место поисков понимания Тард переходит к оценке и осуждению. Толпа действует всегда одним и тем же образом, пуская в ход бригады, грабежи дворцов, разги, разрушения, поджоги. Ее лучше более монотонного, чем эти вековые проявления ее деятельности²⁾. Ее творчество исчерпывается посадкой нескольких кудесочных деревьев свободы, не могущих, конечно, искупить тщара от сожженных лесов, разграбленных дворцов, разрушенных замков³⁾. Вожди толпы всегда преступники или ненормальные, «полусумасшедшие вроде Мазаниелла, дикий зверь-дроне „Марата“».

Толпа является для Тарда лишь коллективным преступником, душу которого, как и душу преступного индивида, составляют убийства, поджог или грабеж. «Толпа, даже у самых цивилизованных наций, всегда дика, более того, она — импульсивное животное и маниак, игрушка своих инстинктов и бессознательных привычек, а иногда животное низшего порядка, нечто вроде беспозвоночного чудовищного червя с рассеянной чувствительностью, продолжающего беспорядочно биться даже после отъединения от тела»⁴⁾.

¹⁾ Тард, Отрывки из истории будущего, стр. 47.

²⁾ Тард, Соц. этюды, стр. 88.

³⁾ Ibid., стр. 111.

Под Знаменем Марксизма.

чения головы, трудно отличимой от тела¹⁾). Восхищение толпой—ложное восхищение. В собрании и tolpe не за выбранными, а за подобными общества следуют массы.

Такая позиция при изучении автоматически закрывает глаза на истинную суть народного движения, на причины действия масс—истинных агентов истории. Никакие знания помочь при этой точке зрения не могут. Причины истории сводятся к поразительным по своей плоскости и вульгарности положениям. Причины действия толпы, как и отдельного индивида, «непомерная гордость и эгоизм». Другая причина—алкоголизм, климат и т. д. При такой науке мы остаемся вне знания, но зато, создав видимость науки, Тард избегнул рассмотрения действительно существенного в области общественных явлений.

Понятно, что для Тарда образование толпы, выступление масс есть с социологической точки зрения деградация, регресс, социальный атавизм. Социальное составное целое, даже самое совершенное, представляет низший тип организации, чем составляющие его элементы. «Какова бы ни была движущая толпой цель—даже самая благородная и законная—образование толпы является одной важной стороной своей настоящим шагом назад в ходе социальной эволюции, потому что насколько социальные связи усиливаются и делаются теснее, настолько же они суживаются. Все эти люди, охваченные экзальтированным чувством своей солидарности и взаимного возбуждения, становятся совершенно чуждыми всему, что стоит вне их группы, теряет сострадание к другим людям, недавно еще братьям и согражданам, а теперь—чужим и врагам, которых можно только убивать, грабить и сжигать. Это—возвращение к моральному состоянию индивидуума, связанного узами первобытной семьи»²⁾.

Классовый страх и классовая ненависть явственно чувствуются под этим как будто бы научным законом.

Вполне логичным завершением Тардовских исследований в этом направлении является постановка вопроса о формах и характере коллективной ответственности, ответственности «толпы». Это не случайность, это не есть только навык исследователя криминалиста, это диктуется всей его социологической позицией.

Истинно социальное создается—по Тарду—путем освобождения от уз материальных связей, по мере одухотворения социальной жизни. Телесное сближение, собранность в одном месте не есть необходимое условие умственного и духовного общения. «Странная вещь, люди, которые так увлекаются, оказываются друг на друга влияние или вернее сообщают друг другу впечатление, не сходящее сверху, не встречаются, не видятся, не входят в соглашение. Разбросанные по обширной территории, они сидят каждая у себя, читая одну и ту же газету. Какая же между ними связь. Эта связь—присущее им всем единство убеждения или страсти, сознание того, что такая-то идея, такое-то чувство общее им всем» («Социальные этюды», 84). Преимущество этого более высокого, более истинного социального типа общественной связи (в данном случае публики), огромный. Основное преимущество публики перед толпой заключается в росте терпимости. «Оппозиция между двумя родами публики, всегда готов-

ными слиться в своих неточных границах, гораздо менее опасна для социального мира, чем столкновение между двумя враждебными толпами». Униссон, гармония неизмеримо сильнее в публике, чем в толпе. Публика, как общественное мнение не собранная в массу, в толпу, спасает нас от искушения предпочтеть суд стачечников или суд клубистов (т. е. полит. партии, В. К.), суду миллиона, десятка миллионов честных людей, сидящих у своих очагов («Соц. этюды», 130).

Тайна социальных отношений раскрывается перед нами там, где минимум утилитарного, где разворачивается свободная игра чисто духовного общения. Потребность в хлебе, говорит Тард в своей утопии, антисоциальная потребность. Предчувствие истинно-социальных отношений мы наблюдали лишь в трех, четырех светских салонах XVIII века, в двух, трех мастерских художников, да в одном, другом артистическом клубе XIX века. Аestheticская жизнь, светский салон, культ любви—это социальная и только специально освобожденная от всякого влияния внешней социальной.

Тард далеко отклонился назад от основного пути развития человеческого мышления и науки об обществе. Он старательно уклоняется от тех горизонтов, которые развернулись уже перед буржуазной наукой накануне выступления пролетариата. В своих изысканиях он старательно уклоняется от истинной сути социального. Эта позиция диктуется ему классовой выгодой. Но поэтому его работы реакционны и научно бесплодны.

II.

Угол научного взорения Тарда предрывает вопрос о структуре его мышления. Для того, чтобы смотреть и воспринимать мир из буржуазного оконшка, для того, чтобы видеть и исследовать и все-таки пройти мимо существенного в социальных отношениях, для этого нужна соответствующая аккомодация мышления.

Европейская мысль нового времени выросла в борьбе с формально логическим способом мышления, с метафизическим складом ума, в преодолении остатков его. Каждое новое достижение науки и философии было шагом вперед к диалектическому пониманию мира. Начиная с Гегеля, отказ от диалектики был лишь словесным отмахиванием от страшного жучела с действительным ее применением в конкретных исследованиях или же шагом назад, реакцией в науке и не только в науке. Естественно, что для Тарда диалектический метод—неприемлемый метод. Не приемлема для него не только диалектика, но и эволюционная теория, имеющая с диалектикой точки соприкосновения, являющаяся позитивным выражением ее выражением.

Тард не только отрицает понятие эволюции, но и неспособен по всей структуре своего ума понять его. (Ибо то, что не соглашается называть эволюцией, развитие в его интерпретации, ничего, конечно, общего с развитием не имеет. Его привитие есть механическое присоединение нового признака к уже имеющемуся, искусственное приложение чужого определения, а от-

¹⁾ Ibid., стр. 126.

²⁾ Ibid., стр. 124.

иность не имманентное движение и изменение самого исследуемого объекта).

Тард возвращается в способах своего мышления далеко вспять, не только назад к Канту, но еще глубже, к аристотелевско-схоластической структуре познания. Новая философия началась с поисков не-аристотелевой логики, Тард, этот эпигон эпигонов, замыкает круг, возвращаясь в своих путях познания в узкие рамки схоластической, исключительно формальной и силлогистической логики.

Формальная логика знает три основных закона мышления: закон тождества, закон противоречия и закон исключенного третьего. Мысление Тарда, как на оси, вращается на этих трех законах. Я беру сводную работу Тарда «Социальные законы», в которой им самим сведены в систему результаты его предшествовавших трудов. Эта работа делится на три части: повторяемость явлений, взаимное противоположение явлений и приспособляемость явлений. Исследование о повторяемости явлений есть исследование о законах тождества в природе и обществе. Астрономия с самого своего возникновения вела свои изыскания над подобиями и повторениями ($A=A$); ее прогресс состоял лишь в том, что она заменила первоначальные гигантские и видимые повторения бесчисленным множеством бесконечно малых подобий и повторений, которые дали объяснение первым. Биология, представляющая синтез зоологии и ботаники, опять-таки начинается с того момента, когда клеточная теория доказала, что бесконечно повторный элемент, как у животных, так и у растений, есть клеточка, что элементарное жизненное явление есть не что иное, как бесконечное повторение клеточных процессов питания, деятельности роста и размножения.

Наука, постепенно прогрессируя, разрушает все преграды, возникающие между исследуемыми явлениями, с точки зрения подобий и повторений, заменяя только немногие и грубые, кажущиеся подобия бесчисленным множеством бесконечно малых и очень точных, дающих смысл первым. Точно так же и социологическая концепция Тарда опирается на фундамент повторения тождеств, бесчисленных, элементарных, по «крайне точным». Научное познание настолько сильно чувствует по Тарду — необходимость опереться на сходство и повторение, что оно, если не может напутать действительных тождеств, создает воображаемые, так как иначе оно не может представить в форме науки.

То, что затрудняет распространение социального и всякого иного нововведения (A), бесконечно количественный прогресс этого тождественности — это наличие другого нововведения (B — которое не есть A), сталкивающегося с первым на его пути. Здесь мы вступаем в область противоречия, по Тардовской терминологии, в область противоположения явлений. В области космической мы сначала сталкиваемся с противоречиями грубыми, приблизительными или ложными — земля и небо, день и ночь, зенит и надир и т. д.; прогресс науки заключается, аналогично прогрессу в области законов подобия, в замене этих грубых и ложных противоположений, действительными и истинными, как, например, антитеза — равенство силы притяжения,

и, которому подвержена каждая единица массы или молекула, с силой притяжения, которую она в свою очередь оказывает. То же самое в области биологии, в области социологии. Антитезы Гегеля, претенциозная группировка им народов под знаменем антигностических идей заменяется настоящим элементарным социальным противоположением, заключающимся во всяком индивиде «всякий раз, когда он колеблется, принять ему или отвергнуть представляемый ему новый образец, новое выражение, новый обычай, новую идею или художественную школу, новый поступок. Это колебание, эта маленькая внутренняя борьба, которая воспроизводится в миллионах экземпляров; в каждый момент жизни народа, это и есть бесконечно малое противоположение, бесконечно плодотворное в истории».

Как конкуренция стремится к монополизации или ассоциации конкурирующих, как война стремится или раздавать побежденного или составить с ним договор, так и явления тождества вынуждают противоречие себе явления или находят с ним какой-либо modus vivendi. В первом случае мы бы имели универсальное прessezство закона тождества, так как все явления домогаются этой универсальности, т. е. все имеют тенденцию распространяться путем подражания в беспредельно возрастающей прогрессии, будь ли это световая или звуковая волна, животный или растительный вид или социальное явление. Во втором случае мы церкодим к отдельу взаимоприспособляемости явлений. Однако вполне мы стали бы и в этом отделье искать каких-либо других путей, выводящих за пределы формально логического мышления. Приспособление состоит в существовании различных рядов тождеств, в диалектическом смысле: равнодушных друг к другу, жаждущих друг к другу. Приспособление цвет агрегат, а не конкретную целостность, как ее понимает диалектическое мышление, и обратно, всякий агрегат состоит из веществ, приспособленных к некоему функционированию, в котором мирно cojживают не поглощавшие друг друга тождества.

А вот пример применения Тардом закона исключенного третьего: Общественный прогресс, как индивидуальный, совершается двумя способами, через замену и наложение. При наложении мы имеем уже рассмотренный нами случай сосуществования тождеств. Замена же одного явления другим происходит по формуле исключенного третьего. Прогресс тождеств, встречающий на своем пути явление, которое стояло раньше вне его пути, теперь при встрече не может уподобиться ему, низвергает его, вытесняет его. Злополучное явление не может иметь двух превращений — или оно уподобится торжествующему в своей умножающейся тождественности ряду или оно будет отринуто.

В формальной логике закон тождества является самым важным из рассмотренных выше законов. То же в мышлении Тарда: повторяемость явлений является для науки наиболее важной частью явлений». В своей работе «Законы подражания» Тард формулирует это положение в трех тезисах, превращающих его в закон всякого бытия — космического, органического и социального.

Великий поток истории разлагается на множество отдельных происшествий, великих и малых событий, которые все представляются в виде вопросов, сопровождающихся решениями; в этих

элементарных фактах общественной жизни встречаются, сталкиваются два суждения. Спор, который подлежит решению, сводится с одной стороны к известному да, подтверждаемому одним, а с другой стороны к нет, противополагаемому другими. Общество или индивид, все равно, колеблется между целью и препятствием, утверждением и отрицанием. Перед нами разворачивается воистину логические прения. Одна сторона говорит да, другая нет, одни хотят да, другие нет. Среди явлений развития языка или религии, права или правительства или иных все равно не трудно указать сторону утверждающую да, и сторону противопоставляющую ей свое нет. Решение же замечается в уничтожении одного из противников или одной из противоположностей, т.-е. история действует по формулам да-да, нет-нет, по законам формально-логического мышления. Примеры и доказательства Тарда приводят в великом изобилии и разнообразии. «В элементарных лингвистических поединках термин, или общепринятое выражение утверждают, термин или выражение новые отрицают. В религиозных поединках официальный догмат утверждает, догмат еретический отрицают. Позднее, когда наука пытается заменить религию, теория общепринятая является утверждением, отрицаемым новой теорией... Для законодателя всегда представляется необходимость выбора между одобрением законопроекта, т.-е. утверждением, и его неодобрением, т.-е. отрицанием. То же и относительно судов, в которых каждый судебный процесс происходит между истцом, который утверждает, и защитником, который отрицаает и т. д.»¹⁾.

Совершеннейшим творением формальной логики является силлогизм. Подведение общественных явлений под форму силлогизма становится для Тарда логической необходимостью, законным следствием всего его способа разумения. С известным мастерством Тард это делает. Вместе с тем полностью очерчивается структура его мышления, находящаяся в воплощении противоречии с научными достижениями современности. «Борьба, ныне уже окончания, между тростниковым и свекловичным сахаром, между дилижансом и локомотивом, между парусным и паровым флотом и т. д. была в полном смысле общественным дебатом, даже диспутом, потому что здесь сталкивались даже не суждения, а два силлогизма (обыкновенно не замечаемые логиками). Например, одна сторона рассуждала—лошадь есть самое быстрое домашнее животное и как переезды возможны лишь при помощи домашних животных, то, конечно, дилижанс является лучшим способом езды; другая сторона на это отвечала—правда, что лошадь есть самое быстрое домашнее животное, но неправда, что единственно сила домашних животных может быть употребляема для перевозки путешественников и товаров; следовательно, и все предшествующее рассуждение ложно—это замечание наше должно быть обобщено, потому, что подобные же столкновения силлогизмов могут быть усмотрены и в других логических поединках, численных нами выше»²⁾.

Новые доказательства для подтверждения отсталости мышления Тарда после вышеприведенного, думаем мы, излиши.

¹⁾ Тард. Законы подражания, стр. 161.

²⁾ Там же, стр. 163.

Характерно, что Тард, в измененной правде форме, но все же приходит к тем же затруднениям, перед которыми стояло еще доантовское мышление. Юм, мысля на основе законов формальной логики, не мог осилить диалектической по существу проблемы причинности. Тард же снова становится в скептическую позицию по отношению к причинному миро пониманию: «наш ум понимает и допускает определительным образом связь причины со следствием, лишь настолько, насколько следствие походит на причину, повторяет причину, как, например, в том случае, когда звуковое колебание порождает другое звуковое колебание или одна клеточка порождает другую подобную ей клеточку»¹⁾. Если же себе гипотетически представить такой мир, в котором ничего не повторяется, мир одних новшеств, то, конечно, ничего нам не помешало бы допустить, что одно явление является результатом другого явления и в свою очередь обуславливает другое явление. Но в подобном мире не было бы места какой бы то ни было науке, так как в нем не было бы ни сходства, ни повторения. Юм допускал вместо причин лишь постоянство ассоциации восприятий, Тард признает причинность лишь настолько, поскольку она укладывается в формальные узы закона тождества.

То же самое с проблемой необходимости. Канту, чтобы обосновать необходимость и всеобщность познания, пришлось реформировать логику, прибегнуть к синтетическому ее построению. Тарду, который, повторяем, стоит на докантовой почве, ничего другого не остается как отказаться от этой категории. «Не правдоподобнее ли будет допустить, что проблема, которую в каждый момент ставила жизнь, была сама по себе неопределенна и доказала многие решения»—вопрошает он, аргументируя против понимания общественных процессов как необходимых и неизбежных.

III.

Тард дает следующее определение общества или, как он говорит, социальной группы. Для Тарда это понятия идентичные. Социальная группа—«это собрание существ, поскольку они готовы подражать друг другу или поскольку они, не подражая друг другу теперь, походят друг на друга, поскольку общие им черты являются старинными копиями с одного и того же образца»²⁾. «Общество—это подражание» формулирует лаконически ту же мысль Тард в другом месте. Что же такое это подражание? Даже социолог должен предоставить слово психологу,—отвечает Тард на этот вопрос. Психическое воздействие одной личности на другую, воздействие, составляющее, как мы уже отметили, то Тарду специфичность социального, столь же таинственно и неисследовано, как воздействие одной мозговой клеточки на другую, т.-е. механизм умственной жизни. Однако, если мы возьмем социальный факт в его чистом виде, то мы все же сможем свести его к определенному явлению—к гипнозу. Тайна социологии в психологии, а тайна психологии в гипнозе. Вот ход идей Тарда. Социальный человек, это настоящий сомнамбул³⁾. Секрет

¹⁾ Ibid., стр. 5.

²⁾ Ibid., стр. 62.

³⁾ Ibid., стр. 77.

социального калейдоскопа, «сложное» разгадывается психологом и гипнотизером, изучающим индивидуальные «простые» явления. «Из всех способов пользоваться индукцией нет более законного и более действительного, чем тот, который состоит в приписании людям, поступающим „жестикулирующим“, позиционирующим известным образом, душевных настроений, которые мы бы сами испытывали, если бы поступали, жестикулировали, позировали таким же образом... Простое замечание, только что сделанное мною, уже служит оправданием так называемому психологическому методу в социологии¹⁾. Все материалы, которые достаются нам наблюдением и сравнением, сопоставлением между собой социального требуют научной разработки, а их научная разработка сводится к психологическому их толкованию. Пусть Тард недоволен обычной психологией. Пусть он постулирует «взаимную психологию», «интерцеребральную психологию»—все равно мы, конечно, не выходим из пределов психологических исследований. Взаимная психология пользуется и должна пользоваться результатами сложных и кропотливых исследований патологической психологии, психофизики, детской психологии и сравнительной психологии животных.

Мы все время продолжаем вращаться в науке о частном, об индивидуальной психике; ни разу Тард не поднимается до высоты, хотя бы ложного понятого социального целого. Даже когда мы говорим о влиянии общественной среды на индивида, то для научного осознания мы должны разложить этот факт на множество психических взаимодействий между двумя индивидами (между оратором и каждым слушателем, между писателем и каждым читателем, между руководителем или управляющим и каждым руководимым или управляемым и т. д.). При факте общественного давления, социального воздействия мы имеем дело даже не с междулическим явлением, а с явлением внутри-психическим, с непреодолимым самовнушением, «ибо накопившееся в любом уме между-психические влияния всегда предварительно уже подвергаются некоторому очищению сообразно с личными данными данного субъекта. В одной и той же общественной среде упомянутое накопление бывает качественно весьма различно у различных индивидов: у одних преобладает нравственное заимствование от честных людей, у других—переимчивость от людей порочных или преступных. В известном смысле можно даже утверждать, что так называемое социальное давление только существует самоопределению и более яркому выражению каждой отдельной личности»²⁾.

Для Тарда психологический метод, сопоставление общественноисторического факта с своими собственными переживаниями или данными психиатрии, педагогии, гипноза, даже филологической психологии являются универсальным ключом для понимания всех социологических проблем. Изучение обычая и учреждений народа первобытного или дикого—например, исследование тотемизма или табу—бросает яркий свет на его умственное состояние потому, что мы «сравниваем» его с нашим естественным умственным состоянием и, несмотря на большие отличия между

¹⁾ Новые идеи в социологии, вып. 2, СПБ. 1914, доклад Тарда, стр. 68.

²⁾ Ibid., стр. 80.

духовными направлениями такого народа и нашей умственной ширью, мы находим глубокие сходства, рисующие нам искому картину. Психология—это ключ ко всей истории человечества, как первобытной, так и современной. Вот, например, Тардово объяснение Наполеоновой эпохи: «Сколько раз продолжительная фиксация взора на этой блестящей точке-славе или гениальности какого-нибудь человека повергала в катарсис весь народ. Оцепенение в сомнамбулическом состоянии, как известно, есть только кажущееся; оно лишь скрывает под собой чрезмерное возбуждение. Отсюда те необычайные поступки и ловкость, с которой сомнамбулы выполняют их несколько не задумываясь. Нетто подобное можно было наблюдать в начале нашего века, когда совсем оцепеневшая—и в то же время крайне возбужденная—пассивная и в то же время распаленная лихорадочным огнем воинственная Франция повиновалась одному лишь жесту своего царственного магнетизера и совершала чудеса»¹⁾.

Чтобы связать концы с концами, чтобы оправдать правильность такого толкования исторических событий, столь различных по времени, месту и качеству, Тард вынужден повторить гипотезу просветителей о постоянстве человеческой природы, ее психических черт. Заметим мимоходом, что Тардова концепция социологии вообще возвращает нас к тезису:—мнения правят миром.

Отсюда и общественные законы суть только законы психологии—законы внутренних или внешних психических влияний, законы психических общений индивидов, да еще законы этические, при чем логика понимается как подчинение отдельов психологии. Одним словом, мы имеем дело со незаконным перенесением методов науки естественной, психологии. Как бы мы ее ни понимали, в изучении явлений общественного порядка. Сам Тард признает различие между науками естественными и общественными. На первый взгляд может даже показаться, что в этом вопросе он стоит на близкой нам диалектической позиции. Он отличает эти два обширные от дела науки в их тождестве и в их различии. Социология есть наука, общество в ней приобщается ко всей остальной природе, по отношению к которой оно очень часто было—по выражению Тарда—лишь посторонним предметом. Все науки исходят из количества и нарастаний или что-то же в сходстве и повторениях. В мире химическом, физическом, астрономическом это будут периодические и главным образом колебательные движения, в мире органического происхождения это будет наследственная передача, размножение, внутренне-органическое или внешне-органическое, родство видов и родство клеточек. В области социологического исследования, совершенно аналогично, всякие сходства представляют прямое или косвенное следствие подражания во всевозможных его видах. Однако в этой тождественности мы должны различать еще различие, специфичность, своюственную каждой области—для одной ритмичность, для другой наследственность, для третьей—подражание. Вся беда Тарда заключается в том, что основной угол зрения Тарда неизменно разглядеть, где же именно находится специфичность общественного. Он не замечает, что эта специфичность дается

¹⁾ Тард, Законы подражания, стр. 81.

совместным производством материальных благ. Он ищет ее в других областях и ненароком переносит в явления общественные специфичность, свойственную науке о человеческой психике. В племя с Дюргеймом Тард ставит ему в вину желание присматривать какие-то «собственные» законы, исключительно свойственные обществу. Он бьет сам себя. В результате Тард не может отличить где естественное и где общественное. Он постоянно пользуется аналогией с естественно-научными явлениями, считая их доказательством своих социологических гипотез. С одной стороны, Тард считает, что экономическая солидарность и разделение труда устанавливает между индивидами скорее биологическую связь, нежели социальную. Поэтому он квалифицирует, как тождественное, «обмен услугами» между сапожником и булочником, пастухом и его собакой, колонией синофор, из которых одни принимают пищу, а другие переваривают. «Если бы отношения сообщественников состояли бы главным образом в обмене услуг, то не только следовало бы признать, что животные общества заслуживают это название, но что они и суть общества по преимуществу. Пастух и землемеделец, охотник и рыболов, булочник и мясник без сомнения оказывают друг другу услуги, однако гораздо меньше, чем взаимные услуги, оказываемые друг другу разного пола термитами¹⁾. Статистика браков, рождений, смертей есть для Тарда биологическая статистика. Зато, с другой стороны, он считает явлениями историческими действия «сил животных, растительных, физических, влияющих так или иначе на создание новых условий для распространения каких-нибудь подражаний, ход или значение которых они видоизменяют»²⁾. Так что солнечное затмение, например, есть такое же социальное явление, как какая-нибудь историческая битва. Тард не в силах обяснить специфики общественного, ибо он метод естествознания, метод психологии целиком и полностью переносит в обществоведение. Для него нет диалектической границы между природой и обществом. Он беспомощно баражается между этими двумя понятиями, так как для него осталась скрытой роль производства в процессе формирования общественного бытия человека.

Совершенно естественно психологический метод, исходящий из переживаний индивида, ведет Тарда к воскрешению атомистической теории общества. Личность есть первичное, общество производное. Личность производит и определяет характер общественного бытия, но отнюдь не общество формирует личность.

Иногда может показаться, что Тард «субстанцией» общества считает не индивид, а некоторую психическую массу, некоторый конгломерат идей, который во всяком случае стоит над личностью. Он предостерегает против банального индивидуализма, который видит причину динамики общества в великих людях. Эта причина заключается в значительном числе идей мелких и крупных, простых и сложных, подчас незаметных в их зарождении, но всегда новых, являющихся открытиями или изобретениями. В другом месте он выражает еще более ярко «изобретение и подражание, таков основной элементарный общественный процесс. Но в чем состоит та сущность (субстанция), выражением

¹⁾ Тард, Законы подражания, стр. 61.

²⁾ Ibid., стр. 143.

которой является этот процесс. В чем заключается та общественная сила, которая его порождает. Другими словами, что такое изобретается. И почему такому подражает. То, что изобретается, то, чему подражает, представляет собой не что иное, как идею или желание, суждение или намерение, в котором проявляется в известной мере верование и хотение, составляющее в сущности истинную душу всякого слова в языке, всякой молитвы в религии, всякого мероприятия в государстве, всякой работы в промышленности, всякого действия в искусстве. Верование и хотение — вот стало быть сущность (субстанция) и сила... Общество организуется именно через согласие и разногласие верований укрепляемых и взаимно ограничиваемых; в этом заключается сущность их учреждений. Именно через согласие и разногласие желаний и потребностей общества функционируют верования, преимущественно религиозные и нравственные, но также и юридические, политические — это пластические силы общества¹⁾. Перед нами, как будто чисто идеалистическая, но все же индивидуалистическая концепция. Мышление, характеризующее прежде всего, как верование и желание, является и субстанцией и творческой силой общества.

При более близком рассмотрении это оказывается, однако, не так. Уже с самого начала чтения основной работы Тарда: «Законы подражания», видно, что идеализм Тарда — идеализм поздний, подвергшийся влиянию поэтических теорий. Он боится называться ненаучным, метафизичным — по крайней мере в своей науке об обществе. Поэтому он и мышление не может рассматривать, как субстанцию простую, неделимую. Для него мышление именно раздельно, распадается на ряд идей, и весьма многочисленных, раздельных и не представляющих непрерывности, хотя и соединенных между собой актами подражания. Как психолог, он приурочивает идеи к их носителю, к субъекту, к отдельному человеку. Он хвалит свой идеализм, говоря, что его основу составляют не идеи, пишущих историю, а идеи творцов самой истории. Но носители идеи человек также единичен, разделен, как представляется им идея, и именно в обществе, в социальном общежитии резче всего проявляется эта атомизация людской массы. «Цивилизованный человек нашего времени стремится обойтись без помощи другого. Он все менее и менее обращается за помощью к другому человеку, резко отличающемуся от него, к профессиональному специалисту и все более и более обращается за содействием к порабощенной им природе и к ее силам. Разве социальный идеал будущего не есть воспроизведение в широких размерах античного города, где рабы, как это часто говорилось и до конца надеялись, будут заменены малпинами, а небольшая группа равноправных граждан, не перестающих подражать друг другу и взаимно ассимилироваться — независимых и бесполезных друг для друга, по крайней мере во времена мира — будет представлять все человечество»²⁾. Поэтому у Тарда общество не случайно — собрание существ. Оно атомистического строения, где основой является некоторая повторяющаяся единица, обладающая минимумом качеств, и лишь

¹⁾ Законы подражания, стр. 151.

²⁾ Ibid., стр. 65.

совокупность разнообразия сочетания этих единиц дает разнообразие общественного бытия. Общество в своем строении повторяет тип строения существа органического, да и всего космоса. Тот минимум качественности, которым обладает атом общечеловеческий — человек, сводится к желанию и верованию, о которых мы уже говорили. В волнобразных колебаниях истории происходят только непрестанные сложения и вычитания количества веры или количества желания. Из этой «совокупности обезьяньих желаний» составляется потенциальная энергия общества. Археология, наука, которую Тард весьма чтит, и которой он весьма руководствуется, может сообщить нам еще, что люди всегда были «гораздо менее оригинальными, чем они это думают, льстя самим себе».

Атом общества, человек. Из него строится общество, к минимуму его качеств, однообразных и извечно повторяющихся, к верованию и желанию, сводится пестрая ткань общественности. Не имеем ли мы тут возврат к социальным теориям буржуазии XVII и XVIII веков? Человек выступает с однородной, раз на всегда данной природой — все равно, вышел ли он из рук творца или произошел естественным путем. Общество есть только сборище индивидов и общественная душа есть только помноженная индивидуальная, помноженное количество единичных желаний и верований. Поэтому и природа общества определяется природой человека. Изменился только характер качеств, предписываемых атому-человеку. В XVII и XVIII веках минимум качеств, которыми обладали атомы-люди, были или эгоистические побуждения — стремление к самосохранению, своекорыстие, любостяжательность и т. д., или же, наоборот, побуждения альтруистические — сострадание, любовь к ближнему, общежительность и т. д. Для Тарда же этими качествами являются верования и желания. Разница принципиальной тут нет. Всякая теория, исходящая от индивида, вынуждена искать природы этого индивида. А так как человек, воздействуя на внешнюю природу, изменяет свою собственную, то постоянную природу приходится декретировать. А что войдет содержанием в декрет — эгоизм или альтруизм; или, наконец, верование и желание — это всецело зависит от доброй воли декретирующего.

Атомизм концепции Тарда ярко подчеркивается его теорий логических поединков. Мы уже говорили, что для Тарда общественные законы суть в значительной степени логические законы. Общественная история, изучаемая в ее подробностях, с этой точки зрения предстает перед нами, как ряд столкновений между утверждениями и отрицаниями, как ряд логических поединков (или союзов). И вот общественный процесс подражания новому да и само начало подражания распадается на ряд индивидуальных поединков, происходящих в голове отдельной личности. «Лишь с совершением процесса индивидуального поединка начинается поединок общественный. Каждому акту подражания предшествует колебание индивида, потому что каждое изобретение или открытие, стремясь распространиться, встречает препятствие, которое должно устраниТЬ и которое заключается в идее или привычке, усвоенной каждым отдельным лицом из публики. В сердце или в уме каждого такого лица возгорается таким образом борьба или между двумя кандидатами, — т. е. двумя

политическими системами, ищащими его голоса на выборах, и т. д. Покуда же существует это колебание в индивиде, он еще воздерживается от подражания, но только поскольку он подражает, постольку и является членом общества. Подражает же он, когда уже принял решение»¹⁾.

Таким образом, основной общественный процесс атомизируется, распадается на ряд отдельных актов в головах отдельных людей.

После всего вышеизложенного не представит большого труда доказать, что Тард идеалист, чего он сам, конечно, и не скрывает. Подробно на этом пункте я останавливаюсь не буду. Остановимся лишь на вопросе о роли личности в истории у Тарда. Положения, направленные против гиперболизации роли великих личностей, встречаются у Тарда неоднократно. На самом же деле Тард без героя, без великой личности обойтись не может. Вот, например, объяснение происхождений великих народных движений. «Человек страстный, снедаемый бессильным желанием завоеваний, бессмертия, человеческого возрождения, наталкивается на идею, дающую неожиданный выход его порывам: на идею воскрешения тысячелетнего царства, на догму верховенства народа и другие формулы «общественного договора». Он схватывает ее, воспламеняется ею — и вот является пророк. Таким образом, совершается религиозная или политическая зараза, таким образом, совершается обращение целого народа в христианство, ислам, а завтра, быть может, совершится обращение в социализм²⁾. Сама социальность, общественность имеет свое начало в подвигах какого-то неизвестного гениального антропоида, обрушившегося на нас лавину истории, по поэтическому выражению Тарда.

Общество начинает с обаяния, с одностороннего воздействия родоначальника, первого цивилизатора, законодателя. Прогресс цивилизации увеличивает «обезьяньи качества» у людей и тем самым снова увеличивает роль этих самых законодателей. Вообще Тард полностью повторяет через сто с лишним лет рассуждения просветителей о роли законодателя, просвещенного принципа и т. д.

Зачем это нужно Тарду? — Нужно это ему для того, чтобы хоть как-нибудь обосновать динамику исторического процесса. Для этого он выводит на сцену великую личность изобретателя. Личность — новый источник подражательного лучеиспускания и тем самым создатель нового этапа исторического процесса. Но изобретатель сам подражает. Изобретение лишь интерференция подражаний. Возникновение не как воспроизведение старого Тард отказывается понимать.

При формально логическом способе мышления Тард не может не стать в тупик перед проблемой возникновения нового, перед проблемой динамичности общественных явлений. Плеханов отметил, что над проблемой возникновения нового даже эволюционизм расшибает себе голову. Для Тарда, «когда произвести не означает воспроизвести, все становится непонятным». И вся теория социологии Тарда этим непониманием, этой неспособностью разре-

¹⁾ Законы подражания, стр. 170.

²⁾ Ibid, стр. 28.

шить проблему новообразований вовлекается в безвыходный, пурочный круг. Социальное это подражательное. Подражание подобно световому лучу, распространяющемуся в эфировой среде. Но чему же подражают? Подобно тому, как световой луч имеет источником светящееся тело, так подражание имеет своим источником изобретение. Но откуда изобретение—из встречи, из конференции подражаний. Земля держится на слоне. Слон стоит на земле.

По кругу своих научных идей Тард стоит на уровне XVIII века. Но что тогда было неизбежной слабостью начинания, дефектами роста великих буржуазных мыслителей, то у Тарда является скучностью эпигона, не могущего охватить уровня знания своего века. Просветители XVIII века склонялись к тому, чтобы мнению приписать руководящую роль в общественном развитии. Будучи последователями материалистами в области науки о природе, они приходили в противоречие с самими собой в области наук об обществе, идеалистически интерпретируя материалистическое понятие «среды», вследствие неразвитости прежде всего, самой этой среды—общественных отношений: Тард же, живущий на исходе XIX века и в начале XX, после уроков великой французской революции, после промышленного переворота, после выступления пролетариата, как самостоятельной классовой силы, после Маркса, снова пережевывает убогую пищу о мнении, потому что это помогает ему не видеть истинного характера и истинного пути развития «среды». Случай, бывший у великих материалистов революционной буржуазии неизбежным аргументом вследствие отсутствия хоть одной мало-мальски научно построенной общественной дисциплины, для Тарда является костылем, на который пытается опереться его немощная мысль. Ссылаясь на личность—на героя-зачинателя или преобразователя культуры—была в XVIII веке у великих идеологических предков Тарда орудием революции: не просвещенный монах, не добный принц, а Робеспьер и Марат, которых так не переваривает Тард, были их истинными героями, действительными рычагами истории. Но у Тарда его великкая личность застегнута в чиновничий мундир или одета в броню салонного этикета. Ее задача служить образцом для масс, все мечты которой должны сводиться к нивелировке, к равнению—на основании разработанных Тардом законов подражания—по этому мундиру, по этому этикету, а не, уласи боже, к перемене мундира социальных отношений. Если племянник повторяет дядю так, как фарс передает трагедию, то еще более это относится к Тарду, внukу великих, эпигону эпигонов.

IV.

Точка зрения Тарда—это точка зрения капиталистического общества, боящегося обнаружения своей сущности, точка зрения современного буржуа. Попытаемся уточнить эту характеристику.

Для буржуа очень характерным является потребительский подход в изучении социальных явлений. Для него потребление не есть момент в производстве, как целокупности хозяйственных категорий, а алфа и омега хозяйственной жизни, исходный пункт и завершающая цель. Буржуа, достигший господства и благополучия, потребляет, взвалив труд, даже управленческий

на чужие плечи. В своей этике он становится гедонистом. Счастье—вот что его прельщает. «Наше общество, как известно, держится надеждою на счастье; что перспектива счастья пробуждает энтузиазм и зажигает творческий огонь, доказывают наши выставки, удостоверяют каждый год наблюдавшее изобилие роскоши цветов искусства»,—пишет Тард в своих предвзятениях будущего. Задача нашего века Тард видит в ликвидации класс разнородных потребностей. Мы не можем еще предвидеть, каковы будут те простые, но плодотворные потребности, которые разовьет будущее. Но мы должны покончить с теперешним антагонистическим политизмом потребностей, дойдя до ступени потребительско-морального монотезма, ясного и авторитетного, дойдя до новой эстетики, великой и сильной. Эстетизм, который Тард неоднократно воспевает, и есть у него гиперграфия потребительской точки зрения! Наш век гигантского технического и промышленного прогресса кажется ему с известной точки зрения удивительным и непонятным, его поражает «возвышение орудия над произведением». В самом деле, не представляется ли самими выдающимися созданиями нашего времени фабрики, вокзалы, машины. Сравните с этими гигантскими лабораториями то, что выходит из них самого выдающегося: хороший дом, красивый театр, ратушу и согласитесь, как мало соответствуют эти плоды промышленности ее собственным помещеням; как бледнеют машины великолепия нашей частной и общественной роскоши перед великолепием наших промышленных выставок. Прежде было как раз наоборот, когда жалкие лягушки фараоновых фелахов или убогие мастерские средневековых художников окружали гигантскую пирамиду или колоссальный собор, поднятые в не бесах их согласными усилиями. Можно сказать, что ныне процветает промышленность для промышленности, как наука для науки¹⁾.

Как для всякого буржуа для Тарда усиление потребления это бы на одном конце общественной лестницы влечет за собой ряд плодотворных результатов. «Зараза роскоши часто служила проводником полезных нововведений... Этот ход логичен и непреложен», с одобрением цитирует он Бурдо.

Точка зрения потребления связана с другим, с давних пор характерным для буржуазии воззрением, о гармоничности общественных интересов. Тард, заботливо подбирающий все крохи, могущие дать положительную оценку буржуазного общества, повторяет и эту, давно до него опровергнутую истину апологетов капитализма. «Восходя ко времени зарождения общества, мы видим, что еще более заразительным (чем дурные склонности) и счастью человечества оказалось, пример первого человека, скавшего себе: я голодаю, а мой сосед страдает от холода; предложу я ему это мое ненужное платье в обмен за ту пищу, которой он располагает с избытком, чтобы таким образом моя потребность в питании послужила на удовлетворение его потребности в одежде—и наоборот. Превосходная мысль, крайне простая по настоящему времени, но весьма оригинальная при начале истории,—мысль, которая породила труд, торговлю, деньги, право

¹⁾ Законы подражания, стр. 33.

и всякого рода искусством¹⁾). Таким образом, главнейшие виды общественного бытия—труд, торговля, деньги и т. д.—возникли из акта альтруизма, любви к ближнему, из гармоничности отношений индивидов—и этот свой характер сохранили и в дальнейшем развитии. Антагонистические чувства и отношения, конечно, существуют. Но все же господствующим законом общества является обаяние и симпатия, склонность, покорность, любовь,—одним словом, все чувства, которые создают общественную гармонию.

Характерно однако, что Тард сам не может выдержать точки зрения гармонии. Когда ему приходится решать (и выбирать), где связь и общность симпатии сильнее—в рядах одного и того же класса или между членами двух разных классов, он, конечно, дает утвердительный ответ в первом случае. Чтобы сохранить точку зрения гармонии, он готов отнести экономическое сотрудничество, предпринимателя и рабочего и т. д. к области биологических межживотных отношений. Истинная социальная связь и гармония существует не между спартанцем и илотом, господином и рабом, воином и торговцем, а в среде самих свободных сограждан Спарты. Истинная гармония царит в светском салоне, среди хорошо и одинаково воспитанных и одетых членов буржуазной гостиной, непринужденно болтающих о последних «идеях».

Эта прорвавшаяся симпатия «свободного спартанца к свободному же спартанцу» в противовес илоту, базируется на страхе и на ненависти к классовым движениям, к движению масс. Эта антипатия проведена у него вполне последовательно и по адресу современных движений, руководимых «духом Маркса и Кропоткина» и по адресу прошлых, возглавлявшихся его (Тард) революционными предками—Дантоном, Робеспьером и Маратом. Своих опасений Тард не считает даже нужным скрывать. Он об них говорит открыто: «Приходится считаться с радикализмом, угрожающим не сегодня—завтра применить на деле свою революционную программу, надо все более и более быть настороже и отнюдь не выставлять против возможности такой опасности мнимые законы исторического пронзрастания. Ошибочность политика, которая считает невозможным то, что кажется ей невероятным, и не допускает того, чего никогда не произошло на ее глазах»²⁾. В своей утопии Тард, становясь по отношению к настоящему в роль историка, исследующего уже завершившиеся процессы, пишет: «Пока существовала эта несчастная потребность в хлебе и пока не принималось никаких мер к ее подавлению, следовало воздерживаться от возбуждения других не менее антисоциальных, т. е. не менее естественных потребностей, и было лучше не отрывать людей от плуга и не привлекать их к фабрике, т. к. раз'единение и изоляция эгоизмов предпочтительнее, чем сближение и столкновение между ними». И как всегда у Тарда это не есть только вольность, которую можно позволить себе в полуబеллетристическом произведении, в «Законах подражания» он считает одним из благ, которые принесет за собой развитие статистики, уменьшение тяги из деревни в город, т. к. она (ста-

¹⁾ Ibid., стр. 28.

²⁾ Ibid., стр. 34.

тистика) показывает, что городская жизнь влечет увеличение преступлений, самоубийств, сумасшествий.

Тард, однако, понимает, что благих пожеланий и статистической морали недостаточно для обуздания многоголовой, ищущей материального благополучия, «толпы», поэтому он не только проповедует мораль, но и, как мы увидим, рекомендует весьма существенные правовые и политические меры для ее обуздания.

Закон общественности—подражание. Один из законов подражания—подражание от низшего к высшему. Этот последний закон распадается на закон подчинения, к горючести на одном полюсе—и закон епархиального возглавления на другом. «Глубокое и сокровенное свойство человеческого подражания, привившееся с первых времен, способность связывать души людей, довлеяло за собой, как видно из предыдущего, возрастание неравенства между людьми, создание социальной иерархии. Это было неизбежно, потому что отношение образца к копии было отношением апостола к неофиту, властителя к подданныму»¹⁾. Даже в демократии, где горячка равенства достигает сильного напряжения—мы имеем социальную иерархию, наследственные или отборные степени превосходства. Старую знать заменяет административная иерархия, развившаяся вширь и ввысь, и военная иерархия. Принцев крови и прелатов заменили публицисты и финансисты, художники и политики. «И эта аристократия положений развивающихся тщеславия, эстрада блестящих седа-лиц и тронов не только не упрощается и не понижается, но, напротив, становится все более и более грандиозной в силу тех же демократических преобразований, благодаря которым границы между нациями и классами все более и более сглаживаются, и голосование, создающее распутство, становится все более и более всемирным, все более и более международным»²⁾. И пусть городской рабочий считает себя сторонником равенства и стремится к уничтожению буржуазии, превращаясь в того же буржуя (?)—в глазах крестьянина он все же является представителем аристократии, возбуждающей удивление и зависть. Крестьянин относится к рабочему, как рабочий к патрону. Отсюда переселение из деревень»³⁾. То, что провозглашают, как равенство, есть лишь переход от одной системы иерархии к другой, как съскала есть лишь новая система дисциплинирующих мер. Таким образом, иерархия социальных превосходств превращена в вечную категорию. После этой операции Тард, как петро самой разумеющейся, указывает: «во всяком случае несомненно, что с идеей социального превосходства связаны идеи власти и богатства».

Классовая корыстность этой схемы не нуждается в пояснениях.

Но Тард отнюдь не рядится в тогу либерала. Лион, 48-й год, Коммуна—эти уроки ему доказали, что одной проповедью мало что сделашь. Поэтому он вполне одобряет и обосновывает меры защиты буржуазного порядка в стиле Кавенъяка, Тьера и Галифе. Тард пытается ввести в криминалистику теорию угро-

¹⁾ Законы подражания, стр. 36.

²⁾ Ibid., 329.

³⁾ Ibid., 230.

Под Знаменем Марксизма.

ловной ответственности «преступной толпы». Он оспаривает точку зрения, по которой чем более ответственна толпа, или вообще какая-либо социальная группа, тем менее ответственна становится личность. Всякое сообщество, собирающееся в агрегат личностей, поэтому каждый индивид ответственен вдвое: как за поступки другого, вследствие солидарности, соединяющей всех сообщников, так и за свои собственные поступки. Правда, рядовые члены группы, подавшиеся деморализующему влиянию бунта, безвольные и трусливые, заслуживают некоторого снисхождения, гуманичает Тард. Но «вожаки разнуздали эту зловредную толпу, этого народного удава, кольца которого состоят из порабощенных и угнетенных людей¹⁾. Своей душой они «его воодушевили, вызвали его к жизни по своему образу и подобию. Их личная преступность прямо пропорциональна общей преступности»²⁾). При узаконении солидарности участников всякого рода ассоциаций в преступлении и в наказании, затруднения заключаются в том, чтобы найти такого рода репрессии, которые могли бы сыграть предупредительную роль. «В отношении этих последних даже наилучшей полиции будет недостаточно, если не решаться преследовать самые вопиющие злоупотребления прессы, печатное возбуждение к преступлению и к нарушению закона. Всякие же репрессивные меры будут одинаково бесполезны, пока будет существовать суд присяжных. Его мягкость, его склонность к оправданию всего, что обличается в политическую личину, столь прискорбны, что часто приходится передавать коллективные преступления из его ведения в ведение военного суда... Никто не оспаривает теперь пользуности хорошей полиции и строгого суда... Общество, посылающее солдат и жандармов на сборища, вполне подобно человеку, который собравшись с силами, валит убийцу и убивает его. Человек этот не судья; общество также защищается, как может, и ему не приходится соразмерять силу своих ударов, возвращаемых им с лихвой. Пули поражают случайно и вожаков и ведомых, более виновных и менее виновных, даже простого любопытного, потерявшегося в какой-нибудь манифестиации. Нечто подобное происходит и в том случае, когда отдельные, разновременные, но связанные между собой одной преступной мыслью, покушения следуют одно за другим, образуют полную ужасов серию и требуют себе противодействия в виде возрастающей общественной паники³⁾). Когда преступление (т.е. восстание. В. К.), подавлено, тогда судья не должен уже мстить, опять гуманичает Тард. Но наказание должно быть примерным для других, тем более, что в шайку он вошел добровольно.

Типичная речь напуганного буржуа третьей республики, выступающего прокурором по делу о массовом движении. Только так мог бы оправдывать свои деяния палач, расстреливавший в мае 71-го года только за то, что руки у пленного были в мозолях.

¹⁾ Порабощенных и угнетенных гипнозом вожака.

²⁾ Социальные этюды, 149.

³⁾ Ibid., стр. 150.

Крестьянство как класс в работах Маркса и Энгельса.

В. Борзенко.

Родоначальники научного социализма нигде специально не анализировали генезиса, истории и будущего крестьянства¹⁾. Это объясняется не их отношением к вопросу как маловажному или незначительному, а условиями эпохи, выдвигавшей более актуальные проблемы, требовавшие немедленного решения, на которых творцам научного социализма и приходилось сосредоточивать свое внимание. Два основных круга вопросов охватываются исследовательскими работами Маркса и Энгельса: во-первых, построение теоретической экономики капитализма, необходимое для научного обоснования внутренних противоречий, неизбежно ведущих его к гибели, во-вторых, изучение процесса конституирования пролетариата, как класса *für sich*, т.-е. форм рабочего движения, стратегии и тактики классовой борьбы, анализ ошибок и идеологических уклонов. Оба эти круга проблем не дают места и повода для специального изучения крестьянского вопроса. Марксу и Энгельсу приходилось касаться его лишь попутно, когда он вставал в связи с основными планами работы.

В литературном наследстве Маркса и Энгельса мы находим два ясно очерченных периода, на которые падают все работы о крестьянстве: во-первых, эпоха революции 1848—49 г. и подведение ее итогов и, во-вторых, 80-е и 90-е г.г. прошлого столетия. Оба эти периода отличаются нарастанием волны револю-

¹⁾ На протяжении всего изложения взглядов Маркса и Энгельса не следует упускать из виду, что авторы основывались на опыте истории французского и немецкого крестьянства, главным образом, 40-х и 50-х годов; английские аграрные отношения все время стоят вне поля их зрения. Конкретные особенности стран и эпохи отразились в целом ряде моментов построения.

Для облегчения нахождения цитат укажем издания работ Маркса и Энгельса, на которые мы ссылаемся: Капитал, т. III—перевод Базарова и Степанова, изд. 1908 г. Москва; Анти-Дюринг—издание Петербургского Совета, 1918 г.; Маркс—Борьба классов во Франции, и Энгельс, Революция и контрреволюция в Германии—собрание сочинений Маркса и Энгельса, т. III, ГИЗ, 1921 г.; Письма Маркса и Энгельса—изд. «Московский Рабочий» 1923 г.; Энгельс,—Развитие социализма от утопии к науке и Крестьянская война в Германии—по изданиям Института Маркса и Энгельса, ГИЗ, 1926 г.; Маркс—Гражданская война во Франции—перевод под. ред. В. Ленина, ГИЗ, 1919 г.; Энгельс—О России—издание «Пролетарий», Харьков, 1923 г.; Энгельс—Крестьянский вопрос во Франции и Германии—ГИЗ, 1920 г. В виду неудовлетворительности перевода «18-го брюмера» Маркса, мы предпочли давать собственный перевод.

ционного движения и известными успехами классовой борьбы пролетариата; совсем не случайно, что именно в эти периоды Маркс и Энгельс ставили вопрос о крестьянстве. В эпоху революции 48 г. освещение крестьянского вопроса нашло себе место в 4-х работах: Классовая борьба во Франции и 18-е брюмера К. Маркса, Крестьянская война и Гражданская война в Германии Ф. Энгельса. Иначе говоря, в главнейших работах этого периода крестьянский вопрос нашел свое освещение. Причиной тому является решающая роль, которую крестьянство играло во французской и немецкой революциях. Выявить эту решающую роль крестьянства, дать ее классовое и экономическое обяснение, уяснить отношение крестьянства к инициатору и вождю революции—пролетариату,—такова одна из главных задач всех указанных работ.

После подведения итогов 1848 года, когда в 1850 г. выясняется спадение революционной волны и невозможность расстывать на ее подъем в ближайшем будущем, вопрос о крестьянстве сходит со сцены. В Chicago-Tribune нет ни одной посвященной ему статьи. За последующие 25 лет, если не считать глаз Капитала (III и IV тт.), затрагивающих происхождение абсолютной земельной ренты и (буквально) нескольких строк переписки, крестьянство стояло вне поля изучения Маркса и Энгельса. Этот период соответствует укреплению и развитию капитализма и отсутствию перспектив на революционное движение.

С половины 80-х г.г., в связи с быстрым темпом развития германского капитализма, начинается рост немецкой социал-демократии, знаменующий собой революционизацию рабочего класса. Обострение классовой борьбы происходит не только в Германии. Пресловутый оплот реакции—феодально-царская Россия начинает выказывать признаки глубокого разложения. Кажется, что и здесь назревает революционный переворот. После 25-летнего перерыва Маркс и Энгельс снова начинают интересоваться крестьянством. Маркс изучает русский язык, переписывается с Николаем —оном и пишет свое знаменитое письмо Засулич (1881 г.). Энгельс пишет статьи «О России» (1875 и 1884 г.г.), предисловия к новым изданиям Крестьянской войны, и, до сих пор недостаточно оцененную, брошюру «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии» (1894 г.).

Одно сопоставление дат уже достаточно ясно указывает на несомненную связь между обострением классовой борьбы и революцией чистой ситуацией и интересом к крестьянскому вопросу. Верно и обратное, в моменты сглаживания классовых противоречий буржуазного общества, крестьянский вопрос затушевывается для революционного марксизма. Объяснений этой связи нужно искать в понимании Марксом и Энгельсом классового характера крестьянства. Предвосхищая выводы последующего изложения, можно сказать, что в периоды «гражданского мира»—здравого и развивающегося капитализма—крестьянство всецело подвергнуто законам и задачам его развития, при чем пролетariat не в силах их изменить без разрушения производственных отношений самого капитализма. В периоды революции крестьянство приобретает какие-то самостоятельные от капитализма задачи, начинает итти вразрез с классовыми целями буржуазии, а потому именно в эти периоды проблема крестьянства приобретает жгуч-

чий и актуальный интерес и требует выяснения отношения к ней пролетариата, его классовой линии и тактики.

I.

Прежде чем перейти к изложению учения Маркса и Энгельса о крестьянстве, необходимо дать предварительное определение того, какие именно слои аграрного населения включают изучаемые авторы в понятие крестьянства. Это определение крестьянства необходимо должно быть предварительным хотя бы потому, что лишь к концу изложения может быть установлен обем и границы понятия, раскрыть смысл которого, в понимании Маркса и Энгельса, и является нашей задачей. В силу этого, давнее сейчас определение неизбежно будет чисто внешним и языковым.

Энгельс начинает описание революционного движения Германии 1848—49 г.г. с сочетания классов, предшествовавшего революционному взрыву. Он перечисляет следующие классы¹⁾: 1) Буржуазия. 2) Мелкая буржуазия, из которой крестьянство исключается («Большая масса нации, не принадлежащая ни к дворянству, ни к буржуазии, состояла в городах из классов мелких буржуа и рабочих, а в деревне из крестьянства»)²⁾. 3) Рабочие. 4) «Наконец, огромный класс мелких сельских хозяев крестьян, составляющий вместе со своим приданком, с сельско-хозяйственными рабочими, подавляющее большинство народа»³⁾. Энгельс не удовлетворяется ограничением крестьянства от мелкой буржуазии. Он дает дифференциацию крестьянства. «Этот класс (крестьяне. В. Б.) сам по себе распадается на различные части. Мы видим здесь прежде всего зажиточных крестьян, так называемых крупных и средних крестьян, которые владеют более или менее обширными участками земли и держат каждый несколько наемных рабочих». Определения политики крупного и среднего крестьянства в революции 1848 г., Энгельс пишет: «Для этого класса... самой естественной политикой был союз с антифеодальной городской буржуазией»⁴⁾. Таким образом, более пристальное рассмотрение крестьянства позволяет Энгельсу выделить крупных и средних крестьян, имеющих уже чисто буржуазные интересы, что соответствует капиталистическому способу их производства,—предпринимателей, пользующихся наемным трудом. (Необходимо заметить, что термин среднее крестьянство в устах Энгельса не адекватен современному понятию «средняка». Средний крестьянин—тоже пользуется наемным трудом, он уже является капиталистом и купцом, хотя не успевший еще, по строк своих представлений и быта, отойти от мелкого крестьянства). Энгельс не смешивает мелкого крестьянства с сельско-хозяйственными рабочими. Его определение последних, как «приятка» «мелких сельских хозяев», объясняется дальнейшим изложением классовых интересов крестьянства, которые отчасти сов-

¹⁾ Революция и контреволюция в Германии.

²⁾ Там же, стр. 240.

³⁾ Стр. 243. Разрядка наша.

⁴⁾ Там же, стр. 243.

падают у сельскохозяйственных рабочих и мелких крестьян. Резюмируем: к собственно крестьянам не относятся: а) крупное крестьянство, т.е. крестьянство пользующееся наемным трудом, б) сельскохозяйственные рабочие—пролетарские слои сельскохозяйственного населения, наконец, мелкое крестьянство не входит в состав мелко-буржуазных слоев населения. Путем исключения создается понятие мелкого крестьянина, как, с одной стороны, владельца средств производства, с другой—пользующегося лишь своим личным трудом.

Энгельс конкретно описывает разновидности мелкого крестьянства. Он различает: «мелких свободных крестьян»¹⁾, т.е. собственников участков, свободных от феодальных повинностей (освобожденных от них или буржуазной революцией или выкупом), и «феодально-зависимых... которые обязаны уплачивать землевладельцам вечную ренту, или постоянно выполнять для них известное количество работы»²⁾. Это деление мелких крестьян не противопоставляет между собой их собственные интересы, наоборот—это группа с единными классовыми целями. При определении мелкого крестьянства, собственно крестьянства, для Энгельса несущественно, какой характер носит владение этих слоев населения,—свободное оно или зависимое (обремененное феодальными повинностями). Такое же содержание вкладывал в понятие крестьянства и Маркс. В «18-м брюмере Л. Бонапарта», давая экономическое обяснение реставрации второй империи, он определяет главную массу не только сельского населения Франции, но и всей нации, как «Parzellenbaugern»³⁾, т.е. крестьян, хозяйствующих на парцелях—мелких участках земли. Хозяйство крестьянина—парцеллярного собственника ведется силами семьи, без пользования наемным трудом. Остальных слоев аграрного населения Маркс так же, как и Энгельс не включает в состав крестьянства.

Возвращаясь в предисловии 1874 г. в новом издании «Крестьянской войны в Германии», к вопросу о классовом составе революционного движения 1848 г., Энгельс только уточняет данное им в 1850 г. определение крестьянства.⁴⁾ Мелкая буржуазия снова обособляется. Крупное крестьянство на этот раз категорически относится к буржуазии. Формулируются точнее разновидности крестьянства⁵⁾.

Предварительное рассмотрение понятия крестьянства позволяет более строго отграничить и определить объект изучения. Нас интересуют взгляды Маркса и Энгельса на крестьянство, при чем под последним авторы понимали не все сельскохозяйственное население, а лишь часть его, именно: сельскохозяйственных производителей, не пользующихся наемным трудом и владеющих средствами произ-

¹⁾ Там же, стр. 243.

²⁾ Стр. 243.

³⁾ 18-е брюмера, стр. 223 и далее.

⁴⁾ Революция и контрреволюция в Германии, стр. 240—243.

⁵⁾ Крестьянская война в Германии, стр. 19—20. В конце своей жизни в 1893—94 гг. в брошюре Крестьянский вопрос во Франции и Германии (стр. 37, 40, 42) Энгельс придерживается тех же взглядов на классовое деление крестьянства, что и в 1850 и 1874 г.

водства на правах собственности, аренды, или с уплатой феодальных повинностей—безразлично. Таково понимание Марксом и Энгельсом термина крестьянства в классовом и научном смысле этого слова; крупные крестьяне, эксплуатирующие наемный труд, капиталистические арендаторы, помещики и земельные собственники, а также сельскохозяйственные рабочие исключаются из числа крестьян.

В дальнейшем изложении мы позволим себе употреблять термин в указанном смысле, оговорив особо все отступления.

II.

Всякий раз, когда Маркс или Энгельс развивают свои взгляды на крестьянство, хотя бы это касалось современной им эпохи, они неизбежно дают исторический экскурс, излагающий генезис крестьянства, его положение в феодальной структуре и те изменения, которые внесла в экономические отношения крестьянства, буржуазная революция¹⁾. Этую особенность изложения нельзя считать за случайность. Вряд ли она может быть отнесена к историзму авторов, или их любви к ссылкам на исторические традиции, помочь которых многие буржуазные историки любят обяснять чисто современные явления, и что справедливо принимается марксизмом за разновидность психологии. Корни этого приема несомненно более глубокие. Его применение объясняется методологическими особенностями предмета. Помимо вопроса о крестьянстве он встречается и при трактовке родоначальниками марксизма некоторых других проблем. Так, излагая метод исторического материализма, Маркс и Энгельс всегда считали необходимым осветить историю развития французского материализма XVIII века и гегельянства²⁾. Или, давая теорию абсолютной ренты, Маркс считал невозможным обосновать ее, не осветив происхождения ренты и форм феодальной поземельной ренты³⁾. Очевидно, что экономическое и классовое положение крестьянства, так же как и законы его развития, не могут быть правильно поняты без рассмотрения его генезиса в условиях феодализма. Это заставляет нас начать с изложения происхождения крестьянства, если мы не желаем нежащать ход и развитие мысли авторов.

Анализируя возникновение капитализма, в Анти-Дюринге, Энгельс писал: «До появления капиталистического производства, именно в средние века, существовало повсеместно мелкое производство на основе частной собственности работника на его средства производства: земледелие мелкого свободного или крепостного крестьянина и ремесло в городах. Орудия труда: земля, земледельческие орудия, мастерские, ручные орудия ремесленника были средствами труда каждого отдельного человека, расчитанными только для единичного употребления, для мелкого, карликового, весьма ограниченного хозяйства. Они пригадлежали поэтому, обыкновенно, самим производителям⁴⁾. На личном труде

¹⁾ 18-е брюмера, 104—5; Классовая борьба во Франции, 102; Крестьянский вопрос во Франции и в Германии, 25—26.

²⁾ От утопии к науке—Энгельса, Людвиг Фейербах и т. д.

³⁾ Капитал. т. III, ч. II.

⁴⁾ Анти-Дюринг, стр. 238.

производителя основывался феодальный характер собственности. «При товарном производстве, как оно существовало в средние века, не могло быть вопроса о том, кому должен принадлежать продукт труда. Единичный производитель обрабатывал обычно принадлежавший ему часто самостоятельно произведенный сырой материал—собственными орудиями труда, собственным ручным трудом или трудом своей семьи. Ему не было надобности присваивать этот продукт, он принадлежал ему самому. Право собственности на продукт покончилось, таким образом, на собственном труде»¹⁾. Этих единичных производителей Маркс называет «непосредственными производителями»²⁾. Способ производства непосредственных производителей создается на той стадии развития производительных сил, когда они настолько неразвиты, что представляют собой орудия индивидуального труда, и не требуют одновременного приложения труда многих работников. Крупное хозяйство со всеми его техническими и экономическими преимуществами еще невозможно. Труд непосредственного производителя, в сущности не отделимый от средств производства, представляет вместе с ними единое производственное отношение. Орудия производства экономически необходимо должны находиться в его владении, потому что, при отделении их от производителя, производство прекратится и единственным способом его возобновления является передача средств производства другому такому же индивидуальному непосредственному производителю. В таком обществе, как правило, отсутствует наемный труд, так же как и эксплуатация, основанная на собственности части населения на средства производства, которых лишено остальное население. Раз средства производства, в силу ступени развития производительных сил, неотделимы от производителя, то эксплуатация, т. е. безвозмездное отчуждение части прибавочного рабочего времени или продукта, вложение него произведенного, неизбежно должна основываться на внеэкономическом принуждении. Маркс, анализируя феодальную отработанную ренту, формулирует это положение следующим образом: «При таких условиях прибавочный труд, для номинального земельного собственника, можно выжать из них (непосредственных производителей. В. Б.) только внеэкономическим принуждением, какую бы форму не принимало последнее... Необходимы отношения личной зависимости, личная несвобода в какой бы то ни было степени, и прикрепление к земле, в качестве приданка последней, принадлежность в настоящем смысле этого слова»³⁾. Характер эксплуатации феодала, сеньора, или крепостного помещика, построенный на внешнеэкономическом принуждении⁴⁾, приводит к чрезвычайно важному выводу, что для продолжения процесса производства, феодальные эксплоататоры не являются необходимым моментом. Они стоят в стороне от процесса производства

¹⁾ Там же, стр. 239—240. Разрядка наша.

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 319.

³⁾ Стр. 319.

⁴⁾ «Во всех формах, при которых непосредственный рабочий остается «владельцем» средств производства и условий труда, необходимых для производства средств его собственного существования, отношение собственности необходимо будет выступать, как непосредственное отношение господства и подчинения, следовательно, непосредственный производитель—как несвободный». Стр. 318—319.

непосредственных производителей, не входят в него в качестве руководителей или организаторов; их собственность на средства производства, фактически принадлежащих производителю, является лишь юридическим титулом,—правом на часть прибавочного продукта, а совсем не необходимым условием, вызванным развитием производительных сил, переросших единичное хозяйство, как это имеет место при капитализме. Поэтому, с точки зрения процесса производства непосредственного производителя, си либо дорогостоящая и подтыкающая ресурсы хозяйства надстройка, которая может быть совершенно безболезненно удалена. Отсюда неизбежным требованием класса непосредственных производителей должно явиться устранение эксплуатации, построенной на внеэкономическом принуждении.

И основных черт, характеризующих строение хозяйств непосредственных производителей¹⁾: владения средствами производства (орудиями труда, сырьем и землей), единичного характера хозяйства, когда на личном труде основывается личная собственность на весь произведенный продукт, неизбежным следствием чего является внеэкономическая форма эксплуатации, вытекает ряд следствий. Описанное хозяйство непосредственных сельских производителей обычно обединяет в себе и сельско-хозяйственное и промышленное производство. Хозяйство состоит из многочисленной семьи и производит почти все необходимые для поддержания процесса воспроизводства продукты—средства производства и средства существования рабочей силы.

Такое хозяйство почти не нуждается в обмене с другими хозяйствами для получения продуктов, не могущих быть произведенными его собственными силами. Оно редко вынуждено обращаться на рынок для превращения в товар продуктов своего собственного производства. Все хозяйство в целом имеет в значительной мере натуральный, замкнутый (в пределах данной семьи, как производственной единицы) характер. Народное хозяйство представляет, собой в этих условиях, сумму единичных мало связанных друг с другом изолированных хозяйств, удовлетворяющих собственными силами громадное большинство своих элементарных, почти варварских потребностей. Обмен охватывает лишь незначительную часть производимых продуктов. Отмечая это, при рассмотрении продуктовой ренты, Маркс пишет: «благодаря характеру натурального хозяйства вообще, эта форма как нельзя более пригодна для того, чтобы послужить базисом застойных состояний общества»²⁾. Застойность структуры, в основе которой лежит способ производства непосредственных производителей об'ясняется невозможностью, в условиях индивидуального хозяйства, хоть сколько нибудь значительного накопления, для развития производительных сил общества. Весь прибавочный продукт, производимый непосредственными производителями, а часто даже и часть продукта, необходимого для воспроизводства средств производства и рабочей силы, отчуждается.

¹⁾ В дальнейшем мы будем касаться лишь сельско-хозяйственных непосредственных производителей, ремесленников мы оставляем в стороне, как выходящих за пределы темы, хотя все сказанное в значительной мере характерно и для них.

²⁾ Стр. 324—325. Разрядка наша.

эксплоататором. Первым условием возможности развития хозяйства является устранение внеэкономической эксплоатации феодалов, которое может быть произведено без ломки и перестройки самого процесса производства. Поэтому непосредственные производители, как класс, имеют своей задачей свержение эксплоатации сеньоров и крепостников. Устранение внеэкономической эксплоатации делает возможным развитие способа производства теперь уже свободных мелких собственников. Но, в силу карикового размера их хозяйства, накопление, представляющее собой основу развития производительных сил, может и теперь протекать лишь очень медленно¹⁾. В своем конечном результате оно должно дифференцировать хозяйства непосредственных производителей, сосредоточив в части наиболее зараженных хозяйств средства производства, превышающие по своим размерам об'ект приложения труда одной семьи, и лишив, в то же время, рабочую силу других хозяйств необходимых для самостоятельного хозяйствования средств производства. В итоге этого процесса дифференциация, хозяйства непосредственных производителей выделят на одном полюсе предпринимателей, имеющих достаточные средства производства для применения наемного труда, на другом — лишенную средств производства рабочую силу, продающую свой труд. Но, повторяем, даже в обществе свободных непосредственных производителей накопление и дифференциация должны протекать очень медленно. Эта медленность об'ясняется формой производства и связанными с ней производственными и классовыми отношениями. Личной собственности, основанной на личном труде, и единичному хозяйству в корне противоречат наемный труд и капиталистическая собственность. Поэтому, как класс, непосредственные производители борются за сохранение и воспроизведение общественных отношений, гарантирующих индивидуальное хозяйство от дифференциации. Утверждение этих условий производства — такова в горая основная классовая задача непосредственных производителей. И хотя, объективно, развитие производительных сил в хозяйстве ремесленника и крестьянина (непосредственных производителей) создает основу промышленной революции, но им она глубоко чужда. И капиталисты и наемные рабочие одинаково противоречат их социальному бытию. Ими порожденные силы разрушают их хозяйство, но сами они не меняют от этого своих классовых задач и всячески сопротивляются проникновению дифференциации в их среду. Они не носители прогресса, так как их производственные отношения являются препятствием на его пути. И в этом смысле Маркс безусловно прав, характеризуя хозяйство непосредственного производителя, как застойное и консервативное. Уничтожить эксплоататорскую надстройку, но навеки сохранить индивидуальное производство — такой классовый лозунг непосредственного производителя.

¹⁾ Это ясно видно на примере развития хозяйств свободных непосредственных производителей Европы. Ремесленники дали лишь очень незначительный процент средств, послуживших для начала капиталистического производства. Но развитие ремесла дало необходимую технику, к которой могли быть приложены торговый и ростовщический капиталы для возникновения мануфактур.

Энгельс в своей работе о крестьянской войне в Германии дает великолепную иллюстрацию классовых задач сельских непосредственных производителей, правда уже несколько затронутых дифференциацией. Крестьянские войны начала XVI в. были вызваны невероятным гнетом эксплоатации феодалов и крепостников, развитие экономических потребностей которых все увеличивалось, по мере роста товарности хозяйства¹⁾. Какие же требования выдвинуло крестьянское восстание, охватившее постепенно Германию? Эти требования заключались в уничтожении феодальных повинностей, связанных с ними личных несвобод и в возрасте захваченных феодалами у крестьян земель и угодий²⁾. Коротко говоря, непосредственные производители требовали уничтожения всех форм внеэкономической эксплоатации. В то время, как племя давали и положительную часть программы, требуя существования общности имуществ и других радикально коммунистических мероприятий³⁾, крестьяне требовали одного — уничтожения эксплоататорской надстройки, подразумевая сохранение малых хозяйств непосредственных производителей, основанных на личном труде и личной собственности.

Для завершения характеристики непосредственных производителей, этих «родоначальников» современного крестьянства, необходимо ответить на последний вопрос: являлись ли непосредственные производители классом? Вслед за основоположниками марксизма, мы должны ответить на вопрос положительно. Непосредственные производители составляли основу феодального способа производства. В распределении общественных средств производства, конституирующем классы общества, они выступали, как их фактические владельцы. Этим определялась общность экономических и социальных задач непосредственных производителей. Борьба за эти задачи создала самые мощные в средние века революционные движения (ереси и крестьянские войны). Непосредственные производители не могли не быть классом своего общества⁴⁾.

Формулируем взгляды Маркса и Энгельса на экономику и классовый характер «непосредственных производителей».

1. В основе способа производства непосредственных производителей лежит стадия развития производительных сил (техники

¹⁾ Стр. 41.

²⁾ Стр. 90.

³⁾ Стр. 57.

⁴⁾ В «Крестьянской войне» Энгельс указывает, что раздробленность крестьянства: *B. B.* чрезвычайно сильно затрудняла возможность общего сопротивления, необходимого для восстания и гражданской войны. Поэтому в средние века передки местные восстания, — бунты локального характера, но великая крестьянская война — единственное общесоциальное восстание (стр. 41—42). Мы думаем, что локальность классовых движений того времени находит свое объяснение в экономике хозяйств непосредственных производителей. Экономически связанными «обменом» являлись лишь хозяйства определенной округи. В пределах этой округи общественное разделение труда между отдельными единичными хозяйствами давало возможность производить все необходимое для процесса воспроизводства, — орудия труда, сырье и др. средства производства. На этой локальной экономической замкнутости основывалась как политическая раздробленность феодализма, так и неизбежность превращения всякого классового движения в местное. Поэтому и крестьянскую войну, охватившую всю Германию, нужно рассматривать, как правильно делает Энгельс, как продукт слияния отдельных восстаний.

Сказанное отводит возможные ссылки на раздробленность крестьянских революционных движений, как доказательство отсутствия в средние века класса крестьян — непосредственных производителей.

и орудий труда), допускающая индивидуальный, единичный труд работника и порождающая застойность всей структуры.

2. Личный труд, лежащий в основе хозяйства, делает необходимой для осуществления процесса производства фактическую собственность производителя на средства производства («владение»).

3. На личном труде и фактической собственности на средства производства основывается право непосредственного производителя на присвоение полного продукта труда, поэтому его эксплуатация возможна лишь как результат внеэкономического принуждения.

4. Отсутствие общественного и технического разделения труда порождают замкнутость отдельных хозяйств и значительную степень их натурализации, создавая разобщенность производственных единиц внутри общественного целого.

5. Внекономический характер эксплуатации и огорванность класса эксплоататоров от процесса производства, ставит перед непосредственными производителями, в качестве основной классовой задачи, устранение паразитической эксплоататорской надстройки.

6. Личный труд, личная собственность на средства производства и право на полный продукт производства определяют вторую классовую задачу непосредственных производителей, как вечное сохранение существующего способа производства.

III.

Целый ряд причин привел к тому, что выполнить положительную часть своей классовой программы, свергнуть эксплуатацию феодалов и помещиков и построить общество свободных непосредственных производителей средневековому крестьянству не удалось. Раньше, чем созрели исторические условия, благоприятствующие такой задаче, в Западной Европе (а на ее примере Маркс и Энгельс, главным образом, и развивают свои взгляды на судьбы крестьянства) начал возникать капиталистический способ производства и буржуазные формы хозяйствования. Сельскохозяйственные непосредственные производители оказались вовлечеными в орбиту влияния новых законов хозяйственного развития, не завершив до конца развития законы своей собственной экономики. Их собственная эволюция, процесс накопления в их хозяйствах, неизбежно приводящий к разложению производства построенного на личном труде, протекал слишком медленно, в сравнении с эволюцией других частей общества, в которых уже созрели производительные силы, требующие новых производственных отношений, необходимых для их развития. В своем экономическом развитии сельскохозяйственные непосредственные производители, не смогли свергнуть внеэкономическую эксплуатацию до наступления буржуазной революции, отстали от других частей народного хозяйства, значительно их опередивших; но общество в целом не могло «подождать» с изменением существующего способа производства, пока для этого не созреют его наиболее отсталые слои. Буржуазная революция и предшествовавший ей промышленный переворот создали производительные силы и экономические отношения,

в известном смысле чуждые непосредственным производителям (не вытекавшие из данной стадии их собственного экономического развития). Незавершенность экономической эволюции формы хозяйства непосредственных производителей, включение их хозяйств в передовую сравнительно с ними экономическую формацию, сказалось на всей последующей исторической судьбе сельскохозяйственных непосредственных производителей —мелких крестьян¹⁾ в буржуазном обществе. Перед классом крестьян — непосредственных производителей — выполнение их классовых задач совпало с тем моментом, когда общество давно определило их в своем развитии. Все последующее изложение показывает, что эта роковая для крестьянства игра общественных сил создала двусмысленность их экономических и классовых задач. Если бы крестьянство сперва освободилось от внеэкономической эксплуатации, после чего развитие дифференциации в его собственной среде породило бы капитализм, то общественные судьбы его сложились бы совершенно иначе.

Капитализм, как форма хозяйства, стремится всякую другую экономическую структуру, будь она классовой (эксплоатарской) или исключающей эксплуатацию — безразлично, подчинить законам капиталистического хозяйствования. Экстенсивное расширение своего базиса — одна из основных задач капитализма. При этом капитализм достигает своих целей как методами прямого насилия, так и подчиняя своему способу производства более отсталые формации путем конкуренции, пользуясь превосходством своих производительных сил и преимуществами производственных отношений. Развитие капитализма сразу показало все слабые стороны хозяйств непосредственных производителей, всю невозможность для них конкурировать и бороться с более передовой экономической системой, какой являлся капитализм, всю неизбежность разложения единичных хозяйств, основанных на личном труде и превращения их средств производства в капитал, а личного труда в бывших владельцев в наемный труд.

Характеризуя разложение хозяйств непосредственных производителей, под влиянием возникновения капиталистического способа производства, Маркс описывает те конкретные формы, в которых это разложение протекало. Развитие обмена, рост товарности хозяйства, денежного обращения и городской промышленности, предшествующие и сопутствующие развитию капитализма, прежде всего, разбивают замкнутость и разобщенность отдельных хозяйств непосредственных производителей. Уничтожая замкнутость и натуральность их хозяйств, капиталистическое развитие устанавливает связи не только между ними самими, но также и между капиталистическими хозяйствами и хозяйствами непосредственных производителей. Хозяйства непосредственных производителей включаются в народное хозяйство, в котором все большее значение приобретают капиталистические производственные отношения, подчиняющие законам своего собственного развития все народное хозяйство в целом, а тем самым и непосредственных производителей. Последние оказываются вынужденными хозяйствовать своими собственными методами, но

¹⁾ Употребляя термин «крестьяне» в вышеоговоренном [граниченном его] значении.

расцвет или упадок их хозяйств измеряются и зависят от чужих им капиталистических экономических законов. Поэтому увеличение товарности хозяйств непосредственных производителей, вводя их в соприкосновение с капиталистической промышленностью, прежде всего, губительно отзывается на их домашней промышленности. Низкое развитие ее производительных сил не позволяет ей конкурировать с капиталистическим производством. Она приходит в упадочное состояние, лишая непосредственного производителя того необходимого дополнения сельского хозяйства, каким она являлась. Непосредственному производителю приходится терпеть поражения не только при конкуренции его домашней промышленности с капиталистической. Капитализм создает свое собственное производство и в основной сфере деятельности непосредственного производителя—сельском хозяйстве. И здесь борьба также невозможна для их отсталых хозяйств. Карликово производство—неизбежное следствие личного труда—не дает возможности применения ни машин, ни научного ведения хозяйства (плодопеременные системы, искусственное удобрение, селекция семян и скота и т. д.). Препятствием для развития производительных сил служит, прежде всего, раздробленность основного средства производства—земли, исключающая rationalизацию земледелия хоть в сколько-нибудь значительной степени. Все это позволяет капиталистическим сельским хозяйствам, пользуясь своими высоко развитыми производительными силами, успешно конкурировать с хозяйствами непосредственных производителей, самый способ производства которых исключает возможность применения достижений техники и науки.

Быстро разложению домашней промышленности и нарождению капиталистического сельского хозяйства, с которым холдинг непосредственных производителей не могло конкурировать, сопутствовал еще один процесс, вызванный развитием капиталистических отношений. Общинные угодья (лес, луга для выпаса и т. д.), явившиеся необходимым дополнением обработанных полей сельских хозяев, были экспроприированы у них феодалами, превратившими их из феодальной собственности в капиталистическую, т. е. лишившими непосредственных производителей фактического права пользования ими¹⁾.

Таковы были результаты влияния возникновения капитализма на хозяйства сельских непосредственных производителей. Они подорвали их бизнесспособность и экономически ослабили их.

Эти общие следствия в различных конкретных условиях привели к двум различным формам разложения хозяйств непосредственных производителей. Первый путь развития (путь классической страны промышленного капитализма—Англии) приводит к полному уничтожению хозяйств непосредственных производителей, отделяя производителя от средств производства и не давая места экономическим образованиям хоть сколько-нибудь схожим с крестьянством, как его понимали Маркс и Энгельс²⁾.

В отличие от первого, второй путь (напр., во Франции и Западной Германии) дал более сложные образования, лишь видоизменявшие, но не уничтожившие хозяйств непосредственных

производителей. Этот второй путь совпадал с классовыми стремлениями непосредственных производителей,—освободиться от внеэкономической эксплуатации феодалов, сохранив вместе с тем индивидуальное хозяйство, построенное на личном труде. Такое освобождение могло быть достигнуто либо революционной борьбой, либо путем выкупа повинностей и платежей, которыми непосредственные производители были обязаны своим эксплоататорам. Исторически оба пути обычно совпадали и дополняли друг друга¹⁾. Великая французская революция сделала крестьянина—непосредственного производителя—свободным, реакция Людовика XVIII и Карла X заставила крестьян уплачивать дворянам выкупные платежи. Освобождение крестьян в Австрии началось с выкупных платежей, а закончилось революцией 1948—49 г.г. и т. д.

По второму пути развития шли народные хозяйства тех стран, в которых буржуазия была слишком слаба в сравнении с феодалами и непосредственными производителями, чтобы она могла и свергнуть господство первых и экспроприировать собственность вторых. Чтобы победить реакционный феодализм, буржуазии пришлось вступить в союз с непосредственными производителями, классовой задачей которых являлось уничтожение феодальной эксплуатации. Проделав вместе с буржуазией буржуазную революцию, непосредственные производители оказались уже в капиталистическом обществе, сохранив при этом основу своего хозяйства—личную собственность, основанную на личном труде, но непрерывно разлагаясь под влиянием господствующих в обществе капиталистических отношений. Потомками сельскохозяйственных непосредственных производителей, сохранивших основы своего способа производства, но непрерывно разлагаемых капитализмом, являются крестьяне. Они—порождение капиталистической структуры, включенное в капитализм, поэтому понимание экономических и классовых задач крестьянства невозможно без ясного представления производственных отношений их предков.

Ярким примером второго пути разложения непосредственных производителей, пути, приведшего к образованию крестьянства, является Франция. Во Франции феодалы оказывали жестокое сопротивление надвигающемуся капиталистическому перевороту, буржуазии, чтобы одержать победу над старым режимом, нужно было мобилизовать все революционные силы феодального общества для низвержения его порядков. Подавляющей массой населения Франции конца XVIII в. было крестьянство. Оно решало вопрос власти, как главная физическая и экономическая сила страны. Его требование—требование непосредственных производителей—было: уничтожение внеэкономической феодальной эксплуатации. Это требование не только не противоречило, но в известных пределах совпадало с классовыми интересами буржуазии. Освобождение непосредственных производителей делало свободным и их самих и их средства производства (в первую очередь поземельную собственность), давая полный простор для излюбленной буржуазией «игре экономических сил». Буржуазия правильно считала, что предоставленное необходимым

¹⁾ «Крестьянский вопрос во Франции и в Германии», стр. 25—26. См. также Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 336.

²⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 327—328.

) Там же, стр. 333, 336 и 327.

законам капиталистической экономики, никем не угнетаемое, но никем и не охраняемое, крестьянское хозяйство, основанное на личном труде и собственности, неизбежно разложится и явится питательной почвой как для создания новых капиталов, так и для выделения новых кадров наемных рабочих. Поэтому буржуазия, вступая в союз с крестьянством, не только получала необходимую ей поддержку для борьбы с феодализмом, но также, путем освобождения непосредственных производителей, увеличивала базис развития капитализма. Несколько иными были расчеты самих крестьян. Они шли сражаться за революцию в надежде не только уничтожить ненавистную феодальную эксплуатацию, но и будучи уверены, что их освобожденные хозяства теперь и получат полную свободу развития. В действительности революция (а, в дополнение и выкупные платежи эпохи реакции) освободила крестьянство от взаимоэкономической эксплуатации, но достижение оказалось запоздалым,—революции непосредственных производителей сопутствовала буржуазная революция, крестьянские участки сделались свободными, чтобы через несколько лет подвернуться на этот раз уже капиталистической эксплуатации. Крестьянство поддержало буржуазию, чтобы сделаться ее питательной почвой¹⁾. Непосредственные производители были лишены собственного развития, чтобы, разлагаясь, постоянно выделять из своей среды буржуя и пролетариев. Энгельс следующим образом характеризует непосредственных производителей, сделавшихся свободными собственниками—мелкими крестьянами, после того, как буржуазная революция и выкупные платежи освободили их от феодальной эксплуатации и неволи: «Под мелким крестьянином мы разумеем здесь собственника или арендатора²⁾, главным образом, первого,—участка земли, обыкновенно не больше того, что он в состоянии обработать силами своей собственной семьи, и не меньше того, сколько необходимо для прокормления этой семьи. Такой мелкий крестьянин, так же, как и мелкий ремесленник, есть, следовательно, работник, тем отличающийся от современного пролетария, что он еще владеет своими средствами производства; следовательно, он является нережиком прежнего способа производства»³⁾. Мы имеем здесь все характерные черты непосредственного производителя, унаследованные его потомком—мелким свободным крестьянином, существующим в капиталистическом обществе и подверженным его законам развития. Производственные отношения мелкого крестьянином противоречат капиталистическим отношениям и обратно, поэтому обе формации должны находиться в состоянии непрерывной борьбы между собой. В самом деле: крестьянин—собственник средств производства, —капитализм требует превращения этих средств производства в капитал, как сред-

¹⁾ Буржуазная революция в Австрии 1848 г. также была поддержана крестьянским движением, уничтожившим остатки феодализма.—Гражданская война в Германии, стр. 267—264.

²⁾ Маркс правил но отмечает, что мелко-крестьянская аренда является «промежуточной формой» (Капитал, т. III, ч. II, стр. 327), которая должна превратиться или в капиталистическую аренду или в полную крестьянскую собственность.

³⁾ Крестьянский вопрос во Франции и в Германии, стр. 25.

ство эксплуатации наемного труда. Но средства производства мелкого крестьянина служат ему для приложения собственного труда, между тем, капитал требует отделения труда от средств производства. Бытие капитализма и мелкого крестьянина взаимно исключают друг друга; борьба между ними неизбежна и результат этой борьбы будет не в пользу крестьянина, так как производительные силы и строй производственных отношений его хозяйства много ниже капиталистического. История существования мелких крестьян в условиях капитализма есть история их разложения, дающая яркий пример истории класса, пережившего общественную форму, которой он порожден, и развивающуюся в более передовой сравнительно с ним формации.

Выше было показано, что еще до освобождения крестьянства буржуазной революцией оно в большинстве случаев оказывалось частично экспроприированным,—общинные земли, превращенные в буржуазную собственность прежних феодалов, сдававшихся капиталистическими землевладельцами. Крестьянская домашняя промышленность также была подорвана возникновением капиталистического производства. Выкупные платежи феодалам за освобождение крестьянства от взаимоэкономической эксплуатации,—а выкупные платежи с наступлением реакции взялись даже в тех странах (напр., во Франции), где феодализм был свергнут революционным путем,—вызывали рост задолженности крестьянских хозяйств. Поэтому в буржуазном обществе крестьянство попадает хотя и свободным, но экономически значительно ослабленным и задолжавшим¹⁾ (ростовщические ссуды под залог земли для выплаты выкупных платежей). Это облегчает капиталистическую эксплуатацию и экспроприацию крестьянских хозяйств. Но, независимо от их слабости, сама система производственных отношений, унаследованная крестьянами от непосредственных производителей, в недрах капиталистической структуры делается причиной их беспомощности и предлогом их эксплуатации. Собственность на средства производства, личный труд и самодовлеющая замкнутость их хозяйств были самыми сильными сторонами непосредственных производителей в феодальном обществе. Капитал, входя в соприкосновение с крестьянским хозяйством, превращает эти сильные стороны хозяйств в причину их гибели и средство для постоянного выкачивания из них прибавочной стоимости. Маркс очень ярко обнаруживает всю безысходность положения крестьянства, когда оно стремится сохранить свой способ производства, являющийся предпосылкой для его собственного уничтожения. Покажем это на примере собственности непосредственных производителей на средства производства.

В буржуазном обществе основное средство производства крестьянина—земля—делается товаром,—объектом купли-продажи, как и всякое средство производства или продукт. Поэтому во всех случаях покупки земли или наследования (для выплаты сопредельникам их доли, во избежание дробления и без того карликового участка) крестьянину приходится затрачивать денежный капитал, при чем эта затрата является непроизводительной затратой—она уменьшает pro tanto размер их (крестьянской

¹⁾ Классовая борьба во Франции, стр. 102.

Под Знанием Марксизма.

ских. В. Б.) средств производства и поэтому суживает экономический базис воспроизводства¹⁾.

Высокоразвитая натуральность крестьянского хозяйства, как и низкая его производительность, исключающая возможность значительного накопления, является причиной отсутствия у крестьянина денежных средств (капитала для покупки земли) и вынуждает его кредитоваться под залог земли, иначе говоря, обременять участок ипотекой²⁾. Таким образом личная собственность, на которой основывалась натуральность хозяйства в старом обществе, в буржуазных условиях сделалась стимулом для превращения основного объекта личной собственности—земли в товар, подрывая тем самым натуральность хозяйства. Крестьянин становится купцом и промышленником, не обладая условиями, при которых он может производить свой продукт, как товар³⁾. Эмпирическим выражением этого внутреннего противоречия явилась ипотечная задолженность, новая «неволода» земли, при которой крестьянин фактически эксплуатируется его кредитором—ростовщиком, держащим в своих руках основное средство его производства—землю. Между тем, рост населения неизбежно требует все большего и большего дробления участков. Судебные процессы и споры по крестьянской собственности увеличиваются в числе, соответственно растет потребность в деньгах, а следовательно, и ипотечная задолженность крестьянских участков. Кроме собственности на землю, неизбежной при мелком свободном крестьянском хозяйстве, второй причиной непрерывного роста задолженности крестьянства является низкая техника их хозяйства. всякая безнадежная попытка повысить продуктивность крестьянского земледелия только увеличивает задолженность крестьянского участка.

Налоги, требующие денежных средств у крестьянина, также служат одним из источников его долгового залабаления. В тех капиталистических странах, где сохранилось парцеллярное крестьянское землевладение, в странах с сравнительно низким строением капитала, крестьянство составляет если не большинство, то очень значительную часть населения. Поэтому налоговое бремя, которое капитал всегда стремится возложить на неимущие классы, в значительной мере падает на крестьянство. Натуральный характер хозяйства, неизбежный при собственности производителя на средства производства, преследующий лишь цели удовлетворения потребностей производителя и его семьи, превращает налог, требующий свободных денежных средств, в причину новой задолженности крестьянина⁴⁾.

Собственность на средства производства (землю), натуральность хозяйства и личный труд (исключающий возможность развития производительных сил)—эти три основы хозяйств непосредственных производителей превратились в причины их гибели, в условиях капитализма, в лице: мобилизации земли, налогов, невозможности развить производительные силы. Диалектика истории превратила основы хозяйства в предлог для их эксплуатации капиталом, при том ростовщической—непомерной эксплуатации

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 339.

²⁾ Борьба классов, стр. 102; Капитал, т. III, ч. II, стр. 336.

³⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. стр. 341.

⁴⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 336; Крестьянский вопрос во Франции и в Германии, стр. 26.

Крестьянство как класс в работах Маркса и Энгельса. 195

плоатации, так как капиталистический кредит невозможен при докапиталистических формах производства¹⁾.

Маркс и Энгельс неоднократно подчеркивали²⁾, что, благодаря огромной задолженности, земля крестьянина фактически принадлежит не ему, а кредитору, что 0% по долгам столь велики, что захватывают часть необходимого продукта, сужая базу воспроизводства или с'едая средства восстановления рабочей силы крестьянина³⁾. Крестьянин фактически превращается в наемного рабочего, живущего только много хуже того же сельскохозяйственного батрака и цепко держащегося за средства своего залабаления, за собственность на земельный участок. Результатом такой пауперизации крестьянина является его полное разорение, потеря им земельного участка и превращение его самого в proletaria, а средств его производства—в капитал. Там, где существует мелкая свободная крестьянская собственность, этот процесс разорения крестьянства продолжается непрерывно, имея своей причиной чуждую и противоречивую ему капиталистическую среду, которая пользуется всеми «прошлыми» его преимуществами, превращая их в «настоящую» причину его разорения⁴⁾.

К каким же результатам приводит это разлагающее влияние капитализма. Крестьянство экспроприируется методами чисто экономического давления⁵⁾. Эта экспроприация протекает медленно—десатилетиями, но результат ее один: ростовщики, государство—помощники налогов, конкуренция капиталистических сельских хозяйств,—все это лишает непосредственного производителя его собственности, основанной на личном труде, превращая его в proletaria, либо превращает личную собственность (немногих удачников) в капиталистическую—основанную на эксплуатации чужого труда. И крестьянство—потомки непосредственных производителей—тают и уменьшаются в числе, постоянно превращаясь в proletariев и редко—в капиталистов. Но все время остается некоторый остаток—крестьянские хозяйства, земля которых есть личная собственность и которые не пользуются наемным трудом—только этот остаток может быть обозначен как крестьянство в собственном смысле, и только он подлежит нашему дальнейшему рассмотрению.

Но чем же объяснить медленность процесса экспроприации непосредственных производителей. Как порождению прошлой эпохи, им чужд относительно высокий экономический и культурный уровень, свойственный эпохе капитализма. В отчаянной повседневной борьбе за свою собственность они опускаются до варварского, нищего существования, но продолжают сопротивляться с колоссальным упорством. Даже часть заработной платы крестьянина может быть присвоена капиталистом, крестьянин, прежде свои потребности, увеличит свой рабочий день и будет продолжать борьбу. Их слабость, как пережитка отжившей эпохи, здесь является их силой,—способностью вынести чудовищную эксплуатацию, предъявляя минимальные экономические и культурные требования.

(Окончание следует).

¹⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II.

²⁾ 18-е брюмера, 105; Классовая борьба, стр. 103; Гражданская война, 343.

³⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II, стр. 339.

⁴⁾ Капитал, т. III, ч. II, стр. 340.

⁵⁾ Крестьянский вопрос во Франции и в Германии, стр. 23.

труда, годное для всех форм хозяйства¹⁾). Они исходят из того, что все категории марксистской политической экономии, в том числе и категория абстрактного труда, должны быть, во-первых, социальными, а, во-вторых—историческими понятиями. Подойдем к вопросу прежде всего с «исторической» точки зрения.

Основные экономические категории у Маркса носят исторический характер, это верно. Неверно, однако, утверждение, что Маркс оперирует в своем исследовании исключительно такими категориями. Кроме того, эпитет «исторический» имеет у Маркса различный смысл, хотя эти различия очень часто игнорируются даже очень внимательными исследователями. Для пояснения сказанного мы обратимся к марксовому «Введению в критику полит. экономии», взявл оттуда формулировки, которые, на первый взгляд, как будто даже подтверждают оспариваемую нами точку зрения. В конце первой главы «О производстве» Маркс пишет:

«Резюмируем: имеются определения, общие всем ступеням производства, которые, как общие, фиксируются мышлением, не все так наз. общие условия всякого производства суть не что иное, как абстрактные моменты, с помощью которых нельзя понять ни одной действительной ступени производства²⁾. Немного выше Маркс указывает, что «определения, приложимые ко всякому производству вообще, как раз и должны быть отброшены, чтобы за единством не были забыты существенные различия. Это может случиться уже потому, что как субъект—человечество, так и объект—природа, являются теми же самыми».

Итак, для понимания особенностей, для понимания форм каждой экономической эпохи общие определения не годятся именно потому, что они одинаково относятся ко всем эпохам. Но означает ли это, что они нам вообще не нужны? Что значит понять особенности какого-нибудь явления? Это значит—показать, в каких особых формах, в каких конкретных сочетаниях осуществляются общие законы, свойственные данному роду явлений. Устраните, например, «специфически капиталистические черты как в зарплате, так и в прибавочной стоимости», и «перед нами окажутся уже не эти формы, но лишь их основы, общие всем общественным способам производства³⁾. Сведение особенностей форм к их общим основам в теоретической форме и есть задача всякой науки, для которой не оказалось бы места, если бы форма проявления вещей совпадала с их сущностью».

¹⁾ Если только в этом заключается определение абстрактного труда, то почему и Маркс и Энгельс придавали этой категории такое большое значение? спрашивает Вознесенский. Что труд производит, с одной стороны, полезные вещи, а, с другой стороны, есть труда человеческой энергии—может ли такой троизм считать научным открытием? Мы ответим на этот недорумленный вопрос другим вопросом. Всякое производство предполагает, с одной стороны, средства производства, а с другой—рабочую силу. Это также троизм. Следует ли отсюда, что учение Маркса об органическом составе капитала не стоит медного гроша? Все дело в том, какое употребление Маркс сделал из этих «троизмов», которые были известны еще в допотопные времена и, тем не менее, остались вне поля зрения наиболее проницательных теоретиков классической школы.

²⁾ К. Маркс, К критике политической экономии, изд. «Московский Рабочий». 1923, стр. 18.

³⁾ Маркс, Капитал, т. III, ч. II, пер. Базарова и Степанова, Гиз, 1923 г. стр. 415.

Абстрактный труд и экономические категории Маркса¹⁾.

И. Дацковский.

Детальная разработка марксистской экономической теории, которая уже несколько лет ведется в Советском Союзе, дала во многих направлениях плодотворные результаты: большую четкость понятий, более точную формулировку законов и постановку ряда новых проблем, не затронутых в дореволюционной марксистской литературе. Но нет добра без худа. Бывает и так, что новые попытки «углубления» теории приводят к «расщеплению» пустой абстракции на четыре пустые четверти». К их числу следует, на наш взгляд, отнести попытку И. Рубина «социологизировать» понятие абстрактного труда, которую в самом последнее время повторил, слегка разбавив формулировки Рубина эклектической похлебкой, А. Вознесенский (см. его статью в журнале «Под Знаменем Марксизма», № 12, за 1925 год). Подвергнув критике новоявленную теорию тем более необходимо, что «Очерки по теории стоимости» И. Рубина пользуются вполне заслуженной репутацией одного из самых лучших трудов по марксизму, и это вводит многих в заблуждение принимать на веру имеющееся там толкование категории абстрактного труда и выводы из него, хотя они определенно расходятся с формулировками и взглядами Маркса. В настоящей заметке я имею в виду, при помощи необходимого минимума литературных справок, доказать несогласованность теории Рубина не только с буквой, но и с духом Марксового анализа буржуазного хозяйства, оставляя за собой право вернуться, если понадобится, к этой теме в более полном «возвращении».

Основное определение Маркса, касающееся двойственного характера труда, гласит: «Всякий труд есть, с одной стороны, затраты человеческой рабочей силы в физиологическом смысле слова, и в качестве такого однакового или абстрактно-человеческого, труда образует стоимость товаров. Всякий труд есть, с другой стороны, затраты человеческой рабочей силы в особой целесообразной форме, и в качестве этой конкретной полезной работы труда создает потребительные стоимости»²⁾. Это определение Маркса новые комментаторы считают необходимым изменить или дополнить на том основании, что в своем настоящем виде оно содержит только «физиологическое определение абстрактного

¹⁾ Статья дискуссионная. Ред.

²⁾ Капитал, т. I, перевод под ред. Базарова и Степанова, Госиздат, стр. 13.

Исторические эпохи не отделены друг от друга китайской стеной полной принципиальной разобщенности. У них есть общая почва — производство и воспроизводство материальной жизни. Игнорирование этой общей почвы Маркс высмеивал, например, в одном из писем к Кугельману. «Болтовня о необходимости доказать понятие стоимости поконится лишь на полнейшем невежестве как в области того предмета, о котором идет речь, так и в области научного метода. Всякий ребенок знает, что каждая нация погибла бы с голоду, если бы она приостановила работу не говоря уже на год, а хотя бы на несколько недель. Точно так же известно всем, что для соответствующих различным массам потребностей массы продуктов требуются различные количественно определенные массы общественного совокупного труда. Очевидно само собой, что эта необходимость разделения общественного труда в определенных пропорциях не может быть уничтожена определенной формой общественного производства; измениться может лишь форма ее проявления. Законы природы вообще не могут быть уничтожены. Измениться, в зависимости от различных исторических условий, может лишь форма, в которой эти законы проявляются. А форма, в которой эти законы проявляются, — это пропорциональное разделение труда при таком общественном устройстве, когда связь общественного труда существует в виде частного обмена индивидуальных продуктов труда. Эта форма и есть меновая стоимость этих продуктов»¹⁾.

Политическая экономия есть наука о специфических общественных формах, в которых осуществляется «обмен веществ между человеком и природой». Для понимания этих форм необходимо знание основ всякого экономического бытия, общих всем эпохам человеческой истории. Категории и законы, которые к ним относятся, будут носить «внешторический» характер, и, тем не менее, они являются обязательным введением в изучение исторических хозяйственных форм — например, капиталистического хозяйства. Это будут, если угодно, всеобщие социологические определения, которые образуют фундамент экономического исследования, не входя в систему политической экономии в тесном смысле слова. К таким общим определениям относится, например, учение о производительных силах. Та глава маркса «Беседы», которая исследует общие взаимоотношения производства, распределения, обмена и потребления, может служить образцом такого «внешторического» анализа. К этому же типу относится глава I тома «Капитала», описывающая процесс труда. Очень часто Маркс переходит на эту «материально-техническую» точку зрения для более наглядного изображения особенностей капиталистической формы хозяйства. Таковы страницы, посвященные условиям воспроизведения основного капитала или исследованию причин, вызывающих различную продолжительность оборотов капитала. Маркс отмечает, например, что и при социалистической форме хозяйства различие в продолжительности оборота — или цикла производства — будет иметь большое значение для всей общественной системы. «При общественном производстве, так же,

как и при капиталистическом производстве, рабочие, занятые в отраслях предприятий с относительно короткими рабочими периодами, будут лишь на короткое время отвлекать продукты, не давая взамен нового продукта; что касается отраслей труда с длинными рабочими периодами, то они более долгое время непрерывно отвлекают продукты, прежде чем сами начнут давать продукты. Следовательно, это обстоятельство вытекает из материальных условий соответствующего процесса труда, а не из его общественной формы».

Вообще, в «Капитале» и в «Теориях прибавочной стоимости» разбросано много богатейших мыслей, относящихся, так сказать, к области «внешторической экономики», к той области, которая составляет излюбленный предмет исследований буржуазной экономики, не сумевшей, однако, пойти дальше пустых банальностей. Именно буржуазная экономия скомпрометировала в глазах марксистов этот необходимейший составной элемент экономической теории, сосредоточив все внимание на изучении общих законов и стирая всякие грани между разными экономическими общественными формами хозяйства. При этом она сознательно или бессознательно переносила на все эпохи категории и законы буржуазного хозяйства. Марксистская теория поставила науку в правильные рамки, сделав форму экономических отношений центром исследования. Но в постмарксистской марксистской литературе сплошь и рядом дело дошло до обратной глупости — до полного игнорирования общих законов хозяйственной жизни, скрывающихся за теми или иными «формами проявления».

Может показаться, что наши рассуждения идут по линии Богдановской теории, согласно которой задача экономического исследования начинается лишь тогда, когда с помощью абстрактного анализа удается преодолеть внешнюю оболочку явлений, избавить их от особенностей и «проявить» скрывающиеся за ними общую экономическую основу (см. предисловие Богданова к новому изданию его «Общей теории капиталистического хозяйства», 4-й выпуск «Курса» Богданова и Степанова, а также дискуссию о предмете полит. экономии на страницах «Вестника Коммунистической Академии»). Но это только кажущееся сходство. Мы считаем, что экономическая теория в собственном значении слова начинается именно тогда, когда от общих законов исследователь переходит к анализу «форм», а не наоборот. Точка зрения Богданова, это — точка зрения всей буржуазной экономии, делающей «вечные законы» центром науки. Мы считаем, однако, с другой стороны, ошибкой стремление ограничить экономическую науку исключительной областью форм и даже одной специфической формой товарно-капиталистического хозяйства. Как можно сводить «формы проявления» венцей к их основам, если эти основы неизвестны?¹⁾.

¹⁾ Интересные соображения по этому поводу мы находим в одном из писем Энгельса. «Под экономическими отношениями, — пишет Энгельс... — мы понимаем тот способ, каким люди определенного общества производят все, что требуется для поддержки их жизни и как они это произведенное обменивают поскольку существует разделение труда». Таким образом сюда входит вся техника производства и транспорта... В понятие экономических отношений включается и географическая основа, на которой эти отношения возникают

¹⁾ Письма К. Маркса и Ф. Энгельса, изд. «Московский Рабочий», 1923, стр. 176—7.

Обратимся теперь к историческим категориям в собственном смысле слова. Имеем ли мы тут дело с действительно однородной суммой понятий? Можно ли, например, категорию «прибыль», «капитала», «ренты», «наемного труда», «товара» и пр.— считать однородными с понятиями «абстрактный труд», «рабочая сила»?

На этот счет мы также находим довольно ясные и искаживающие соображения в «Введении». Каждая конкретная экономическая эпоха включает в себе «множество определений», играющих по отношению к ней роль «простейших абстракций» или «категорий». Эти категории должны быть найдены путем отвлеченного анализа, разлагающего действительность на ее элементы. Когда категории найдены и определены, начинается обратный путь мысленного воссоздания той конкретной действительности, из которой они первоначально получены¹⁾). Рассматриваемые в такой связи, эти абстрактные определения имеют полную значимость только в той конкретной обстановке, которая представляет исходный пункт анализа, и должны быть расположены в той последовательности, которая отвечает их положению в реальном явлении. Однако здесь возможны случаи, когда некоторые из этих категорий развиваются не в той исторической последовательности, которая соответствует их месту в абстрактной теории. Они могут, например, предшествовать той исторической эпохе, в которой они получают наиболее полное развитие. Так, напр., деньги получают свое всестороннее значение только в условиях капитализма, но исторически возникают задолго до капиталистической эпохи. Наоборот, другие категории получают свое определение исключительно в рамках определенной общественной формации, как, напр., прибавочная стоимость, капитал, наемный труд, заработная плата и т. д. «Буржуазное общество есть наиболее развитая и многосторонняя историческая организация производства. Категории, выражющие его отношения, понимание его организации, дают одновременно возможность понять строение и производственные отношения всех отживших общественных форм, из обломков и элементов которых это общество строится, отчасти продолжая влечь за собой их остатки, которые оно не успело преодолеть, отчасти развивая до полного значения то, что прежде имелось лишь в виде намека. Анатомия человека—ключ к анатомии обезьяны. Намеки на высшее у низших видов животных могут быть поняты лишь в том случае, если это высшее уже известно. Буржуазная экономика дает нам ключ

и существуют» и т. д. (Энгельс Г. Штаркенбургу—Письма Маркса и Энгельса, стр. 314). Для понимания этих слов необходимо, однако, иметь в виду, что Энгельс высказывался здесь главным образом по вопросу о взаимоотношении «базиса» и «надстройки» всякого общества. С этой точки зрения экономический базис несомненно должен включать в себе все эти элементы. Кроме того, Энгельс в конце письма оговаривается, что не все формулировки свои он считает достаточно гладкими. При всем том важность этих «внеисторических» элементов экономического исследования не подлежит сомнению.

¹⁾ Классическая школа политической экономии выполнила в основном первую часть теоретической работы, выделив из конкретной действительности простейшие понятия. Маркс мог поэтому начать свой анализ непосредственно с того пункта, до которого довели теорию его предшественники—с простейших определений «товара», «труда» и пр. Из этого кое-кто из современных марксистов делает вывод, что вообще нет надобности в научном исследовании исходить из конкретной действительности.

в античной и т. д. Но отнюдь не в том смысле, который придают этому некоторые экономисты, стирая все исторические различия и во всех общественных формах находя формы буржуазные... А так как, далее, буржуазное общество само есть только противоречие, то отношения предшествующих форм появляются в ней часто в искаженном виде или даже в новой оболочке, как, например, общинальная собственность. Если правда, поэтому, что категории буржуазной экономии заключают в себе истину и для всех других общественных форм, то это надо понимать *sunt grano salis*. Они могут содержаться в ней в развитом, в искаженном, в карикатурном и т. д. виде, но всегда в виде существенно измененном¹⁾.

Таким образом, одним зачислением основных категорий политической экономии, изучающей товарное хозяйство, в разряд исторических, еще не решается вопрос о характере, о физиономии каждой из них. Необходимо дальнейшее исследование. Надо установить, является ли данная категория новым образованием, свойственным исключительно данной общественной системе, искаженным остатком предыдущей эпохи, или дальнейшим развитием элементов, заложенных уже в предшествующий период. При этом может случиться, что исторический смысл данной категории будет заключаться лишь в том, что соответствующее ей экономическое содержание, имеющее общий характер для разных или даже для всех эпох, смогло лишь наиболее полным образом проявиться в данной обстановке. Мы ниже увидим, что именно к этой последней группе относится понятие абстрактного труда, которое Маркс подробно анализирует в изложенной связи. Останавливаясь на плане изложения предмета политической экономии, Маркс пишет:

«Расположение предмета, очевидно, должно быть таково: сначала (нужно развить) общие абстрактные определения, которые именно поэтому более или менее относятся ко всем общественным формам, однако в разъясненном выше смысле, во-вторых, категории, которые образуют внутреннюю организацию буржуазного общества, и на которых покоятся основные классы²⁾. И дальше идет перечисление элементов буржуазного общества в собственном смысле слова.

Эти общие абстрактные определения являются, с одной стороны, в неисторических, так как относятся ко всем эпохам, с другой—исторических, так как только на определенной исторической ступени они получают полное развитие, проявляются в развернутом виде. Категорию абстрактного труда Маркс относит именно к этой группе. Абстрактный труд не является категорией, образующей внутреннюю структуру буржуазного общества. Он относится ко всем эпохам, поскольку речь идет о нем, как о понятии, но он становится «практически истинным» только на определенной ступени исторического развития. Такие категории можно было бы назвать *условно-историческими*.

¹⁾ «К критике» и т. д., стр. 28—29.

²⁾ «К критике» и т. д., стр. 29.

Рубин считает необходимым придать понятию абстрактного труда другой смысл. «Затрата человеческой энергии, как таковой, в физиологическом смысле, еще не составляет абстрактного труда, как создателя стоимости, хотя и является его предпосылкой. Отвлечение от конкретных видов труда, как основная общественная связь между отдельными товаропроизводителями—вот что составляет абстрактный труд»¹⁾. Это отвлечение происходит на рынке, где продукты труда привращаются друг к другу и тем самым превращают частный труд в общественный, а конкретный в абстрактный. Последний возникает не в производстве, а в акте обмена. Превращение конкретного труда в абстрактный не есть простое логическое абстрагирование; в целях нахождения общей единицы меры, это есть стихийный общественный акт, реально происходящий на рынке. Там, где нет рынка и обмена, нет и этого превращения. Общественный характер труда выражается тогда непосредственно в натуральной или конкретной форме, поскольку разные работы выполняются членами совокупного общественного организма в порядке сознательного распределения функций. Если считать абстрактный труд простой физиологической затратой энергии и тем самым придавать ему внеисторический характер, то непонятно, каким образом неисторическая категория—абстрактный труд—может создавать такую историческую категорию, как стоимость.

Вот в общих чертах ход мыслей Рубина, у которого Вознесенский заимствует основные аргументы, дополнив их сомнительной отсебятиной. Так, по Вознесенскому, абстрактный труд, хотя и включает в себе исторические и социальные моменты, не перестает вместе с тем быть физиологическим трудом и, как таковой, существует уже в процессе производства.

Следует отметить, что в общей форме точку зрения Рубина можно встретить в более ранней работе Т. Григоровича «Теория стоимости у Маркса и Лассалля», где понятию абстрактного труда придается тот же смысл... «Труд, создающий меновые стоимости, т.-е. абстрактно-всеобщий труд, является продуктом такого хозяйственного строя, при котором производят не для своего, а для чужого потребления, и при котором производятся не только потребительские, но и меновые блага» (стр. 77).

Итак, двойственный характер труда и категория абстрактного труда—формы, присущие исключительно товарному хозяйству. Все прочие системы хозяйства знают только труд в его натуральном конкретном виде. Абстрактный труд—историческая категория.

Прежде всего, в этих рассуждениях отсутствует ясность в вопросе о том, что следует понимать в данном случае под исторической категорией. Но из всего хода анализа видно, что понятие «исторический» берется здесь в самом узком значении, т.-е. абстрактный труд, по мнению Рубина, является категорией товарного хозяйства в том же смысле, как деньги, стоимость, товар, капитал и т. д. Здесь мы должны констатировать прямое расхождение с Марксом, который в своем «Введении» подробнейшим образом анализирует этот вопрос. Маркс описывает, какую сложную эволюцию прошлое понятие о труде у меркантилистов,

¹⁾ И. Рубин. Очерки по теории стоимости Маркса, 2 изд., стр. 102.

меркантилистов, физиократов, классиков, пока от отдельных видов труда, как торговли или земледелия, классики дошли до абстрактного всеобщего понятия деятельности, создающей богатство, или труда вообще. «Может показаться, что этим самым найдено выражение для простейшего и древнейшего отношения, в котором человек, при каких бы то ни было общественных формах, выступает, как производитель. Это, с одной стороны, верно, с другой—нет»¹⁾. И далее он показывает, что эта простейшая абстракция, которая выражает древнейшее, для всех общественных форм действующее отношение, становится в этой абстракции практически истинной только как категория современнейшего общества» (стр. 28). Другими словами, Маркс относит абстрактный труд к условно-историческим категориям, если пользоваться вышеупомянутым термином. Абстрактный труд, труд вообще, труд как физиологическая затрата мускулов, нервов и пр.—есть понятие, выходящее далеко за пределы внутренней организации товарного хозяйства, понятие общее. Но в действительности оно может проявиться вполне лишь при известных условиях. Каковы же эти условия? Во-первых, возможность отвлечения от конкретных видов труда, безразличное отношение к нему мыслимо лишь на такой ступени экономического развития, когда ни одна форма труда не является господствующей. Во-вторых, это предполагает такой хозяйствственный строй, где с наименьшей легкостью индивиды переходят от одного вида труда к другому, где определенный труд является для них случайным и потому безразличным. Труд здесь не только в категории, но и в действительности, стал средством создания богатства вообще и привил свою связь с определенным индивидом».

Этот пример труда убедительно показывает, как даже самые абстрактные категории, несмотря на то, что именно благодаря своей отвлеченности они применимы ко всем эпохам, в самой определенности этой абстракции являются в такой же мере продуктом исторических отношений и обладают полной обязательностью только для этих отношений и внутри их» (стр. 28).²⁾

¹⁾ К критике, стр. 28.

²⁾ З. Цайтлин делает интересную попытку сблизить метод Маркса с методом естествознания, проводя параллель между учением Маркса об абстрактном труде и учением об атоме. Понятие «атом» относится ко всем эпохам естественной истории, так же как понятие «труд»—ко всем периодам естественной истории. Атом, как и труд имеет «долгопонное существование». Тем не менее, наука смогла развиться до открытия атома только на определенной ступени естественной истории, путем анализа «сложной конкретности явления, в которых атом представляется всеобщей равномерно распределенной категорией. В первобытной туманности, как и в первобытном обществе атом и труд хотя и были всеобщими категориями, но, с другой стороны, обуславливали те или иные индивидуальные скопления». В дальнейшем развитии звездных систем умножается разнообразие комбинаций, химических соединений, в которых атом выступает, как всеобщая категория. Атом все больше и больше индивидуализируется «практическим». Научная деятельность человека с этой стороны способствует умножению числа сочетаний химических элементов. «Без сомнения власть человека над силами природы достигнет такой степени, что атом, подобно труду, сделается «безразличным», т.-е. сможет быть получен в любом сочетании для любых целей». Атом—историческая категория в том смысле, что только на той стадии естественного развития, когда материя превратилась в сложную конкретность, всеобщий характер этой категории выступает наиболее наглядно. См. более подробные соображения у З. Цайтлин. Наука и гипотеза. Стр. 171—73.

Понятие абстрактного труда развертывается вполне лишь в товарном хозяйстве, но взятое само по себе он относится ко всем эпохам. Каково же должно быть его внутреннее содержание, чтобы его можно было, хотя бы в этом ограниченном смысле, отнести ко всем эпохам? Именно такое, какое дает Маркс: труд, как затрата физиологической энергии в безразличной форме. Определение, которое дает Рубин, не позволяет переносить категорию абстрактного труда за пределы товарного хозяйства.

Если абстрактный труд, существуя, так сказать, идеально в предшествующие товарному хозяйству эпохи, находит только в товарном мире почву для своего практического проявления, то какова его судьба в условиях перехода от товарного к организованному социалистическому хозяйству? Отпадает ли при социализме эта категория? Ответ на этот вопрос дает анализ тех условий, при которых, по Марксу, абстрактный труд получает значение практической истины. Мы их перечислили выше. Среди них нет ни одного, которое было бы «отменено» социализмом. Напротив, в социалистическом обществе они получают дальнейшее развитие.

Отсутствие каких-либо специфических господствующих видов труда, легкий переход от одного вида труда к другому, утрата связи трудового процесса с определенным индивидом — все это получает при социализме свое высшее развитие. Сущий вздор — «положение» А. Вознесенского, что при социализме остается специализация. «Если мы примем семью за общество, то тогда скажем: здесь труд отдельных участников хозяйства становится трудом общественным непосредственно в своей конкретной форме. Он не перестает быть связанным с определенной индивидуальностью (личностью) и определенной специальностью». Это полное извращение перспективы развития. Напомним, как по этому поводу Энгельс высмеивал Дюринга. «Унаследованному Г. Дюрингом образу мышления образованных классов должно, конечно, казаться чудовищным, что настанет время, когда не будет ни извозчиков, ни архитекторов по профессии, и что человек, который распоряжается в течение $\frac{1}{2}$ часа, как архитектор, будет затем править лошадью в качестве извозчика, пока не явится опять необходимость в его деятельности, как архитектора. Хорош бы социализм, увековечивающий должность извозчика, как специальную профессию».

В том же духе высказывается Маркс и Энгельс в своей работе «Немецкая идеология», опубликованной в первом томе Рязановского «Архива»... «В коммунистическом обществе... общество регулирует все производство, и именно поэтому создает для меня возможность сегодня делать одно, а завтра другое, утром охотиться, после обеда ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством или же критиковать еду, как моей душе угодно — при чем я не становлюсь от этого охотником, рыболовом, пастухом или критиком»¹⁾.

Конечно, будь эти мысли высказаны Марком и Энгельсом в наши дни, они были бы иллюстрированы более современными примерами. Но сущности дела это не меняет.

¹⁾ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 223.

Капиталистическая техника привела к тому, что не только становится безразличным для работника конкретное содержание его труда, но сами проявления труда в их конкретности (труда в экономическом смысле, как «жизненной необходимости») все больше сближаются между собою, поскольку одна за другой функции человеческих органов заменяются работой автоматов. Этот процесс получит еще более гигантское развитие при социализме. Следовательно, те экономические отношения, которые создали почву для отделения конкретного труда от абстрактного при капитализме, еще больше разовьются после его крушения. Ослабление раздвоенности труда будет тогда происходить не в смысле возврата к патриархальщине, к прикреплению людей по определенным специальностям, а в смысле все большего и большего сближения видов конкретного труда, превращения их в однообразный процесс траты энергии при наблюдении за работой машин. Вне этого процесса труд превратится в простую «игру жизненных сил», к которой экономические категории в собственном смысле уже не относятся. «Самый труд станет первой жизненной потребностью, а не средством к жизни»¹⁾.

Рубин использует для доказательства своей теории главу о товарном фетишизме, где Маркс, противопоставляя товарному хозяйству различные другие формы производства, выясняет характерные особенности организации труда в эпоху товарного производства. Из этой главы он пытается сделать следующий вывод: в то время, как при всяких других экономических формах (в патриархальном строе, в феодальном и т. д., в обществе свободно-исодицированных производителей) каждая определенная работа, каждый конкретный вид труда есть вместе с тем и непосредственно общественный труд, в товарном хозяйстве труд может обнаружить свой общественный характер, лишь принимая форму своей противоположности — абстрактного труда. Абстрактный труд является на этом основании специфической категорией товарного хозяйства. Разберемся.

Во всяком сознательно организованном общественном хозяйстве труд является общественным уже в своей непосредственной конкретной форме. Это верно. В товарном хозяйстве он становится общественным посредством обращения в абстрактный труд. Это также верно. Но верно ли, что по этой причине категория абстрактного труда становится лишней во всех других формах хозяйства, кроме товарного? Это было бы так, если бы категория абстрактного труда имела только то назначение, которое ей приписывают, если бы вся ее роль сводилась к приданию определенному виду труда характера общественного труда, в условиях товарного хозяйства. Но дело в том, что даже в тех экономических формациях, где конкретный труд выступает непосредственно в качестве общественного, где он не нуждается в кризисе зеркальных отношений и абстрактных категорий, функция абстрактного труда абсолютно необходима, поскольку речь идет об учете общественной трудовой энергии. Учет может производиться только в отвлеченных, т. е. абстрактных счетных единицах. В той же главе о товарном фетишизме Маркс с полной определенностью

¹⁾ Маркс, Критика горской программы.

показывает, что все мистификации товарного хозяйства происходят вовсе не от превращения конкретного труда в абстрактный, а от бессрочного выражения этой абстракции. О чём идёт речь в этой главе? О товарном фетишизме. Маркс ясно и отчаянно указывает, что ни в конкретном труде, ни в абстрактном труде, как таковом, никакой мистики, никакой таинственности нет. «Как потребительская стоимость, он (товар) не заключает в себе ничего загадочного, будем ли мы его рассматривать с точки зрения тех свойств, которыми он удовлетворяет человеческие потребности, или самые эти свойства будем исследовать, как продукт человеческого труда... Мистический характер товара порождается, таким образом, не потребительской стоимостью. Столь же мало порождается он содержанием определенной стоимости (т.е. абстрактным трудом). Поэтому что, во-первых, как бы различны ни были отдельные виды полезного труда, или производительной деятельности, с физиологической стороны они являются во всяком случае функциями человеческого организма, и каждая такая функция, каково бы ни было ее содержание и ее форма, является по существу своему гротеской человеческого мозга, нервов, мускулов, органов чувств и т. д. Во-вторых, то, что лежит в основе определения величины стоимости, а именно, продолжительность таких затрат или количества труда, уже непосредственно, осознательно отличается от качества труда. При всяких условиях то рабочее время, которого стоит производство средств существования, должно было интересовать людей, хотя и не в одинаковой степени на разных ступенях развития. Наконец, раз люди, так или иначе, работают друг на друга, их труд получает тем самым общественную форму».

Итак, откуда же возникает загадочный характер продукта труда, как только последний принимает форму товара? Очевидно, из самой этой формы. Равенство различных человеческих работ приобретает вещественную форму в продуктах труда, как представляющих одну и ту же субстанцию стоимости; измерение затрат человеческой силы их продолжительностью получает форму величины стоимости продуктов труда; наконец, те отношения между производителями, в которых проявляются эти общественные определения их работ, получают форму общественных отношений продуктов труда¹⁾.

Итак, не в абстрактном труде, который составляет «содержание определенной стоимости», надо искать особенностей товарного хозяйства, не в равенстве или приравнивании различных человеческих работ и не в измерении этих работ рабочим временем, равно как не в самой общественной связи производителей, а исключительно в том, что все эти определения получают бессрочное выражение. Другие общественные формации не имеют надобности в этом окольном пути, «отдельным работам и продуктам» не приходится принимать отличную от их реального бытия фантастическую форму. Оно входит в круговорот общественной жизни в качестве натуральных служб и натуральных повинностей. Не посредственно общественной формой труда является здесь его натуральная форма, его особенность, а не его всеобщность, как

в обществе, покоящемся на основе товарного производства. Барышничий труд измеряется временем, точно так же, как и труд производящий товары, но каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной, личной рабочей силы».

В товарном хозяйстве частный труд самостоятельных производителей превращается в общественный на рынке, во-первых, потому, что его продукты принимают форму товаров, и, во-вторых, потому, что благодаря этому взаимному приравниванию товаров и только через это приравнивание происходит огвлечение от конкретных особенностей труда, превращение конкретного труда в абстрактный. Через абстрагирование от конкретных форм через посредство категории абстрактного труда осуществляется общественная связь. В организованных формах хозяйства общественная связь существует, как заранее данный факт. Труд с самого начала выступает как общественный, а не частный труд, продукт не должен превратиться в товар, чтобы приобрести общественное кляймо; он с первого мгновения своего существования есть общественный продукт. Поэтому и труд является здесь общественным трудом уже в своей определенной конкретной форме, не нуждаясь для этого ни в каких превращениях и отвлечениях. Отсюда как-будто напрашивается такая цепь заключений; в организованном обществе нет товара, а есть только продукты. Нет частных работ, а есть только общественный труд, работа органов сознательного общественного целого. Нет абстрактного труда, а есть только труд конкретный.

Однако эта стройная схема только в том случае могла быть принята целиком, если бы действительно понятия «товар», «частный», «абстрактный» находились в одинаковом симметрическом положении к другому ряду определений, «продукт», «общественный», «конкретный». Между тем, эти антитезы не равнозначны. Что категории «товара», «частного» труда исчезают, раз только прекращается рыночное хозяйство — это само собою разумеется. Это вытекает из самих определений. Мы называем товаром продукт труда, идущий для обмена. Раз нет обмена, нет и товара. Мы называем частным трудом труд самостоятельных, автономных производителей. Если ликвидируется их автономия, если они превращаются в непосредственно подчиненные органы целого, то тем самым исчезает категория частного труда. Появление абстрактного труда теперь также пытаются дать такой смысл, который вел бы к уничтожению этой категории при переходе к другим формам хозяйства. Исходит при этом из того, что общественный характер труда, который в рыночном хозяйстве выражается при помощи абстракции, в организованном обществе выступает непосредственно.

Такое механическое рассуждение по законам симметрии представляет, однако, чисто произвольную конструкцию новейших комментаторов. У Маркса ее нет. В своей полемике с Греем по вопросу о непосредственном измерении стоимостей товаров по помощи денег, Маркс писал: «Товары являются непосредственным продуктом труда отдельных независимых частных лиц, который только посредством отчуждений их в процессе обмена

¹⁾ Капитал, т. I, стр. 39.

должен выступить как всеобщий общественный труд; труд, совершающийся на основе товарного производства, становится трудом общественным только вследствие всестороннего отчуждения индивидуальных работ. Если, однако, Грей принимает рабочее время, заключенное в товарах, за непосредственно общественное, то он принимает его за общественное рабочее время непосредственно ассоциированных лиц. Тогда, действительно, один специфический товар, например, золото или серебро, не мог бы выступить относительно других товаров, как воплощение всеобщего труда; меновая ценность не становилась бы ценой, но вместе с тем, потребительная ценность не становилась бы меновой ценностью, продукт не становился бы товаром,—и, таким образом было бы уничтожено самое основание буржуазного производства¹⁾. Легко заметить, что в этом коротком, но ярком противопоставлении товарного и социалистического хозяйства отсутствует как раз то звено, за которое уцепился Рубин: нет антитезы конкретного и абстрактного труда, хотя подчеркивается, что в социалистическом обществе труд не нуждается в посредствующих звеньях обмена и отчуждения, чтобы стать общественным трудом.

Абстракция в отношении к труду необходима не только для того, чтобы частные виды труда превратить в качественно отличную категорию общественного труда. Она необходима также и для суммирования и для учета трудового процесса в любом обществе, которое, как подчеркивает Маркс, всегда интересуется количеством затрачиваемого рабочего времени. Сам Рубин в другой главе своей работы говорит о приравнивании различных видов труда друг к другу так же, как и о приравнивании вещей, например, с точки зрения их относительной полезности (в социалистическом хозяйстве). Различие между социалистическим и товарным хозяйством состоит лишь в том, что в товарном обществе приравнивание труда возможно исключительно через замаскированную форму сравнения продуктов труда, как товаров, тогда как в социалистическом обществе эти два акта совершенно независимы друг от друга. Это метко схваченное различие. Но в какой же форме должно происходить это приравнивание труда? Сравнение труда, выражаящегося в разнообразных конкретных формах, возможно только через сведение их к одному мерилу. А. Вознесенский говорит, что «конкретный труд великолепно может быть измерен именно в своей конкретной форме». В этом отношении не оставляют никаких сомнений замечания Маркса в § 4, гл. 1, I тома «Капитала», когда он рассматривает феодальное хозяйство, особенно, хозяйство крестьянской семьи. В этих замечаниях Маркс нет того, что нашел там А. Вознесенский, который просто не понимает, о чем идет речь. «Конкретный труд может быть измерен в конкретной форме». Но что же, собственно, означает такое измерение? Измерить—значит установить количество. Количество труда должно быть выражено в определенных единицах. Если Вознесенский за такую единицу примет любую конкретную вещь, как продукт конкретного труда, то она в подсчете будет играть роль не вещи.

¹⁾ «К критике» и т. д., стр. 94.

как, таковой, а показателя определенных количеств трудиной энергии¹⁾. Попытка же при помощи данной вещи измерить количество труда других отраслей привела бы тов. А. Вознесенского совершенно неожиданно в фетишизму денежной формы, очутившейся таким путем в совершенном наподобающем ей социалистическом обществе. Попытка отвертеться от абстрактного труда приводит... к товарному фетишизму, такова судьба чрезмерного «углубления» понятий. Измерение труда в любой хозяйственной системе осуществляется по Марксу ничем иным, как рабочим временем, при помощи которого должно происходить и по Рубину приравнивание различных видов труда друг к другу. Вот что говорит Маркс о социалистическом хозяйстве. «По уничтожении капиталистического способа производства, но при сохранении общественного производства определение стоимости продолжает господствовать, в том смысле, что регулирование рабочего времени и распределение общественного труда между различными отраслями производства, паконец,хватывающая все это бухгалтерия становится важнее, чем когда бы то ни было»²⁾. Характеризуя общественные отношения в первой фазе коммунистического общества, Маркс пишет: «Общественный рабочий день представляет сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время отдельного производителя есть доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Он получает от общества квитанцию в том, что отдал ему столько-то труда (за вычетом труда в пользу общественных фондов) и за эту квитанцию получает из общественных складов средства потребления в количестве, стоящем такого же количества труда! Сколько труда он отдал обществу в одной форме, столько же и получает обратно в другой. Здесь очевидно господствует принцип, тождественный с тем, который регулирует товарный обмен, поскольку последний есть обмен равноценностей,—известное количество труда в одной форме обменивается на равное количество труда в другой».³⁾.

Во второй фазе коммунизма исчезают эти «родимые пятна», с которыми коммунистическое общество выходит из недр капитализма, поскольку речь идет о принципах распределения. Но остается, однако, другая необходимость—правильного распределения труда между разными отраслями и сравнение затрат и результатов внутри каждого производства. Без количественного учета труда здесь организация хозяйства немыслима. Но какой же труд здесь подвергается учету? Труд вообще, как определенная форма производительной энергии, независимо от формы ее проявления. Если Рубин и Вознесенский отказываются считать этот труд абстрактным трудом, они должны создать специально для него третью категорию, ибо конкретный труд немыслимо

¹⁾ Вот как Маркс характеризует учет труда посредством количества произведенного товара: «Здесь не стоимость штуки товара измеряется вложенным в нее рабочим временем, а, наоборот, затраченный рабочим труд измеряется числом произведенных им штук товара. При повременной плате труда непосредственно измеряется своей продолжительностью, при поштучной плате—количеством того продукта, в котором сгустился труд определенной продолжительности» («Капитал», том I стр. 534).

²⁾ Капитал, т. II, стр. 389.

³⁾ Маркс, Критика горьской программы.

учесть в абстрактных единицах. Само понятие счета означает отвлечение от каких бы то ни было качеств. Арифметика есть абстрактная наука о числе.

Но нам отвечают так: то, что конкретный труд может быть рассматриваем с количественной стороны, еще не делает его абстрактным трудом. Процесс счета есть отвлеченная операция. Но отвлечение здесь осуществляется исключительно в мысленной форме. Реальная жизнь не имеет дела с этими абстракциями, а с конкретными видами труда и определенными потребительскими благами. Наоборот, в товарном хозяйстве процесс отвлечения от конкретных свойств труда и вещей есть реальный акт, каждодневно и каждочасно совершающийся на рынке. Вот эта абстракция, лежащая в самой обективной природе обмена, и рождает категорию абстрактного труда.

Какую же, однако, роль выполняет эта «об'ективированная» абстракция? Роль регулятора общественного производства. Отпадает ли эта экономическая необходимость при социализме? Нет, наоборот, регулирование лишь при социализме получает всесторонний характер. Регулирование предполагает учет труда, учет предполагает абстрагирование от конкретных свойств и качеств. Если регулирование труда — экономическая необходимость при социализме (и при всякой другой форме хозяйства, поскольку люди всегда интересовались количеством затрачиваемого на производство средств существования труда), то в такой же мере необходимо постоянное отвлечение от конкретного труда. Абстракция в этих условиях — не роскошь, не пустая игра фантазии, а жизненная потребность. В товарном обществе она совершается стихийно и через посредство вещей, в организованном — сознательно. Но от этого ее качественная природа не меняется. Разница лишь в том, что при социализме «принцип и практика не ссорятся больше, тогда как при товарном обмене обмен эквивалентов существует только в среднем, а не в каждом отдельном случае» (Критика готской программы).

Таким образом, не только труд в эпоху товарного хозяйства, но и всякий труд людей, производящих в обществе, «всякое общественно обусловленное производство индивидов» характеризуется, по Марксу, двойственным характером труда. Огнище заключается лишь в следующем. В товарном хозяйстве это раздвоение труда приобретает практическую наглядность в процессе обмена. С другой стороны, в товарном обществе конкретный полезный труд непосредственно выступает, как частный труд. Общественным трудом он становится лишь через вещь, через товарный обмен, который одновременно превращает конкретный труд в его противоположность. Наоборот, во всех других хозяйственных формах и конкретный, и абстрактный труд являются лишь двумя сторонами одного и того же общественного труда. Конкретный труд есть общественный труд в том смысле, что он в определенной форме удовлетворяет определенной общественной потребности в качестве особого подразделения общественного труда. Абстрактный труд есть общественный труд в том смысле, что в нем выражается общественный характер равенства разнородных работ. Впрочем, с об'ективной точки зрения конкретный труд и в условиях товарного хозяйства также является общественным трудом. Это выражается в том, что продукт труда

должен быть полезен, должен удовлетворять общественной потребности. «Мозг частных производителей (только) отражает этот двойственный общественный характер их частных работ», но отражает своеобразно, в тех формах, какие (этот общественный характер) принимает в обыденной практической жизни в обмене продуктов: общественно полезный характер частных работ отражается в той форме, что продукт труда должен быть полезен, но не для самого производителя, а для других людей; общественный характер равенства разнородных работ отражается в форме присущего этим материально различным вещам-продуктам труда общего свойства быть стоимостью¹⁾. Здесь мы имеем ответ также и на второй упрек, который направляется по адресу физиологического определения абстрактного труда, — упрек в том, что такое определение не дает социальной характеристики труда. По мнению Рубина, противопоставление конкретного и абстрактного труда не есть противопоставление родового и видового понятий, а исследование «труда с двух точек зрения: естественно-технической и социальной. Понятие абстрактного труда выражает особенности общественной организации труда в товарно-капиталистическом обществе²⁾.

Такой подход к вопросу, по нашему мнению, неверен. Оба определения труда, как конкретного, так и абстрактного, предполагают уже заранее общественный характер труда. В начале своего «Введения» Маркс пишет: «Предмет настоящего исследования — это прежде всего материальное производство. Индивиды, производящие в обществе, а, следовательно, общественно обусловленное производство индивидов — таков естественный исходный пункт». Конкретный труд вовсе не есть только естественно-техническая категория. Сам Рубин, в другом месте говорит, ссылаясь на Маркса, что во всяком другом обществе, кроме товарного, общественный характер труда выражается в его непосредственной натуральной форме. Следовательно он, в этих условиях, становится категорией с социальным содержанием. Но и в товарном хозяйстве конкретный труд только по видимости, только субъективно для производителя есть естественно-техническая категория, частный труд. С точки зрения всего процесса воспроизводства он выступает, как общественно обусловленный труд, ибо от общества зависит характер и направление частных полезных работ. Поскольку конкретный труд разделяется на виды и подвиды вместе с прогрессом общественного разделения труда, и поскольку последнее есть социальный факт, то и конкретный труд тем самым приобретает социальный характер. Да иначе и не может быть, ибо понятие «конкретный» и «абстрактный» относятся не к разным вещам, а к одной и той же вещи, к общественному труду, который дан, как первичная материя хозяйственной жизни.

Вместе с этим разрешается также и вопрос о социальном характере абстрактного труда. Абстрактный труд есть общественный труд, взятый с точки зрения простой, однородной траты человеческой энергии, взятый не в разнообразии его функций, проявлений и результатов, а в однообразии его физиологического

¹⁾ Капитал, т. I, стр. 41.

²⁾ И. Рубин, Очерки, стр. 100.

процесса. Но общество не есть организм в грубом физиологическом смысле слова. Затраты физиологической энергии может производиться обществом не непосредственно, а через индивидов, как своих членов, выступающих сознательно (в организованном обществе) или бессознательно (в товарном), как органы общественного целого. Сведение абстрактного труда к простой, безличной, хотя и осуществляемой отдельными лицами, затрате физиологической энергии — это и есть высшее выражение социального характера труда, несмотря на то, что по видимости оно представляет собою наукалистическую категорию. «Физиология» в данном случае есть псевдоним обезличивания, абсолютного равенства всех видов человеческого труда, равенства всех производителей, взятых, как таковых, т. е. в простом качестве производников общественной энергии. Какое же еще социальное содержание можно требовать от экономической категории? ¹⁾

Но, может быть, здесь к абстрактному труду предъявлено другое требование? Может быть, здесь под социальным содержанием подразумевается содержание, отвечающее каким-либо специфическим общественным отношениям и меняющееся вместе с ними?

Это возвращает нас к вопросу об историческом характере абстрактного труда, и здесь остается лишь повторить наши сображения об исторических категориях вообще.

Остановимся теперь на третьем возражении против физиологического понимания абстрактного труда. «Невозможно примирить физиологическое понимание абстрактного труда с историческим характером создаваемой им стоимости». Физиологическая затрата энергии одинакова во все исторические эпохи, и, казалось бы, во все эпохи создавала она стоимость. Мы приходим к грубейшему пониманию теории стоимости, превращая ее в трудовую теорию богатства, от которой Маркс старательно отмежевывался ²⁾. И в другом месте: «При общепринятом понимании абстрактного труда, как трудовой затраты в физиологическом смысле слова, неизбежно наукалистическое толкование марксовой теории стоимости» ³⁾.

Прежде всего, совершенно ничем не обоснован довод, что историческая категория должна возникать только из другой исторической категории. Ведь в конце концов каждая историческая обусловленная форма производства имеет своим фундаментом вечное отношение между человеком и природой, производительные силы, данные природой, и труд, «который сам есть проявление одной из сил природы — человеческой рабочей силы» (Критика Готской прогр.). Этот труд и эта рабочая сила являются источниками всякого развития и, следовательно, всех исторических категорий. Те, кто утверждает, что исторические категории могут порождаться только другими историческими же категориями, упускают из виду, что категория есть вообще только форма проявления вно-

¹⁾ У А. Вознесенского эта мысль выражена в вульгарно-материалистической форме. Он пишет: «Абстрактный труд — это не индивидуальный труд, а труд общества. Это не труд какого-либо индивидуума, какой-либо личности; он представляет собой трату общественной энергии, энергии общества в целом». К сожалению, никто еще не открыл у общества, как такового, мускульной и нервной системы, при помощи которой оно могло бы расходовать «без индивидуума» свою энергию.

²⁾ Рубин, Очерки, стр. 100.

³⁾ Там же, стр. 108.

исторических законов, как напоминал Маркс в цитированном нами письме к Кугельману. Что касается специального вопроса о соотношении между стоимостью и абстрактным трудом, то спор здесь основан на простом недоразумении со словом «создает», которому придается грубо материалистический смысл. Так, Рубин пишет: «Только твердо установив это, понятие абстрактного труда, мы правильно поймем основное положение марксовой теории стоимости, гласящее, что труд «создает» стоимость. На первый взгляд это положение вызывает целый ряд вопросов и сомнений. Труд, трудовая деятельность есть нечто физическое, принадлежащее к миру явлений природы. Если этот труд создает стоимость, очевидно, последняя представляет какое-то свойство самой вещи как таковой, как предмета природы» ¹⁾. Все эти сомнения происходят не из того, что мы абстрактный труд примем в физиологическом смысле, а из того, что мы примем слово «создает» в буквальном физическом смысле. Между тем, сам Рубин берет это слово в кавычки, чувствуя, что этот термин надо понимать иначе. Абстрактный труд создает стоимость в том смысле, что он принимает форму стоимости продукта труда. «Меновая стоимость есть лишь определенный общественный способ выражать труд, потраченный на изготовление вещи» (Маркс) — вот и все. Ясно, что способ выражения может и должен носить исторический характер, тогда как то, что служит предметом выражения, не зависит от эволюции общественных форм. Никаких задушений и противоречий здесь нет, если только придавать вещам их настоящий смысл.

Между тем, если придерживаться определений Рубина — и здесь мы переходим к положительной части его теории — то надо небезопасно притти к заключению, что не абстрактный труд создает стоимость, а, наоборот, категория стоимости создает категорию абстрактного труда. У Рубина есть несколько различных и почти всегда сбивающихся определений абстрактного труда. Приведем некоторые из них. «Отвлечение от конкретных видов труда, как основная общественная связь между отдельными товаропроизводителями, — вот что такое абстрактный труд» (стр. 102). (Отвлечение... есть абстрактный труд — не совсем вразумительное определение). «Абстрактный труд появляется только в действительном акте рыночного обмена. Физиологическое равенство различных видов человеческого труда существовало всегда и само по себе, представляет факт, безразличный для общественной формы производства. Но равенство различных видов труда, создаваемое в товарном хозяйстве процессом обмена, равновесие между трудом, затрачиваемым в различных отраслях производства, передача труда из одной отрасли в другую, так сказать, стремление всех трудовых резервуаров общества к равному уровню, — это явление социальное, присущее товарному хозяйству и находящее свое выражение в понятии абстрактного труда» (стр. 103).

Это определение столь же неуклюже, как и предыдущее (стремление резервуаров к равному уровню). Но оно сверх того явно ошибочно. Прежде всего: сказать, что «равенство различных видов труда, создаваемое в товарном хозяйстве процессом обмена», есть явление, присущее только товарному хозяйству —

¹⁾ Рубин, «Очерки», стр. 107.

значит ничего не сказать. Само собою понятно, что там, где нет обмена, нет и товарного хозяйства. Другое же утверждение, что стремление труда к равному уровню, стремление к равновесию и пр. свойственно только товарному хозяйству, явно неверно. Между прочим, Рубин употребляет здесь термин «социальный» в смысле, равнозначном термину «рыночно» или «товарное» хозяйство. Такое употребление термина далеко не общепринято.

Наконец, следует здесь отметить, что по Рубину абстрактный труд появляется только «в действительном акте рыночного обмена» и, следовательно, до обмена не существует.

Далее Рубин еще более подчеркивает это положение, указывая, что приравнивание труда в товарном обществе происходит не непосредственно, «а через приравнивание вещей, не в процессе производства, а через обмен. Понятие абстрактного труда выражает эту специфическую историческую форму приравнивания труда».

Рубин полагает, что, «только твердо установив это понятие абстрактного труда, мы правильно поймем основное положение марксовой теории стоимости, глашающее, что труд «создает» стоимость». В чем же состоит это правильное понимание? А вот: ...«Если абстрактный труд есть понятие социальное, выражающее общественную форму организации труда в товарном хозяйстве», то «этот абстрактный труд, иными словами товарная форма хозяйства, и создает стоимость продуктов труда, т.е. то свойство их, которое является следствием данной общественной формы (товарной) производства, но приписывается вещам... Не труд как таковой, а лишь организованный в данной общественной форме (товарной) создает стоимость. Так, и только так, следует понимать положение, что абстрактный труд создает стоимость» (стр. 109). Однако, если в этом состоит весь результат долгих рассуждений, то напрасно наш автор потратил столько усилий. То, что он здесь «доказал», вовсе и не требовалось доказывать. В самом деле: мы здесь пришли к тому, что понятие абстрактного труда совершенно расплылось в тумане, отождествившись с понятием товарного хозяйства в целом, после чего не составляет никакого труда доказать, что именно товарное хозяйство создает стоимость. Кто же этого не знал? Теоретическая экскурсия оказалась в полном смысле бесплодной. Дальнейшие попытки автора выбраться из затруднений только увеличивают путаницу. Взаимоотношения между абстрактным трудом и стоимостью он дальше развивает следующим образом: «Отношение между трудом и стоимостью не должно быть мысленно, как отношение между физической причиной и физическим следствием. Труд—это абстрактный труд, производственное отношение между частными товаропроизводителями, связанными через обмен. Стоимость—вещное выражение этого производственного отношения. Труд и стоимость связаны между собой также связью, как производственное отношение людей и его вещественная форма... Такой именно смысл, как было уже указано, имеют выражения Маркса, что стоимость есть «овеществленный», «материализированный», «застывший» труд. Стоимость есть вещественное выражение специфических общественных свойств труда, а именно, организации его

на основе самостоятельного ведения хозяйства частными товаропроизводителями и связанных ими в обмене» (стр. 110).

Чем больше слов, тем меньше смысла. Сказать «труд... это производственное отношение»—все равно, что сказать «производство—это производственное отношение», т.-е. бессмыслицу. Труд есть почва, на которой строятся отношения, но труд и трудовые отношения—разные вещи. Что стоимость есть «овеществленный» труд—это верно, но это надо понимать в том же смысле, как и выражение «труд создает стоимость», т.-е. не в физическом, а в переносном, а именно: труд получает свое внешнее выражение в вещи, представляющей трудовые отношения.

Но хуже всего то, что все цитированные нами определения абстрактного труда ведут к неизбежному выводу: не труд создает стоимость, а наоборот. В самом деле: абстрактный труд появляется только в обмене. Но обмен есть прежде всего обмен вещей, приравнивание их друг к другу. Процесс этого обмена есть процесс возникновения стоимости, как отношения между производителями. Категория абстрактного труда в рубиновском понимании есть результат всего процесса, а не его исходный пункт. Вещи, таким образом, получают в схеме Рубина довольно своеобразную последовательность, и вся теория трудовой стоимости получает какой-то метафизический характер.

Содержание всех приведенных нами попыток определения абстрактного труда—если только в них есть какое-либо содержание—сводится у Рубина к возведению абстракции в квадрат. Это не только отвлечение от конкретных свойств труда, это—отвлечение от труда, как безличной физиологической деятельности, отвлечение от отвлеченного понятия. По Рубину физиологический общечеловеческий труд—только предпосылка абстрактного труда, но не самий труд, подобно тому, как конкретный вид труда—предпосылка для заключения о физиологическом труде. Таким образом, не только стоимость, но и абстрактный труд не заключают в себе ни одного атома материи. Понятие труда окончательно теряется и заменяется совершенно бесплодными, туманными и ошибочными социально-экономическими экскурсиями, в конце которых мы благополучно приходим к выводу, что абстрактный труд—не труд, а только известная форма его организации. Для чего нужно это Haarspaltere! Мы уже выше разобрали его «социально-исторические» мотивы. Но Рубин подкрепляет необходимость такого определения еще двумя аргументами. Он полагает, что только данное им определение абстрактного труда дает возможность, во-первых, провести точное разграничение понятий «труд» и «рабочая сила», и, во-вторых, понять смысл марксового положения, что труд сам по себе не имеет стоимости.

Только с этой точки зрения,—говорит Рубин,—нам выясняется то резкое различие, которое Маркс проводит между трудом, как созидателем стоимости, и рабочей силой. Было бы совершенно бесполезно конструировать эти два понятия, как два различных об'екта, отличающиеся своими естественными свойствами. Так именно поступает Бух. «Труд—это процесс превращения потенциальной энергии нашего тела в механическую

работу... Рабочая сила — это запас потенциальной энергии нашего организма, еще не превращенной в механическую работу». Такое «механическое» построение «совершенно чуждо Марксу». «Труд» и «рабочая сила» не разные об'екты внешнего мира, а различные социальные характеристики труда, различные «Formenbestimmtheiten». Абстрактный труд, создающий стоимость, — это выражение товарного общества; как совокупности автономных частных хозяйств, связанных производственными отношениями обмена. Наемный труд или рабочая сила — это выражение труда, обособленного от средств производства, противопоставленного им и соединяющегося с ними, в форме наемного договора между капиталистом и рабочим» (стр. 111). Мы привели эту длинную выписку для того, чтобы со всей наглядностью показать неизбежность извращения марксовских категорий, если пытаться их насилиственно втиснуть в рубиновскую надуманную «социально-историческую схему». Рубин фактически стирает здесь всякую грань между понятиями «труд» и «рабочая сила», взятыми, как явления внешнего мира. Попытку их разделить он заранее об'являет безнадежной, хотя и не обосновывает ничем своего безальтернативного приговора. Между тем, формулировка, которую мы находим у Маркса, не оставляет на сей счет никаких сомнений. «То, что она (политическая экономия. И. Д.) называет стоимостью труда, есть в действительности стоимость рабочей силы, которая реально существует в личности рабочего и которая так же отлична от своей функции труда, как машина отлична от своих операций» (Капитал, т. I, гл. о заработке плате). Кажется, ясно выразиться нельзя. По Марксу, различия между рабочей силой и трудом лежат именно в плоскости реального мира и стираются в условиях капиталистического хозяйства, где все явления принимают превратный вид. У Рубина диаметрально противоположный взгляд: во внешнем мире рабочая сила и труд — одно и то же. Различными они становятся исключительно под углом зрения товарно-капиталистического хозяйства. Здесь непримиримое противоречие с Марком¹⁾. Но не по этой причине, конечно, следует отвергнуть точку зрения Рубина. Дело в том, что теория Рубина ведет прямехонько к изображению стоимости рабочей силы, как платы за труд, т.-е. к смешению сущности заработной платы с ее внешней фальшивой видимостью, против чего Маркс направил самые острые стрелы своей критики. Если заработная плата есть плата за труд, то повисает в воздухе вся теория эксплоатации. Точка зрения Рубина есть возврат к классической экономии, которая действи-

¹⁾ Вот еще выдержки, свидетельствующие о том, что Маркс различал рабочую силу и труд, как об'екты внешнего мира.
«Лейтвентное движение зар. платы обнруживает явления, которые как будто свидетельствуют о том, что не стоимость рабочей силы оплачивается, а стоимость ее функции — труда... Во-первых, изменение зар. платы с изменением длины рабочего дня. Но с таким же основанием можно было бы заключить, что оплачивается не стоимость машины, а стоимость ее операций, ввиду того, что дороже обходится наем машины на неделю, чем на день» (Капитал, т. I, гл. 18).

«Созидание стоимости есть превращение рабочей силы в труд. В свою очередь рабочая сила есть прежде всего вещество природы, преобразованное в человеческий организм» (Капитал, т. I, гл. 7).

тельно не различала понятий «труд» и «рабочая сила» и именно поэтому не могла выйти за пределы буржуазной идеологии. Социально-историческое обоснование абстрактного труда оговаривает нас, таким образом, все дальнее и дальнее от подлинного марксизма. Мы уже не говорим о том, что попытка дать «социальную характеристику понятия рабочей силы принадлежит к тому же разряду изобретений, что и те многочисленные определения абстрактного труда, которые мы приводили выше. Рабочая сила без дальних околичностей переименовывается в наемный труд, ну, а наемный труд без особого труда можно определить, как общественно историческую категорию, свойственную капиталистическому хозяйству. То, что нужно было бы доказать, а именно — есть ли «рабочая сила» и «наемный труд» синонимы, Рубин оставляет без всякого доказательства. С такой логикой можно, конечно, доказать все, что угодно.

Между тем, рабочая сила, по Марксу, есть сила, «реально существующая в личности рабочего». В другом месте Маркс говорит: «Труд — сам есть проявление одной из сил природы — человеческой рабочей силы» (Критика Готской программы). Понятие рабочей силы Маркс употребляет в связи с характеристикой барщинного труда: «Каждый крепостной знает, что на службе своему господину он затрачивает лишь определенное количество своей собственной личной рабочей силы».

То определение рабочей силы, которое дает Рубин, относится к рабочей силе, превратившейся в товар, т.-е. в специфической общественной форме ее существования в рамках капиталистического общества. Но в таком случае это определение есть простая тавтология. Когда рабочая сила берется в качестве «товара», то тем самым уже предполагаются капиталистические отношения производства.

Немногим удачнее другое определение рабочей силы, которое Рубин дает несколькими строчками ниже (он вообще не сушится на определения). «Рабочая сила выражает производственное отношение между рабочим и капиталистом, связывающее их через обмен «вещью» (обмен денег на рабочую силу)» (стр. 112). Следовательно, здесь опять рассматривается не рабочая сила вообще, а в определенной форме товара.

Но для того, чтобы стать товаром, рабочая сила прежде всего должна быть «вещью», т.-е. об'ектом внешнего мира. Именно этот факт и позволяет ей иметь стоимость, ибо стоимость есть свойство «вещи» в меновом обществе. И с этой же точки зрения «труд» не имеет стоимости, потому что он не есть предмет обмена, не есть вещь, а только функция «вещи» — рабочей силы.

То же самое говорит и Рубин, хотя пробивается он к практическому определению через кучу им самим нагроможденных препятствий и противоречий. «Труд, как общественно-производственная связь, находит свое выражение в вещной форме стоимости, но сам не есть «вещь», «стоимость». Отсюда понятно, что труд (точнее общественная организация труда в товарной форме) создает стоимость, но сам не имеет стоимости. Наемный же труд или рабочая сила (точнее, труд в его классовой противоположности капиталу) выступает в форме товара, имеет стоимость, но не создает ее» (стр. 112). Здесь опять неверные форму-

лировки: «труд—производственное отношение», рабочая сила—наемному труду, что приводит к нелепому и дурно пахнущему положению—наемный труд не создает стоимости (?!). Но если эти шероховатости отбросить, то остается правильный вывод: труд—не «вещь», рабочая сила—«вещь». Отсюда их разное отношение к стоимости. Но отсюда же следует, что между трудом и рабочей силой есть коренное различие, лежащее в их об'ективной природе. Зачем же надо было городить огород, стирая между ними всякие границы, для того, чтобы потом их снова восстанавливать? Труд, потраченный на эти изыскания, не только не имеет никакой стоимости, но, пожалуй, и не создает ее.

На «теории» Вознесенского, которая соединяет Рубина с Марксом, налахивая в категорию абстрактного труда всевозможные определения, специально останавливаются не стоит. У Рубина попытка «социологизировать» понятие абстрактного труда имеет хотя бы характер внутренней последовательности, что и приводит ее к абсурду. У Вознесенского—обыкновенная эклектика, не представляющая никакого теоретического интереса.

Мы показали, что построение Рубина не вытекает из характера марксовых категорий и в существенных своих частях противоречит, и по букве, и по духу, тому содержанию, которое Маркс вкладывал в свои определения. Нам остается теперь в заключение разрешить последний вопрос: не имеет ли теория Рубина права на существование рядом с марксистской теорией? Быть может, есть достаточные основания для того, чтобы перестроить основные определения политической экономии по схеме, предлагаемой Рубином, невзирая на то, что она не согласуется с Марксом. На этот вопрос можно было бы дать положительный ответ только при одном условии: если бы категории Рубина помогали нам лучше уяснить действительность, чем категории Маркса, лучше понять механизм товарно-капиталистического хозяйства. Но дело в том, что именно этому требованию они не удовлетворяют.

К чему сводится попытка Рубина? Коротко говоря, она сводится к стремлению изгнать из предмета политической экономии всякие следы живой материи, лишить теоретическую систему марксизма ее материального фундамента. Если абстрактный труд—не труд в физиологическом смысле, если рабочая сила—не объект реального внешнего мира, если все это—бесплотные «социологизированные» абстракции, неуловимые «отношения» «товарного общества»—и только, то, следовательно, эти категории ставятся в один ряд с остальными категориями буржуазного хозяйства, как прибыль, процент, капитал, классы и т. д. Но ведь тогда исчезает всякая об'ективная опора для научного исследования буржуазного общества. В самом деле: задача экономической науки должна состоять в том, чтобы свести специфические капиталистические формы проявления законов общественного «производства жизни» к самим этим законам, чтобы «пролить» путем отвлеченного анализа, внутреннее строение экономической ткани, затуманенное, замаскированное противоречивыми формами капиталистического хозяйства... Основные категории этого хозяйства, как капитал, прибыль и т. д., представляют экономические явления в превратном виде, в кри-

вом зеркале. Чтобы разоблачить этот фетишизм поверхностных явлений, сам исследователь должен во всяком случае обладать орудиями и категориями не фетишизированного порядка, он должен в своем отвлеченном анализе поставить себя вне категории буржуазного хозяйства. Иначе он сам будет у них в пленах, как это и случилось с классической школой,¹ в лице ее проницательнейшего представителя—Рикардо. Но где же лежит эта почва, выводящая нас за пределы буржуазного мировоззрения? Это—точка зрения труда в его общечеловеческом смысле. К чему сводится марксовский анализ буржуазного общества? Он показывает, что прибыль не вырастает из капитала, или рента из земли, что капитал и стоимость—не свойства вещи, как таковой, что деньги также не та блестящая видимость, за которую их принимают, что все это—лишь формы проявления общечеловеческого абстрактного труда, производческой материи, из которой выковываются общественное производство, классы и их многообразные взаимоотношения. На этом фундаменте построена вся теория прибавочной стоимости, вся теория эксплуатации. Только сведением всех общественно-экономических отношений к труду удается разоблачить мистификацию буржуазных экономических форм, и эту заслугу Маркс приписывает прежде всего классической школе, хотя она не сумела осуществить свою теоретическую задачу со всей необходимой последовательностью. Великая заслуга классической экономии заключается в том, что она разрушила эту ложную внешнюю видимость и иллюзию, эту обособление и фиксирование различных элементов богатства один от другого, эту персонификацию вещей и овеществление отношений производства, эту религию повседневной жизни,—разрушила тем, что она свела процент к части прибыли и ренту к избытку над средней прибылью так, что обе сливаются в прибавочной стоимости; тем, что она представила процесс обращения, как простой метаморфоз форм, и, наконец, в непосредственном процессе производства свела стоимость и прибавочную стоимость товаров к труду» («Капитал», т. III, ч. II). Если же теперь нам объясняют, что и тот «труд», к которому мы сводим, как к первооснове, все явления товарно-капиталистического хозяйства, также не есть труд в собственном смысле слова, а только форма того же товарного общества, то вся постройка повисает в пространстве, и теория вращается в замкнутом кругу «социально-исторических» категорий, как белка в колесе. Вся схема получает характер известного обяснения: земля на китах, киты на воде, вода на земле. К этому неизбежно должно привести непомерное усердие в социологизировании понятий, «изгнание материи» из экономического исследования. Это шаг назад от материалистического метода Маркса в сторону того фетишизма экономических отношений, который Рубин весьма удачно разоблачает в других частях своей книги.

БИБЛИОГРАФИЯ.

БИБЛИОГРАФИЯ

Литература о французских материалистах XVIII века.

К числу наиболее выдающихся предшественников современного диалектического материализма, несомненно, следует отнести французских философов XVIII века, теоретические воззрения которых, по справедливому замечанию Плеханова, «представляют собою высшую точку в развитии материалистической философии до Маркса¹⁾. Высокую оценку материалистических воззрений французских философов, выступивших в ту замечательную эпоху, которую Гегель сравнил с «величественным восходом солнца», мы находим как у основоположников научного коммунизма Маркса и Энгельса, так и у их наиболее последовательных философских единомышленников—у Плеханова и Ленина. Уже в 40-х годах, подвергая в «Святом семействе» беспощадной критике различные системы немецкого идеализма в лице Бруно Бауэра и К^o, Маркс указывал, что «французское просвещение, а в особенности французский материализм XVIII столетия, представляет собою не только борьбу против существующих политических учреждений, религии и теологии, но также открытую, ясно выраженную борьбу против метафизики XVII столетия и против всякой вообще метафизики, против метафизики Декарта, Мальбранши, Спинозы и Лейбница²⁾.

Развивая далее свои воззрения на судьбы материалистической философии в Англии и Франции, Маркс подчеркивает, что одно из «направлений французского материализма приводит непосредственно к социализму и коммунизму», так как,—поясняет далее Маркс:—«Не требуется большого ума, чтобы усмотреть связь между учением материализма о прирожденной склонности к доброму, о равенстве умственных способностей людей, о всемогуществе опыта, привычки, воспитания, о влиянии внешних обстоятельств на человека, о высоком значении индустрии, о нравственном праве на наслаждение и т. д. и коммунизмом и социализмом³⁾.

Эти коммунистические тенденции Маркс находит у Мандевиля, Фурье, бабуинистов, Оуэна, Кабэ, Дезали, Гэя и других писателей, в той или иной степени испытавших на себе философско-материалистическое влияние французских мыслителей XVIII века. Нельзя не согласиться с Ф. Мерингом, отнесшим отрывок Маркса о французском материализме к самым блестящим частям «Святого семейства»⁴⁾.

¹⁾ Г. В. Плеханов, Материализм или кантианизм, т. XI, стр. 125.

²⁾ Маркс и Энгельс, Литературное наследие. Перевод под ред. Л. Аксельрод, В. Засулич и Д. Кольцова. Т. II. 1908, стр. 265.

³⁾ Там же, стр. 272.

⁴⁾ Там же, стр. 102.

Библиография.

221

Подвергнув столь высокой оценке философское наследие французского материализма, основоположники научного коммунизма не могли также не отметить и слабые стороны этого материализма, вытекавшие из научной отсталости естествознания того времени. Так, Энгельс в «Людвиге Фейербахе», останавливаясь на сильных и слабых сторонах фейербахского материализма и указывая, что материализму «приходится принимать новый вид с каждым новым величайшим открытием, составляющим эпоху в естествознании»,才知道 и отмечает эти слабые стороны и у французских материалистов, философская ограниченность которых выражалась в том, что они в своей методологии подпали под сильное влияние механики, к тому времени единственной из естественных наук достигшей известной законченности⁵⁾. С этой механичностью связана была и другая, подчеркнутая далее Энгельсом, «чертка ограниченности этого материализма»—а именно—«неспособность взглянуть на мир, как на процесс, как вещество, которое находится в непрерывном развитии»⁶⁾. Это отсутствие диалектического взгляда на природу, которого французские материалисты неспособны были также развить и в своих социологических суждениях, является, конечно, весьма существенным недостатком сравнительно с материализмом Маркса и Энгельса. Этот недостаток французского материализма, конечно, не следует затушевывать и тогда, когда мы в наше время подчеркиваем выдающиеся философские заслуги французских мыслителей XVIII века и вместе с тем мы показываем, каким научным убожеством отличаются некоторые философские «системы» XX в., пытающиеся, между прочим, атаковать диалектический материализм, присваивая ему лишь слабые стороны механического материализма и игнорируя все те важнейшие научные достижения, которые как раз и отличают современный материализм от материализма XVIII в.

Особенно высоко Энгельс расценивал французскую материалистическую литературу с точки зрения ее боевых атеистических тенденций. В своей статье «Программа коммунаров-бланкистов» Энгельс, критикуя атеистические методы борьбы с «идеей бога», подчеркивает чрезвычайную важность ознакомления пролетариата с атеистическими произведениями французских материалистов, указывая, что для «искоренения религиозных предрассудков, иногда еще владеющих умами рабочих, «всего проще было бы позаботиться, чтобы среди рабочих была распространена в громадном количестве блестящая французская материалистическая литература XVIII века—такая литература, которая, со стороны формы и содержания, представляет собою до сих пор величайшее создание французского гения, которая по своему содержанию, принимая во внимание тогдашнее состояние науки, и теперь еще стоит на недоскакаемой высоте, а по форме и теперь еще не имеет ничего себе равного»⁷⁾.

Этот философский завет Энгельса пытался осуществить у нас Плеханов на исходе первой революции, приступивши к изданию на русском языке целой серии произведений французских материалистов, но из этого задуманного плана, как признается сам Плеханов, «ничего не вышло, так как наша читающая публика равнодушна теперь к материализму»⁸⁾. Это равнодушие к материализму читающей публики того времени, как и более раннего периода, не остановило Плеханова в его неутомимой работе по

⁵⁾ Ф. Энгельс, Л. Фейербах, пер. Плеханова. См. приложение к его сочинениям, т. VIII, стр. 328.

⁶⁾ Там же, стр. 323.

⁷⁾ Ф. Энгельс, Статьи 1871—1875 г.г., пер. с нем. В. Смирнова; под ред. А. Санина, 1919 г., стр. 50—51.

⁸⁾ Г. Плеханов, Materialismus Militans, т. XVII, стр. 17.

научному исследованию философского наследия французского материализма и его взаимоотношениях с материализмом диалектическим. Результатом этой работы Плеханова явился ряд блестящих статей, в которых всесторонне вскрыто философско-социологическое и революционное значение «несравненных по форме и до сих пор чрезвычайно поучительных по содержанию сочинений французских материалистов XVIII в.»⁹⁾. Тот анализ французских материалистов, который был Марксом и Энгельсом дан в общей форме, Плеханов углубил дополнительным исследованием как общих гносеологических, так и социологических воззрений французских философов XVIII в., всячески подчеркивая их ограниченность механическими тенденциями, в силу чего «материалисты-метафизики видели, как необходимость подчиняет себе людей», но не доработались до диалектического материализма, который обясняет, «как можно их освободить»¹⁰⁾.

Эти традиции глубокого научного интереса к французским материалистам целиком были восприняты Лениным, указывавшим, что идеями французского материализма вдохновлялась Великая Французская Революция, что «материализм оказался единственной последовательной философией, верной всем учениям естественных наук, враждебной суеверию, ханжеству и т. д.»¹¹⁾. В своей статье «О значении воинствующего материализма»—этом философском завещании нашему поколению, Ленин снова подчеркивает то громадное значение, которое имеет литературное наследие французских материалистов, горячо рекомендая сделать его достоянием народных масс, пребывающих еще во власти всевозможных суеверий, религиозных предрассудков, привитых им всем их непривлекательным прошлым. Ленин, конечно, понимает, что литература эта во многом отсталла, но эти слабые стороны Ленин предлагает ослабить, снабдивши те или иные произведения соответствующими пояснительными замечаниями сообразно всем новейшим достижениям научной мысли. «Бойкая, живая, талантливая, остроумно и открыто нападающая на господствующую поповщину публицистика старых атеистов XVIII в.»,—говорит Ленин,—сплошь и рядом окажется в тысячу раз более подходящей для того, чтобы пробудить людей от религиозного сна, чем скучные сухие неиллюстрированные почти никакими умело подобранными фактами пересказы марксизма, которые преобладают в нашей литературе и которые (ничего греха таить) часто марксизм искажают»¹²⁾.

На этот призыв Ленина горячо отклинулся Институт К. Маркса и Ф. Энгельса и «Общество воинствующих материалистов», деятельности которых мы обязаны ныне появлением в русских переводах классиков французской материалистической мысли XVIII в. Идея, над осуществлением которой тщетно бился Плеханов в 1906 г., ныне успешно поддается вперед, так как нынешняя «читающая публика», из которой вышел Октябрь и которая вышла из Октября, уже не может быть более равнодушна к материализму, этому духовному оружью всякого класса,ступающего на историческую арену в качестве строителя новых общественных форм на фоне реальной действительности, а не бесплотной фантазии.

Появление французских материалистов на русском языке тормозилось не только равнодушием русской читающей публики к материализму, но и в немалой степени и усердной заботливостью царской цензуры, недре-

⁹⁾ Там же, стр. 16—17.

¹⁰⁾ Плеханов, Очерки по истории материализма, т. VII, стр. 188.

¹¹⁾ Ленин, Три источника и три составные части марксизма, т. XII, часть 2, стр. 55.

¹²⁾ Ленин, О значении воинствующего материализма. «Под Знаменем Марксизма» 1922 г., № 3, стр. 7.

мание око которой зорко следило за тем, как бы к нам не просочились зловредные идеи французских безбожников. Трагическая судьба Радищева, возмевшего смелость познакомить русское общество с идеями Гельвеция, является достаточным для того доказательством. Надо думать, что по этим же соображениям русский гольбахианец И. Пини, помещая отрывки из «Системы природы» в «С.-Петербургском Журнале» в 1798 г., не счел возможным подписывать их именем Гольбаха, ограничившись лишь мало значащей фразой: «перевел с иностранного языка Петр Яновский»¹³⁾. Необходимо заметить, что на материалистическую философию обрушивались не только цензуры власти, но также выступившие у нас после французской революции разные реакционные писатели, примкнувшие к так наз. розенкрейцерству, одному из самых ярких обскурантских философских учений. «Оные модные философы,—писал один из выдающихся русских розенкрейцеров И. В. Лопухин,—вредные пустословы; они прелестными для плоти писаниями своими много содействовали к порождению буйного стремления к минимому равенству и своеолию в противность порядку небесного и земного благоустройства, и в противность божественному величию царя чтить и повиноваться властям предержащим»¹⁴⁾. Этую пагубную внутреннюю связь между материалистическими и политическими идеями французских философов XVIII в. Лопухин далее подчеркивает в другом месте, говоря, что «сочинения Вольтеров, Дiderотов, Гельвециев и всех антихристианских вольнодумцев много способствовали нынешнему юродству Франции. Да и возможно ли, чтобы те, которые не чтут самого царя царей, могли любить царей земных и отнюдь им повиноваться»¹⁵⁾.

В этих словах старого русского реакционного мыслителя содеряются много верных мыслей, не утративших своего значения и для наших дней. Нам остается лишь всячески содействовать ознакомлению читательских кругов с тем важным идеальным наследием, которое нам оставили французские просветители, подвергнув его теоретической обработке на основе дальнейшего развития материалистической философии и в таком критически обработанном виде включить его в ту богатейшую сокровищницу идей, которую мы называем современный диалектический материализм.

Настоящая библиографическая сводка имеет своей задачей дать представление о русской литературе, посвященной французскому материализму XVIII в., и охватывает произведения как главнейших его представителей, так и литературы о них.

I. Общие марксистские труды.

Аксельрод (Ортодокс), Л. Проблема этики в современном освещении. (По поводу «Этика и исторический материализм» К. Каутского, см. ее сборник статей: «Против идеализма»). Гиз. 2-е изд. Стр. 51—61.

Аксельрод-Ортодокс, Л. Предисловие к «Основным вопросам марксизма». Г. В. Плеханова. Курск. Изд. «Советская деревня», 1925. Стр. 17—20.

Вольфсон, С. Я. Диалектический материализм. Изд. 4-е. Минск, Белосточечать. 1924 г. Гл. IV. Материализм восемнадцатого века. Стр. 40—61.

Горев, Б. Материализм—философия пролетариата. Изд. 5-е «Пролетарий». Харьков 1925. Стр. 32—39.

¹³⁾ И. Луппоп, Русский гольбахианец конца XVIII в. «Под Знаменем Марксизма» 1925, № 3, стр. 77.

¹⁴⁾ П. Сакулин, Русская литература и социализм. 2-е изд. ГИЗ. М. 1924, стр. 60.

¹⁵⁾ Там же, стр. 60—61.

Деборин, А. Введение в философию диалектического материализма с предисловием Г. Плеханова. Изд. 3-е. М. 1924 г. Стр. 88—94 (О Ламетри, Кондильяк, Гольбахе). Стр. 220—225.

Егоршин, В. Проблема материализма французских материалистов XVII в. Сборн. «Воинствующий Материалист». Кн. 5. К-во «Материалисты». М. 1925. Стр. 96—134.

Каутский, К. Этика и материалистическое понимание истории, перев. с нем. И. Постмана, с приложением: 1) Статьи Каутского: «Кизнь, наука и этика», 2) Аксельрод (Ортодокс) «Этика Каутского». М. ГИЗ. 1922 г. и ряд др. изд. гл. П. «Этика в просвещении». Стр. 15—23. См. выражение у И. Аксельрод: «Проблема этики в современном освещении». Там же, стр. 158—170.

Коган, П. Очерки по истории западно-европейской литературы. Т. I. М. 1903. Стр. 261—267. Тоже. Изд. 1908.

Лукин (Антонов), Н. Новейшая история Западной Европы. Вып. I. М. 1923. Изд. «Красная Нояь». Стр. 65—68.

Луппоп, И. Примечания ко II тому «Книги для чтения по истории философии» А. Деборина. «Новая Москва». М. 1925. Стр. 625—646. О Вольтере—625—627. Мельье—627—629. Де-Кондильяк—629—631. Даламбер—631—632. Ламетри—633—635. Гельвеций—635—637. Робин—стр. 637—639. Дидро—639—641. Гольбах—641—644. Кабанис—644—646.

Разумовский, И. Курс теории исторического материализма. М. Гиз. 1924 г. См. «Французские материалисты XVII века. Ламетри, Гольбах, Гельвеций, Дидро». Стр. 38—42.

Рязанов, Д. Маркс и Энгельс. М. Изд. «Московский Рабочий» 1925. Стр. 55—59.

Рязанов, Д. Предисловие и примечания к «Очеркам по истории материализма» Г. В. Плеханова. Гиз. 4-е изд. М. 1923. Стр. 3—8, 257—267.

Семковский, С. Французский материализм кануна великой революции. В виде предисловия к «Бог—природа—человек» Гельвеция. 2-е изд. «Путь Просвещения». Харьков. 1923. Стр. 9—7.

II. Маркс и Энгельс.

Маркс, К. и Энгельс, Ф. Святой Макс (Критика учения Штириера), перев. с нем. под ред. и вступ. ст. «Социальная философия Штириера». Б. Гимельфарба. М. Гиз. 1920. Стр. 203. (О Гельвеции.)

Маркс, К. Критическое сражение с французским материализмом см. «Из литературного наследия К. Маркса, Ф. Энгельса и Ф. Лассала». Полный перевод с французским введением Ф. Меринга, под ред. А. Аксельрод, В. Засулич и Д. Коллькова. Одесса. Изд. «Освобождение Труда». 1908. Стр. 265—276. Настоящий отрывок в несколько сокращенном виде вошел прилож. к русск. пер. А. Фейербаха, Ф. Энгельса. М. Изд. «Красная Нояь». 1923 г. Стр. 78—86. Вошел также в «Историю философии в марксистском освещении», ч. I, составлен Столпером и Юшкевичем. Изд. «Мир». М. 1925.

Маркс, К. Капитал. т. I. Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса. М. 1923. Стр. 598. (О Гельвеции.)

Маркс. Письмо Энгельсу от 15/IV 1869. См. Маркс и Энгельс. Письма Изд. «Московский Рабочий». М. 1922. Стр. 190—191. (О Дидро.)

Энгельс, Ф. Программа коммунаров-бланкистов. См. его «Статьи 1871—1875 гг. Перевод с немец. Б. Смирнова под редакцией А. Санина. Изд. Союза Коммун. Северной области. П. 1919. Стр. 50—51.

Энгельс, Ф. Анти-Дюринг (переворот в науке, произведенный г. Евгением Диорнингом), перев. с нем. 3-е изд., исправл. и доп. М. Е. Ландau. М. Изд. «Московский Рабочий». 1923. Стр. 25—26, 29, 34, 35, 239.

Энгельс, Ф. Людвиг Фейербах. Перев. с предисловием и примеч. Г. В. Плеханова. М. Изд. «Красная Нояь». 1923. Стр. 45—47, 66—67.

Энгельс, Ф. Предисловие к английскому изданию «Развитие социализма от утопии к науке». Институт К. Маркса и Ф. Энгельса. (Из серии «Библиотека марксиста», под редакцией Д. Рязанова.) Гиз. 1926. Стр. 29—30. (Предисловие это вышло несколькими отд. изд. под названием «О материализме».)

III. Г. В. Плеханов.

Плеханов, Г. Предисловие ко 2-му изд. русск. пер. А. Фейербаха. Ф. Энгельса. Сочинения. Гиз. 1925. т. XVIII. Стр. 256—261.

Плеханов, Г. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Сочинения. Гиз. 1923. т. VII. Гл. I. Французский материалист XVII века. Стр. 65—74.

Библиография.

Плеханов, Г. Очерки по истории материализма (Гольбах, Гельвеций, Маркс). Сочинения. Гиз. 1923, т. VIII. Стр. 29—192.

То же. Отд. изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией с примеч. Д. Рязанова. 4-е изд. Гиз. 1923. Стр. 3—213 и примечания, 257—277.

То же с предисловием Б. Столпнера. (Стр. 3—24.) Харьков 1922.

Плеханов, Г. В. I) Бернштейн—материализм. 2) К. Шмидт против К. Маркса и Ф. Энгельса. 3) Материализм или кантианизм. 4) Еще раз материализм. Сочинения. Гиз. 1923 г., т. XI. См. стр. 9—22, 109—112, 98—99, 125—128, 133—134.

Плеханов, Г. Материалистическое понимание истории (ненайденные лекции), перев. с франц. Е. О. С предисловием Р. Плехановой. Группа «Освобождение Труда». Под редакц. Л. Г. Дейча. Сборник № 4. Гиз. 1926 г. Стр. 18—20, 24, 27, 30, 33.

Плеханов, Г. Г. Дицген. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 277, 282—283.

Плеханов, Г. (Ответ г. Богданову.) Письмо первое. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 11—23. (О Гольбахе.)

Плеханов, Г. Жан-Жак Руссо и его учение о происхождении неравенства между людьми. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 8—9, 22.

Плеханов, Г. В. Предисловие к «Введение в философию диалектического материализма» А. Деборина. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 314—316.

Плеханов, Г. В. История русской общественной мысли. Книга третья. Сочинения, под редакцией Д. Рязанова. Гиз. 1925, т. XXII, гл. VII. Западная общественная мысль в XVIII веке и ее влияние на Россию. Стр. 5—93, гл. XI. Реакция против освободительной философии XVIII века на Западе и в России. Стр. 242—287, гл. XIII. А. Н. Радищев. Стр. 333—364, а также стр. 146—153.

IV. Ленин.

Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Сочинения, т. XII, ч. 2, стр. 55.

Ленин. Материализм и эмпириокритицизм. Сочинения. Гиз, т. X. Стр. 11—23, 31—32, 100, 199.

Ленин, Н. О значении воинствующего материализма. «Под Знаменем Маркса» 1922, № 3, стр. 7.

V. Французский материализм перед судом философской «ревизии».

Богданов, А. Предисловие к русск. переводу книги Э. Маха. Анализ ощущений и отношение физического к психическому. Изд. Скирмунта. М. 1907. См. рец. С. Франка: «Русская Мысль» 1907, XI и «Совр. Мир» 1907, VII—VIII.

Богданов, А. Философия живого опыта. 3-е изд. «Книга». М.—П. Стр. 161—173, 1923 г.

Луначарский, А. Религия и социализм, т. II. Изд. «Шиповник». СПб. 1913. См. «Материалисты». Стр. 274—285. (О Дидро и Гольбахе.)

Луначарский, А. От Спинозы до Маркса. Изд. «Новая Москва». 1925. Маркс и Энгельс о франц. материализме XVIII в. Стр. 70—76.

Штерн, Я. Экономический и натур-философский материализм. Сборник «Исторический материализм», составленный С. Ю. Семковским. 5-е изд. Гиз. 1924 г.

VI. Гельвеций.

Гельвеций. Об уме. Труды Петроградского философского общества, перев. с франц., под ред. и с введением Э. Радлова. П. 1917. XXXI—436 стр. Отрывки появлялись в след. изданиях: 1) Об источниках страстей. «Невинное Управление». 1763. 2) О силе страстей. «Новые Ежемесечные Сочинения». 1793. Июль. Стр. 34—48. 3) О несправедливом употреблении слов. Там же, 1786. Декабрь. Стр. 69—87. 4) Первоначальные понятия. «Собрание Новостей». 1776. Март. Стр. 3—13. 5) О злоупотреблении слов. Там же. Апрель. Стр. 3—15. 6) Об уме. Об основах этики. «Книга для чтения по истории философии», под ред. А. Деборина, т. II, Стр. 64—73. М. 1925. «Новая Москва».

7) Теория философско-культурной относительности. 8) Теория страстей. Последние два отрывка в «Хрестоматии по французскому материализму», под ред. Плотникова, вып. 2-й. П. 1923. Стр. 52—129.

Дух Гельвеция, перев. с франц. Д. Б. Тамбов. 1788.

Гельвеций, Бог—природа—человек. Пер. Н. Шор-Семковской с предисл. С. Семковского. Изд. Главполитпросвета УССР. Харьков 1922 г. Стр. 99.

Под Знаменем Маркса.

То же. 2-е изд. «Путь Просвещения». Харьков 1925. Стр. 58. См. рец.: «Под Знаменем Марксизма» 1922, № 11—12. Стр. 253—255 и в «Печать и Революция» 1923, № 4. Стр. 288—229.

То же, под загл. «Истинный смысл системы природы». Пер. И. Лупполя, под ред. и с вступ. статьей А. Деборина. Изд. «Новая Москва». 1922, Стр. 163. Ом. рец.: В. Румян. «Под Знаменем Марксизма», 1922, № 11—12. Стр. 252—253. А. Троицкий. «Печать и Революция». 1923, № 4. Стр. 226—227. Гельвеций, К. Отрывки из его «De l'homme». 1) «Книга для чтения по истории философии», т. II. 1925. Стр. 74—76. «Общительность», перев. А. Троицкого. 2) «Хрестоматия по французскому материализму», вып. II. 1921. Стр. 21—23. («Об общительности»). Стр. 38—52, 128—139. Пер. И. Я. Колубовского.

О Гельвееции.

Воронцов, И. К. А. Гельвеций. М.—Л. Гиз. 1926. Стр. 97¹). Деборин, А. Вступительная статья к «Истинному смыслу системы природы» Гельвеция. М. Изд. «Новая Москва» 1923. Стр. 11—41. Алексеев, А. С. Макиавелли как политический мыслитель. М. 1880. Стр. 277—284.

Ланге, Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время, пер. с 3-го нем. изд. Н. Страхова. 2-е изд. Л. Пантелеева. СПб. 1899. О Гельвееции. Стр. 252, 253, 276—278, 297, 662, 667.

Мордай, Д. Дидро и энциклопедисты. М. 1882, гл. XIII. Гельвеций. Стр. 339—360.

Плеханов, Г. Очерки по истории материализма (Гольбах, Гельвеций, Маркс). Сочинения. Гиз. 1923, т. VIII. Стр. 29—192.

То же. Отд. изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией и с примеч. Д. Рязанова. 4-е изд. Гиз. 1923. Стр. 3—213 с примечаниями, 257—277.

Радлов, Э. К. А. Гельвеций. «Вестник Европы». 1917. IV—VI. Стр. 67—94.

То же. В виде вступ. статьи к русск. пер. «Об уме» Гельвееция. Л. 1917 г.

Троицкий, А. Этические взгляды Гельвееция. Труды Института Красной Профессуры, т. I. 1923, стр. 35—42.

Щеголев, П. П. К вопросу о социологических воззрениях Гельвееция. «Из далекого и близкого прошлого». Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н. И. Кареева. Изд. «Мысль». 1923. Стр. 187—194.

VII. Гольбах.

Гольбах, П. Отрывки из «Системы природы» без указания автора в неполных и подчас искаженных переводах П. Яновского, печатались в «С.-Петербургском журнале», изд. И. Пинним в 1798 г. 1) «О природе». Февраль, стр. 196—206. 2) «О движении и начале онто». Март, стр. 293—310. 3) «Лас неба». Июнь, стр. 28—42.

Гольбах. Отрывки из «Всеобщей морали» без указания автора и переводчика печатались в «С.-Петербургском журнале» за 1798 г. 1) «Невоздержание». Июнь, стр. 222—223. 2) «О праздности». Июль, стр. 54—57. 3) «О привычках, должностях и обязанностях нравственных». Там же, стр. 58—63. 4) «О человечестве». Август, стр. 32—34. 5) «О благодеянии», там же, стр. 54—57. 6) «Нравственные мысли», там же, стр. 57—60. 7) «О человеке и его природе». Октябрь, стр. 79—82. 8) «О совести». Декабрь, стр. 273—283.

Гольбах, П. Всеобщая нравственность, основанная на религии, перевод И. Полозова. М. 1831 (неполный и искаженный перевод).

Гольбах, П. Здравый смысл. Атеистический памфлет XVIII века. Со вступ. статьей А. М. Деборина. Изд. «Материалист». М. 1924. Стр. XXII—335. Изложение см. в «Хрестоматии по материализму XVIII в.». Вып. I, под ред. с пред. И. Плотникова. Изд. «Прибой». 1923. Стр. 219—230.—Отрывок вошел в «Антирелигиозную хрестоматию». Г. Гурева. 1925. Изд. «Гомельский рабочий». М. 1924. Стр. 126. Рец. И. Стуков. «Книгоноша» 1924, № 3.

¹⁾ См. рец. И. Лупполя. «Под Знам. Марксизма» 1926, № 3.

Гольбах, П. Разоблаченное христианство или исследование началь и выводов христианской религии. Пер. Б. Румера и Я. Виткина, сопред. А. Деборина. Изд. «Материалист». М. 1924. Стр. 182.

Гольбах, П. Карманский богословский словарь, пер. с франц., под ред. и пред. И. Лупполя. Изд. «Материалист». М. 1925. Стр. 175. См. рец. Н. Кареева «Под Знаменем Марксизма» 1925 г., № 10—11. Стр. 261—262.

Гольбах, П. Система природы или о законах мира физического и мира духовного. Перев. П. Юшкевича. Со вступ. статьей А. Деборина. Гиз. М. 1924. Стр. 578; гл. 1—6, 8, 11, 13 (сокращ.), печ. также в «Хрестоматии по франц. материализму XVIII в.», вып. I и II. Изд. «Прибой». 1923—1924 г. г., а гл. 6—9 в «Под Знаменем Марксизма», 1923, № 11—12. Отрывки также в «Книге для чтения по истории философии», т. II. О Гольбахе. См. рец. 1) Гр. Баммеля. «Печ. и Рев.» 1925, V—VI. Стр. 433—436. 2) «Книгоноша» 1924, № 40.

Аксельрод (Ортодокс). Л. Проблема этики в современном освещении. (По поводу «Этика и исторический материализм» К. Каутского). См. ее сборник статей: «Против идеализма». Гиз. 2-е изд. Стр. 51—61.

Алексеев, А. С. Макиавелли как политический мыслитель. М. 1880. Стр. 284—290.

Альтер, И. М. Философия Гольбаха. К характеристике материализма XVII века. Труды Института Красной Профессуры под общим ред. А. Деборина. М. Изд. «Новая Москва». 1925. Стр. 279. Некоторые гл. вперв. печ. в «Историко-Философском сборнике». М. Изд. Коммун. Академии. С предисловием А. Деборина. 1925.

Беркова, П. Гольбах, М. Изд. «Красная Ноябрь». 1923 г. Рец. «Материалист». Зап. Научн. О-ва марксистов. 1923. № 5. Стр. 225—226.

Болотников, А. Салон Гольбаха. См. «Истор.-Философ. сборник». Ин-та Красн. Профессуры. Изд. «Коммун. Академии». М. 1925. Стр. 185—193.

Болотников, А. Русское издание французских материалистов XVIII в. «Воинствующий материалист». Сборник № 3. М. 1925. Стр. 78—91.

Деборин, А. Гольбах. «Под Знаменем Марксизма» 1923, № 11—12.

Деборин, А. Предисловие к «Системе Природы». П. Гольбаха. Гиз. М. 1924. Стр. III—XXXV.

Деборин, А. Предисловие к «Разоблаченному христианству» П. Гольбаха. М. Изд. «Материалист». 1924. Стр. 5—8.

Деборин, А. Воинствующий атеизм. См. предисловие к книге П. Гольбаха: «Здравый смысл». Изд. «Материалист». М. 1924. Стр. III—XXXII. Из называемых статей А. Деборина—первая, вторая и четвертая—перепечатаны в его сборнике статей: «Философия и марксизм». Гиз. 1926. Стр. 185—243.

Засулич, В. Жан-Жак Руссо. М. Изд. «Новая Москва». 1923. Стр. 42—43. (О Гольбахе.)

То же во II т. Сборник ее статей. СПб. 1907.

То же под псевдонимом Н. Карайин. СПб. 1899 г.

Каутский, К. Этика и материалистическое понимание истории, перев. с нем. И. Постмана, с приложением: 1) Статьи Каутского: «Кизнь, наука и этика». 2) Л. Аксельрод (Ортодокс). «Этика Каутского». М. Гиз. 1922 г. и ряд др. издан., гл. II. «Этика просвещения». Стр. 15—23. См. возражения у А. Аксельрод: «Проблема этики в совр. освещении». Там же. Стр. 158—170.

Ланге, Ф. А. История материализма и критика его значения в наст. время, перев. с 3-го нем. изд. Н. Страхова. Изд. 2-е. Л. Пантелеева. СПб. 1899. О Гольбахе. Стр. 236, 237, 252, 273, 278, 280—303, 308, 311, 321, 330, 468.

Луппоп, И. Библиография о Гольбахе. См. Гольбах. Система природы. Перев. П. Юшкевича. Со вступ. статьей А. Деборина. Гиз. 1924. Стр. 572—576.

Луппоп, И. Предисловие к «Карманскому богословскому словарю» П. Гольбаха. Изд. «Материалист». М. 1925. Стр. 3—22.

Луппоп, И. Русский гольбахианец конца XVIII в. См. «Под Знаменем Марксизма», № 3. 1925. Стр. 75—103. (О русском материалисте И. П. Пинне. 1773—1805 гг.).

Луппоп, И. П. Гольбах «Книга для чтения по истории философии», под ред. А. Деборина. М. 1925, т. II. Стр. 641—644.

Луначарский, А. Религия и социализм. СПб., т. II. Стр. 274—285.

Маутнер, Ф. Атеизм в эпоху Великой Французской революции. Перев. И. Я. Колубовского. Л. Изд. «Петроград». 1924. Стр. 78. См. рец. И. Лупполя. «Печ. и Рев.» 1924, VI.

Мордай, Д. Дидро и энциклопедисты. М. 1882, гл. XIV. Гольбахова «Система Природы». Стр. 361—391.

- Плеханов, Г. Очерки по истории материализма. (Гольбах, Гельвейций, Маркс). Сочинения. Гиз. 1923, т. VIII. Стр. 29—192.
 То же. Отд. изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, под редакцией и с примеч. Д. Рязанова. 4-е изд. Гиз. 1923. Стр. 3—213 с примечаниями, 257—277.
 Плеханов, Г. (Ответ г. Богданову) Письмо первое. Сочинения. Гиз. 1925, т. XVIII. Стр. 11—23. (О Гольбахе).
 Радлов, Э. Гольбах. Энциклопед. словарь, под ред. Андреевского, том IX. Изд. «Брокгауз-Эфрон». СПБ. 1893.
 То же. «Новый Энцикл. Словарь», т. XIV. Стр. 75—77.

VIII. Дидро.

- Дидро, Д. Примечания к книге Беккарна «Рассуждение о преступлениях и наказаниях, переведенное с итальянского языка на французский Андреем Морелетом, а с того на российский, Дмитрием Языковым с присовокуплением примечания Дидерота и переписка сочинителя с Морелетом». СПБ. 1803.
 Дидро, Д. и др. Избранные сочинения. (Племянник Рамо) с биографич. очерком В. Чуйко. Изд. И. Глазунова. СПБ. 1900. Стр. 147.
 Дидро, Д. Избранные философские сочинения. С предисловием В. Сережникова. П. 1918. Стр. 317. Изд. Семенова.
 То же. СПБ. Изд. Семенова. 1913. Стр. 317.

Дидро, Д. Статьи из Энциклопедии. I. Эпикуреизм. «Под Знаменем Марксизма» 1923, № 4—5. 2. Философия Гоббса. З. Спинозы. Там же, № 6—7.

Отрывки из Дидро см. в: 1) Хрестоматия по француз. материализму, под ред. Плотникова, вып. I. Л. 1923. 2) Книга для чтения по истории философии под ред. А. Деборина, т. II. М. 1925.

О. Дидро.

- Боборыкин, П. О. Дидро. Дени Дидро, как критик сценической игры. «Всемирный труд» 1869, № 1. Стр. 47—64, № 3. Стр. 73—109.
 Веселовский, А. Дидро. «Вестник Европы» 1884, № 10 и 11.
 То же в его «Этюдах и характеристиках». 2-е доп. изд. М. 1903. Стр. 157—249.
 Веселовский, Алексей Дидро. Энциклопед. словарь, под ред. И. Е. Андреева, том X. Изд. «Брокгауз-Эфрон». СПБ. 1893.
 То же. Новый энциклопед. словарь, под ред. К. Арсеньева. Стр. 125—137.
 Виноградская, П. Дени Дидро. См. «Под Знаменем Марксизма» № 8—9. Изд. «Красная Нояь». М. 1924. Стр. 115—142.
 Геттнер, Г. История всеобщей литературы, т. II. СПБ. 1897, глава о Дидро.
 Дидро и Лессинг «Отеч. Зап.» 1868, I. Стр. 147—212.
 Жане, Поль. Философия Дидро. Последнее слово материалиста. «Литературный журнал». 1881. Май, стр. 200—219.
 Карлейль, Т. Исторические и критические опыты. М. 1878. См. гл. «Дидро».
 Каравеев, Н. История Западной Европы в новое время. СПБ. 1893, т. III. Дидро и энциклопедисты. Стр. 211—229.
 То же 5-е изд. 1913. Стр. 222—240.

Коган, П. Дидро. Энциклопед. Словарь, под ред. Железнова, Ковалевского и Тимирязева, т. XVIII. Изд. т-ва «Гранат» и К°. М. Стр. 347—351.
 Ланге, Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время, пер. с 3-го нем. изд. Н. Страхова. 2-е изд. Л. Пантелеева. СПБ. 1899. О Дидро. Стр. 225, 235, 238, 240, 241, 246, 252, 253, 259, 267, 280, 283, 293, 302, 303, 386, 551.

Лансон, Г. История французской литературы, перев. с франц. т. II. М. 1898. См. философская борьба. Стр. 125—140. Дидро. Стр. 140—152.
 Луначарский, А. Религия и социализм. СПБ. т. II. Стр. 274—285.
 Луппол, И. Дени Дидро. «Новая Москва» 1924. Стр. 326. Некоторые главы вперв. печ. в «Под Знаменем Марксизма». 1923. VIII—IX—X. Рец.: 1) М. Гер. «Книгоноша» 1924, № 30. 2) В. Невский. «Воинств. материалист», № 1 за 1924 г.
 Морлей, Д. Дидро и энциклопедисты. перев. В. Н. Неведомского. М. 1882. Изд. К. Солдатенкова. Стр. 503.

- Невский, В. Новая книга о Дидро. Сборн. «Воинствующий материалист», кн. I. Стр. 20—32. К-во «Материалист». 1924. (О работе И. Лупполя: Д. Дидро.)
 Сементовский, Р. Дидро. СПБ. 1896. Изд. Ф. Павленкова. Стр. 87.
 Чучмарев, В. Материализм Дидро. Гос. изд. Украины. 1924. Стр. 71.

IX. Ламеттри.

Ламетти. Человек-машина. Перев. с франц. с предисловием В. Констанса. СПБ. 1911. Стр. 140.

Ламетти. Избранные сочинения, перев. с франц. с пред. А. Деборина. Изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса. Гиз. 1925 г. Стр. 370. Рец. Гр. Баммеля. «Печ. и Рев.» 1925, № 5—6. Стр. 433—436. Отрывки в 1) «Философской хрестоматии» Б. Шимдта. Одесса 1907. Стр. 14—19. 2) «Хрестоматии по франц. материализму», вып. I. Под ред. Плотникова. Л. 1923. 3) «Книга для чтения по истории философии», т. II, под ред. А. Деборина. М. 1925.

О Ламетти.

Баммель, Г. Рец. на: 1) Ламетти. Избранные сочинения. Перев. с франц., с пред. А. Деборина, Гиз. 1925. 2) П. Гольбах. Система природы. Пер. П. Юшкевича. Со вступ. статьей А. Деборина, Гиз. 1925. «Печ. и Рев.» 1925, № 5—6. Стр. 433—436.

Блонский, М. Рец. на Ламетти: «Избранные сочинения». «Комм. Интернационала» 1925, № 5. Стр. 187—189.

Болотников, А. Русское издание французских материалистов XVIII в. «Воинств. Материалист», № 3. 1925. Стр. 78—91.

Деборин, А. Предисловие к русск. пер. «Избранных сочинений» Ламетти. Гиз. 1925.

То же, перепечатано в сборнике его статей: «Философия и марксизм». Гиз. 1926. Стр. 142—184.

Вороницын, И. Ламетти. (К истории французского материализма.) ГИУ. 1925 г. Стр. 57. См. рец.: 1) «Печ. и Рев.» 1925 г., I (С. Васильев); 2) «Книгоноша» 1925, № 27 (П. Серебряков).

Констанс (Псевд. В. Сережников). Жизнь и учение Ламетти. Предисловие к книге Ламетти: «Человек-машина». СПБ. 1911. Стр. 3—53.

Ланге, Ф. А. История материализма и критика его значения в настоещее время, пер. с 3-го нем. изд. Н. Страхова. 2-е изд. Л. Пантелеева. СПБ. 1899. О Ламетти. Стр. 25, 98, 161, 162, 165, 193, 194, 225, 236, 239, 251—282, 294, 296, 302, 313, 411, 555, 701.

Сережников, В. Ламетти. Гиз. 1925. Стр. 118. Представляет дополненное и переработанное изд. его очерка: «Жизнь и учение Ламетти», предисловленного под псевд. Констанса к русск. изд. «Человек-машина» Ламетти. СПБ. 1911.

Юринец, В. Ламетти о материалистах. Труды Института Красной Профессуры, т. I. 1923. Стр. 16—35.

X. Д'Аламбер.

Сочинения Д'Аламбера, одного из славнейших и редких писателей, перев. с франц., ч. I, содержащая дух философии. М. 1923. Перев. протоиздя Харламова.

Д'Аламбер. Очерк происхождения и развития наук. См. Родонаучальники позитивизма, вып. I. Пер. И. А. Шапиро. С предислов. М. М. Ковалевского. СПБ. Изд. «Брокгауз-Эфрон». 1910 г. Стр. 95—168.

Отрывки из Д'Аламбера см. в: 1) Хрестоматия по французск. материализму под ред. Плотникова. Вып. I. Л. 1923. 2) Книга для чтения по истории философии, под ред. А. Деборина, т. II. 1925.

О Д'Аламбере.

Литвинова, Е. Даламбер, его жизнь и учченая деятельность. СПБ. 1891. Изд. Ф. Павленкова. Стр. 80.

Шпетт, Г. История как проблема логики, ч. I. М. 1916. Стр. 146—162. (О Даламбере.)

XI. Мелье.

Жан Мелье. Завещание. Пер. Е. Смирнова, с предисловием А. Деборина. Изд. «Материалист». 1925. М., ч. I. Стр. XXVIII—246, ч. II. Стр. 314. Отрывок помещен в «Книге для чтения по истории философии», под ред. А. Деборина, т. II. М. 1925.

Мелье, Жан. Вера и Разум. См. «Правда о боге», антирелигиозный сборник. П. 1919 г. Стр. 8—27.

О Мелье.

Булгаков, Ф. И. Теория и практика новейшего социализма. «Исторический Вестник». 1884. Октябрь. Стр. 201—205 (О Мелье.)

Волгин, В. П. Общественные теории XVIII в. во Франции. «Книга для чтения по истории нового времени», т. III. М. 1912. Стр. 209—213, (О Мелье.)

Волгин, В. П. Революционный коммунист XVIII века. Жан Мелье и его «Завещание». М.—Л. Изд. «Красная Ноябрь». 1924. Стр. 89. То же в его «Очерках по истории социализма», 2-е изд. Гиз. 1924 г. Вперв. в «Голосе Минувшего» 1918, № 1—3.

Горбач, Ксения. Зарождение революционного социализма. (Священник-революционер Жан-Мелье.) «Записки научного общества марксистов». 1922, № 3. Стр. 100—118.

Гуго, К. Жан Мелье. См. «Из истории общественных течений», т. II. Предтечи новейшего социализма. (История социализма в монографиях.) Составили К. Каутский, П. Ляфарг, К. Гуго, Э. Бернштейн. СПБ. Изд. «Общественная Польша». 1906. Стр. 408—428.

То же. Изд. 4-е. СПБ. 1909. Деборин, А. Предисловие к «Завещанию Жана Мелье», ч. I. Изд. «Материалист». М. 1925. Стр. III—XXVII.

То же перепечатано в его сборнике статей: «Философия и марксизм». Гиз. 1926. Стр. 129—141.

Луппол, И. Жан Мелье. «Книга для чтения по истории философии». Под ред. А. Деборина, т. II. 1925. Стр. 627—629.

Святловский, В. История социализма. 2-е доп. изд. «Начатки знаний». П. 1924. «Жан Мелье». Стр. 88—91.

Шахов, А. Вольтер и его время. СПБ. 1907. Стр. 201—208. (О Мелье.)

XII. Барнав, Кабаниц, Кондильян, Нэжон.

Барнав, А. Введение во французскую революцию. (Отрывок) «Хрестоматия по франц. материализму», под ред. Плотникова. Вып. II. Стр. 187—211. Попов-Ленский, И. А. Антуан-Барнав и материалистическое понимание истории. М. «Красная Ноябрь». 1924, гл. I. Барнав и философия XVIII в. Стр. 9—111. См. рец.: 1) И. Лупполь. «Под Знаменем Марксизма» 1924, № 8—9. Стр. 304—306. 2) Лернер. «Печать и Революция» 1925, № 4. Стр. 239.

Кабаниц. Отношение между физической и нравственной природою человека, перев. с франц. П. Бибикова с его ст. «Значение Кабаница в науке о человеке». СПБ. 1865—1886, г., 2 т. I. XIV—380—447 стр.; отрывок см. в: 1) «Книге для чтения по истории философии», под ред. А. Деборина. Т. II. 2) «Хрестоматия по франц. материализму XVIII в.», т. II.

Аббат Кондильяк. Логика перев. с франц. А. Грекской. СПБ. 1792 и 1814 и пер. Т. Осиповского. Логика или умственная наука, руководящая к достижению истины. М. 1804.

Кондильяк. История ума человеческого от первых успехов просвещения до Эпикура. Изд. Глинка. М. 1804. Стр. 227.

Кондильяк. О выгодах свободной торговли, пер. с франц. Н. Аммосова. СПБ. 1817, ч. I. Стр. 320, ч. II. Стр. 198.

Кондильяк. Трактат об ощущениях (изложение). Хрестоматия по француз. материализму. Под ред. Плотникова, вып. I. Стр. 183—216. Отрывок в «Книге для чтения по истории философии». Под ред. А. Деборина, т. II.

Жак Нэжон. Солдат-безбожник, перев. с франц. О. Румера, со вступительной статьей И. Лупполя. Стр. 3—33. Изд. «Материалист». М. 1925. Стр. 156. Рец. Н. Карава «Под Знаменем Марксизма» 1925, № 10—11. Стр. 261—262.

XIII. Общие труды по вопросу о влиянии французских материалистов на русск. общ. мысль.

Барков, М. Переписка московских масонов XVIII в. 1780—1792. Гл. 1915 г. Стр. XVIII, XXXIX, XL, 16, 196, 292.

Буткевич, Т. Борьба с французским вольномыслием в XVIII веке. «Вера и Разум». 1899 г., т. I, ч. I. Стр. 301—327. Стр. 375—399.

Введенский, А. Философские очерки. СПБ. 1901. Стр. 5—8.

Веселовский, А. Западное влияние в новой русской литературе. М. 1896. Стр. 76, 77—135 (Даламбер). Стр. 75, 110, 114, 115 (Гельвеций), 61, 66, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 92, 97, 106, 135.

То же 5-е изд. 1916.

Герцен, А. И. См. по указателю, приложеному к XXII т. Полного собрания сочинений, под редакцией М. К. Лемке. Л. Гиз. 1925.

Ковалевский, М. Борьба немецкого влияния с французским в конце XVIII и в первой половине XIX столетия. «Вестник Европы» 1916, X, Стр. 123—163.

Кобуловский, Я. Французские материалисты в России. См. «Хрестоматия по французскому материализму XVIII в.», под ред. Плотникова. Вып. II. Изд. «Прибой». Л. 1924. Стр. 214—247.

Радлов, Э. Очерк русской философской литературы XVIII в. «Мысль» 1922, № 2. Стр. 21—51. № 3. Стр. 65—80.

Семёвский, В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПБ. 1909. См. стр. О Даламбере—227, 326. О Диодро—9—12, 25, 500, 535, 628. О Гельвеции—219, 225, 227, 228, 229, 500, 515, 535, 551, 678.

Сиповский, В. Из истории русской мысли XVIII—XIX в. «Голос Минувшего». 1914. Стр. 105—131.

Сакулин, П. Из истории русского идеализма. Князь В. Ф. Одоевский. М. Изд. Сабашниковых. М. 1913, т. I. Стр. 29, 33, 34, 35, 138, 139.

XIV. И. Пинн.

Бородин, С. М. Русская журналистика в конце прошлого столетия. «Наблюдатель» 1891, № 3. См. стр. 77—85. (О Пинне.)

Булич, Н. Н. Очерки из истории русской литературы и просвещения с начала XIX в. СПБ. 1902, ч. II. Стр. 82—94.

Даденков, Н. Иван Петрович Пинн. Опыт его биографии и обзор литературной деятельности. Нежин 1912. Стр. 74.

То же в «Известиях Историко-Филологического Института». 1812, т. XXIII.

Иванов-Разумник. История русской общественной мысли. 1907, ч. I. Стр. 37—42.

Калаш, В. Друг истины. (И. П. Пинн.) «Русская Мысль» 1905, IX. Стр. 178—191.

Кизеветтер, А. Из истории русского либерализма. (И. П. Пинн.) См. его «Исторические очерки». М. 1912. Стр. 57—87.

Луппол, И. Русский гольбахианец конца XVIII в. См. «Под Знаменем Марксизма», № 3. 1925. Стр. 75—103. (О русском материалисте И. П. Пинне. 1773—1805 г.г.).

Модзалевский, Б. Л. Пинн, И. П. Русский биографический словарь. СПБ. 1905, т. X. Стр. 135—139.

Петухов, Е. В. Иван Петрович Пинн и его «Вольть невинности, отвергаемой законами». «Истор. Вестник» 1889, июль. Стр. 249—264.

Поляков, А. Пушкин и Пинн. «Пушкин и его современники». СПБ. Выпук XVII—XVIII, под ред. Академии Наук. 1913. Стр. 249—264.

Прытков, Н. И. П. Пинн и его литературная деятельность. «Древняя и Новая Россия» 1878, № 9. Стр. 19—38.

Пятковский, А. П. Из истории нашего литературного и общественного развития. 2-е доп. изд. СПБ. 1889, ч. 2-я. Стр. 59—67. (О Пинне.)

Скабичевский, А. Очерки истории русской цензуры. СПБ. 1892. Стр. 99—104.

Сухомлинов, М. Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. СПБ. 1889, т. I. Стр. 430—433.

Энгельгардт, Н. История русской литературы XIX ст. СПБ. 1902, т. I. Стр. 29—34.

- XV. Радищев и Гельвеций.** Издательство "Книгоград". 1907. № 1—2.
- Радищев, А. Н. Полное собрание сочинений, под редакцией Бородина, Лапшина и Щеголева. Изд. Акинфиева. СПб. 1907, т. I. XXXIV—343, т. II. XXXV—339, и друг. изд.
- Бобров, Е. Философия в России. Казань. Вып. III. 1900. А. Н. Радищев, как философ. Стр. 55—256.
- Бороздин, А. История русской литературы до XIX в., гл. XXI. На пороге нового века А. Н. Радищев. См. История русской литературы, под редакцией Аничкова, Бородина и Овсянко-Куликовского. Изд. Сытина. М. 1908, т. II.
- Каллаш, В. Вступительная статья к полному собранию сочинений А. Н. Радищева. М. Изд. В. Саблина. 1907, стр. 9—61.
- Лапшин, И. Философские взгляды Радищева. Изд. «Былое». П. 1922. Стр. 39.
- То же, во 2-м т. «Полного собрания сочинений Радищева, под редакцией Бородина, Лапшина и Щеголева». Изд. М. Акинфиева, СПб. 1907.
- Луппоп, И. Трагедия русского материализма XVIII века. (К 175-летию со дня рождения А. Н. Радищева.) «Под Знаменем Марксизма». 1924 г., № 6—7. Стр. 27—48.
- Милюковский, В. В. Годы учения А. Н. Радищева. «Голос Минувшего» 1914, № 3. Стр. 26—31.
- Милюков, П. очерки по истории русской культуры. СПб. 1903, ч. III. Вып. 2-й. Стр. 280—291. (Дидро и Екатерина II.) Стр. 343 (Гольбах и Лопухин). Стр. 372—387. (Радищев.)
- Милюков, П. очерки по истории русской культуры. СПб. 1903, ч. I. Вып. 2-й. Стр. 372—387. (Радищев.)
- Мякотин, В. на заре русской общественности. См. его «Из истории русского общества». СПб. 1902. Стр. 203—209, 236—239. (Радищев.)
- Павлов-Сильванский, Н. П. Материалисты 20-х годов. «Былое» 1907, № 7. Стр. 88—123.
- То же в его «Очерках по русской истории XVIII—XIX вв.» СПб. 1910 г.
- Плеханов, Г. История русской общественной мысли. Сочинения, т. XXII, гл. ХIII. Радищев.
- Пушкин, А. А. Радищев. Сочинения. Под редакцией С. А. Венгерова. Изд. Брокгауз-Ефрон. СПб. 1911, т. V. Стр. 336—340.
- Радлов, Э. К. Гельвеций. «Вестник Европы» 1917, IV—VI.
- Радлов, Э. Очерки истории русской философии. 2-е доп. изд. «Наука и Школа». П. 1920. Стр. 11—12. (О Радищеве.)
- Сакулин, П. Пушкин. (Пушкин и Радищев.) Изд. «Альцион». М. 1920. Стр. 58—70.
- Семенинов, В. П. Радищев. Очерки и исследования. М.—П. Гиз. 1923. О влиянии Гольбаха, Даламбера и Дидро. Стр. 6, 19, 73, 74, 270, 274, 293.
- Шпетт, Г. Очерк развития русской философии. П. 1922. Изд. «Былое». Стр. 66—67. (О влиянии Гельвеция на Радищева.)
- Якушкин, Я. Учебные годы А. Н. Радищева. Сборник «Под Знаменем Наук». М. 1902. Стр. 136—203.

XVI. Екатерина II и французские материалисты.

- Бильбасов, В. Дидро в Петербурге. СПб. 1884. Стр. 325. Впервые в «Русской Старине». 1884, т. XLII. Стр. 223—278, 445—494.
- Бильбасов, В. Екатерина II и Гримм. «Русская Старина» 1893, № 6—26.
- Боголюбов, В. Н. И. Новиков и его время. М. Изд. Сабашниковъ. 1916. См. гл. II. Просветительская философия XVIII в. и императрица Екатерина II, гл. X. Вольтерянство в русском обществе, гл. XX. Отношение Екатерины к масонству и вольтерянству с 70-х г.г. XVIII в.
- Екатерина II. Письма к Гримму (1774—1886). Ред. Я. Грота (на франц. яз.). СПб. 1877. Письмо Гримма к Екатерине II. 2-е доп. изд. СПб. 1886. 1-е изд. См. 33-й т. Сб. «Русск. Истор. О-ва».
- Екатерина II и Даламбер. Новооткрытая переписка Даламбера с Екатериною и другими лицами. С предисловием и примечаниями Д. Ф. Кобеко. «Исторический Вестник» 1884, апрель. Стр. 107—142. Май 283—299.
- Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственно-ручным запискам Дидро, с пояснительным очерком и примечаниями Морису Турне, пер. К. Толстого. СПб. 1902.

- Луппоп, И. Дени Дидро. «Новая Москва». М. 1924, гл. IV; Дидро и Екатерина. Стр. 91—117.
- Миллер, Ор. Екатерина II и энциклопедисты. «Новый». 1884, т. II № 2. Стр. 232—247.
- Незелевов, А. Литературные направления в екатерининскую эпоху. СПб. 1889. См. Склептическо-материалистическое направление. Стр. 1—129. Впервые в «Историческом Вестнике» за 1884 г., май, июнь и июль.

То же изд. 1904 г.
Пыпин, А. Времена Екатерины II. «Вестник Европы» 1895, V—VII.

То же вошла в т. IV его «Истории русской литературы».

Рачинский, А. В. Русские ценители Гельвеция в XVIII в. «Русск. Вестн.» 1876, № 5. Стр. 285—302. (Об отношении Екатерины II к Гельвецию.)

Терновский, Ф. Русское вольнодумство при Екатерине II и эпоха реакции. «Труды Киевской Духовной Академии» 1868, III. Стр. 401—464. VII.

Стр. 109—146.

Шугуров, М. Ф. Дидро и его отношение к Екатерине II. «Османский век». М. 1868. Изд. П. Бартенева. Стр. 257—305, т. I.

XVII. Труды по истории философии.

- Вебер, А. История европейской философии. Перев. со 2-го франц. изд. под ред. А. Козлова. Киев 1882 г., гл. Французский материализм. Стр. 284—287.

Виндельбанд, В. История новой философии в ее связи с общественной культурой и отдельными науками. Перев. со 2-го нем. изд., под ред. А. И. Баденхайна. СПб., т. I. 1902. Стр. 309—337.

То же. Изд. 1913 г.

Виндельбанд, В. История философии, перев. с нем. П. Рудина. СПб. Изд. «Издатель». 1898. «Философия просвещения». Стр. 410—496.

Галич, А. История философских систем. СПб. 1818—1819 гг.

Геффинг, Г. Учебник истории новой философии. С пред. Л. Аксельрод. Гиз. 1924. Стр. 104—108.

Гоголик, С. Философский лексикон. Киев 1861, т. II. Гельвеций.

Стр. 251—258. Гольбах. Стр. 442—445. Дидро. Стр. 562—568.

Ибервег-Гейнце. История новой философии в скжатом, очерке, перев. Я. Колубовской. 2-е русск. изд. доп. СПб. изд. Л. Пантелеева, 1898. Французская философия в XVIII в. Стр. 198—210.

То же. Изд. 1890. Стр. 158—166.

Кирхнер, Ф. История философии, пер. с немец. В. Д. Вольфсона. СПб. 2-е изд. 1902. Стр. 255—261.

Линецкий, П. Обзор философских учений. Киев. 1874. Стр. 85—89.

Льюис, Д. История философии, перев. В. Чуйко. СПб. 1892.

То же. 3-е изд. СПб. 1897.

Фалькенберг, Р. История новой философии. Русск. пер. со 2-го нем. изд. И. Ионинцева. СПб. 1898. Стр. 220—237.

То же. Пер. с 6-го нем. изд. под редакцией Д. Викторова. «Московск. книгоиздательство». М. 1910, гл. VI. Французское просвещение. Стр. 194—216.

Форлендер, К. Общедоступная история философии. Перев. с нем. П. Виноградской с пред. Е. Преображенского. Изд. «Московский Рабочий». М. 1922. Стр. 176—182.

Фуллье, А. История философии, перев. с франц. М. Моделя. СПб. 1902, гл. XVIII. Стр. 258—261.

XVIII. Разные произведения общего характера.

- Блан, Луи. История Великой Французской революции. Перев. с франц. М. А. Антоновича. СПб. Изд. Н. П. Полякова. 1871, т. I. Стр. 288—388.

Веселовский, А. Французская литература XVIII столетия. См. «Всемобщая история литературы», под ред. В. Корша. СПб. 1892, т. IV. Стр. 1—95.

Геттиер, Г. История всемобщей литературы XVIII века, т. II. Французская литература. Перев. А. Пыпина. СПб. Изд. О. Бакста. 1866. Стр. 202—300.

То же. Изд. 1897. (Дидро, Д'Аламбер, Гольбах, Ламетти, Гельвеций и др.).

Дюкро, Л. Энциклопедисты. СПб. 1906.

Иванов, И. Политическая роль французского театра в связи с философией XVIII века. М. 1895. Стр. 748.

Иодл, Ф. История этики в новой философии, перев. с нем. под ред. В. Соловьева. Изд. К. Солдатенкова. М. 1896, т. I, гл. IX. «Этика эпохи французского просвещения». Стр. 223—247.

- Кареев, Н. История Западной Европы в новое время, т. III. СПб. 1893, гл. XV. Дидро и энциклопедисты. Стр. 211—229.
- Каро. Материализм и наука, перев. с франц. СПб. 1872, Стр. 136.
- Козельский, Я. Философические предложения. СПб. 1768.
- Колубовский, И. Я. Библиография (о французских материалистах). См. Хрестоматия по франц. материализму, под ред. И. Плотникова. Вып. II. Л. Изд. «Прибой». 1924. Стр. 244—257.
- Ланге, Ф. А. История материализма и критика его значения в настоящее время. Петр. с 3-го нем. изд. Н. Страхова. В 2-х томах. Изд. 2-е. Л. Пантелеева. СПб. 1899. См. т. I. Отд. четвертый, Материализм XVIII века. Стр. 221—322. См. рец.: 1) 2-е нем. изд. 1873 г.) «Вестник Европы». 1873, № 12. Стр. 839—858. 2) Берлина «Жизнь» 1899, VIII. Стр. 347—348. 3) «Русская Мысль» 1900, № 3. Стр. 89—90. 4) «Мир Божий» 1899, № 6. Стр. 88—90.
- То же. 1-е изд. Л. Пантелеева. 1881 г.
- То же. 3-е изд. пер. с 5-го нем. изд., под ред. и пред. Вл. Соловьева, Изд. Иогансона. Киев. 1899 г.
- Лансон, Г. История французской литературы XVIII в., перев. с франц. П. О. Морозова. Изд. «Образование». СПб. 1899, гл. I. Философская борьба. Стр. 104—115, гл. II. Дидро. Стр. 116—126.
- Лицкий, П. Идеализм и реализм. «Вера и Разум». 1884. 1885, т. I, ч. 1. Стр. 395—412. Стр. 493—516, ч. II. Стр. 1—22. (Гельвеций, Гольбах, Дидро и др.).
- Лопатин, Л. М. Лекции по истории новой философии. М., ч. I. 1915. Изд. О-ва взаимопомощи студентов филологов, гл. Французская философия XVIII в. Стр. 235—251.
- Материалы для разоблачения материалистического инициализма. СПб. 1864. «Материализм в XVIII столетии». Стр. 45—86.
- Маутнер, Ф. Атенеи в эпоху Великой Франц. революции. Перев. И. Я. Колубовского. Л. Изд. «Петроград». 1924. Стр. 78. См. рец. И. Луппола, «Печ. и Рев.» 1924, VI.
- Олая, Р. Политическая история французской революции. Перев. с франц. Н. Кончевский. Изд. 3-е. Изд. Петроградского Совдепа. П. 1918. Стр. 1—3.
- Основатели новой философии: Вольтер, Даламбер и Дидерт. Энциклопедисты без маски. Перев. с франц. СПб. 1809.
- Эн, И. Происхождение современной Франции, т. I. Перев. с франц. под ред. А. Швырова. СПб. 1907. Стр. 153—157 («Дидро, Гольбах и материалисты»).
- Фабри, Ф. Письма против материализма. Пер. с нем. А. Рудзкова. СПб. 1867.
- Хвостов, В. М. Социология. М. 1917, § 27. Гельвеций и Гольбах. Стр. 146—148.
- Чичери, Б. История политических учений. 1874 г., т. III. Стр. 48—103. (О Гельвеции и Гольбахе.)
- Шахов, А. Вольтер и его время. СПб. 1907, гл. XIII. Великая энциклопедия. Стр. 174—184, гл. XIX. Материалисты во вторую половину XVIII в. (Дидро, Гельвеций, Гольбах.) Стр. 247—255.
- Шахов, А. Вольтер и его время. СПб. 2-е издание. 1912.
- Шлоссер, Ф. Всемирная история, перев. Н. Г. Ч., под ред. В. Зайцева. Изд. М. О. Вольфа. СПб. 1868. Энциклопедисты и материалисты. Стр. 171—181.

XIX. Хрестоматии.

- Баскин, М., и Чудновцев, М. Систематическая хрестоматия по марксизму, т. I. Изд. «Пролетарий». См. «Французские материалисты» XVIII в. Стр. 44—94.
- Деборин, А. Книга для чтения по истории философии, т. II. Изд. «Новая Москва». М. 1925. См. гл. «Сенсуализм и материализм во Франции XVIII века». Стр. 5—152. (Отрывки из Вольтера, Мелье, Кондильяка, Даламбера, Ламеттри, Гельвеция, Робинза, Дидро, Гольбаха, Кабаниса.)
- Покровский, В. Историческая хрестоматия. Выпуск VI. М. 1891. См. отрывки: 1) Шлоссер, «Энциклопедисты и материалисты». 2) Гогоцкого. «О духе Гельвеция». 3) Ланге. «Система природы» и ряд статей Соловьева, Бильбасова, Терновского об отношении Екатерины II к французским философам.
- Семковский, С. Ю. Марксистская хрестоматия. Изд. 4-е исправленное и значительно доп. ГИУ. 1924. Стр. 600—617 (отрывки из Гельвеция, Гольбаха, Маркса, Энгельса, Плеханова).

Столпнер, Б. и Юшевич, П. История философии в марксистском освещении, ч. I. Изд. «Мир». М. 1924 г. Стр. 192—228. (Отрывки из Маркса, Энгельса, Плеханова, гл. обр. о Гольбахе и Гельвеции.)

Основы диалектического материализма. В отрывке из произведений классиков марксизма. Составил Б. Фигнерт. Л. Гиз., вып. I. 1926. См. гл. Французский материализм XVIII в. Стр. 15—31. (Отрывки из Маркса, Энгельса, Плеханова, Ленина.)

Фульлье, А. Отрывки из сочинений великих философов. Пер. с франц. Л. Николаева. М. 1895 г. (Кондильяк—стр. 273—278, Дидро—стр. 306—308, Гельвеций—стр. 308—310).

Хрестоматия по французскому материализму XVIII в., под ред. и с пред. И. С. Плотникова. Изд. «Прибой». П. Вып. I. П. 1923. Стр. 235. См. рец. С. Криккова. «Печ. и Рев.» 1924. П. Стр. 219—220. Вып. II. Л. 1924. Стр. 260.

Шмидт, Б. Философская хрестоматия. Пер. с нем. Ю. Говссеева, под ред. Н. Ланге. Одесса. 1907 г. Изд. «Матезис». (Отрывки из Ламеттри. Человек-машина). Стр. 14—19.

Я. Розанов.

ДИАЛЕКТИКА В ПРИРОДЕ. Сборник по марксистской методологии естествознания. Сборник первый. «Госуд. Тимирязевский Научно-Исслед. Институт. «Северный Печник», Вологда 1926, стр. 154.

В сборник вошли следующие статьи: Д. Аросина «Л. И. Аксельрод-Ортодокс (к 25-летию философской деятельности)», А. Варьяша «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма», С. Васильева «К проблеме становления», А. Болотников «А. Пуанкаре и его методология физико-математических наук».

Тов. Болотников (мы начнем свой обзор с него) чрезвычайно своевременно поставил себе задачу дать принципиальную марксистскую оценку методологических взглядов А. Пуанкаре. В борьбе со всяческими метафизическими и мистическими направлениями и направленицами в области философии математики, иных, недиалектически мыслящих критикам идеализма легко скатиться к эмпиризму и релятивизму, к индукционизму и психологии. Поэтому критически разобраться на примере работ Пуанкаре в математическом эмпиризме и релятивизме, с точки зрения диалектического материализма, нам кажется задачей чрезвычайно важной и своевременной. Если к этому добавить, что статья т. Болотникова задумана с очень большим и интересным замыслом,—автор обещает полностью дать и положительное освещение философско-математических проблем во всем их об'еме и, помимо того, социологический анализ философии Пуанкаре, то легко себе представить с каким интересом прочтет эту статью читатель этого журнала.

К сожалению, статья не только не закончена, но обрывается прямо на полуслове. Она помещена в таком урезанном виде, что в этом отрывке из большой работы констатируещий лишь одну литературную небрежность: дана глава I: «Философия математики», в ней излагаются антические переводы в методологических работах Пуанкаре и отражение античества в воззрениях последнего на арифметику. Позиция Пуанкаре в вопросах о методе математики и о природе числа автором охарактеризована достаточно четко, но позиция самого автора остается неясной для читателя, привыкшего к законченному и выдержанному, а не к фрагментарному мышлению.

Такого же, литературного, характера недостатки статьи тов. Вильевса. Статья подробно излагает атомистическое представление о концептууме, выводы из него относительно природы становления, затем проводит параллель между рееселевским и эйнштейнским пониманием проблемы движения и времени и после подробного изложения гегелевских

взглядов на становление, останавливается на учении о континууме Брауера и его учеников. Мне кажется, автор настолько подавлен собственной осторожностью, боязью отвергнуть то, что научно еще может быть доказано и проверено, настолько увлекается описанием проблемы, что не замечает, как его собственная, марксистская, точка зрения совершенно затушевывается и читателем не воспринимается. Когда автор излагает взгляды Брауера, то непонятно, почему надо было до этого излагать Гегеля, а когда автор заканчивает изложение взглядов Гегеля, то остается совершенно непонятным, какое отношение это имеет к Ресселью и Брауеру. Всей суммы проблем, вытекающих из природы становления, автор не связал в единый диалектический узел, и статья^{постому} получилась незаконченной. Уж слишком много требует она от читателя, когда «на этом самом месте» теоретической диалектики (напр., об отождествлении Гегеля к Зенону, стр. 97) или об отношении Брауера к арифметизации континуума (стр. 105, и т. д.) выводы она молчаливо предоставляет делать самому читателю.

Тем не менее—я охотно подчеркиваю это еще раз—наши замечания касаются литературной формы статьи. Об ней приходится говорить именно потому, что статья по существу вопроса заслуживает самого серьезного внимания. Увязывание основной философской проблемы марксизма—проблемы становления—с абстрактными специальными теориями естествознания и новейшим развитием математики, разоблачение формально-логической сущности рессельянства, несмотря на все потуги последнего «реформировать» логику критика ресселевских идей о континууме, движении, числе и т. д., стремление ориентироваться на Гегеля, понятого материалистически и в связи с этим отчетливое признание материалистической диалектики, как первой теоретической базы марксистской философии,—все эти черты характеризуют рассуждения т. Васильева с положительной стороны.

В рамках рецензии о сборнике мы не можем подробно остановиться на вопросе, в каких пунктах невозможно согласиться с т. Васильевым. Нам остается лишь в самой краткой форме сформулировать наши возражения. Во-первых, выдвигая совершенно справедливую мысль о «целности разложения движения на статические моменты» (стр. 99) для понимания природы становления, автор думает просто вычеркнуть из развития науки и, следовательно, из развития философского, методологического понимания этой науки, всю атомистическую теорию континуума и, следовательно, всю классическую теорию множества. «Актуальная бесконечность—«фиксия», «бесплюдный хлам» (выражение т. Болотникова, которое очень гармонирует с суждениями т. Васильева). «Новое обоснование анализа», связанное с именем Брауера, автору предоставляется, как выход из затруднений формальной математики («форм. математика дала трещину») и в то же время как «совершенно иное обоснование», выросшее как «противовес арифметизации анализа», направление, которому «несомненно принадлежит будущее» (стр. 108). Этим заключением автор, нам представляется, поспешил, как поспешил он с отказом от всей классической теории множеств. Теория множеств Кантора, с ее «актуальной бесконечностью»—фиксия, «противоречит действительности» и т. д. и пр., но не только потому, что она—хлам, который можно выбросить из истории науки, но и потому, что она «односторонне, однобоко вытягивает лишь одну (реальну, но одну) сторону явлений, «раздвигает» (или раздувает) эту лишь сторону, не замечая сложности и разнообразия других сторон. То же—и об арифметизме. Современная арифметизация математики, в особенности в духе Ресселя, или в аксиоматике Гильберта, целиком

вытекает из идеализма ее представителей и частенько, в учении о бесконечном, ведет к самой настоящей поповщине, и тем не менее надо повторять обективную необходимость арифметизма (или атомизма), освобожденного от мистики актуальной бесконечности, для материалистически-диалектического обоснования математики. Диалектическая необходимость признания атомистической структуры непрерывного есть выражение того логического факта, что в основе математики лежит ряд натуральных чисел. А логический приоритет ряда натуральных чисел есть выражение той исторической необходимости, с какою математическое мышление настало с простейших актов счисления у первобытных дикарей.

Из недоценки принципа прерывности (или атомизма в философском смысле) вытекает у тов. Васильева переоценка брауеризма. Говоря об теории Брауера, он пишет: «Несомненно одно: проблема становления будет поставлена ими во всей ее широте и глубине». Мы пока не думаем этого, потому что «среда свободного становления» ничуть не лучше «актуальной бесконечности». Или, может быть, «длительность» Бергсона, по автору, для нас более приемлема, чем «актуальная бесконечность» Кантора? «Непосредственная увязка математики с « опытом»—говорите вы, —это не критерий до тех пор, пока вы не дадите материалистически-диалектического определения того, что понимают под «опытом».

Не касаясь других, более специальных возражений против этой статьи, перейдем к статье А. Варьяша о «фрейдизме». Заметим еще, что есть нечто общее в том, как т. Васильев критикует Ресселя и как А. Варьяш критикует Фрейда: оба об'являют сперва пороком то, что и Рессель и Фрейд считают своей добродетелью, а затем упрекают их в том, в чем и Рессель и Фрейд видят главное достоинство своих теорий. При этом мы охотно делаем следующую оговорку: статья «К проблеме становления» выдержана в духе диалектического материализма, а статья «Фрейдизм и его критика с точки зрения марксизма» с начала до конца проникнута ревизией марксизма. В самом деле, самое внимательное чтение этой статьи скажет, почему она с успехом могла бы быть озаглавлена так: «Марксизм и его критика с точки зрения фрейдизма».

Не говоря уж о том, что фрейдизм берется здесь черезсур однобоко—главным образом в плоскости учения о бессознательном, не учитывается совершенно целый ряд философских экскурсий Фрейда и его учеников, приближающихся, как и он, к философии Шопенгауера. Статья не выдерживает критики в подавляющем большинстве своих аргументов и выводов. Да позвольте будет нам выделить эти «спорные» места вкратце.

1) Приступая к своей теме, в самом начале, автор заявляет: «Простая очевидная критика не может выполнить подобную задачу. Скоропалительная характеристика фрейдизма как «сплошного идеализма», превозглашение того, что все люди сходят с ума, характеристика психоанализа, как «нового религиозного сектантства», «оккультизма» и «сексуальной метафизики»—никуда не годится. Такие приемы борьбы бьют мимо цели, являясь простым пустословием...» По мнению автора, такие «ненаучные выпады вызывают обычно лишь сочувствие к новой теории» (стр. 28). Так начинает свою работу автор, поставивший себе цель дать критику фрейдизма с точки зрения марксизма! В применении метода диалектического материализма к критике модных и западно-европейских течений в философии делается не мало ошибок—здесь и знаменитая, с легкой руки Плеханова «сузdalская дубоватость» социально-экономического анализа, здесь и схоластика формально-логической критики, здесь и хвоститский об'ективизм, плютующийся за «теориями» и «проблемами»—да мало ли ошибок можно наделать человеку, не продумавшему теорети-

ческих основ марксистского материализма? Но поистине чудовищным непониманием марксизма было бы думать, что характеристика фрейдизма как «сплошного идеализма» (иронические кавычки А. Варьяша), как «аскетической метафизики» (иронические кавычки, принадлежащие ему же), «никуда не годится»; об явить такой прием борьбы «ненаучным», «никуда не годным», «простым пустословием» может только тот, кто или никогда не брал в руки работы Маркса, Энгельса, Плеханова и Ленина, или потерял голову от современного западно-европейского идеализма и изучает его не для того, чтобы с ним бороться, а для того, чтобы у него «запимствовать», ему «подражать», с ним соединять марксистскую философию. В обстановке современных западно-европейских философских течений основная задача марксистов—защита философского материализма.

2) «Было бы несправедливо излагать ошибки учеников и, таким образом, «преодолеть» самого Фрейда»,— пишет т. Варьяш (стр. 29). Это—неверное положение. Конечно, ученики именно потому «ученики», что они не повторят учителя, а идут по его следам, следуют его заветам, и когда нам говорят, что нельзя смешивать учителя с некоторыми сумашедшими учениками, то таким образом лишь ломятся в открытые двери. Но это разграничение «учителя» и «учеников» марксист делает не для того, чтобы защищать, как А. Варьяш, «учителя» от назойливых учеников, а для того, чтобы правильно понять самого учителя. Нельзя излагать фрейдизм, не привлекая к делу учеников Фрейда. Пусть автор взглянет в «Материализм и эмпириокритицизм» Ленина и посмотрит, как ставит вопрос Ленин в борьбе с эмпириокритицизмом. Он спрашивал: куда растет эмпириокритицизм? Чему научили своих учеников Мах и Авенариус? А с кем в свою очередь идут ученики Маха и Авенариуса? Поэтому то, что для А. Варьяша «само собою разумеется» (стр. 29 примеч.), на самом деле противоречит принципам марксистской критики.

3) «Изложение системы мыслей Фрейда,—говорит т. Варьяш,— должно быть строго об'ективное, без примесей каких бы то ни было критических замечаний. Оно должно отличаться такой степенью об'ективности, чтобы сами приверженцы и даже основоположники этой теории должны были бы признать, что это изложение правильно и дает не больше и не меньше того, что в самом деле содержится в теории» (стр. 29). Далась же вам «об'ективность», т. Варьяш! Не проще ли жарить прямо цитатами из Фрейда ради «об'ективности». Так и «изложения» не понадобится! Нет, в самом изложении должен чувствоваться марксизм. Ваше—«без примесей каких бы то ни было критических замечаний, ваше—«не больше, не меньше»—как вы этого не замечаете,уважаемый критик фрейдизма?—насквозь буржуазные. Ведь в заботах о пресловутых степенях об'ективности вы, и сами того не замечая, стараетесь покрываться врагам, а сие на языке теории называется об'ективизмом, а не материализмом.

4) «Точку зрения Маркса и Энгельса» наш автор поясняет следующей фразой: «положительный индуктивный, исходящий из фактов, диалектический метод» (стр. 37). Почему диалектический метод должен быть назван индуктивным? Или никогда не пользуется диалектический метод дедукцией? Что значит еще это, что диалектический метод—«положительный» метод? Если это значит, что диалектический метод—материалистический метод, то отчего так не сказать—материалистический.

5) «Социально-экономический анализ» фрейдизма смехотворен. Автор рассматривает фрейдизм как идеологию класса мелких фабрикантов, купцов, людей свободных профессий и чиновников и в защиту своего пони-

мания выставляет следующее положение: класс мелких фабрикантов, купцов, людей свободных профессий и чиновников не имеет самостоятельного экономического значения, поэтому он «не может обладать собственной самостоятельной социальной философией»; он стоит на точке зрения «надклассовой» и поэтому ему остается лишь представительство «общечеловеческих идей». «О самостоятельных политических идеях в силу упомянутых причин у австрийской буржуазной интеллигенции не могло быть и речи. Для нее оставалась возможность представительства общечеловеческих идей совсем другого порядка, а именно психологического» (стр. 31). В этом «анализе» упущен одно «маленькое» обстоятельство, которое лучше всего выразить одним недоумением: почему экономическая и политическая несамостоятельность австрийской буржуазии обуславливили собою появление в центре идеологии общечеловеческих идей именно «психологического», а не иного порядка, и именно идеи «бессознательного», а не какой-либо другой идеи?

Что т. Варьяш действительно убежден в том, что от законов производительных сил можно умозаключить к законам психики, показывает следующая фраза: «Законы психики и интенсивность их действия зависят от экономических сил общественной жизни, являющихся по отношению к законам психики,—сознательной или бессознательной, все равно,—первенствующими определяющими их—законами изменения производительных сил» (стр. 53). А если спросить, что сие значит?—автор отвечает: это есть «историческое понимание психических процессов» (стр. 54) Историческое понимание психических процессов—у нашего автора—пустая фраза. Пустой фразой остается и незатейливая попытка подогнать «производительные силы» не более, не менее, как прямехонько под «бессознательное». А между тем, может ли быть более важной задачи в марксистской критике фрейдизма, как противопоставление последнему полной развернутой картины диалектическо-материалистического понимания так называемых психических процессов? Вот куда должен был направить автор всю силу теоретической борьбы против Фрейда, и вот чего как раз он и не сделал.

6) Мы не будем долго останавливаться на вопросе, правильно ли понимает автор Фрейда и Маркса, сближая их понятия «бессознательного». О том, что никакой аналогии нельзя проводить между «бессознательным» Маркса и Энгельса и «бессознательным» Фрейда, уже писалось по поводу рассуждений нашего же автора в сборниках «Воинствующего Материалиста» (кн. 1 и 2, статьи К. Милонова, Г. Баммеля) и в журнале «Под Знаменем Марксизма» (1924, статья Ник. Карева). В своей новой статье т. Варьяш придерживается своей старой точки зрения, вызвавшей возражения со стороны только что названных товарищей.

Для характеристики, царящей в рецензируемой статье, путаницы понятий мы все-таки позволим себе еще раз изложить взгляды т. Варьяша. По его мнению, фрейдово «бессознательное» «не является марксовым» и даже «противоположно марксовому понятию бессознательного» (стр. 29) только в том смысле, что это понятие «у Фрейда построено чрезвычайно узко, индивидуалистично и не диалектически» (стр. 54), марксово понятие—«социальное бессознательное» (стр. 55), фрейдово понятие—«индивидуальное бессознательное» (там же). Возражая против «законности чрезмерного суживания понятия бессознательного» (курсив автора), т. Варьяш пишет: «Если же мы расширим и об'ясним его из экономических и политических причин, то получим марксово понятие. Только надо знать, что не Маркс расширил фрейдово понятие бессознательного, а Фрейд сузил это марксово понятие» (стр. 56). Автор

этими словами очень удачно сформулировал ту самую мысль, которая ревизует марксизм. Глубочайшая типично-ревизионистская ошибка автора заключается в том, что сперва он «понял» марксово понятие «бессознательного» возникновения идеологии в духе Фрейда (см. об «общественном или классовом забвении», стр. 58—59), а затем упрекает Фрейда в том, что тот «сузил» это марксово понятие.

7) Последнее возражение встречает то общее догматическое «приятие» автором фрейдизма, на которое мы уже указывали выше. О какой бы проблеме, о каком угодно фрейдистском понятии А. Варяш не говорил, он все фрейдовы понятия принимает за истинные без всякой критики. Так на стр. 13 фрейдовы «законы психической жизни» (с их знаменитыми «функциями») у автора очевидно не вызывают сами по себе никаких сомнений, а на стр. 59 фрейдово «бессознательное» также берется как «нечто очевидное». Критику с точки зрения марксизма повидимому автор понял как «сравнение» фрейдизма с марксизмом, как своего рода «фрейдизм с точки зрения». Буржуазный обективизм, в сожалению, торжествует у автора по всей линии его своеобразной «критики».

Что сказать о статье Д. Аросина: «Л. И. Аксельрод-Ортодокс»? Юбилейная статья, как юбилейная статья. Мы всецело присоединяемся к той характеристике, которую дает автор о литературной деятельности Л. И. Аксельрод, как автора книг: «Философские очерки» и «Против идеализма». Это—в общем великолепные работы марксистской мысли. Но отзыв Д. Аросина о последних литературных выступлениях т. Аксельрод показывает, что в основном у автора подход к т. Аксельрод не марксистский, а либеральный, так сказать, парламентский. Автор делает ошибку, когда в юбилейной статье расхваливает статью: «Спиноза и материализм», вместо того, чтобы подчеркнуть ее, уже отмеченные на страницах этого журнала, слабые стороны,—вместо того, чтобы подчеркнуть, что она ревизует принятые в основной марксистской литературе положение о материалистической сущности философии Спинозы. Автор обходит молчанием и новое предисловие к последнему изданию «Философских очерков», в котором имеется ряд весьма спорных положений (напр., о том, что гуссерлеанство якобы чуждо религиозным уклонам). Нельзя не напомнить, что позиция, занятая тов. Аксельродом в споре «философов и естественников» и недвусмысленною ею же высказанная в одном из устных свидетельств¹⁾, противоречит ортодоксальному диалектическому материализму.

Теперь одно замечание о сборнике в целом. Во-первых, неизвестно, кто его редактирует, кто берет на себя ответственность за «Сборник по марксистской методологии естествознания». Во-вторых, его заглавие не соответствует его содержанию. Под заглавием: «Диалектика в природе» выпускается сборник, в котором не то, что статьи, а и одного слова вы не найдете, например, о «Диалектике природы» Энгельса, о теоретической диалектике, о диалектике как грани размежевания марксистов с позитивистами, об отношении диалектического материализма к философским служданиям естествоиспытателей и т. д.!

Гр. Б.

¹⁾ В дискуссии, происходящей в марте—мае 1926 г. в Ассоциации Н.-Исслед. институтов (в Научно-Философском институте).

Недиалектический анализ советской экономики.

А. Леонтьев и Е. Хмельницкая. Советская экономика. Опыт теоретического анализа. Изд. «Плановое Хозяйство». М. 1926 г.

Теоретический анализ советской экономики—этого совершенно нового и своеобразного комплекса экономических явлений—представляет самый широкий практический и научный интерес. В этом отношении попытка тт. Леонтьева и Хмельницкой «дать общую теоретическую характеристику советской хозяйственной системы¹⁾ вполне заслуживает внимания.

В книжке тт. Л. и Х. даны два самостоятельных очерка: общая характеристика советской экономики и изложение предмета и метода политической экономии на ряду со справедливой в общем критикой в этих вопросах тт. И. Степанова и А. Богданова. Второй очерк представляет самостоятельное целое и как таковой не имеет органической связи с остальным содержанием книжки. Мы в своих замечаниях поэтому коснемся только первого вопроса.

Свое внимание мы по преимуществу сосредоточим на трех вопросах: методе изучения переходного хозяйства, типе производственных отношений и характере его закономерностей. При этом речь, главным образом, будет ити о государственном хозяйстве.

Начнем с вопроса о характере закономерностей переходного хозяйства.

Авторы совершенно правильно характеризуют строительство социализма как сознательно-teleологический процесс, в отличие от стихийного процесса возникновения капитализма. Такая характеристика переходного хозяйства не означает, конечно, что это хозяйство лишено своих закономерностей развития, что его изучение может быть не «на оси причинности». Закономерности переходного хозяйства особого типа, выступают в иной форме.

Сознательное строительство социалистической экономики протекает в форме экономической политики пролетарского государства» (стр. 46). Но, с другой стороны, «экономическая политика пролетариата, ставящего своей целью социалистическое переустройство общественного хозяйства протекает в определенных об'ективных рамках. Помимо цели, которую ставит перед собой субъект этой экономической политики, весь ее ход, все ее конкретные мероприятия определяются прежде всего теми экономическими условиями и хозяйственными особенностями, на почве которых эта политика осуществляется в данной стране» (стр. 49).

Основной особенностью переходного хозяйства—и его закономерностей является, таким образом, известное сочетание сознательно-teleологического начала и об'ективной необходимости. Связь этих двух моментов, по мнению авторов, состоит в том, что «экономическая политика пролетариата по своему социально-историческому значению представляет собой осуществление экономической необходимости, преломляющейся через призму сознательной воли, сознательного проведения пролетарской диктатуры» (стр. 49).

Не следует, однако, эту связь представлять исключительно таким образом, как будто с одной стороны, дана экономическая необходимость,

¹⁾ Курсив всюду, где не оговорено, авторов.

Под Знаменем Марксизма.

а с другой, экономическая политика, как осуществление этой необходимости. Такое представление, которое может возникнуть из формулировки тт. Л. и Х., противоречит основной характеристике трансформационного процесса как сознательно-teleологического, превращает экономическую политику в простой придаток экономической необходимости.

Экономическая политика, осуществляя экономическую необходимость, в то же время—как «активный, действенный момент сознательного созидания новых общественных отношений»—сама является весьма существенной составной частью экономической необходимости. Экономическая политика становится экономической необходимостью именно потому, что, выражая господствующие (плановые) отношения возникающего нового способа производства, вместе с ними входит в его экономическую структуру.

Эта положение впервые сформулировано т. Бухарином. Он пишет: «У нас наши тресты и синдикаты входят в совокупный государственный аппарат, а их политика входит важнейшей составной частью в политику государственной власти. Аппарат нашего госхозяйства является составной частью производственных отношений советского общества, т.-е. сам целиком включен в «базис»¹⁾.

Этой характерной особенности переходного хозяйства наши авторы не поняли, остановившись в своем анализе сознательно-teleологического начала на пополну.

Они «принципиальное различие стихийного и сознательного процессов хозяйственного развития» рассматривают лишь в пределах того «глубокого переворота в общественных отношениях, каковым является разрушение буржуазного государства и установление пролетарской диктатуры» (стр. 45). Авторы упустили из виду, что с переворотом в общественной надстройке происходит также коренное изменение базиса, самой экономической структуры, когда экономическая политика—надстройка становится составной частью этой структуры. Оставаясь на поверхности общественной жизни (в области надстройки), тт. Л. и Х. не смогли дать анализа закономерностей переходного хозяйства как единства сознательно-teleологического начала и экономической необходимости, в более узком смысле, когда эти два момента сосуществуют в самой экономической структуре.

В развернутом социалистическом хозяйстве сознательно-teleологическое начало и экономическая необходимость совпадают, между ними нет разлада. Общественная закономерность представляет единство этих двух моментов, которое, в отличие от законов товарно-капиталистической системы, выступает как норма этого способа производства.

В отношении изучения такого типа закономерностей т.т. Л. и Х. пишут: «Здесь нас интересует не познание сущего, а определение должного» (стр. 9). Принципиально такое противопоставление сущего и должного совершенно неправильно. Сущее заключает в себе должное, и наоборот. В этом состоит единство общественной нормы. Но отсюда не следует, что сущее и должное в сего да совпадают. Совпадение мы имеем в развернутом социалистическом хозяйстве, когда экономическая необходимость есть лишь выражение власти общества над природой. В переходном хозяйстве совпадение дано лишь принципиально. В последнем норма выступает как внутренний закон, не совпадающий с формой его проявления, так как здесь имеет значение и такой момент, как стихийность.

¹⁾ «Правда» от 1 июля 1926 г., курсив автора.

Подойдем с другой стороны к этому же вопросу. Рассмотрим, каким образом стихийное сочетается с сознательно-teleологическим, товарно-капиталистические производственные отношения с социалистическими.

Это вопрос о специфики общественной формы переходного хозяйства.

В книжке мы находим следующую постановку этого вопроса. «Переходное хозяйство представляет собой не механическую смесь, а химическое соединение элементов прошлого и будущего в их определенном сочетании. Впрочем, иначе и быть не может, иначе не было бы перед нами единого народно-хозяйственного организма. Отсюда ясно, что наибольшее значение, наибольший интерес, хотя, с другой стороны, и наибольшие трудности и сложности для исследования, представляет именно анализ той связи, того химического скрепления элементов двух противоположных форм производственных отношений, который характерен для переходной экономики, взятой в ее исторической статике, и той борьбы этих элементов между собой, которая характеризует историческую динамику переходного хозяйства» (стр. 67).

Здесь авторы вплотную подошли к решению проблемы, к анализу того типа производственных отношений, которые составляют особенность переходного хозяйства.

Однако, что же представляет это «скрепление элементов двух противоположных форм производственных отношений»? На это мы имеем такой решающий ответ: «Когда речь идет о рыночной, товарно-капиталистической форме производственных отношений в переходном хозяйстве, следует четко различать две принципиально-различные вещи: 1) случай, когда товарно-капиталистические отношения еще являются формой производственного процесса в значительных областях народного хозяйства, и 2) случай, когда товарно-капиталистические категории служат формой проявления социалистических отношений, облежащих общественный производственный процесс в остальной доле народно-хозяйственного организма» (стр. 71).

Оставим пока эти утверждения и остановимся на вопросе о «содержании» и «форме проявления». «Содержание», «сущность вещей» и «форма проявления» на Маркса применяется в двух случаях. Материальный процесс производства в отношении его общественной формы является содержанием, сущностью; общественная форма производства в свою очередь имеет содержание, которое—как буржуазный способ производства—выражается в таких категориях, как ценность, капитал, и т. д., и формы проявления—категория цены, разные конкретные виды капитала и т. д.

Как же обстоит с вопросом о содержании и форме проявления или ю общественной форме в отношении советского хозяйства? Для этого рассмотрим второй случай, где авторы формулируют связь принципиально-противоположных типов производственных отношений. Эту связь между социалистическими и товарными отношениями они усматривают лишь в отношении формы проявления к сущности. Сама же сущность, содержание общественной формы переходного хозяйства, по мнению авторов, это социалистические производственные отношения в их чистом виде. Несколько страницами раньше сами авторы указывают, что анализ элементов переходного хозяйства в их чистом виде до крайности упрощает задачу исследования и не дает ничего путного для объяснения особенностей этого хозяйства. И в самом деле, это означало бы в анализе особенностей переходного хозяйства отвлекаться от самых этих особенностей, от объекта исследования.

Методологически правильной будет такая постановка вопроса: материальный процесс производства в советском хозяйстве имеет свою специфическую общественную форму, представляющую известное сочетание социалистических производственных отношений с товарными. «Хозяйственный план переходного хозяйства, когда социалистические формы сосуществуют с товарно-капиталистическими и облечены в феодально-товарную оболочку, имеет ценностную форму» (стр. 74), а не натурально-хозяйственную. Задачей экономического анализа является раскрытие той связи, каким образом сочетаются товарные и социалистические производственные отношения и какой вид это сочетание принимает в сущности и форме проявления.

Что же представляет эта сущность общественной формы переходного хозяйства?

Социалистические производственные отношения—это плановое начало, плановые отношения между отдельными элементами (между отдельными предприятиями, трестами, синдикатами и т. д.) этого хозяйства, предпосылкой которого (планового начала) является национализация основных и решающих средств производства народного хозяйства. Плановые отношения предполагают наличие одного класса производителя-организатора общественного производства, внутри которого существуют отдельные группы по техническим признакам, а не социально-классовым. В то же время в этом хозяйстве отсутствует стихийность (не следует забывать, что речь идет о сущности общественной структуры)—основной признак товарно-капиталистической системы, или, характерным признаком, неотъемлемой частью переходного хозяйства составляют плановые производственные отношения.

Плановые отношения—производственные отношения нарастающей общественной формации. С ними сосуществуют, включены в них отношения отживающей формации—товарные отношения. Между отдельными хозяйственными единицами существуют не только плановые отношения, но и товарные. Все элементы производства, как и их учет, имеют товарную оболочку.

Такое взаимопроникновение принципиально разных типов производственных отношений существенно модифицируют сами эти отношения. Частная собственность товаропроизводителей сменяется общественной собственностью коллективных производителей общественного производства; стихийность сменяется сознательным планированием общественного производства. Мы лучше всего представим тот «остаток», который включается в социалистические производственные отношения от товарного хозяйства, если представим «ценность» (если здесь можно говорить о «ценности») без частно-собственнических отношений товаропроизводителей и без стихийности. С другой стороны, переходное хозяйство потому не является социалистическим в полном смысле этого слова, что оно включает этот «остаток» товарного хозяйства; в известной мере здесь также имеет значение слабое развитие материальных производительных сил.

Таким образом, сущность общественной формы советского хозяйства (речь идет о государственном хозяйстве) представляет диалектическое единство существенно модифицированных товарных и социалистических отношений производства. Закон материального производства—закон трудовых затрат, имея своей общественной формой товарно-социалистические производственные отношения, их сращение, выступает как норма общественного производства.

Этого вопроса, этого характера связи и единства принципиально противоположных начал тт. Л. и Х. не поняли.

Но это единство не представляет нечто вроде предустановленной гармонии, исключающей борьбу элементов двух противоположных систем, а, наоборот, как всякое диалектическое единство, предполагает ее. Само существование товарных отношений (хотя бы этого «остатка») означает стремление к реставрации частной собственности и стихийности; социалистические же элементы, стремясь к своему окончательному господству, борются против этого «остатка» товарного хозяйства.

Товарно-социалистические производственные отношения (сущность на поверхности экономической действительности) имеют свою форму проявления. По мнению товарищей Л. и Х., совершенно «голенькие» социалистические отношения имеют формой своего проявления категории товарно-капиталистической системы; при этом ими нигде не указывается, остается ли природа этих категорий прежней, или они претерпевают известные изменения, так как «проявляют» в то же время и совершенно иные производственные отношения.

В социалистическом хозяйстве сущность и форма проявления совпадают, тождественны. Не то в переходном хозяйстве. Однако нельзя этот вопрос трактовать механически: «голенькие» социалистические отношения имеют исключительно товарно-капиталистическую форму проявления. Как в содержании, так и в форме проявления, мы имеем взаимопроникновение этих противоположных начал.

В переходном хозяйстве отклонение формы проявления от содержания дано, с одной стороны, самой природой товарно-социалистических отношений (просчеты, неумение планировать, наличие товарного «остатка» и т. д.) и, с другой—существованием, наряду с товарно-социалистическими, товарных и товарно-капиталистических отношений.

На поверхности экономической действительности, при скрещивании товарно-социалистических элементов, с одной стороны, и товарно-капиталистических—с другой, социалистическая природа производственных отношений претерпевает значительное извращение. За внешней оболочкой зачастую весьма трудно рассмотреть социалистический характер этих отношений. По этой причине субъективно происходит недооценка социалистических элементов советской экономики.

Не совсем правильно представляют искажение социалистических отношений т.т. Л. и Х. «Если форма проявления,—пишут они,—и сущность вещей не совпадают при капитализме в том смысле, что рыночно-стихийные экономические категории искаженным образом отображают действительные производственные отношения товарно-капиталистического хозяйства, то здесь искажение получается двойное: в основе, в качестве реальной сущности товарно-капиталистических внешних категорий, лежат производственные отношения иной экономической системы, а именно социалистической» (стр. 70).

Это чисто детские представления. Если при капитализме, рассуждают они, мы имеем извращение, то, следовательно, в переходном хозяйстве—поскольку эти же категории отображают принципиально другие производственные отношения,—искажение получается двойное. В действительности имеет место как раз обратное. Именно потому, что стихийно-рыночные категории в известной мере отображают и принципиально иные производственные отношения, загадочность этих категорий уменьшается.

Искажение производственных отношений при капитализме заключается в овеществлении этих отношений, в том, что отношения между людьми выступают, как отношения между вещами, в том, что затмняется общественный характер производственных отношений.

Как же обстоит дело с искажением производственных отношений в переходном хозяйстве?

Прежде всего в значительной части этого хозяйства подрываются обективные корни овеществления и фетишизации: устраивается частная собственность на средства производства и анархия. Благодаря наличию плановых отношений, общественный характер производства выступает гораздо ярче и полнее, чем при капитализме. Поэтому следовало бы говорить не об удвоении искажения производственных отношений переходного хозяйства, а скорее об его уменьшении.

Впрочем, у т.т. Л. и Х. получилось не двойное, удвоенное искажение переходного хозяйства. В своей книжке они пишут следующее: «Что касается последних, т.-е., конкретнее, социалистических производственных отношений, то о них мы можем говорить пока лишь на основе наших представлений о будущем хозяйственном строе, а не на основе эмпирического исторического материала» (стр. 15; последний курсив наш. И. С.). Бедный социализм! О нем мы можем говорить лишь на основе наших представлений. Но как же в таком случае можно вести речь об анализе переходного хозяйства? В виду явной вздорности этих утверждений — не будем на них останавливаться; их следует считать досадным недоразумением.

Остановимся лучше на другом вопросе, на вопросе об отношении социалистического сектора переходного хозяйства к товарному и товарно-капиталистическому и о трансформации этих последних.

На эти вопросы авторы дают лишь самый общий ответ. «Система товарно-капиталистических отношений, — пишут они, — находит свое выражение в цельной и стройной системе экономических категорий, в которую социалистическая часть народного хозяйства должна включиться, чтобы получить линию соприкосновения с товарно-капиталистической частью и иметь возможность оказывать последнему свое воздействие» (стр. 71—72). Если бы на ряду с простым товарным и товарно-капиталистическим секторами народного хозяйства существовало «натурально организованное социалистическое, мы не имели бы единого народно-хозяйственного организма, а имели бы скорее подобие смеси масла и воды» (стр. 72). Однако цельный и единый организм народно-хозяйственного целого, по мнению авторов, существует «лишь в том случае и при том условии, когда оно принимает фетишистическую, стихийно-рыночную, валюристическую форму производственных отношений» (стр. 72).

В этих положениях верно то, что во всех секторах существуют товарные отношения и, благодаря этому, мы имеем единый народно-хозяйственный организм. Но отсюда не следует, что природа товарных отношений во всех секторах одинакова.

Выше мы видели, какова природа тех товарных отношений, которые включаются в социалистические производственные отношения. Стихийность товарных отношений (в том виде, как она существует в товарно-капиталистическом хозяйстве) исключается, как прямая противоположность плановым отношениям.

Новый характер товарных отношений переходного хозяйства и здесь авторами, таким образом, не понят.

Это сказывается и в отношении анализа самого процесса трансформации товарных и товарно-капиталистических отношений. О последнем у авторов существует весьма смутное представление.

Трансформация товарных и товарно-капиталистических отношений, как это явствует из самой логики вещей, должна происходить в сторону их перерождения и приближения к тому типу товарных отношений, остатку, который мы уже имели в сочетании с социалистическими элементами в государственном секторе хозяйства. Процессы обобществления в наших условиях означают не что иное, как постепенное отрицание основных признаков товарной и товарно-капиталистической системы. С завершением процессов обобществления, одновременно заканчивается также в основном трансформация товарно-капиталистических отношений; только после этого может итии речь об окончательной дефетишизации организованной социалистической системы хозяйства.

Последний вопрос, на котором мы должны остановиться, — это «вопрос о том, каким методом следует изучать хозяйство переходного периода, каков должен быть логический стиль этого исследования» (стр. 67). По мнению авторов, «задача научного исследования переходного хозяйства сводится... не к созданию особой теории (курсив наш. И. С.) переходной экономики, а к анализу тех своеобразных процессов, которые в своей наиболее общей формулировке сводятся к, так называемому, в расположию в социализм» (стр. 68).

Если эти слова имеют какой-либо смысл, то именно такой, что задачей исследования переходного хозяйства является создание теории, при том особой, так как перед нами совершенно своеобразный объект исследования. Ведь, если необходим анализ своеобразных процессов переходного хозяйства, то этот анализ и составит особую теорию. «Логический стиль» пока, таким образом, сводится к простым логическим противоречиям.

Возьмем другой ряд аргументов против теории переходного хозяйства. «Задача исследования переходной экономики, — пишут наши авторы, — это комбинированная теоретико-исследовательская работа, при чем в своей теоретической доле она должна целиком базироваться на марксистской системе теоретической экономики» (стр. 68). Таким образом, две доли, две половинки работы — теоретическая и описательная.

Дальше т.т. Л. и Х. обясняют, где каждую половинку приложить. Они пишут: «Те элементы гетерогенно-стихийного типа, которые имеют место в переходном хозяйстве, носят на своем челе отчетливую печать своего товарно-капиталистического происхождения и природы, а то, что в переходном хозяйстве имеется сверх товарно-капиталистических отношений не носит характера стихийно-гетерогенного, а, напротив, совершенно явственно принадлежит к типу автогенных, сознательных отношений, не нуждающихся в специально-теоретическом исследовании» (стр. 67—68). Итак, в отношении товарно-капиталистических элементов — теоретическое исследование, а в отношении социалистических — описательная работа.

Это поистине «смесь масла и воды»! Такое изучение предполагает механическое сосуществование элементов социализма и капитализма. Своебразие же переходного хозяйства заключается как раз в том, что оно представляет диалектическое сочетание принципиально разных элементов, сочетание явлений гетерогенно-стихийного и автогенного порядка.

Что же значит дать описание элементов социализма в переходном хозяйстве? Это значит — рассматривать их в чистом, изолирован-

ном виде. Но при такой упрощенческой постановке мы бы обязательно проморгали особенное в этом хозяйстве. И если бы мы вздумали ограничиваться только описанием элементов социализма в том виде, как они существуют с элементами товарного хозяйства,—мы бы получили крайне извращенное представление о них, имеющее весьма мало общего с действительной их природой. Обнаружить элементы социализма зачастую только и возможно, и не иначе, как путем самого внимательного и серьезного теоретического анализа.

Но методологически неправильна и самая постановка вопроса: нельзя рассматривать описание и теоретическое изучение как исходны е приемы исследования, так как они могут означать и недиалектическое рассмотрение об'екта. При диалектическом рассмотрении известного об'екта эти моменты выступают как производные, сочтаясь определенным образом в категориях диалектики. И только диалектически рассматривая об'ект, обнаруживается, где правомерно описание и где теоретический анализ.

На этом мы закончим свои замечания. Во всех вопросах, которые мы рассмотрели, тт. Леонтьев и Хмельницкая совершенно правильно отметили общие стороны трансформационного процесса. Их ошибки начинаются с центрального вопроса теории советского хозяйства—с анализа связи и взаимоотношений его разных элементов. Как в вопросе о связи сознательно-телеологического и об'ективного момента, о связи социалистических производственных отношений с товарными и т. д.—у них механически противостоят два начала. А в характеристике метода изучения переходного хозяйства они этот способ рассмотрения возводят в принцип. В этом заключается ошибка т.т. Л. и Х., в этом же основной недостаток их книжки.

Настоящая книжка т.т. Леонтьева и Хмельницкой представляет первый выпуск, из трех предполагаемых, по советской экономике. Эта работа, несомненно, сыграет свою положительную роль в разработке теории советского хозяйства, и как таковую ее нужно приветствовать.

Н. Саргин.

О П Е Ч А Т КА.

В № 4—5 за 1926 г. вкрапилась следующая опечатка.

Напечатано:	Должно быть:
На стр. 84, 16 строка сверху:	ощущения
	сгущения

Редактор: Редакционная Коллегия.

ИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРАВДА“ И „БЕДНОТА“

Москва, М. Черкасский, 3/4.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА — НА ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ (ИЮЛЬ — ДЕКАБРЬ) 1926 г. — НА ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛЫ

„ПРАВДА“

Орган ЦК ВКП (б).

Подписная цена:

1 мес.	1 р. — к.
3 „	2 „ 85 „
6 „	5 „ 50 „

„БЕДНОТА“

Издание ЦК ВКП (б).

Подписная цена:

1 мес.	— р. 70 к.
3 „	2 „ — „
6 „	3 „ 90 „

„КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА“

Орган ЦК и МК ВЛКСМ.

Подписная цена:

1 мес.	— р. 75 к.
3 „	2 „ 15 „
6 „	4 „ 25 „

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

Ежемесячный философский и политico-экономический журнал под редакцией Деборина, Покровского, Степанова - Скворцова и др.

«Под Знаменем Марксизма» предназначается для активистов, преподавателей и слушателей коммунистических, вузов и рабфаков, марксистских кружков и т. п.

Подписная цена:

1 мес.—1 р. 50 к., 3 мес.—4 р. 25 к., 6 мес.—8 р.

Цена отдельн. номера—1 р. 50 к.

„БОЛЬШЕВИК“

Политико-экономический двухнедельник ЦК ВКП (б). «Большевик» предназначен для широких слоев партийного актива.

Подписная цена:

1 мес.—60 к., 3 мес.—1 р. 75 к., 6 мес.—3 р. 25 к.

Цена отдельного номера 40 к.

„ПРЕДПРИЯТИЕ“

Орган красных директоров. Большой ежемесячный илиллюстрированный, производственно-экономический и технический журнал. «ПРЕДПРИЯТИЕ» имеет лучшие отзывы секции директоров, инженеров, мастеров. «ПРЕДПРИЯТИЕ» освещает вопросы фабрично-заводского хозяйства, организации производства и т. д.

Подписная цена:

1 мес.—1 руб., 3 мес.—2 р. 85 к., 6 мес.—5 р. 50 к.

Цена отдельн. номера—1 р. 25 к.

Издательство „ПРАВДА“ и „БЕДНОТА“
Москва, М. Черкасский пер., 3/4.

Открыт прием подписки

— на —

Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал

„ПОД ЗНАМЕНЕМ МАРКСИЗМА“

Орган воинствующего материализма.

Основная задача журнала—защита ортодоксального диалектического материализма Маркса и Ленина от извращений идеализма и оппортунизма, откуда бы они ни исходили.

Журнал выходит под редакцией А. М. Деборина, Н. А. Карева, В. И. Невского, М. Н. Покровского и И. И. Степанова-Скворцова.

В журнале принимают участие все лучшие силы марксизма и ленинизма, к участию в журнале привлекаются ученые, стоящие на материалистической точке зрения.

В ЖУРНАЛЕ ИМЕЮТСЯ ПОСТОЯННЫЕ ОТДЕЛЫ:

- 1) Ленин и ленинизм.
- 2) Актуальные проблемы философии диалектического материализма.
- 3) Исторический материализм.
- 4) История материализма.
- 5) Новое в естествознании.
- 6) Статьи по вопросам теоретической экономики.
- 7) История социализма.
- 8) Вопросы литературы, искусства в материалистическом освещении.
- 9) Трибуна.
- 10) Отдел переписки с читателями.
- 11) Библиография.

Журнал рассчитан на активных работников партии, преподавателей и учащихся комвузов, вузов, рабфаков, марксистских кружков и т. п.

НЕПРИНЯТЫЕ РУНОПСИИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ: МОСКВА, ТВЕРСКАЯ, 48. ТЕЛ. 1-21-16. Кремлевский 390.

Прием по делам редакции от 12 до 2 час.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

на месяц—1 р. 50 к., на 3 мес.—4 р. 25 к., на 6 мес.—8 р.

Повышение означенных цен кем бы то ни было ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

Подписную плату надлежит переводить по адресу:

Главная контора „ПРАВДЫ“ и „БЕДНОТА“

МОСКВА, М. Черкасский, 3/4.

Подписка принимается также и в отделениях Издательства.

ГУБЕРНСКИЕ ОТДЕЛЕНИЯ „ПРАВДЫ“ И „БЕДНОТА“

Ленинград Проспект 25 Октября, 82. - Харьков, площадь Тевелева, 11.

Артемовск—Площадь Свободы, 15. Баку—Улица Зевина, 11. Воронеж—Проспект Революции, 31. Екатеринодар—Проспект Карла Маркса, уг. Московской. Киев—Улица Ленина, 26. Краснодар—Красная, 31. Коломна—Ул. Ленина. Луганск—Улица Ленина, 43. Н.-Новгород—Улица Свердлова, б. Одесса—Улица Ленина, б. Ростов н/Д—Улица Энгельса, 51. Саратов—Улица Республики, 27/31. Свердловск—Улица Малышева, 24. Смоленск—Советская, 18. Ставропол—1-я Линия, 39. Таганрог—Улица Ленина, 23. Тифлис—Дворцовая, 6. Тула—Площадь Коммунаров, 31. Ярославль—Дом Крестьянина.